

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПИСКИ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ

II

1920
ПАРИЖЪ

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ,

издаваемый при ближайшемъ участіи:

Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка,
А. И. Гуковского и В. В. Руднева.

II

ПАРИЖЪ.

1920.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Гр. Алексѣй Н. Толстой. — ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМЪ. (Романъ). (Продолженіе)	1
2. К. Бальмонтъ. — ЗМЪЙ. (Стихотвореніе).	41
3. В. Зензиновъ. — РУССКОЕ УСТЬЕ. (Изъ дневника ссыль- наго). (Окончаніе).	56
4. Н. Крандѣвская. — (Стихотвореніе).	91
5. Л. Шестовъ. — ОТКРОВЕНІЯ СМЕРТИ. (Окончаніе).	92
6. Г. Ловцкій. — МУЗЫКА И ДИАЛЕКТИКА. (О творчествѣ А. Н. Скрябина).	124
7. Н. И. Бунаковъ. — ПУТИ РОССИИ.	141
8. А. М. Михельсонъ. — АМЕРИКА ПРОТИВЪ АНГЛИИ.	178
9. А. Сѣверовъ. — КРИЗИСЪ МЕЖДУНАРОДНАГО СОЦІА- ЛИЗМА.	200
10. КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. — Проф. М. И. Ростовцевъ. ПОМИНКИ. — С. Поляковъ-Лятовцевъ. ОБЪ ИСКУССТВЪ БЛАГО- СЛОВЛЯЮЩЕМЪ. — А. Н. Манделъштамъ. ПОСТОЯН- НЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУДЪ И НАЧАЛО РА- ВЕНСТВА ГОСУДАРСТВЪ. — П. Н. Апостоль. ВОПРО- СЫ ДЕНЕЖНАГО ОБРАЩЕНІЯ НА БРЮССЕЛЬС- КОЙ ФИНАНСОВОЙ КОНФЕРЕНЦІИ. — С. Загорскій. ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ПРОБЛЕМЫ МИРА	235
11. М. В. Вишнякъ. — НА РОДИНѢ. — I. Паденіе Крыма. — На пер- вомъ этапѣ. — «Образцовая эвакуація». — Продолженіе исхода. — Ни сомнѣній, ни лукавства. — II. Матеріалъ для будущаго. — Кто явно- вать? — То, что было. — Два генерала — два антипода. — Стратегія и политика. — Кто кого обошелъ? — Личная диктатура, какъ методъ преодоленія существующей безличной диктатуры. — Смыслъ крымской трагедіи. — III. Что будетъ? — Расчеты побѣдителей. — Надежды побѣжденныхъ. — С.-Д., К.-Д., С.-Р. — Политическія одиночки. — Слѣ- женіе силъ и органъ общественнаго мнѣнія.	268
12. Н. Авксентьевъ. — СЛОЖЕНІЕ СИЛЪ.	298

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМЪ.

РОМАНЪ.

О. РУССКАЯ ЗЕМЛЯ.
(Слова о чолку Изгоревъ).

(Продолженіе). *)

XIV.

Въ кабинетъ редактора большой либеральной газеты — «Слово Народа» — шло чрезвычайное редакціонное засѣданіе, и такъ какъ вчера закономъ спиртные напитки были запрещены, то къ редакціонному чаю, сверхъ обычная, быть поданъ коньякъ и ромъ.

Матерые, бородастые либералы сидѣли въ глубокихъ креслахъ, курили табакъ и чувствовали себя сбитыми съ толку. Молодые сотрудники размѣстились на подоконникахъ и на значенигомъ кожаномъ диванѣ, оплотѣ оппозиціи, про который одинъ извѣстный писатель выразился неосторожно, что тамъ — клопы.

Редакторъ, съдой и румяный, англійской повадки мужчина, говоритъ чеканнымъ голосомъ, — слово къ слову, — одну изъ своихъ замѣчательныхъ рѣчей, которая должна была и на самомъ дѣлѣ дала линію поведенія всей либеральной печати.

... «Сложность нашей задачи въ томъ, что, не уступая ни шагу въ оппозиціи царской власти, мы должны передѣ лицомъ опасности, грозящей цѣлостности Россіи»

*) См. № 1 «Современныхъ Записокъ».

ской территоріи, подать руку этой власти. Нашъ жестъ долженъ быть честнымъ и открытымъ. Вопросъ о винѣ царскаго правительства, вовлекшаго Россію въ войну, -- есть въ эту минуту вопросъ второстепенный. Мы должны побѣдить, а затѣмъ судить виновныхъ. Сегодня, въ этотъ самый часъ, происходитъ кровопролитное сраженіе подъ Красноставомъ, куда въ разорванный фронтъ брошена наша гвардія. Исходъ сраженія еще не извѣстенъ, но помнить надлежитъ, что опасность грозитъ Киеву. Нѣтъ сомнѣнія, что война не можетъ продолжиться долѣе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, и каковъ бы ни былъ ея исходъ -- мы съ гордо поднятой головой скажемъ царскому правительству: -- въ тяжелый часъ мы были съ вами, теперь мы требуемъ васъ къ отвѣту»...

Одинъ изъ старѣйшихъ членовъ редакціи -- Бѣлосвѣтовъ -- пишущій по земскому вопросу, не выдержавъ, воскликнулъ внѣ себя:

— Воюетъ царское правительство, при чемъ здѣсь мы и протянутая рука? -- убейте, не понимаю. Простая логика говоритъ, что мы должны отмежеваться отъ этой авантюры, а вслѣдъ за нами, и вся интеллигенція. Пускай цари ломаютъ себѣ шеи, -- мы только выиграемъ.

— Да ужъ знаете, протягивать руку Николаю Второму, какъ хотите, -- противно, господа, -- пробормоталъ Альфа, передовикъ, выбирая въ сухарницѣ пирожное, -- во снѣ холодный потъ прошибеть...

Сейчасъ-же заговорило нѣсколько голосовъ:

— Нѣтъ и не можетъ быть такихъ условий, которые поставили-бы насъ пойти на соглашеніе...

— Что-же это такое -- капитуляція? -- я спрашиваю.

— Позорный конецъ всему прогрессивному движенію.

— А я, господа, все таки хотѣлъ-бы, чтобы кто-нибудь объяснилъ мнѣ цѣль этой войны.

-- Вотъ, когда нѣбціи намнутъ шею -- тогда узнаете.

— Эгэ, батенька, да вы, кажется, націоналистъ!

— Просто — я не желаю быть битымъ.

— Да, вѣдь битъ-то будутъ не васъ, а Николай Второго.

— Позвольте... А Польша? а Волынь? а Кіевъ?...

— Чѣмъ больше будемъ биты — тѣмъ скорѣе наступитъ революція.

— А я ни за какую вашу революцію не желаю отдавать Кіева...

— Петръ Петровичъ, стыдитесь, батенька...

Съ трудомъ возстановивъ порядокъ, редакторъ разъяснилъ, что на основаніи циркулара о военномъ положеніи военная цензура закроетъ газету за малѣйшій выпадъ противъ правительства, и будутъ уничтожены зачатки свободнаго слова, за которое положено столько силъ.

...«Поэтому предлагаю уважаемому собранію найти пріемлемую точку зрѣнія. Со своей стороны смѣю высказать, быть можетъ, парадоксальное мнѣніе, что намъ придется принять эту войну цѣликомъ, со всеми послѣдствіями. Не забывайте, что война чрезвычайно популярна въ обществѣ. Въ Москвѣ ее объявила второй Отечественной, — онъ тонко улыбнулся и опустил глаза, — Государь былъ встрѣченъ въ Москвѣ почти горячо. Мобилизація среди простаго населенія проходить такъ, какъ этого ожидать не могли и не смѣли...

— Василий Васильевичъ, да вы шутите или пѣтъ? — уже совсѣмъ жалобнымъ голосомъ воскликнулъ Нѣловсѣтовъ, — да вѣдь вы, какъ карточный домикъ, цѣлое міровоззрѣніе рушите... Идти, помогать правительству? А десять тысячъ лучшихъ русскихъ людей, гніющихъ въ Сибири?.. А разстрѣлы рабочихъ?.. Вѣдь еще кровь не обсохла на камняхъ...

Все это были разговоры, прекраснѣйшіе и благороднѣйшіе, но каждому становилось ясно, что соглашения съ правительствомъ не миновать, и поэтому, когда изъ типографіи принесли корректуру передовой статьи, начавшейся словами: ...«Передъ лицомъ германскаго

нашествіи мы должны сомкнуть единый фронтъ», — собравшіе молча просмотрѣло гранки, кое-кто сдержанно вздохнулъ, кое-кто сказалъ многозначительно: «Дожили-съ». Бѣлосвѣтовъ порывисто застегнулъ на всѣ пуговицы чернѣйшій сюртукъ, обсыпанный пепломъ, но не ушелъ и опять сѣлъ въ кресло, и очередной номеръ былъ сверстанъ съ заголовкомъ: «Отечество въ опасности. Къ оружію».

Все-же, въ сердцѣ каждаго было смутно и тревожно. Какимъ образомъ прочный европейскій миръ въ двадцать четыре часа влетѣлъ на воздухъ, и почему гуманная европейская цивилизація, посредствомъ которой «Слово Народа» ежедневно кололо глаза правительству и совѣстило общественные круги, оказалась обманомъ, просто — отводомъ глазъ (ужь, кажется, выдумали и книгопечатаніе, и электричество и даже радій, а настала часть, — и подъ фракомъ и цилиндромъ объявился все тотъ-же звѣроподобный, волосатый человѣчище съ дубиной) — нѣтъ, это редакціи усвоить было трудно и признать — слишкомъ горько.

Молча и невесело окончилось совѣщаніе. Маститые писатели пошли завтракать къ Кюба, молодежь собралась въ кабинетъ завѣдующаго хроникой. Было рѣшено произвести подробнѣйшее обследованіе настроенія самыхъ разнообразныхъ сферъ и круговъ. Антошкѣ Арнольдovu поручили отдѣлъ военной цензуры. Онъ подъ горячую руку взялъ авансъ и на лихачѣ «запустилъ» по Невскому въ Главный Штабъ.

Завѣдующій отдѣломъ печати, полковникъ генеральнаго штаба, Солидѣвъ, принявъ въ своемъ кабинетѣ Антошку Арнольдова и учтиво выслушивалъ его, глядя въ глаза ясными, выпуклыми, веселыми глазами. Арнольдovъ приготовился встрѣтить какого-нибудь чудобогатыря, — багроваго, съ львинымъ лицомъ генерала, — бича свободной прессы, но передъ нимъ сидѣлъ изящный, румяный, воспитанный человѣкъ и не хрипѣлъ, и не рычалъ басомъ, и ничего не готовился

давить и пресѣкать, — все это плохо вязалось съ обычнымъ представленіемъ о царскихъ наемникахъ.

— Такъ вотъ, полковникъ, надѣюсь вы не откажете освѣтить нашимъ авторитетнымъ мнѣніемъ означенные у меня вопросы, — сказала Арнольдová, покосившись на темный, во весь ростъ, портретъ императора Николая I-го, глядѣвшаго неумолимыми глазами на представителя прессы, точно желая ему сказать: — пиджачишко короткий, башмаки желтые, носъ въ поту, видъ гнусный, — боишься, сукинъ сынъ... — И не сомнѣваюсь, полковникъ, что къ Новому Году русскія войска будутъ въ Берлинъ, но редакцію интересуютъ, главнымъ образомъ, нѣкоторые частные вопросы...

Полковникъ Соляцевъ учтиво перебилъ:

— Мнѣ кажется, что русское общество недостаточно уясняетъ себѣ размѣры настоящей войны и тѣ послѣдствія, какими она будетъ сопровождаться. Конечно, я не могу не привѣтствовать ваше прекрасное пожеланіе нашей доблестной арміи войти въ Берлинъ, но опасуюсь, что сдѣлать это гораздо труднѣе, чѣмъ вы думаете. Я со своей стороны полагаю, что важнѣйшая задача прессы въ настоящій моментъ должна заключаться въ томъ, чтобы подготовить общество къ мысли объ очень серьезной опасности, грозящей нашему государству, а также о чрезвычайныхъ жертвахъ, которыя мы все должны принести во избѣжаніе нежелательныхъ послѣдствій вторженія врага въ предѣлы Россіи.

Антошка Арнольдová опустила блокнотъ и съ недоумѣніемъ взглянула на полковника. Какъ разъ за спиной его возвышалась темная фигура Николая Перваго. У обоихъ были тѣ же глаза, но у того — грозные, у этого — веселые. Въ огромномъ кабинетѣ было чисто, сурово, монументально и пахло столѣтіемъ. Соляцевъ продолжалъ:

— Мы не искали этой войны, и сейчасъ мы пока только обороняемся. Германцы имѣютъ преимущество передъ нами въ количествѣ артиллеріи, густотѣ пограничной сѣти желѣзныхъ дорогъ и, стало бытъ, въ быстротѣ

передвиженія войскъ. Тѣмъ не менѣе, мы сдѣлаемъ все возможное, чтобы не допустить врага перейти наши границы. Русскія войска исполнять возложенный на нихъ тяжелый долгъ. Общество должно довѣряться высшей власти и арміи. Но было бы весьма желательно, чтобы общество со своей стороны тоже прониклось чувствомъ долга въ отечеству.—Солнцевъ поднялъ брови и на лежащемъ передъ нимъ чистомъ листѣ бумаги нарисовалъ квадратъ. — Я понимаю, что чувство патріотизма среди нѣкоторыхъ круговъ нѣсколько осложнено. Но опасность настолько серьезна, что—я увѣренъ—все споры и счеты будутъ отложены до лучшаго времени. Россійская имперія даже въ двѣнадцатомъ году не переживала столь остраго момента. Вотъ все, что я бы хотѣлъ, чтобы вы отметили. Затѣмъ, нужно привести въ извѣстность, что имѣющіеся въ распоряженіи правительства военные лазареты не смогутъ вмѣстить всего количества раненныхъ. Поэтому и съ этой стороны обществу нужно быть готовымъ къ широкой помощи...

— Простите, полковникъ, я не понимаю — какое же можетъ быть количество раненныхъ?

Солнцевъ опять поднялъ брови и нарисовалъ въ квадратѣ кругъ:

— Мнѣ кажется, въ ближайшія недѣли нужно ожидать тысячь двѣсти пятьдесятъ — триста.

Антошка Арнольдовъ проглотилъ слюну, записалъ цифры и спросилъ сорѣмъ уже почтительно:

— Сколько же нужно считать убитыхъ въ такомъ случаѣ?

— Обычно мы считаемъ десять процентовъ отъ количества раненныхъ.

— Ага, благодарю васъ.

Солнцевъ поднялся. Антошка быстро пожалъ ему руку и, растворяя дубовую дверь, столкнулся съ входившимъ Атлантомъ, чахоточнымъ, взлохмаченнымъ журналистомъ въ помятомъ пиджакѣ, и уже со вчерашняго дня не пившимъ водки.

— Полковникъ, я къ вамъ насчетъ войны, — проговорилъ Атлантъ, прикрывая ладонью глянющую грудь рубашки.

— Милости просимъ.

Изъ Главнаго Штаба Арнольдовъ вышелъ на площадь, надѣлъ шляпу и стоялъ нѣкоторое время, прищурясь. — Война до побѣднаго конца, — пробормоталъ онъ сквозь зубы, — держитесь теперь, старья калоши, мы вамъ покажемъ «пораженчество».

На огромной, чисто выметенной площади, съ гранитнымъ, грузнымъ столпомъ Александра, повсюду двигались небольшія кучки бородатыхъ, нескладныхъ мужиковъ. Слышались рѣзкіе выкрики команды. Мужики строились, перебѣгали, ложились. Въ одномъ мѣстѣ человекъ пятьдесятъ ихъ, поднявшись съ мостовой, закричали нестройно: «уряля», — и побѣжали споткнутой рысью... «Стой. Смирно... Сволочи, сукины дѣти!» — перекричалъ ихъ чей-то осипшій голосъ. Въ другомъ мѣстѣ они стояли кругомъ, и было слышно: «Добѣгишь — и коли его въ туловище, а штыкъ сломать — бей прикладомъ»,

Это были тѣ самые корявые мужики съ бородами въ-никомъ, въ лаптяхъ и рубахахъ, съ проступившей на лопаткахъ солью, которые двѣсти лѣтъ тому назадъ приходили на эти топкіе берега строить городъ. Сейчасъ ихъ снова вызвали — поддержать плечами дрогнувшій столбъ Имперіи.

Автошка повернула на Невскій, все время думая о своей едѣ. Посреди улицы, подъ завывавшій, какъ нѣтеръ, свистъ флейтъ, шли дѣя роты въ полномъ походномъ снаряженіи, съ мѣшками, котелками и лопатами. Широкоскулыя лица солдатъ были усталыя и покрыты пылью. Маленькій офицеръ въ зеленой рубашкѣ, съ новенькими ремнями — крестъ на крестъ — поминутно поднимаясь на цыпочки, оборачивался и выкатывалъ глаза: «Правой. Правой!» Какъ сѣвось сонъ, шумѣлъ рядный, сверкающій экипажами и стеклами, Невскій. «Правой. Правой. Правой». Мѣрно покачиваясь, вслѣдъ

за маленькимъ офицеромъ шли на-смерть покорные, тяжелоногіе мужики. Ихъ догналъ вороной рысакъ, брызгая пѣной. Широкозадый кучеръ осадилъ его. Въ коляскѣ поднялась красивая дама и глядѣла на проходившихъ солдатъ. Вдругъ рука ея въ бѣлой перчаткѣ стала крестить ихъ, и слезы текли у нея по лицу.

Солдаты прошли, ихъ заслонилъ потокъ экипажей. На тротуарахъ было жарко и гѣсно, и всѣ словно чего-то ожидали. Прохожіе останавливались, слушали какіе-то разговоры и выкрики, протискивались, спрашивали, въ возбужденіи отходили къ другимъ кучкамъ. Повсюду свертывались водовороты людей, начиналась давка, — перебѣгали улицу.

Безпорядочное движеніе понемногу опредѣлялось, — толпы уходили съ Невскаго на Морскую. Тамъ уже двигались прямо по улицѣ. Пробѣжали, молча и озабоченно, какіе-то мелкорослые парни. На перекресткѣ полетѣли шапки, замахали зонтики. «Урра. Урра!» — загудѣло по Морской. Пронзительно свистѣли мальчишки. Повсюду въ остановленныхъ экипажахъ стояли нарядныя женщины. Толпа валила валомъ къ Исакиевской площади, разливалась по ней, лѣзла черезъ рѣшетку сквера. Всѣ окна и крыши были полны народомъ. Какъ муравейникъ, шевелились головы подъ колоннами Исакиа. И всѣ эти десятки тысячъ людей глядѣли туда, гдѣ изъ верхнихъ оконъ матово-краснаго, тяжелаго зданія германскаго посольства вылетали клубы дыма. За разбитыми стеклами перебѣгали какіе-то люди, швыряли въ толпу пачки бумагъ, и онѣ, разлетаясь въ воздухъ, медленно падали. Съ каждымъ клубомъ дыма, съ каждой новой вещью, выброшенной изъ оконъ, — по толпѣ проходилъ ревъ. Но вотъ на фронтонѣ дома, гдѣ два бронзовыхъ великана держали подъ уздцы коней, появились тѣ же хлопотливые челоуѣчки. Толпа затихла, и послышались металлическіе удары молотковъ. Правый изъ великановъ качнулся и рухнулъ на тротуаръ. Толпа завyla, кинулась къ нему, началась давка, бѣ-

жали отовсюду. «Въ Мойку ихъ! Въ Мойку окаянныхъ!» Повалилась и вторая статуя. Антошку Арнольдова схватила за плечо какая-то полная дама въ пенсне и кричала ему: «Всѣхъ ихъ перетопимъ, молодой человѣкъ!» Толпа двинулась къ Мойкѣ. Послышались пожарные рожки, и вдалекѣ засверкали мѣдные шлемы. Изъ-за угловъ выдвинулась конная полиція. И вдругъ, среди бѣгущихъ и кричащихъ, Арнольдовъ увидѣлъ страшно блѣднаго человѣка, безъ шляпы, съ неподвижно-раскрытыми стеклинными глазами. Только по волосамъ и бровямъ, точно нарисованнымъ на сѣромъ лицѣ, онъ узналъ Безсонова и подошелъ къ нему.

— Вы были тамъ? — сказала Безсоновъ, — я слышалъ, какъ его убивали.

— Развѣ было убійство? Кого убили?

— Не знаю.

Безсоновъ отвернулся и неровной походкой, какъ невидящій, заложивъ руки въ карманы пиджака, пошелъ по площади. Остатки толпы отдѣльными кучками бѣжали теперь на Невскій, гдѣ начинался погромъ кофейни Рейгера.

Въ тотъ же вечеръ Антошка Арнольдовъ, стоя у конторки въ одной изъ прокуренныхъ комнатъ редакціи, быстро писалъ на узкихъ полосахъ бумаги: ...«Сегодня мы видѣли весь размахъ и красоту народнаго гнѣва. Необходимо отмѣтить, что въ погребяхъ германскаго посольства не было выпито ни одной бутылки вина, — все разбито и вылито въ Мойку. Примиреніе невозможно. Мы будемъ воевать до побѣднаго конца, какихъ бы жертвъ это ни стоило. Нѣмцы рассчитывали застать Россію спящей, но при громовыхъ словахъ: — «Отечество въ опасности», — народъ поднялся, какъ одинъ человѣкъ. Гнѣвъ его ужасенъ. Отечество, — могучее, но забытое нами, слово. Съ первымъ выстрѣломъ германской пушки оно ожило во всей своей дѣвственной красотѣ и огненными буквами засіяло въ сердцѣ каждого изъ насъ»...

Антошка зажмурился, мурашки пошли у него по спине. Какія слова приходится писать! Не то, что дѣй недѣли тому назадъ, когда ему было поручено составить обзоръ лѣтнихъ развлеченій. И онъ вспомнилъ, какъ въ Буффѣ выходилъ на эстраду человекъ, одѣтый свиньей, и пѣлъ: — «Я поросенокъ, и не стыжусь. Я поросенокъ, и тѣмъ горжусь. Моя маманъ была свинья, поможь на маму очень я...»

...«Мы вступаемъ въ героическую эпоху. Довольно мы гнили заживо. Война наше очищеніе:—Огонь, кровь и побѣда!..»—писалъ Антошка, брызгая перомъ.

Несмотря на сопротивленіе пораженцевъ во главѣ съ Бѣлосвѣтовымъ, статья Арнольдова была напечатана. Уступку прежнему сдѣлали только въ томъ, что помѣстили ее на третьей страницѣ и подъ академическимъ заглавіемъ: «Въ дни войны». Сейчасъ же въ редакцію стали приходять письма отъ читателей, — одни выражали восторженное удовольствіе по поводу статьи, другіе — горькую иронию. Но первыхъ было гораздо больше. Антошкѣ прибавили почтовую плату и, спустя недѣлю, вызвали въ кабинетъ главнаго редактора, гдѣ, съдой и румяный, пахнуцій английскимъ одесколомъ, Василій Васильевичъ, предложивъ Антошкѣ кресло, сказать:

— Вамъ нужно ѣхать въ деревню.

— Слушаюсь.

Мы должны знать, что думаютъ и говорятъ мужики. Отъ насъ этого требуютъ. — Онъ ударилъ ладонью по большой пачкѣ писемъ.—Въ интеллигенціи проснулся огромный интересъ къ деревнѣ. Мы должны имъ дать живое, непосредственное впечатлѣніе объ этомъ сфинксѣ.

— Результаты мобилизаціи указываютъ на огромный патриотическій подъемъ, Василій Васильевичъ.

— Знаю. Но откуда опъ, чортъ возьми, у нихъ взялся? Поѣзжайте, куда хотите, послушайте и поспрошайте. Къ субботѣ я жду отъ васъ 500 строкъ деревенскихъ впечатлѣній.

Изъ редакціи Антошка пошелъ на Невскій, гдѣ купилъ дорожный, военнаго фасона, костюмъ, желтыя краги и фляжку, позавтракалъ у Альберта и пришелъ къ рѣшенію, что, проще всего, поѣхать ему въ деревню Хлыбы, гдѣ этимъ лѣтомъ у своего брата Кіа гостила Елизавета Кіевна. Вечеромъ онъ занялъ мѣсто въ купэ междуна-роднаго вагона.

Деревня Хлыбы, въ шестьдесятъ с лишкомъ дворовъ, съ заросшими крыжовникомъ огородами и старыми липами посреди улицы, съ большимъ, на бугоркѣ, зданіемъ школы, передѣланнымъ изъ помѣщичьяго дома, лежала въ низинкѣ, между болотомъ и рѣчккой Свишюхой, и вся вокругъ густо заросла крапивой и лопухомъ. Деревенскій надѣлъ былъ небольшой, зем. я тощан, мужики почти всѣ ходили въ Москву на промыслы.

Когда Арнольдовъ, подъ вечеръ, выѣхалъ на плетушкѣ въ деревню - его удивила тишина. Только кудахнула грубая курица, выбѣжавъ изъ подъ лошадиныхъ ногъ, зарычала подъ амбаромъ старая собака, да гдѣ-то на рѣчкѣ колотилъ валежъ, да бодались два барана посреди улицы, стучали рогами.

Арнольдовъ выѣзъ около каменныхъ воротъ, съ облупленными львами, стоявшими посреди лужайки, распла-тился съ глухимъ старичкомъ, привезшимъ его со стан-ціи, и пошелъ по тропинкѣ туда, гдѣ за прозрачною зеленою березою видѣлись бѣлыя колонки покривившейся на бокъ школы. Тамъ, на крыльцѣ, на полустгнившихъ ступеняхъ, сидѣли Кій Кіевичъ - учитель — и Елизавета Кіевна и, не спѣша, бесѣдовали. Внизу по луку протя-нулись отъ огромныхъ ветель длинная тѣвы. Пере-ливалась, летали темнымъ облачкомъ скворцы. Играть вдальскѣ рожокъ, собирая стадо. Нѣсколько красныхъ коровъ вышли изъ тростника, и одна, поднявъ морду, заревѣла. Кій Кіевичъ, очень похожій на сестру, съ такими же нарисованными глазами, но не добрыми и въ очкахъ, говорилъ, кусая соломинку:

— Ты, Лиза, ко всему тому чрезвычайно не органи-

зована въ смыслѣ половой сферы. Типы, подобные тебѣ, — суть отвратительные отбросы буржуазной культуры. Для революціонной работы ты совершенно не годна.

Елизавета Кіевна съ лѣнивой улыбкой глядѣла туда, гдѣ на луку въ свѣтѣ опускающагося солнца желтели и теплѣли трава и тѣни.

— Уѣду въ Африку, — сказала она, — вотъ увидишь, Кій, уѣду въ Африку. Меня давно туда зовутъ.

— Не вѣрю и считаю несвоевременной и глупой затѣей поднимать возстаніе негровъ.

— Ну, это мы тамъ увидимъ...

— Происходящая сейчасъ европейская война должна окончиться тѣмъ, что международный пролетаріатъ возьметъ въ свои руки инициативу социальной революціи. Мы должны къ этому готовиться и не тратить силъ на чисто политическія выступленія. Тѣмъ болѣе негры — это вздоръ.

— Удивительно тебя скучно слушать, Кій, все ты назуешь выучилъ, все тебѣ ясно, какъ по книжкѣ.

— Каждый человекъ, Лиза, долженъ заботиться о томъ, чтобы привести все свои идеи въ порядокъ и систему, а не о томъ, чтобы скучно, или не скучно разговаривать.

— Ну, и заботься на здоровье.

Подобныя бесѣды братья и сестра вели, обычно, по цѣлымъ днямъ, — дѣлать обогнать было нечего. Когда Елизаветѣ Кіевнѣ хотѣлось острыхъ ощущеній, она начинала говорить несправедливыя вещи о партіи, въ которой состоялъ Кій Кіевичъ. Онъ сдерживался, хмурился, затѣмъ кричалъ на сестру глухимъ голосомъ. Она, выслушавъ все упреки, молча плакала, потомъ уходила на рѣчку купаться.

Сегодня вечеръ былъ тихъ. Неподвижно передъ крыльцомъ висѣли зелено-прозрачныя вѣтви плакучихъ березъ. Тыркалъ дергачъ въ травѣ подъ горою. Кій Кіевичъ говорилъ о томъ, что Лизѣ пора остепениться и начать полезнаю дѣятельность. Она же, глядя близорукими гла-

замѣ на расплывавшіяся очертанія деревьевъ въ оранжевомъ закатѣ, думала, какъ она будетъ жить среди освобожденныхъ негровъ, одинокая и боготворимая ими, и объ этомъ услышитъ Иванъ Ильичъ Телѣгинъ, прійдетъ къ ней и скажетъ: «Лиза, я васъ никогда не понималъ. Вы удивительная и обаятельная женщина».

Въ это время Антошка Арнольдовъ, подойдя къ крыльцу, поставилъ чемоданъ и сказать:

— Лиза, вотъ и я. Не ждали? Здравствуйте, моя пышная женщина, — онъ поцѣловалъ ее въ щеку, — во-первыхъ я хочу ѣсть, затѣмъ мнѣ нуженъ огромный матерьялъ, — къ субботѣ я долженъ сдать фельетонъ. Это — вашъ братъ? Его-то мнѣ и нужно.

Антошка усѣлся на лѣстницѣ, вытянулъ ноги въ желтыхъ гетрахъ и закурилъ трубку:

— Скажите, Кій Кіевичъ, что въ вашихъ Хлыбахъ думаютъ и говорятъ о войнѣ?

Кій Кіевичъ, принявшій, на всякій случай, обиженный и скучающій видъ, чтобы какъ-нибудь не заподозрили, будто на него могутъ произвести впечатлѣніе разные авторитеты — столичные писатели, поковырялъ въ зубахъ соломинкой, сморщить кожу на лбу:

— Я думаю, — отвѣтилъ онъ, — что война цинично инсценирована международнымъ капиталомъ. Германію отдѣльно винить не въ чемъ. Пролетаріатъ былъ вынужденъ, — временно конечно, — встать на патриотическую платформу.

— Я бы хотѣлъ услышать, Кій Кіевичъ, что говорятъ сами мужики.

— А чортъ ихъ знаетъ. Я имъ старался растолковывать социально-экономическую подкладку войны, — куда тамъ. Темнота такая, что даже надежды нѣтъ никакой на этотъ классъ.

— Ну, а все-таки что-нибудь да они тамъ говорятъ?

— Подите сами на деревню, послушайте. Для стиховъ, или для новеллы можетъ пригодиться.

Кій Кіевичъ, обидѣвшись, замолчалъ. Солнце сади-

лось и сѣло въ сѣно-лиловую, длинную тучу. Померкли тѣни отъ ветель на лугу. И во всей нѣжно задымившейся рѣчной низинѣ, все шире и дружнѣй, застонали, заухали печальные голоса лягушекъ.

— У насъ замѣчательныя лягушки, — сказала Елизавета Кіевна. Кій Кіевичъ покосился на нее и пожалъ плечами. Изъ-за угла вышла стряпуха и позвала ужинать.

Въ сумерки Антошка и Елизавета Кіевна пошли на деревню. Августовскіи созвѣдія высыпали по всему холодѣющему небу. Внизу, въ Хлыбахъ, было сыровато, пахло еще не обѣшей пылью отъ стада и парнымъ молокомъ. Кос-гдѣ у воротъ стояли распряженные телѣги. Подъ лианами, гдѣ было совсѣмъ темно, скрипѣлъ журавель колодца, фыркнула лошадь, и было слышно, какъ нѣла, отдуваясь. На открытомъ мѣстѣ, у деревянной амбарушки, накрытой, какъ кошакомъ, соломенной крышей, на бревнахъ сидѣли три дѣвки и пѣвали негромко. Елизавета Кіевна и Антошка подошли и тоже сѣли, въ сторонѣ, на бревна.

«Хлыбы то деревни
Всѣмъ она украшена —
Стульями, букетами,
Дѣвченокъ патрестами»...

Пѣли дѣвки. Одна изъ нихъ, крайняя, обернувшись къ подошедшимъ, сказала тихо:

— Что-же дѣвки, спать, что-ли идете.

И они сидѣли, не двигаясь. Въ амбарушкѣ кто-то возмелся; потомъ скрипнула дверца и наружу вышелъ небольшого роста заспанный мужикъ въ разстегнутомъ полушубкѣ; крадя, долго шарилъ висячій замокъ, потомъ подошелъ къ дѣвкамъ, положилъ руки на поленицу и вытянулъ козлиную бороду:

— Соловьи-птицы все поете?

— Поемъ, да не про тебя, дядя Федоръ.

— А вотъ и васъ сейчасъ кнутомъ отсюда... Каки таки порядки — по ночамъ пѣсни пѣть...

— А тебѣ завидно?

И другая сказала со вздохомъ:

— Только намъ и осталось, дядя Федоръ, про Хлыбы-то наши пѣть.

— Да, плохо ваше дѣло. Осиротѣли.

Федоръ присѣлъ около дѣвокъ. Ближняя къ нему сказала:

— Народу, нонче Козьмодемьянскія бабы сказывали, народу на войну забрали — полъ свѣта.

— Скоро, дѣвки, и до васъ доберутся.

— Это насъ-то на войну?

— Вѣрно всѣхъ бабъ въ солдаты забригъ. Только, говорить, отъ васъ духъ въ походѣ очень чижолый.

Дѣвки засмѣялись, и крайняя опять спросила:

— Дядя Федоръ, съ кѣмъ у нашего царя война?

— Съ европеемъ.

Дѣвки переглянулись, одна вздохнула, другая поправила полушалку, крайняя проговорила:

— Такъ намъ и Козьмодемьянскія бабы сказывали, что, моль съ европеемъ.

— Дядя Федоръ, а гдѣ же онъ обитаетъ?

— Около моря большую частью находится.

Тогда изъ-за бревенъ, изъ травы поднялась лохматая голова и прохрипѣла, натягивая на себя полшубокъ:

— А ты — будетъ тебѣ мологъ. Какой европеецъ, — съ Нѣмцемъ у насъ война.

— Все можетъ быть, — отвѣтилъ Федоръ.

Голова опять скрылась. Антошка Арнольдовъ, вынувъ папиросницу, предложилъ Федору папироску и затѣмъ спросилъ осторожно...

— А что, скажите, изъ вашей деревни охотно пошли на войну?

— Охотой многіе пошли, господишь.

— Былъ, значить, подъемъ?

— Да, поднялись. Пища, говорить, въ полку сытная. Огнечю не пойти. Все-таки посмотреть — какъ тамъ и что. А убьютъ — все равно и здѣсь помирать. Землицы у насъ совсѣмъ скудная, приработки плохіе, пере-

наемся съ хлѣба на квасъ. А тамъ, всё говорятъ, — пища очень хорошая, два раза въ день мясо ѣдятъ и сахаръ казенный, и чай, и табакъ, — сколько хочешь кури.

— А развѣ не страшно воевать?

— Какъ не страшно, конечно — ужасно. Изъ нашихъ изъ Хлыбовъ взяли девятнадцать человѣкъ запасныхъ, да еще трое такъ пошли — по доброй волѣ. Господинъ, вы папирисочку мнѣ не одолжите?

XV.

Телѣги, покрытыя брезентами, веза съ соломой и сѣномъ, санитарныя повозки, огромныя корыта понтоновъ, покачиваясь и скрипя, двигались по широкому, залитому жидкой грязью, шоссе. Не переставая лилъ дождь, косой и мелкій. Борозды пашенъ и каналы, съ боковъ дороги, были полны водой. Вдали неясными очертаніями стояли деревья и перелѣски. Дулъ рѣзкій вѣтеръ, и надъ разбухшими, бурными полями летѣли, клубясь, рваныя тучи.

Подъ крики и ругань, щелканье кнутовъ и трескъ осей объ оси, въ грязи и дождѣ, двигались сплошной лавиной обозы наступающей русской арміи. Съ боковъ пути валялись дохлыя и издыхающія лошади, торчали кверху колесами опрокинутыя телѣги. Иногда въ двигающейся этой погонѣ вривался военный автомобиль. Начинались крики, криканье, лошади становились на дыбы, валялась подъ откосъ груженная телѣга, горохомъ скатывались вельдъ за ней обозные.

Далѣе, гдѣ прерывался потокъ экипажей, шли, растаивувшись на далеко, скользили по грязи солдаты въ накинутыхъ на спины мѣшкахъ и палаткахъ. Въ нестройной ихъ толпѣ двигались воза съ поклажей, съ ружьями, торчащими во всё стороны, со скорченными наверху денщиками. Время отъ времени съ шоссе на поле сбѣгаль человѣкъ и, положивъ винтовку на траву, присаживался на корточки.

Дальше опять колыхались воза, понтоны, повозки, городские экипажи съ промокашими въ нихъ фигурами въ офицерскихъ плащахъ. Этотъ грохочущій потокъ то сваливался въ лошадину, тѣснился, орагъ, и дрался на мостахъ, то медленно вытягивался въ гору и пропадалъ за перекатомъ. Сбокови въ него вливались новые обозы съ хлѣбомъ, сѣномъ и снарядами. По полю, перегоняя, проходили небольшія кавалерійскія части.

Иногда въ обозы съ трескомъ и желѣзнымъ грохотомъ врѣзалась артиллерія. Огромныя, грудастыя лошади и ѣздовые на нихъ, съ бородагыми, свирѣпыми лицами, хлещя по лошадямъ и по людямъ, какъ плугомъ расчищали шоссе, волоча за собой подпрыгивающія, тупорылыя пушки. Отовсюду бѣжали люди, вставали на возахъ, махали руками. И опять смыкалась рѣка, вливалась въ лѣсъ, остро пахнуцій грибами, прѣлыми листьями и весь мягко шумящій отъ дождя.

Дальше, съ обѣихъ сторонъ дороги, торчали изъ мусора и головешекъ печныя трубы, качался разбитый фонарь, на кирпичной стѣнѣ развороченнаго снарядами дома хлопала пестрая афиша синемаатографа. И здѣсь же, въ тѣлѣ безъ переднихъ колесъ, лежалъ раненый австріецъ въ голубомъ капотѣ, — желтое личико съ кулачекъ, мутныя тоскливыя глаза, — должно-быть умиралъ.

Верстахъ въ двадцати пяти отъ этихъ мѣстъ глухо перекачивался по дымному горизонту громъ орудій. Туда вливались эти войска и обозы день и ночь. Туда со всей Россіи гнался поѣзда, груженые хлѣбомъ, людьми и снарядами. Вся страна всколыхнулась отъ грохота пушекъ. Наконецъ, дана будетъ воли всему, что въ запретѣ и духотѣ копилось въ ней жаднаго, неутоленнаго, грѣшнаго, злого.

Населеніе городовъ, пресыщенное и расхлибанное обезображенной нечистой жизнью, словно очнулось отъ душнаго сна. Въ грохотѣ пушекъ былъ освѣжающій голосъ міровой грозы. Стало казаться, что преліяя жизнь

несыноса даѣе, Россія заживо гнѣть. И населеніе со злорадной яростью привѣтствовало войну.

Въ деревняхъ много не спрашивали — съ кѣмъ война и за что, — не все-ли было равно. Уже давно злоба и ненависть кровавымъ туманомъ застилали глаза. Время страшнымъ дѣламъ приспѣло. Парни и молодые мужики, побросавъ бабъ и дѣвокъ, расторопные и жадные, набивались въ товарные вагоны, со свистомъ и похабыми пѣснями пронеслись мимо городовъ. Кончилось старое житье, — Россію, какъ большой ложкой, начало мѣшать и мутить, все тронулось, сдвинулось и озымѣло густымъ хмѣлемъ войны.

Доходя до громажающей на лесотки вереть полосы боя, обозы и воинскія части разливались и таяли. Здѣсь кончалось все живое и человѣческое. Каждому отводилось мѣсто въ землѣ, въ окопѣ. Здѣсь онъ спалъ, ѣлъ, давилъ вшей, и до одури «хлестать» изъ винтовки въ полосу дождевой мглы.

По ночамъ по всему горизонту багровыми, высокими заревами медленно мигали пожарища, красные шуры ракетъ чертили небо, рассыпались звѣздами, съ настагающимъ воемъ налетали снаряды, били въ землю и взрывались столбами огня, дыма и пыли.

Здѣсь сосало въ животѣ отъ кошмарнаго страха, съеживалась кожа и поджимались пальцы. Близъ полночи раздавались сигналы. Пробѣгали офицеры съ трясущимися губами. Руганью, крикомъ, побоями поднимали опухшихъ отъ сна и сырости солдатъ. И, спотыкаясь, съ матерной бранью и воемъ бѣжали нестройныя кучки людей по полю, ложкились, вскакивали и, оглушенные, обезумѣвшіе, потерявшіе память отъ ужаса и злобы, зрывались въ окопы врага.

И потомъ никогда никто не помнилъ, что дѣлалось тамъ, въ этихъ окопахъ. Когда хотѣли похвастаться германскими подвигами, — какъ всажень быть штакъ, къ къ подь ударомъ приклада хряснула голова, вылетѣлъ и зѣтъ, — приходилось врать. Отъ лешного дѣла остава-

лись трупы, да отобравные у нихъ табакъ, одъяла и кофей.

Наступалъ новый день, подвѣзжали кухни. Вилые и прозябшіе солдаты ѣли и курили. Потому разговаривали о дерьмѣ, о бабахъ, и тоже много вралѣ. Искали вшей и спали. Спали цѣлыми днями въ этой оголенной, загаженной испраженіями и кровью полосѣ грохота и смерти.

Точно такъ же, въ грязи и сырости, не раздвываясь и по недѣлямъ не снимая сапогъ, жилъ и Тельгинъ. Армейскій полкъ, куда онъ зачислился прапорщикомъ, наступалъ съ боями. Больше половины офицерскаго и солдатскаго состава было выбито, пополненій они не получали, и все ждали только одного: когда ихъ — полуживыхъ отъ усталости и обносившихся, — отвезутъ въ тылъ.

Но вышнее командованіе стремилось до наступленія зимы, во что бы то ни стало, торгнуться черезъ Карпаты въ Венгрію и опустошить ее, — это было нужно, чтобы заставить Австрію голодать. Людей не щадили, — человѣческихъ запасовъ было много. Казалось, что этимъ длительнымъ напряженіемъ третій мѣсяць непрекращающагося боя будетъ сломлено сопротивленіе отступающихъ въ беспорядкѣ австрійскихъ армій, падуть Краковъ и Вѣна, и лѣвымъ крыломъ русскіе смогутъ ударить въ незащищенный тылъ Германіи.

Слѣдуя этому плану, русскія войска безостановочно шли на западъ, захватывая десятки тысячъ пѣнныхъ, огромные запасы продовольствія, снариловъ, оружія и одежды. Въ прежнихъ войнахъ лишь часть подобной добычи, лишь одно изъ этихъ непрерывныхъ кровавыхъ сраженій, гдѣ ложились цѣлые корпусы, рѣшило бы участь кампаніи. И, несмотря даже на то, что въ первыхъ же битвахъ погибли регулярныя арміи, ожесточеніе только росло. Ненависть становилась высшимъ проявленіемъ добродѣтели. На войну, по волѣ и по неволѣ, шли все, отъ дѣтей до стариковъ, весь народъ.

Было что то въ этой войнѣ выше человѣческаго пониманія. Казалось, врагъ разгромленъ, изощель кровью, еще усиліе и будетъ рѣшительная побѣда. Усиліе совершалось, но на мѣстѣ растаявшихъ арій врага выросли новыя, съ умышленъ упрямствомъ шли на смерть и гибли. Ни татарскія орды, ни полчища персовъ не дрались такъ жестоко и не умирали такъ легко, какъ слабые тѣломъ, изнѣженныя европейцы, или хитрые русскіе мужики, видѣвшіе, что они только безсловесный скотъ, — мясо въ этой бойнѣ, загнанный господами. Это упорство народовъ, разбиравшее все планы высшихъ командованій, заставляло думать, что въ войнѣ была какая-то иная цѣль, чѣмъ побѣда той или иной стороны. Но цѣль эта была до времени скрыта отъ пониманія.

Остатки полка, гдѣ служить Тетъгинъ, оказались по берегу узкой и глубокой рѣчки. Позиція была дурная, вся на виду и окопы мелкіе. Въ полку съ часу на часъ ожидали приказа къ наступленію, и пока все были рады высвататься, переобуться, отдохнуть, хотя съ той стороны рѣчки, гдѣ въ сильныхъ траншеяхъ сидѣли австрійскія части, шелъ сильный ружейный обстрѣлъ.

Подъ вечеръ, когда часа на три, какъ обычно, огонь затихъ, Иванъ Ильичъ пошелъ въ штабъ полка, помѣщавшійся въ позинутомъ замкѣ, верстахъ въ двухъ отъ позиціи.

Блѣтый, лохматый туманъ лежалъ по всей извивающейся въ заросляхъ рѣчкѣ и вился въ прибрежныхъ кустахъ. Было тихо, сыро и пахло мокрыми листьями. Изрѣдка по водѣ слышимъ шаромъ катился одинокій выстрѣлъ.

Иванъ Ильичъ переспрыгнулъ черезъ канаву на шоссе, остановился и закурилъ. Съ боковъ, въ туманѣ, стояли облеглошій, огромныя деревня, казавшіяся чудовищно высокими. По сторонамъ ихъ на тонкой низинѣ было словно разлиты молоко. Въ тишинѣ жалобно свистнула пуля. Иванъ Ильичъ глубоко вздохнулъ и зашаталъ

по хрустящему гранію, посматривая вверхъ на призрачныя вершины и вѣтви. Отъ этого покоя и отъ того, что онъ одинъ идетъ и думаетъ — въ немъ все отдыхало, отходилъ трескучій шумъ дна, и въ сердце понемногу пробиралась тонкая, произительная грусть. Онъ еще разъ вздохнулъ, бросилъ папиросу, заложилъ руки за шею и такъ шель, словно въ иномъ, чудесномъ мірѣ, гдѣ были только призраки деревьевъ, его живое, изнывающее любовью, сердце и незримая, все это пронизывающая прелесть Даши.

Даша была съ нимъ въ этотъ часъ отдыха и тишины. Онъ чувствовалъ ся прикосновеніе каждый разъ, когда затихали желѣзныя вой снарядовъ, трескотня ружей, крики, ругань, все эти лишнія въ божественномъ мірозданіи звуки, когда можно было уткнуться гдѣ-нибудь въ уголъ землянки, закутавъ голову шинелью, и тогда словно непередаваемая прелесть входила въ него, касалась сердца. Даша была съ нимъ всегда, вѣрная и строгая.

Ивану Ильичу казалось, что, если придется умирать, — до послѣдней минуты онъ будетъ испытывать это счастье соединенія, и, освободившись отъ себя, — утонетъ, воскреснетъ въ немъ. Онъ не думалъ о смерти и не боялся ея. Ничто теперь не могло оторвать его отъ изумительнаго состоянія жизни, даже смерть.

Этимъ лѣтомъ, подъѣзжая къ Евпаторіи, чтобы въ послѣдній разъ, какъ ему казалось, взглянуть на Дашу, Иванъ Ильичъ трусилъ, волновался и придумывалъ всевозможныя извиненія. Но встрѣча на дорогѣ, неожиданныя слезы Даши, ея свѣтловолосая голова, прижавшаяся къ нему, ея волосы, руки, плечи, пахнуція моремъ, ея заплаканный ротъ, сказавшій, когда она подняла къ нему лицо съ зажмуренными, мокрыми рѣсницами: — «Иванъ Ильичъ, милый, какъ я ждала васъ», — все эти свалившіяся какъ съ неба, несказанныя

вещи, тамъ-же, на дорогѣ у моря, перевернули въ нѣсколько минутъ всю жизнь Ивана Ильича. Вмѣсто всякихъ объясненій онъ сказалъ, спокойно и твердо глядя въ любимое лицо, взволнованно дрогнувшее испугомъ:

— На всю жизнь люблю, Даша.

Впослѣдствіи ему даже казалось, что онъ, быть можетъ, и не выговорилъ этихъ словъ, только подумалъ, и она поняла. Даша опустила голову и, снявъ съ его плечъ руки, проговорила:

— Мнѣ нужно очень многое вамъ сообщить. Пойдемте.

Они пошли и съѣли у воды, на пескѣ. Даша взяла горсть камешковъ и, не снѣща, кидала ихъ въ воду.

— Дѣло въ томъ, что еще вопросъ — сможете-ли выто ко мнѣ хорошо относиться, когда узнаете про все, — сказала она и краснѣя, глаза увидѣла, что Иванъ Ильичъ медленно поблѣднѣлъ и сжалъ ротъ. — Хотя все равно, относитесь, какъ хотите. — Она вздохнула и обѣими руками подперла подбородокъ. Глаза ея опять наполнились слезами; съ досадой она вытерла ихъ прямо рукой.

— Безъ васъ я очень не хорошо жила, Иванъ Ильичъ. Если можете — простите меня.

И она начала рассказывать все, честно и подробно, — о Самарѣ и о томъ, какъ пріѣхала сюда и встрѣтила Безсонова и у нея пропала охота жить — такъ стало омерзительно отъ всего этого петербургскаго чада, который снова поднялся, отравилъ кровь, разжегъ любопытствомъ...

— До какихъ еще поръ было топорщиться? Слава Богу, — двадцать лѣтъ, такая же баба, какъ всѣ. Захотѣлось съѣсть въ грязь — туда и дорога. А, вотъ, все-таки, струсила въ послѣднюю минуту... Ненавижу себя... Иванъ Ильичъ, милый... — Даша всплеснула руками. — Помогите мнѣ. Не хочу, не могу больше ненавидѣть себя... Я дурная, нечистая, грѣшная, да, да, да... Но вѣдь не все же во мнѣ погибло... Я любить хочу, милый мой... Любить не себя, нѣтъ, нѣтъ...

Послѣ этого разговора Даша легла на песокъ и молчала очень долго. Иванъ Ильичъ глядѣлъ, не отрываясь, на сияющую солнцемъ зеркальную, голубоватую воду, — душа его, наперскорь всему, заливалась счастьемъ. Когда онъ рѣшился взглянуть на Дашу — она спала, чуть чуть пріоткрывъ ротъ, какъ ребенокъ.

О томъ, что началась война, и Тельгинъ долженъ бѣжать завтра догонять полкъ, Даша сообразила только потомъ, когда отъ поднявшагося вѣтра волною ей замочило ноги, — она вздохнула, проснулась, сѣла и, взглянувъ на Ивана Ильича, вѣжливо, иаумленно улыбнулась.

— Иванъ Ильичъ?

-- Да.

-- Вы хорошо ко мнѣ относитесь?

- Да.

— Очень?

— Да.

Тогда она подползла къ нему по песку на колыняхъ, сѣла рядомъ, поворочалась и положила руку ему въ руку, такъ же, какъ тогда на пароходѣ.

- Иванъ Ильичъ, я тоже — да.

Крѣпко сжавъ его задрожавшіе пальцы, она спросила, послѣ молчанія:

— Что вы мнѣ сказали тогда, на дорогѣ?... — Она сморщила лобъ. — Какая война? Съ кѣмъ?

— Съ вѣмцами.

- Ну, а вы?

--- Уѣзжаю завтра.

Даша ахнула и замолчала. Издали, по берегу, къ нимъ бѣжать въ смятой полосатой пижамѣ, очевидно только что выскочившій изъ кровати, Николай Ивановичъ, оставался, весь красный, взмахивалъ газетнымъ листкомъ и кричалъ что-то.

На Ивана Ильича онъ не обратилъ вниманія. Когда же Даша сказала: — «Николай, это мой самый большой другъ», — Николай Ивановичъ схватилъ Тельгина за пиджакъ и, потрясая, заоралъ въ лицо:

— Не забывайте, милостивый государь, что я, прежде всего, — патриот. Я не уступлю вашим вѣдкамъ ни вершка земли...

Весь день Даша не отходила отъ Ивана Ильича, была смиренная и задумчивая. Ему же казалось, что этотъ день, наполненный голубоватымъ свѣтомъ солнца и шумомъ моря, неизовѣрно великъ. Каждая минута будто раздвигалась въ цѣлую жизнь.

Тельгинь и Даша бродили по берегу, лежали на пескѣ, сидѣли на террасѣ, и были, какъ отуманенные. И, не отрывавшись, всюду за ними ходить Николай Ивановичъ, происшися огромная рѣчи по поводу войны и нѣмецкаго засѣдья. Тельгинь, слушая его, кивала головой и думала: «Даша, Даша милая».

— Эхъ, батенька, — кричалъ Николай Ивановичъ, — вы престо размазня. — И обращался къ Дашѣ: — Событиями руками задушилъ бы Вильгельма.

И Даша, глядя ему въ налитые кровью глаза, думала: — «Господи, сохрани мнѣ Ивана Ильича»...

Подъ вечеръ удалось, наконецъ, отвязаться отъ Николая Ивановича. Даша и Тельгинь ушли одни далеко по берегу пологого залива. Шли молча, ступая въ ногу, касаясь локтями другъ друга. И здѣсь Иванъ Ильичъ началъ думать, что нужно, все-таки, сказать Дашѣ какаго-то слова. Конечно, она ждетъ отъ него горячаго и, кромѣ того, опредѣленнаго объясненія. А что онъ можетъ про-бормотать словами языкомъ? Развѣ словами выразить то, чѣмъ онъ полонъ весь, точно солнце этого дня лезло ему въ грудь. Нѣтъ, этого не выразишь.

Ивану Ильичу стало грустно. „Нѣтъ, нѣтъ, — думала онъ, глядя подъ ноги, — если я и скажу ей эти слова — будетъ безсофисто: она не можетъ меня любить, но, какъ честная и добрая дѣвушка, согласится, если я предложу ей руку. Но это будетъ насиліе. И тѣмъ болѣе не имѣю права говорить, что мы расстаемся на неопредѣленное время и, по всей вѣроятности, съ войны не вер-

нужь... Заставлю напрасно ожидать, держать слово...
Цѣть и пѣть»...

Это быть одинъ изъ приступовъ самоубства, свойственнаго Ивану Ильичу. Даша вдругъ остановилась и, оперевшись о его плечо, сняла съ ноги туфельку...

— Ахъ, Боже мой, Боже мой, — проговорила она и стала высыпать песокъ изъ туфли, потомъ надѣла ее, выпрямилась и вздохнула глубоко:

— Я знаю — я очень буду васъ любить, когда вы уѣдете, Иванъ Ильичъ.

Она положила руки ему на шею и, глядя въ глаза ясными, почти суровыми, безъ улыбки, сѣрыми глазами, вздохнула еще разъ, легко:

— Мы и тамъ будемъ вмѣстѣ, да?

Иванъ Ильичъ осторожно привлекъ ее и поцѣловалъ въ нѣжныя, дрогнувшія губы. Даша закрыла глаза. Потомъ, когда имъ обоимъ не хватило больше воздуха, Даша отстранилась, взяла Ивана Ильича подъ руку, и они пошли вдоль тяжелой и темной воды, лижущей багровыми бликами берегъ у ихъ ногъ.

Все это Иванъ Ильичъ вспоминать съ неустываемою волненіемъ, всякій разъ въ минуты тишины. Бреди сейчасъ съ закинутыми за шею руками, въ туманѣ, по шоссе, между деревьями, онъ снова видѣлъ внимательный взглядъ Даши, испытывать долгій ея поцѣлуй, — дыханіе жизни.

Въ тотъ часъ (и теперь навсегда) онъ пересталъ быть однимъ. Дѣвушка въ бѣломъ платьѣ поцѣловала его вечеромъ на берегу моря. И вотъ распались свинцовые обруча одиночества. Онъ, Иванъ Ильичъ Телѣгинъ, пересталъ быть. Въ ту удивительную минуту появился новый, весь до послѣдняго волоска — иной, Иванъ Ильичъ. Тотъ подождалъ уничтоженію, этотъ исчезнуть не могъ. Тотъ былъ одинъ, какъ чортъ на пустырь, этотъ жаждалъ шириться, множиться, принимать въ горячее, взволнованное сердце все — людей, звѣрей, всю землю.

— Стой, кто идет? — прозябшимъ, грубымъ голосемъ проговорили изъ тумана.

— Свой, свой, — отвѣтилъ Иванъ Ильичъ, опуская руки въ карманы шинели, и повернулъ подъ дубы къ неясной громадѣ замка, гдѣ изъ нѣсколькихъ окнахъ жегдѣлъ свѣтъ. На крыльцѣ кто-то, увидѣвъ Тельгина, бросилъ папироску и вытянулся. «Что, почти не было?» «Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, ожидаемъ», Иванъ Ильичъ вошелъ въ прихожую. У стѣны — прислоненъ безъ ножекъ огромный, черный рояль. Надъ широкой, уходящей изъ кабинета вверхъ, дубовой лѣстницей висѣлъ гобеленъ, должно быть, очень старинный: — среди толкихъ деревцовъ стояли Адамъ и Ева, она держала въ рукѣ яблоко — символъ сладкой радости жизни, онъ — срѣзанную вѣтвь съ цвѣтами — символъ паденія и искупленія. Ихъ выщипанія лица и удлиненныя тѣла неясно освѣщала свѣча, стоящая въ бутылкѣ на лѣстничной колоннѣ.

Иванъ Ильичъ отворилъ дверь направо и вошелъ въ пустую комнату съ лѣннымъ пологомъ, рухнувшимъ въ углу, тамъ, гдѣ вчера снаружи въ стѣну ударилъ снарядъ. У ярко горящаго очага, на койкѣ, сидѣли поручикъ князь Бѣльскій и подпоручикъ Мартыновъ. Иванъ Ильичъ поздоровался, спросилъ, когда ожидаютъ изъ штаба арміи автомобиль, и присѣлъ неподалеку на патронные жестянки, щурясь отъ свѣта.

— Ну что, у васъ все пострѣливаютъ? — спросилъ Мартыновъ, почему-то насмѣшливо.

Иванъ Ильичъ не отвѣтилъ, пожалъ плечами. Князь Бѣльскій продолжалъ говорить вполголоса:

— Главное — это вонь. Я написалъ домой, — мнѣ не страшна смерть. За отечество я готовъ пожертвовать жизнью, для этого я, строго говоря, перевелся въ пѣхоту и сижу въ окнахъ, но вонь меня убиваетъ.

— Вонь — это ерунда, не нравится, не шухай, — отвѣчала Мартыновъ, поправляя аксельбантъ, — а вотъ, что здѣсь нѣтъ женщинъ — это существенно. Это — просто глупо, къ добру не приведетъ. Суди самъ — ко-

мандующей арміей старая песочница, и намъ всѣмъ устроили монастыри, чортъ возьми, — ни водки, ни женщины. Развѣ это забота объ арміи, развѣ это война? Я воевалъ три мѣсяца, на четвертый — я ловчусь въ тылъ. Почему? Дай мнѣ женщину, — плевалъ я на тылъ. Я давно говорю — воевать нужно весело.

Мартыновъ поднялся съ койки и сапогомъ сталъ пихать въ полѣнья. Князь задумчиво курить, глядя на огонь.

— Пять миллионновъ солдатъ, которые гадятъ, — сказалъ онъ, — кромѣ того, гниютъ трупы и лошади. На всю жизнь у меня останется воспоминаніе объ этой войнѣ, какъ о томъ, что душно пахнетъ. Бррр...

На дворѣ, въ это время, послышалось выхлѣбье подкатившаго автомобиля.

— Господа, почту привезли! — крикнуть въ дверь чей-то взволнованный голосъ. Офицеры сейчасъ-же вышли на крыльцо. Около автомобиля двигались темныя фигуры, нѣсколько человѣкъ бѣжало по двору. И чей-то хриплый голосъ повторялъ: — «Господа, прощу не хватать изъ рукъ».

Наконецъ, мѣшки съ почтой и посылками были внесены въ прихожую, и на лѣстницѣ, подъ Адамомъ и Евой, ихъ стали распаковывать. Здѣсь было почты за цѣлый мѣсяць. Казалось, въ этихъ грязныхъ парусиновыхъ мѣшкахъ было скрыто цѣлое море любви и тоски, — вся покинутая, милая, чистая жизнь.

— Господа, не хватайте изъ рукъ, — хриплѣе штабсъ-капитанъ Бабкинъ, тучный, багровый человѣкъ, — прапорщикъ Телѣгянъ, шесть писемъ и посылка... Прапорщикъ Нѣжный, — два письма...

— Нѣжный убить, господа...

— Когда?

— Сегодня утромъ...

Иванъ Ильичъ пошелъ къ камину. Всѣ шесть писемъ были отъ Даши. Адресъ на конвертахъ написанъ крупнымъ полудѣтскимъ почеркомъ. Ивана Ильича заливало нѣжностью къ этой милой рукѣ, написавшей такія боль-

шія буквы,— чтобы всё разобрали, не было-бы ошибки. Нагнувшись къ огню, онъ осторожно разорвалъ первый конвертъ. Оттуда пахнуло на него такимъ воспоминаніемъ, что пришлось на минуту закрыть глаза. Потомъ онъ прочелъ:

«Мы проводили васъ и уѣхали съ Николаемъ Ивановичемъ въ тотъ-же день въ Симферополь и вечеромъ сѣли въ петербургскій поѣздъ. Сейчасъ мы на вашей старой квартирѣ. Николай Ивановичъ очень встревоженъ: — отъ Катюши нѣтъ никакихъ вѣстей, гдѣ она — не знаемъ. То, что у насъ съ вами случилось, — такъ велико и такъ внезапно, что я еще не могу опомниться. Не вините меня, что я вамъ пишу на «вы». Я васъ люблю. Я буду васъ вѣрно и очень сильно любить. А сейчасъ очень смутно, — по улицамъ проходитъ войска съ музыкой, до того печально, — точно счастье уходитъ вмѣстѣ съ трубами, съ этими солдатами. Я знаю, что не должна этого писать, но вы, все-таки, будьте осторожны на войнѣ...»

— Ваше благородіе. Ваше благородіе. — Телѣгинъ съ грудомъ обернулся, въ дверяхъ стоялъ вѣстовой. — Телефонограмма, ваше благородіе...

— Что такое?

— Васъ требуютъ въ роту.

— Кто?

— Подполковникъ Розановъ. Какъ можно, говорили, скорѣе просили быть.

Телѣгинъ сложилъ недочитанное письмо, вмѣстѣ съ остальными конвертами засунулъ подъ рубашку, надвинулъ картузь на глаза и вышелъ.

Туманъ теперь сталъ еще гуще, деревьевъ не было видно, и идти пришлось, какъ въ молоко, только по хрусту травяи опредѣляя дорогу. Хрустя травіемъ, Иванъ Ильичъ повторялъ: «Я буду васъ вѣрно и очень сильно любить». Вдругъ онъ остановился, прислушиваясь. Въ туманѣ не было ни звука, только падала иногда тяжелая капля съ дерева. И вотъ, неподалеку, онъ сталъ разли-

чить какое-то бульканье и мягкій шорохъ. Онъ двинулся дальше, бульканье стало явственнѣе. И вдругъ его занесенная нога опустилаея въ пустоту. Онъ сильно откинулся назадъ, — глыба земли, оторвавшись изъ подъ ногъ его, рухнула съ тяжелымъ плескомъ въ воду.

Очевидно, это было то мѣсто, гдѣ шоссе обрывалось надъ рѣкой у сожженного моста. На той сторонѣ, шагахъ въ ста отсюда, онъ это зналъ, къ самой рѣкѣ подходили австрійскіе окопы. И, дѣйствительно, вѣдъ за плескомъ воды, какъ кнутомъ, съ той стороны хлестнули выстрѣлы и покаталися по рѣкѣ, хлестнули второй, третьей, заѣмъ словно рвануло желѣзо — раздался длинный заплъ, и въ отвѣтъ ему захлопали оговсюду, заглушенные туманомъ, гороховые выстрѣлы. Все громче, громче захохотало, заухало, заревѣю по всей рѣкѣ, и въ этомъ океанномъ шумѣ хлопотливо затарахтѣлъ пулеметъ, точно келоть орѣхи. Бухъ! — ухнулъ гдѣ-то въ лѣсу разрывъ. Весь дырявый, грохочущій туманъ плотно висѣлъ надъ землей, прикрывая это обычное и омерзительное дѣло. Несколько разъ около Ивана Ильича съ чавканьемъ въ дерево хлопала пуля, валилась вѣтка. Онъ свернулъ съ шоссе на поле и пробирался наугадъ кустами. Стрѣльба такъ же внезапно начала затихать и окончилась. Иванъ Ильичъ снялъ картузь и вытеръ мокрый лобъ. Снова было тихо, какъ подъ водой, лишь падали капли съ кустовъ. Слава Богу, Дашины письма онъ сегодня прочтетъ. Иванъ Ильичъ наемѣлся и перепрыгнулъ черезъ канавку. Наконецъ, совѣмъ рядомъ, онъ услышалъ, какъ кто-то, ахая, проговорить:

Вошь тебѣ и поспали. Василій, я говорю — вошь тебѣ и поспали.

— Погоди, — отвѣтили отрывисто, -- Идетъ кто-то.

— Кто идетъ?

— Свой, свой, — поспѣшно сказали Тельгинъ и сейчасъ же увидѣлъ земляной брустверь окопа и высу-

нушіеся изъ-подъ земли два бородачѣхъ лица. Они спросили:

— Какой роты?

— Третьей, ваше благородіе, свои. Что же вы, ваше благородіе, по верху-то ходите? Задѣть могутъ.

Гельфинъ прыгнулъ въ окопъ и пошелъ по нему до хода сообщенія, ведущаго къ офицерской землянкѣ. Солдаты, разбуженные стрѣльбой, говорили:

— Въ такой туманъ, очень просто, онъ рѣчку гдѣ-нибудь перейдетъ.

-- Не допустимъ.

— Вдругъ, стрѣльба, гулъ — здорово живешь... Напугать что-ли насъ хочеть, или онъ самъ боится?

-- А ты не боишься?

— Такъ вѣдь я то что же. Я ужасъ какой пужливый.

— Ребита, Гаврилъ палець долой оторвало.

— Переживаеатся пошесть?

— Заверезжалъ, палець вотъ такъ кверху держать. Смѣхъ.

— Вотъ вѣдь кому счастье... Въ Россію отправятъ...

— Что ты, что ты. Кабы ему всю руку оторвало --- тогда бы увезли. А съ пальцемъ --- погнѣеть поблизости, и опять пожалуйте въ ротъ.

— Когда же эта война кончится?

Ладно тебѣ.

-- Кончится, да не мы этого увидимъ.

— Хоть бы Вѣну что-ли бы взять.

— А тебѣ она на что?

— Такъ, все-таки. Поглядѣли бы.

— Къ веснѣ воевать не кончимъ, — все равно такъ всё разбѣгутся. Землю кому пахать, — бабагъ? Жрать-то надо... Народу накромчили — полную мѣру. А къ чему? Будеть. Напились, сами отвалимся...

-- Ну, енерала скоро воевать не перестанутъ.

-- Ты это откуда знаешь? Тебѣ что говорить? Въ зубы вотъ тебѣ дамъ, сукинъ сынъ.

— Енерала воевать не перестанутъ.

— Верно, ребята. Первое дѣло — выдано, --- двойное жалованье идетъ имъ, кресты, ордена. Миѣ одинъ человѣкъ сказывалъ: за каждаго, говоритъ, рекрута англичане платятъ нашимъ генераламъ по тридцать восемь цѣлковыхъ съ полтиной за тушу.

- Ахъ, сволочи! Какъ скоро продаютъ.

-- Будетъ вамъ, ребята, молоть-то, нехорошо.

Ладно. Потерпимъ, увидимъ.

Когда Тельгинъ вошелъ въ землянку, батальонный командиръ, подполковникъ Розановъ, тучный, съ одышкой, въ очкахъ, съ рѣдкими вихрами на большомъ черепѣ, лѣтний, добрый и умный человѣкъ, проговорилъ, сидя въ углу подъ словами вѣтками, на пополахъ:

— Явился, наконецъ.

- Вывозать, Федоръ Кузьмичъ, ей Богу, сбился съ дороги — туманъ страшный.

— Ну, ну. Вотъ что, голубчикъ, придется нынче ночью потрудиться.

Онъ положилъ въ ротъ корочку хлѣба, которую все время держалъ въ грязномъ кулакѣ. Тельгинъ медленно стиснулъ челюсти, подобрался...

— Штука въ томъ, что намъ приказано, милѣйшій Иванъ Ильичъ, батенька мой, перебраться на ту сторону. Хорошо бы это дѣло соорудить какъ-нибудь полегче. Садитесь рядышкомъ. Конячку по одной выпьемъ, а? Вотъ я придумаю, значить, такую штуку... Навести надо мостикъ, какъ разъ противъ большой ракиты. Перекинемъ на ту сторону человѣкъ семьдесятъ, не больше... Вы ужъ постарайтесь, Господь съ вами... А на зарѣ и мы тронемся...

XVI.

- Сусовъ!

-- Здѣсь, ваше благородіе.

-- Подкапывай... Тише, не кидай въ воду. Такъ, такъ, такъ... Ребята, подавайте, подавайте впередъ... Зубцовъ!

- Здѣсь, ваше благородіе.
 — Помоги-ка... Наставляй, вотъ сюда... Подкопни еще... Опускай... Легче...
 — Легче, ребята, плено оторвешь... Насовывай...
 — Ну-ка, посунь...
 — Не ори, тише мы, сволочь!
 — Упирай другой конецъ... Ваше благородіе, поднимить?
 — Концы привязали?
 — Гогого.
 — Поднимай...

Въ облакахъ тумана, насыщеннаго луннымъ свѣтомъ, закригивъ, поднялись двѣ высокія жерди, соединенныя перекидывачи. — перекидной мостъ. На берегу, едва различимыя, двинались фигуры охотниковъ. Говорили и ругались торопливымъ шопотомъ.

- Ну, что — сътъ?
 — Сидитъ хорошо.
 — Спускай... Осторожнѣе...
 — Полегоньку, полегоньку, ребята...

Жерди, упертыя концами въ берегъ рѣчки, въ самомъ узкомъ ея мѣстѣ, медленно начали клониться и повисли въ туманѣ надъ водой.

- Достанетъ до берега?
 — Достанетъ, ваше благородіе...
 — Тише опускай...
 — Чижоль очень.
 — Стой, стой, стой!

Но, все-же, дальній конецъ моста съ громкимъ всплескомъ легъ въ воду. Телѣгинъ махнулъ рукой:

— Ложись.

И неслышно въ травѣ на берегу прилегли, притаились фигуры охотниковъ. Туманъ рѣдѣлъ, но стало темнѣе, и воздухъ жестче передъ разсвѣтомъ. На той сторонѣ все было тихо. Телѣгинъ позвалъ:

- Зубцовъ!
 — Здѣсь.

— Лѣзь, настилай.

Пахнувшая ѣдкимъ погомъ и шинелью, рослая фигура охотника Василия Зубцова соскользнула мимо Телѣгина съ берега въ воду. Ивашъ Ильичъ увидѣлъ, какъ большая рука, дрожа, ухватилась за траву, отпустила ее и скрылась.

— Глубко, — злбкимъ, шопогомъ проговорилъ Зубцовъ откуда-то снизу. — Ребята, подавай доски...

— Доски, доски давай.

Неслышно и быстро, съ рукъ на руки, егали подавать доски. Прибивать ихъ было нельзя — боялись шума. Наложивъ первые ряды, Зубцовъ вылезъ изъ воды на чюстигъ и вполголоса приговаривалъ, стуча зубами:

Живѣй, живѣй подавай... Не спи...

Подъ мостомъ журчала быстрая, студеная вода, жерди колебались. Телѣгинъ различалъ темныя очертанія кустовъ на той сторонѣ, и, хотя это были точно такіе же кусты, какъ я на нашемъ берегу, видъ ихъ казался жуткимъ. Имъ нужно было овладѣть. Ивашъ Ильичъ вернулся на берегъ, гдѣ лежали охотники, и крикнуть рѣзко:

— Вставай!

Сейчасъ же въ бѣловатыхъ облакахъ поднялись преувеличенно большія, расплывающіяся фигуры:

— По одному, бѣгомъ!...

Телѣгинъ повернулъ къ мосту. Въ ту же минуту, словно лучъ солнца уперся въ переливающееся пылью туманное облака, освѣтились желтыя доски, вскинутая въ испугѣ чернородая голова Зубцова. Лучъ прожектора метнулся вбокъ, въ кусты, вызвалъ оттуда, изъ небытія корявую вѣтвь съ голыми сучьями, и снова легъ на доски. Телѣгинъ мелко перекрестилъ душу, какъ бывало, передъ купаньемъ, и побѣжалъ черезъ мостъ. И сейчасъ же словно обрушилась вся эта черная тишина, громомъ отдалась въ головѣ. По мосту съ австрійской стороны стали бить ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Телѣгинъ прыгнулъ на берегъ и, присѣвъ, обернулся. Черезъ мостъ бѣжалъ высокій солдатъ, — онъ не разобралъ кто, — вин-

товку прижать къ груди... выронить се, поднѣявъ руки, точно смѣясь, и опрокинулся вбокъ, въ воду. Пулеметь хлестала по мосту, по водѣ, по берегу... Пробѣжали второй, Сусовъ, и легъ около Телѣгина...

— Зубами заѣмь, туды ихъ въ душу!

Побѣжали второй, и третій, и четвертый, и еще одинъ сорвался и что-то завопить, барахтаясь въ водѣ...

Персбѣжали всѣ и залегли, наваливъ лопатами земли немного передъ собою. Выстрѣлы изступленно теперь грохотали по всей рѣкѣ. Нельзя было поднять головы, — по мѣсту, гдѣ залегли охотники, такъ и поливало, такъ и поливало пулеметомъ. Вдругъ ширкнуло невысоко — разъ, два, — шесть разъ, и глухо впереди громыкнули шесть разрывовъ. Это съ нашей стороны ударили по пулеметному гнѣзду.

Телѣгинъ и впереди него Василій Зубцовъ вскочили, пробѣжали шаговъ сорокъ и легли. Пулеметь опять заработала, слѣва, изъ темноты. Но было ясно, что съ нашей стороны огонь сильнѣе, — Австрійца загоняли подъ землю. Пользуясь нерерывами стрѣльбы, охотники подбѣгали къ тому мѣсту, гдѣ еще вчера передъ австрійскими траншеями нашей артиллеріей было раскидано проволочное огражденіе.

Его опять начали, было, заплетать за ночь, — на проволочкахъ висѣлъ трупъ. Зубцовъ перерѣзавъ проволоку, и трупъ упавъ мѣшкомъ передъ Телѣгинимъ. Тогда на четверинкахъ, безъ ружья, перегоняя остальныхъ, заскочилъ впередъ охотникъ Лаптевъ и легъ подъ самый брустверь. Зубцовъ крикнуть ему:

- Вставай, бросай бомбу!...

Но Лаптевъ молчалъ, не двигаясь, не оборачиваясь, — должно быть закатилось сердце отъ страха. Огонь усилился, и охотники не могли двинуться, — прильнули къ землѣ, зарылись.

— Вставай, бросай, сукинъ сынъ, бомбу! — кричали Зубцовъ, — бросай бомбу! — и, вытянувшись, держа винтовку за прикладъ, штыкомъ совалъ Лаптеву въ торча-

щую коробомъ шинель, въ задъ. Лантевъ обернуть ощеренное лицо, отстегнуть отъ пояса гранату и, вдругъ, кинувшись грудью на брустверь, бросилъ бомбу, и, вслѣдъ за разрывомъ, прыгнулъ въ окопъ.

— Бей, бей! — закричалъ Зубцовъ не своимъ голосомъ...

Поднялось человекъ десять охотниковъ, побѣжало и исчезло подъ землей, — были слышны только рваные, рѣзкіе звуки разрывовъ.

Телѣгинъ метался по брустверу, какъ слѣпой отъ крови, ударившей въ голову, и все не могъ отстегнуть гранату, и прыгнулъ, наконецъ, въ траншею, и побѣжалъ, задѣвая плечами за липкую глину, споткнулся о мягкое, стиснулъ со всей силой зубы, чтобы перестать кричать неистово... Увидѣлъ бѣлое, словно маска, лицо человека, прижавшагося во впадинѣ окопа, и схватилъ его за плечи, и человекъ, будто во снѣ, забормоталъ, забормоталъ, забормоталъ...

— Замолчи, ты, чортъ, нетрону, — чуть не плача, закричалъ ему въ бѣлую маску Телѣгинъ и побѣжалъ, перепрыгивая черезъ группы. Но бой уже кончился. Толпа сѣрыхъ людей, побросавшихъ оружіе, дѣлала изъ траншеи на поле. Ихъ пихали прикладами, швыряли около въ землю гранаты, для страха. А шагахъ въ со-рока, въ крытомъ гнѣздѣ, все еще грохоталъ пулеметь, обстрѣливая переправу. Иванъ Ильичъ, протискиваясь среди охотниковъ и плѣнныхъ, кричалъ:

-- Что же вы смотрите, что вы смотрите!... Зубцовъ, гдѣ Зубцовъ?..

— Здѣсь я...

— Что же ты, чортъ окаянный, смотришь!...

— Да развѣ къ нему подступишься!...

— А въ морду вотъ давай!.. Идемъ...

Они побѣжали. Зубцовъ рванулъ Телѣгина за рукавъ:

— Стой!... Вотъ онъ!

Изъ траншеи узкій ходъ велъ въ пулеметное гнѣздо. Нагнувшись, Телѣгинъ побѣжалъ по нему, вскочилъ въ

блиндажъ, гдѣ въ темнотѣ все тряслось отъ нестерпимаго грохота, схватили кого-то за локти и потащили. Сразу стало тихо, только, борясь, хрипѣлъ тотъ, кого онъ отдирали отъ пулемета...

Сводочъ, и вивучай, не хочется, пусти-ка, — пробормотала сзади Зубцовъ и раза три тяжело прикладомъ ударила тому въ черень, и тотъ, выдрагивая, заговорилъ: — бу, бу, бу, — и затихъ... Тельгинъ вынудилъ его и пошелъ изъ блиндажа. Зубцовъ крикнулъ въ догонку: — Ваше благородіе, онъ прикованный...

Скоро стало совсѣмъ свѣтло. На желтой глинѣ были видны пятна и потеки крови. Валялось нѣсколько ободранныхъ зелячьихъ кожъ, жестянки, сковородки, да трупы, уткнувшись, лежали мѣшками. Охотники, разнорешные и вялые, — кто прилетѣть и похранивать, кто ѣлъ консервы, кто общаривать брошенные австрійскія сумки.

Плѣнныхъ давно уже угнали за рѣку. Поля переправлялся, занималъ позиціи, и артиллерія была по вторымъ австрійскимъ линіямъ, откуда отбѣчали вяло. Моросилъ дождикъ, туманъ развѣяло. Иванъ Ильичъ, облокотившись о край окопа, глядѣлъ на поле, по которому они бѣжали ночью. Поле, какъ поле, — бурое, мокрое, кое-гдѣ — обрывки проволоки, кое-гдѣ — черные слѣды подкопашной земли, да нѣсколько труповъ охотниковъ. И рѣчка — совсѣмъ близко. И ни вчерашнихъ огромныхъ деревьевъ, ни жуткихъ кустовъ. А сколько было затрачено силы, чтобы пройти эти триста шаговъ.

Австрійцы продолжали отходить, и русскія части, не отдыхая, преслѣдовали ихъ до ночи. Тельгину было приказано занять со своими охотниками дѣсокъ, синѣвшій на горкѣ, и онъ послѣ короткой перестрѣлки занялъ его къ вечеру. На-спѣхъ окопались, выставили сторожевое охраненіе, связались со своей частью телефономъ, поѣли, что было въ мѣшкахъ, и подъ мелкимъ дождемъ, въ темнотѣ и дѣсной прѣли, заснули, хотя былъ приказъ поддерживать огонь всю ночь.

Тельгинъ сидѣлъ на пнѣ, прислонившись къ мягкому

отъ вѣха стволу дерева. За вѣрогъ иногда падала капля, и это было хорошо, — не давало заснуть. Утреннее возбужденіе давно прошло, и прошла даже страшная усталость, когда пришлось идти версты десять по разбухшими жнивьямъ, перелѣзать черезъ плетни и канавы, когда одеревенѣвшія ноги ступали куда попало и распухла голова отъ боли.

Кто-то подошелъ по листьямъ и голосомъ Зубцова сказалъ тихо:

Сухарикъ желаете?

- Спасибо.

Иванъ Ильичъ взялъ у него сухарь и сталъ жевать, и онъ былъ сладокъ, такъ и таялъ во рту. Зубцовъ присѣлъ около на корточкахъ:

Покурить позволите?

Осторожнѣе только, смотри.

У меня трубочка.

Зубцовъ, ты зря, все-таки, убить его, а?

Пулеметника-то?

Да.

Конечно, зря.

Спать хочешь?

Ничего, не посплю.

Если я задремлю, ты меня толкни.

Медленно, мягко падали капли на прѣлые листья, на руку, на козырекъ картуза. Послѣ шума, крикомъ, омерзительной волни, послѣ убійства пулеметника, — падаютъ капли, какъ стеклянные шарики... Падаютъ въ темноту, въ глубину, гдѣ пахнетъ прѣлыми листьями. Шуршать, не даютъ спать... Нельзя, нельзя... Иванъ Ильичъ разлѣплялъ глаза и видѣлъ неясныя, какъ намѣченные углемъ, очертанія вѣтвей... — Но стрѣлять всю ночь — тоже глупость, — пускай мужики отдохнутъ... Восемь убитыхъ, одиннадцать раненыхъ... Конечно, надо бы поосторожнѣе на войнѣ... Ахъ, Даша, Даша... Стеклянные капельки все примирять, все успокоить... Капельки съ дашиныхъ пальцевъ... О, Господи, Господи...

— Иванъ Ильичъ!...

— Да, да, Зубцовъ, не сплю...

— Развѣ не зря — убить человѣка-то... У него, чай, домишко свой, семейство какое ни на есть, а ты ткнуть въ него штыкомъ, какъ въ чучело, — сдѣлалъ дѣло. И тебѣ за это медаль. Я въ первый-то разъ заповоролъ одного, — потомъ бѣть не могъ — тошнило... А теперь — десятаго, или девятаго кончаю... Дожили... Вѣдь страхъ-то какой, а? Раньше и въ мысляхъ этого не было. Подумать, бывало, боязно — а вдругъ подъ руку тебя подтолкнетъ... А здѣсь — ничего — по головкѣ гладить. Значитъ, грѣхъ-то на себя кто-то уже взялъ за это за самое?...

— Какой грѣхъ?

— Да хотя бы мой... Я говорю — грѣхъ-то мой на себя кто-нибудь взять, — генералъ какой, или въ Петербургѣ какой-нибудь человѣкъ, который всѣми этими дѣлами распоряжается...

— Какой же твой грѣхъ, когда ты отечество обороняешь.

— Такъ вѣдь, Иванъ Ильичъ, Нѣмецъ тоже свое отечество обороняетъ. Зачѣмъ же мы другъ другу обязаны истреблять? Онъ тоже, чай, думаетъ, что — правый. А кто же виноватъ оказывается въ этой музыкѣ?

— Опасныя слова говоришь, братецъ мой.

— Зачѣмъ!... Я говорю, слушай, Иванъ Ильичъ, кто-нибудь да окажется виновный, — мы разыщемъ... Сколько народу переколотили, — не можетъ быть, чтобы зря... Я думаю -- если одно отечество оборонять -- такой бы войны у насъ не было... А газету почитать, — ничего не понятно. Одно, — во всемъ свѣтѣ — рвачка. А почему, — пишутъ, да не договариваютъ...

— Какъ же ты самъ объ этомъ думашь?

— Какъ я думаю? Я вотъ какъ думаю — я девятерыхъ убилъ, значитъ я долженъ отвѣчать, — либо я не жилецъ. А ну, какъ зря меня заставили это дѣлать? Вотъ тутъ бы я сейчасъ зубами заѣлъ этого человѣка.

— Кого?

— Да ужъ я не знаю кого. Кто виноватъ.

— Нѣмецъ виноватъ.

— А я считаю, кто эту войну допустилъ, -- тотъ и виноватъ. Нѣтъ такого закону, чтобы я убилъ, да утерся. Вотъ—кто мой грѣхъ за все это на себя беретъ -- тотъ и будетъ отвѣчать...

Пуля въ лѣсу хлопнула одинокій выстрѣлъ, и сейчасъ же оживленно начало отвѣчать сторожевое охранение. Это было тѣмъ болѣе удивительно, что съ вечера врагъ не находился въ соприкосновеніи. Телѣгинъ побѣжалъ къ телефону. Телефонистъ высунулся изъ ямы:

-- Аппаратъ не работаетъ, ваше благородіе.

По всему лѣсу теперь, крутомъ, слышались частые выстрѣлы, и пули чиркали по сучьямъ. Передовые посты подтягивались, отстрѣливаясь. Около Телѣгина появился охотникъ Климовъ, безъ шапки, степнымъ какимъ-то, дурнымъ голосомъ проговорилъ: -- Обходить со всѣхъ сторонъ, ваше благородіе! -- быстро схватился за лицо и сѣлъ на землю, -- легъ ничкомъ. И еще кто-то закричалъ въ темнотѣ:

-- Братцы, помираю!

Телѣгинъ различалъ между стволами росляя, неподвижныя фигуры охотниковъ. Они всѣ глядѣли въ его сторону, -- онъ это чувствовалъ, и сердце его стало покойно.

Онъ сказалъ, чтобы всѣ, разсыпавшіеся по-одиночкѣ, пробивались къ сѣверной сторонѣ лѣса, должно быть еще не окруженной. Самъ же онъ съ тѣми, кто захочетъ остаться, задержится, насколько можно, здѣсь въ окопахъ.

- Нужно пять человекъ. Живые не вернемся. Кто желающій?

Отъ деревьевъ отдѣлились и подошли къ нему Зубцовъ, Сусовъ и Коловъ -- молодой парень. Зубцовъ крикнулъ, обернувшись:

— Еще двоихъ требуется. Рябкинъ, иди.

— Что-жъ, и могу...

— Пятаго, пятого.

Съ земли поднялся низкорослый солдатъ въ полушубкѣ, въ мохнатой шапкѣ, весь заросшій бородой:

— Ну, вотъ я, что-ли, остаюся.

Шесть человекъ залегли шагахъ въ двадцати другъ отъ друга и открыли огонь. Фигуры за деревьями исчезли. Иванъ Ильичъ выпустилъ нѣсколько пачекъ, и вдругъ съ отчетливой ясностью увидѣлъ, какъ загра поутру люди въ сѣрыхъ капотахъ перевернуть на спину его оскаленный трупъ, начнутъ обшаривать, и грязная рука залѣзаетъ подъ рубаху.

Онъ положилъ винтовку, разгребъ рыхлую, сырую землю и, вынувъ дашины письма, поцѣловавъ ихъ, положилъ въ ямку и засыпалъ, запорошилъ сверху прѣлыми листьями...

— Ой, ой, братцы, — услышала онъ голосъ Сусова, лежавшаго слѣва. Оставалось двѣ пачки патроновъ. Иванъ Ильичъ подползъ къ Сусову, уткнувшемуся головой, легъ рядомъ и бралъ пачки изъ его сумки. Теперь стрѣляли только Телѣгинъ да еще кто-то направо. Наконецъ, патроны кончились. Иванъ Ильичъ бросилъ винтовку, пождалъ, оглядывался, поднялся и началъ звать по именамъ охотниковъ. Отвѣтилъ одинъ голосъ: — «Здѣсь», — и подошелъ Коловъ, опираясь о винтовку. Иванъ Ильичъ спросилъ:

— Патроновъ нѣтъ?

— Нѣту.

— Остальные не отвѣчаютъ?

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Ладно. Идемъ. Бѣги.

Коловъ перекинулъ винтовку черезъ спину и побѣжалъ, хоронясь за стволами. Телѣгинъ же не прошелъ и десяти шаговъ, какъ свади въ плечо ему ткнул тупой желѣзный палецъ.

Гр. Алексѣй Н. Толстой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

З М Ъ Й.

1.

Я вѣрую во власть и въ чару Змѣя.
Черезъ него на утрѣ бытія,
Открылось мнѣ, что яркій возгласъ «Я!»
Есть мечъ благого, хоть и ножъ злодѣя.

Въ блаженствѣ откровенья холодѣя,
Я тронуль ключъ, и брызнула струя,
Вдругъ жаркой лдяность сдѣлалась моя,
Изъ точки вышла звѣздная затѣя.

Недвижна самозамкнутая Суть.
Но капля отъ безмѣрнаго горнила
Отпала, ощутивъ, что капля — сила.

Другая, возжелавши къ ней прильнуть,
За ней. Такъ руль возникъ, и съ нимъ вѣтрило.
Къ безсмертному всегда черезъ смѣлость путь.

2.

Къ безсмертному всегда чрезъ смѣлость путь.
Увѣруй въ сердце. Сътъ порви разсудка.
Всего желаннѣй счастье первопутка,
За срывный край не бойся заглянуть.

Въ водѣ стоячей чуть мерцаетъ муть.
Но видишь стволъ? Его коснуться жутко.
Коснись его. Не старая погудка,
А новый звукъ — срубивъ, его швырнуть.

Смѣлѣй, прикосновенье острой стали,
Руби, бросая щепки прочь, топорь.
Кто хочетъ знать невѣдомый просторь, —

Тотъ на ладѣ владеть въ безмѣрность дали.
Чтобъ новымъ стать, низвергнись въ водокруть.
Свой ликъ люби, и свой же ликъ забудь.

3.

Свой ликъ люби, и свой же ликъ забудь.
Лишь такъ горять безчисленныя зори.
У дѣвушки все сердце въ вѣчномъ спорѣ:—
Любя замкнуться, любить отомкнуть.

Тюрьмой бываетъ собственная грудь.
О, суженый! На радость или горе,
Но въ подвѣчномъ дай предстать уборѣ,
Желанью молви творческое «Будь!»

Узнаешь счастье въ музыкѣ сліянья,—
Въ расцвѣтныхъ краскахъ вырвется напѣвъ,
И мраморъ изсѣчется въ изваянье.

А если горе тайный бросить сѣвъ,
Печаль красивой можетъ быть, нѣмѣя,
Изъ точныхъ чертъ слагается камень.

4.

Изъ точныхъ чертъ слагается камѣя
Игрой неумолимаго рѣзца.
Средь мимолетныхъ очерковъ лица
Узнай одинъ, верховность разумѣя.

Чей путь— прямой, поидеть еще прямѣе,
Вожаждавъ быть разсвѣтомъ безъ конца,
Въ свое вмѣщая сердце всѣ сердца,
Въ глухой ночи пригоршни звѣздъ имѣя.

Не участь сердца — радость или боль,
А участь сердца — вѣчное алканье,
Бѣжать за грань въ мгновеньи досяганья.

Кто-бъ ни былъ ты, но духъ мой не неволь.
Хоти смѣлѣй — вотъ замокъ, вотъ аллея.
Незрячій червь пробилъ всю землю, снѣя.

5.

Незрячий червь пробилъ всю землю, смѣя
Искать путей и превращать свой ликъ,
Нѣтъ горь, куда бы жадный не проникъ,
Не стѣны — ледь, и снѣжная завѣя.

Въ чемъ высшее искусство чародѣя?
Чтобъ музыкою сталъ звѣриный крикъ.
Чтобъ въ водопадъ, кипя, возросъ родникъ.
Чтобъ червь леталъ, какъ бабочка и фея.

Играя, духъ зовется—запятой,
И палочкой, и зыбится рѣсничкой,
Пойдетъ землей, пойдетъ огнемъ, водой.

Удавомъ глянетъ, взвѣетъ пестрой птичкой.
Ломая страхъ, спѣшитъ во все взглянуть.
У первой птицы въ крыльяхъ билась жуть.

6.

У первой птицы въ крыльяхъ билась жуть,
Когда, начатокъ сложный и сугубый,
На крыльяхъ—когти, въ жадномъ клювъ—зубы,
Звѣриность не могла съ себя стряхнуть.

Но въ сонмѣ дней мѣняя ликъ чуть-чуть,
Она преобразила призракъ грубый,
И вотъ шепнули въ мѣрѣ чьи-то губы:—
Отрясши звѣря, птицею пребудь.

Она ушла въ полеть, напѣвъ, и краски,
Но много змѣйныхъ тайнъ въ себѣ тая.
И шея лебединая — змѣя.

И выпь — какъ кобра, въ грозный мигъ опаски.
Люби живыхъ, но только не забудь:—
Быль змѣемъ каждый духъ когда-нибудь.

7.

Быль эмѣмъ каждый духъ когда-нибудь,
И въ мѣрѣ все, въ уродствѣ и прикрасѣ,
Не явь-ли сна? Всѣ лики—ипостаси
Единого. Разсыпанная ртуть.

Эмѣтся травка къ Солнцу. И вздохнуть
Не можетъ лѣсъ не эмѣнно въ вешнемъ часѣ.
Отливъ эмѣи — въ играющемъ атласѣ,
Волна эмѣей спѣшить переплеснуть.

Когда огонь любви чаруетъ въ тѣлѣ,
Въ живой и мудрой хранилѣ твоей,
Не эмѣи-ли ворожить на томъ предѣлѣ, —

Глѣ страстный Онъ желаненъ страстной Ей?
Гроза эмѣить свой знакъ, межъ тучъ алѣя.
Эмѣина стеблемъ бѣлая лилея.

8.

Змѣнна стеблемъ бѣлая лилея,
И женскихъ глазъ узывная игра,
И линія спокойнаго бедра
По-разному поютъ о томъ же, млѣя.

Змѣя не вѣчно жалитъ. Будь смѣлѣе.
Хочу. Приди. Я жду тебя. Пора.
Въ чешуйкахъ рыбы много серебра,
И въ ласкѣ, съ Солнцемъ, духъ проходить, рѣя.

Что слаше двухъ, смѣшавшихся въ одно?
Что есть нѣжнѣй извивовъ бѣлой груди?
Отъ двухъ въ любви идетъ до звѣздъ звено.

Черезъ жезлъ любви съ богами равны люди.
Запретна страсть, коль въ страсти гнетъ цѣпей.
Понявъ запретъ, запретное разбей.

9.

Понявъ запретъ, запретное разбей.
Звено съ звеномъ, но лишь не звенья цѣпи.
Уста къ устамъ, но въ праздникъ, не въ склепъ,
Безъ примѣси воды вино испей.

Узнавъ свою, будь полностью съ своей,
Узналъ-ли въ храмъ сонъ или въ вертепъ,
Будь такъ въ любви, чтобъ души были степи,
Гдѣ вѣтеръ мчится моремъ ковылей.

Но если кто, лелѣя и лобзая,
Захочетъ духъ въ предѣльномъ полонить,
Бѣги любви, какъ вѣтеръ исчезаая.

Не только цѣпь, скуетъ мечту и нить.
Но, усомнясь, провѣрь. Страшись обмана.
Не выходи на бой чрезмѣрно рано.

10.

Не выходи на бой чрезмѣрно рано,
Затѣявъ битву съ близкою душой.
Загадоченъ просторъ души чужой,
Еще не съ ней — коснувшись губъ и стана.

Быть можетъ, это нѣжная лиана?
Не знаешь, нѣтъ? Мимоза? Нѣтъ? Левкой?
Удостоверься въ грезѣ не рукой,
Ни даже сердцемъ, если сердце пьяно.

Постой. Постой. Испивъ вино до дна,
Не истолкуй блѣднѣющую алость
Какъ смерть любви. Сильна въ цвѣтахъ весна.

Въ свой часъ о всемъ спроси тихонько жалость,
Себя, — другого раня, — не убей.
Любя змѣю, люби и голубей.

11.

Любя змѣю, люби и голубей,
Люби не только жадность приниканья,
А также мимолетное мельканье
Воздушныхъ крылъ средь облачныхъ зыбей.

Кто лишь въ одномъ, онъ всѣхъ слѣпыхъ слѣпѣй,
Въ неистощимомъ токѣ убѣганья
Вдругъ къ Солнцу обратись и пей сверканье,
Какъ въ мигъ рожденья вѣщій скарабей.

Люби — люби — люби Свѣтило жизни,
Кружись — кружись — кружись, слѣдя полеть
Всѣхъ вольныхъ птицъ, всѣхъ пчель, несущихъ медь.

Но въ смѣнѣ странъ возстонешь объ отчизнѣ.
И знай, упившись плясками лучей : —
Въ одной изъ птицъ есть путь отъ всѣхъ скорбей.

12.

Въ одной изъ птицъ есть путь отъ всѣхъ скорбей,
Отъ суемысли, козней, замогилья,
И сѣрыхъ дней, и сѣраго безсилья,
И топи, и блуждающихъ огней.

Крылатымъ въ летѣ вдвое будешь съ ней,
Когда свои она раскроетъ крылья.
Полями полетите изобилья,
И въ высотѣ, откуда все виднѣй.

Ты знаешь самъ, какая это птица,
И какъ ее назвать, я не скажу.
Но съ ней двойная въ небѣ ты зарница.

И, цвѣтъ съ цвѣткомъ, украсишь ты межу.
Крыломъ коснулась. Вотъ. Все златоткано.
Взгляни на кругъ сапфирный Океана.

13.

Вгляни на кругъ сапфирный Океана.
Душа узнала душу. Вы цари.
Бѣги. Плыви. Люби. Лети. Гори.
Жарь-Птица ты, съ тобой твоя Свѣтлана.

Вершины горъ бѣлѣютъ изъ тумана,
Двухъ зорь дневныхъ нѣмые алтари.
Свой энимамъ, о, сердце, искури,
Колдуя къ мысли змѣйками кальяна.

Ты помнишь-ли время сѣдыхъ разсказъ,
О томъ, какъ Змѣй, сомкнувшись полнымъ кругомъ,
Свой хвостъ поставя вровень рта и глазъ, —

Облекъ Востокъ съ Закатомъ, Сѣверъ съ Югомъ,
Изъ точки тучей сталъ, Вселенной всей.
Черезъ каплю воли ты всемірный Змѣй.

14.

Черезъ каплю воли ты всемірный Змѣй,
Блеснувъ росою, ходишь въ небѣ тучей,
Ты птицей вѣешь съ птицею летучей,
Ты колось межъ колосьями полей.

Любя весь міръ, ты каждый мигъ свѣтлѣй,
Былинкой былъ, и вотъ ты лѣсъ дремучій,
Къ ээиру, въ область Солнца, путь твой жгучій,
И вновь ты листъ смолистыхъ тополей.

О, вѣрую! И, вѣровать умѣя,
Всѣмъ возвѣстить хочу: Лишь захоти, —
Легко волшебный самоцвѣтъ найти.

Во вѣ-ли онъ? Найду-ль его въ умѣ я?
Онъ тутъ. Онъ тамъ. Онъ всюду на пути.
Я вѣрую во власть и въ чару Змѣя.

15.

Я вѣрую во власть и въ чару Змѣя.
Къ бессмертному всегда чрезъ смѣлость путь.
Свой ликъ люби, и свой же ликъ забудь.
Изъ точныхъ чертъ слагается камень.

Незрячій червь пробилъ всю землю, смѣя.
У первой птицы въ крыльяхъ билась жуть.
Быль вмѣемъ каждый духъ когда-нибудь,
Змѣина стеблемъ бѣлая лилея.

Понявъ запретъ, запретное разбей.
Не выходи на бой чрезмѣрно рано.
Любя змѣю, люби и голубей.

Въ одной изъ птицъ есть путь отъ всѣхъ скорбей.
Вгляни на кругъ сапфирный Океана.
Чрезъ каплю воли ты всемірный Змѣй.

К. Бальмонтъ.

Русское Устье.

(Изъ дневника ссыльнаго).

(Окончаніе).

29 апрѣля

Вчера пріѣхали изъ Усть-Янска. Привезли мнѣ груду писемъ, газетъ, журналовъ. Когда я распечатывалъ письма, у меня руки дрожали отъ волненія.....

9-22 мая.

Перваго мая вечеромъ шель тихій снѣгъ. Я уже лежалъ въ постели и съ наслажденіемъ читалъ номеръ «свѣжей» газеты—«Русскія вѣдомости» отъ ноября — когда ровно въ 10 часовъ (я живу здѣсь по-птичьему — рано ложусь и рано встаю) вдругъ сразу кто-то, разбѣжавшись, ударилъ въ домъ, и въ трубѣ неистово завылъ вѣтеръ. Да такъ завылъ, что я выскочилъ на крышу посмотреть, что случилось. Упала страшная пурга — *такой* я еще здѣсь не видывалъ. Утромъ, когда я проснулся, въ трубѣ выло по-прежнему. Въ комнатѣ почему-то стояли сумерки. Съ удивленіемъ увидалъ за печкой сугробъ прорвавашагося какимъ-то образомъ черезъ шель снѣга. Съ трудомъ отворилъ дверь — и не повѣрилъ своимъ глазамъ. Сѣни были биткомъ набиты снѣгомъ до самаго потолка. Снѣгъ похоронилъ всѣ мои припасы, ледъ... Щепкой прокопалъ туннель къ наружнымъ дверямъ. Проползъ къ нимъ

— двери не отворяются, пришлось их сломать. За ними адь крошечный. Хвостатые бѣлые вихри-зміи кружатся въ воздухѣ, все вокруг завалило огромными сугробами. Вотъ она сѣверная Вальпургіева ночь!

И съ тѣхъ поръ, не переставая, дуютъ вѣтры. Они отгоняютъ весну, снѣгъ пересталъ таять. Птиць они совсѣмъ сбили съ толку: по-одиночкѣ, какъ-то безтолково начали прилетать гуси, но вѣтра и холода, видимо, смущаютъ ихъ — они то летятъ на сѣверъ, то поворачиваютъ обратно. Сегодня надъ моимъ домомъ съ жалобнымъ крикомъ пролетѣла противъ вѣтра большая морская чайка. Два дикихъ оленя пробѣжали сегодня по рѣкѣ. Значить, *настоящая* весна, все-таки, близко...

Въ тотъ день, когда мнѣ привезли письма, я засидѣлся за ними до поздней ночи. Не замѣтилъ этого, потому что уже давно ночи здѣсь свѣтлыя. Ровно въ полночь вылѣзъ на крышу — на сѣверѣ былъ виденъ край уже не заходящаго теперь солнца. А черезъ недѣлю оно въ полночь высоко стояло надъ горизонтомъ на сѣверѣ — свѣтитъ и грѣетъ, какъ наше закатывающееся солнце. Начались чудеса полярнаго лѣта.

29 мая.

Послѣднія двѣ недѣли я жилъ совершенно ошалѣлой жизнью. Утромъ меня будилъ крикъ птицъ, и я, схвативъ ружье, по болотамъ и снѣгамъ бѣжалъ въ тундру, — вечеромъ валился въ постель съ ноющими ногами и налитымъ свинцомъ тѣломъ. Сны полны маханія крыльевъ и крика птицъ. Мнѣ досадно было, что такъ много времени должно уходить на хозяйство и сонъ, а потому я не доѣдалъ и не досыпалъ. Знаю, что это глупо, но весна бываетъ только одинъ разъ въ году. Сейчасъ главные отряды птицъ улетѣли дальше къ морю, жизнь моя стала спокойнѣе, и я могу снова писать.

Перваго гуся я увидалъ 5 мая. Но одинъ гусь весны не дѣлаетъ — подули холодные восточные вѣтра и «заперли» гуся вверху. Только 17 мая повѣяло настоящей весной — съ этого дня я и потерялъ всякое равновѣсіе.

Недалеко отъ дома, среди растаявшихъ болотъ, я выстроилъ себѣ «хижину дяди Тома», какъ мысленно прозвалъ ее, и просиживалъ въ ней съ утра до вечера, подсматривая птичьи тайны, ихъ романы, идилліи, драмы, даже трагедіи. Какъ все это было интересно! И какъ трудно описать все видѣнное! Вѣдь это такая кипучая волна жизни, она бьется и трепещетъ — до послѣдней крайности надо было напрягать вниманіе, зрѣніе, слухъ, чтобы поймать какъ можно больше звуковъ и движенія. И вечеромъ я почти падалъ отъ изнеможенія.

Сначала преобладали гуси. Они летѣли парами, тройками, шестерками — низко надъ землей — съ глухими двойными криками. Высматриваютъ мѣста и садятся на обтаявшихъ песчаныхъ косахъ рѣки. Тамъ они собираются сотнями, устраиваютъ клубы, и ихъ крикъ слышенъ за версту — галдятъ, какъ на базарѣ. Среди этого хриплаго крика слышны порой отрывистые глухіе трубные звуки, и когда вся стая сплунута и сброй тучей поднимается на воздухъ, на ней ясно выдѣляются три-четыре бѣлоснѣжныхъ фигуры — это лебеди. Гуси чутки и осторожны — еще бы, вѣдь ихъ, бѣдняжекъ, преслѣдуютъ всюду, на всемъ ихъ длинномъ, длинномъ пути — отъ Австраліи или южнаго Китая до Ледовитаго океана.

Всюду еще лежалъ снѣгъ и было холодно, когда появились большія бѣлыя чайки. Какъ онѣ красивы — отъ нихъ вѣетъ дикой волей и просторомъ. За чайками прилетѣли маленькія воробьиныя птички и хорошо намъ знакомыя трясогузки. Онѣ вьются вокругъ домовъ и веселымъ пискомъ наполняютъ воздухъ. Вотъ появились и группы разнаго рода куличковъ — на высокихъ стройныхъ ножкахъ, съ длинными клювами. Болота растаяли, всюду стоитъ вода, оттаялъ по берегамъ Индигирки ледъ и образовались такъ называемыя «забереги». Тутъ ужъ валомъ повалила птица, и каждый день новая. Преобладаетъ, конечно, водяная.

Здѣсь ихъ родина, сюда возвращаются онѣ изъ теплыхъ странъ — съ Атлантическаго океана, съ Чернаго моря, изъ Египта, изъ Индіи, съ Цейлона, Кубы, изъ Испаніи и Австраліи, нѣкоторыя изъ нихъ при этомъ дѣлаютъ до 10—20.000 верстъ.

Самымъ оживленнымъ, можно даже сказать самымъ бур-

нымъ по прилету птицъ былъ день 24 мая. Билась и трепетала между землей и небомъ огромная волна жизни. Каждая лужа, каждая кочка — особый мѣръ, гдѣ ключомъ кипитъ жизнь. Каждая пичуга прыгаетъ, трепещетъ крылышками, пищитъ, поетъ — въ мѣру отпущеннаго ей Богомъ таланта, — каждая занята своимъ дѣломъ, не обращая вниманія на сосѣда, и лишь при появленіи какого-нибудь крылатаго хищника всѣ дружной тучей бросаются въ сторону. Я положительно терялся и не зналъ, на что смотрѣть. Птица не пугалась моего шалаша и не видѣла меня, часто я разсматривалъ ихъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, смѣялся и удивлялся ихъ манерамъ и продѣлкамъ.

Вотъ въ ближнемъ болотцѣ сидятъ нѣсколько утокъ — «савки» и «шилохвосты», послѣднія особенно красивы, перо у нихъ серебристо-пестрое, какъ у цесарокъ. Мой пріятель «Бой» набѣжалъ на нихъ, онѣ съ шумомъ поднялись и снова въ нѣсколькихъ шагахъ опустились, не считая, очевидно, щенка опаснымъ врагомъ; онѣ сдержанно крякаютъ, шелочатъ широкими клювами въ водѣ и больше не обращаютъ никакого вниманія на недоумѣвающаго, растерявшагося «Боя». Вокругъ нихъ кишмя-кишатъ всякаго рода и вида кулички-песочники: здѣсь восточно-сибирскій чернозобикъ, прилетѣвшій изъ Явы, а можетъ быть изъ Испаніи; быстро, быстро, почти судорожно втыкаетъ онъ въ землю свой длинный клювъ, причемъ одинъ настойчиво отгоняетъ другого, но все-же оба они неразлучны: милые бранятся — только тѣшатся. Тамъ острохвостый американскій песочникъ, поднявшись на воздухъ, плавно опускается, причемъ его нѣсколько отвислый зобикъ раздувается, какъ шаръ, и онъ издаетъ странно-громкій для такой маленькой птички звукъ: ду-ду-ду-ду — этого американца зовутъ здѣсь «дудукой». Маленькій длинноносый бекасъ описываетъ высоко въ воздухѣ огромную спираль, и его характерное «блеяніе» (за это его и зовутъ здѣсь «барашкомъ») слышно на тысячу шаговъ; музыкантъ старается для нея — но ея не видно, такъ какъ она притаилась гдѣ-нибудь среди прошлогодней травы. Одинъ видъ куличковъ поднимается на воздухъ, издавая перышками дребезжаніе, которое легко от-

лячить ухомъ во всемъ этомъ гамѣ — пищать, высвистывають, кричатъ, играютъ, дерутся и всё неустанно ищутъ кормъ. Какой-то артистъ издаетъ странный, захлебывающійся въ водѣ звукъ — очевидно, онъ погружаетъ клювъ въ воду и тамъ оретъ въ упоеніи. Пара, потомъ четыре большіяхъ благородныхъ бекаса съ длинными ногами въ четверть и такой же длины клювами опустили легко на землю и, не смѣшиваясь съ другими, быстро опять улетѣли. Сотни, тысячи «плавучниковъ» — плосконосыхъ и круглonoсыхъ — съ легкостью пробокъ плаваютъ по лужамъ, быстро перебирая ножками, отороченными перепонками, кружась, какъ въ вальсѣ, на одномъ мѣстѣ. На сосѣднемъ холмикѣ прилетѣвшіе изъ Индіи турухтаны устраиваютъ турниры, не обращая никакого вниманія на окружающихъ — но ихъ дуэли похожи на французскія въ нихъ больше шума и возни, чѣмъ крови. Они очень задорны и неустанно насканиваютъ другъ на друга, собираясь въ кругъ по нѣскольکو десятковъ штукъ — у нихъ красивые широкіе воротники въ два и три яруса разныхъ цвѣтовъ. Хлопочатъ пестрыя камнешарки со своимъ тоскливымъ и какъ бы предупреждающимъ крикомъ; соединяясь въ стаи съ песочниками — стайки вдругъ, какъ по сигналу, срываются и вихремъ носятся вокругъ. Летятъ крикливые гуси и злобно шипятъ, неожиданно налетая на человѣка и тяжело поднимаясь сразу коломъ въ воздухъ, чтобы выйти за черту выстрѣла. Пролетѣлъ, вытянувъ шею и поджавъ нелѣпныя длинныя ноги огромный стерхъ — и видно, что даже его огромныя крылья съ трудомъ несутъ тяжелое тѣло. На ясномъ голубомъ небѣ протянулась ниточка — она завязывается то въ петельки, то въ узелки и растетъ на глазахъ съ поразительной быстротой: сейчасъ это была нитка чернаго бисера, теперь развернулась четками — просвистѣли шелковистыя крылья, и вотъ уже опять все исчезло; это пролетѣла стая утокъ. Какъ будто кто-то бросилъ въ небо горсть каменьева. Утокъ здѣсь масса — савки, чирки, шилохвости, турпаны и др. Какой-то чудакъ пролетѣлъ надъ головой со страннымъ скрипучимъ крикомъ, какъ дѣтская деревянная трещотка — у него длинныя, острия крылья, вильчатый тоненькій хвостъ, клювъ и ноги ярко-ки-

новарнаго цвѣта. Это — длиннохвостая крачка, которая замѣчательна тѣмъ, что дѣлаетъ одинъ изъ длиннѣйшихъ *кружныхъ* перелетовъ, не подозрѣвая того, что мѣста гнѣздовья (сѣверъ и Тихій океанъ) и зимовья (Атлантическій океанъ) у нея въ сущности очень близки одно отъ другого — но преданія старины для нея дороже всякихъ нововведеній.

Должно быть, я очень плохой охотникъ, потому что стрѣльба не доставляетъ мнѣ большого удовольствія — я просто смотрѣлъ и наблюдалъ за всѣми этими пичугами. Поднятое ружье часто опускалось, и я не могъ заставить себя выстрѣлить. Коллекцію все-же старался собирать.

Все кругомъ славило жизнь, и вопіющимъ диссонансомъ въ этомъ хорѣ казались мнѣ русско-устинцы, которые, засучивъ штаны, бродили среди всѣхъ этихъ птицъ со своими луками. Вотъ подкрадывается къ маленькимъ плавунчикамъ здоровенный, корявый Митька, глаза его жадно блестятъ и нижняя губа отъ волненія отвисла — летитъ тяжелая стрѣла, пушенная почти въ упоръ въ стайки, давить однѣхъ пичугъ и обрываетъ крылышки у другихъ, — Митька хватается трепещущія жертвы, перекусываетъ зубами имъ горло и еще полуживыхъ, смятыхъ суетъ за пазуху или просто въ карманъ — сколько сотенъ жизней долженъ онъ истребить, чтобы насытить свое огромное тѣло! Другое чудовище спряталось въ шалашъ, изъ котораго по временамъ вырывается громъ и огонь, несая съ собой смерть вокругъ: о, для науки вѣдь такъ важно установить, что, наприм., *tringa alpina* гнѣздится восточнѣ Таймырскаго полуострова, а не до него, какъ это думали раньше. Бѣдныя пичуги!

11-24 іюня.

Весна проходитъ. 10 дней тому назадъ вскрылась и прошла рѣка. Давно уже начали ловить рыбу. Изъ озеръ и рѣки таскаютъ сельдей, омулей, чировъ и муксуновъ. Порой вытаскиваютъ невдомѣмъ нельму — аршина въ $1\frac{1}{2}$ — 2 величиной и болѣе пуда вѣсомъ. Я тоже ѣзжу за рыбой — учусь и изучаю. Сшили мнѣ здѣсь «вѣтку». «Вѣткой» здѣсь называется маленькая подочка на одного человѣка съ однимъ двухло-

пастнымъ весломъ. Шьютъ ее изъ обтесанныхъ тонкихъ досокъ. Легка она чрезвычайно, но зато и очень легкомысленна.

Случился со мной здѣсь курьезъ: староста и здѣшнее общество просили меня, во избѣжаніе возможныхъ «недоразумѣній», оставить имъ записку «самоубійцы»: «въ смерти моей прошу никого не винить» — на случай моей гибели; я вѣдь хочу лѣтомъ вмѣстѣ съ промышленниками ѣхать на море «гусевать». Я смѣялся, но просьбу ихъ исполнилъ.

Когда я сѣлъ въ «вѣтку» въ первый разъ, правду сказать, это показалось мнѣ страшнымъ, но скоро привыкъ и на четвертый день уже переплылъ, къ общему удивленію, черезъ Индигирку. А на-дняхъ ѣздили собирать гусинья яйца, сдѣлалъ на «вѣткѣ» версть 20 и назадъ возвращался озеромъ по большимъ волнамъ, на которыхъ моя «вѣтка» прыгала, какъ скорлупка.

Дни стоятъ знойные. Весна пришла съ цвѣтами, зеленой травой, медвянымъ запахомъ — всёиъ тѣмъ, что волнуешь и будоражить душу. Она замучила меня. Все было такъ мучительно и такъ сладко. Сырая земля вызывала почему-то въ памяти дѣтскіе годы, когда я въ весеннихъ лужахъ ловилъ головастиковъ, въ жаркій день горячій кустарникъ и верескъ пахнулъ совсѣмъ, какъ на Капри, большая бѣлая чайка на синемъ небѣ напоминала Женевское озеро, запахъ цвѣтовъ, зелень, тихій вѣтерокъ и веселое приволье вызвали въ памяти Гейдельбергъ, легкій дымокъ на свѣжемъ воздухѣ — Сочи. Только Парижъ ничто здѣсь не напоминаетъ...

Осуществилось то, о чемъ я такъ долго и такъ жадно мечтала по тюрьмамъ: привольная, свободная жизнь среди природы. Какимъ тихимъ, глубокимъ наслажденіемъ объята душа, когда въ какой-нибудь маленькой рѣчушкѣ слабое течение тихо несетъ «вѣтку» мимо зеленыхъ береговъ по прозрачной глубокой водѣ... Пролетаютъ надъ головой птицы, «вѣтка» тихо подкрадывается къ куличкамъ, которые прячутся въ травѣ, не подозрѣвая о твоёмъ присутствіи, жужжитъ надъ ухомъ комарь, сѣла на весло большая синяя муха, гудѣніе которой почему-то вдругъ вызываетъ въ памяти дачную лѣтнюю жизнь, Малаховку, Томилино... Необъятно раскинулось синее небо, и

вѣтерокъ бѣжить рябью по гладкой водѣ. Какъ хорошо! О чемъ тутъ не передумаешь, чего не вспомнишь, о чемъ не мечтаешь!

Пустѣеть Русское Устье. Изъ 7 дымовъ осталось лишь три, но только въ моемъ домикѣ населеніе не уменьшилось — всюду часть рыболововъ откочевала на промыселъ. Завтра укочевываетъ еще одинъ, а черезъ двѣ недѣли и послѣдній дымъ перестанетъ дымиться — я останусь совсѣмъ одинъ. Впрочемъ, и я, если погода позволитъ, не считаю долго жить на одномъ мѣстѣ — буду разѣзжать на своей «вѣткѣ» по всѣмъ кочевьямъ со своей палаткой, козьяйствомъ и «Боемъ», — благо у меня теперь всюду есть знакомые.

19 іюня - 2 іюля.

Вѣтеръ. Дождь. Холодъ. Надъ рѣкой несутся волны тумана. Впрочемъ, какого еще лѣта долженъ былъ ждать я здѣсь, подъ 71 градусомъ сѣверной широты! Когда я при рѣдкихъ встрѣчахъ проѣзжающихъ мимо промышленниковъ жалуясь на холодъ, на меня удивленно смотрятъ и говорятъ: «Какой холодъ? — лѣто! А вотъ погода!» «Погода», т. е. вѣтеръ мѣшаетъ имъ ловить рыбу.

Живу послѣднее время очень одиноко. Русское Устье совсѣмъ опустѣло, и я остался одинъ среди мертвыхъ домовъ съ «Боемъ», съ которымъ въ послѣднее время живу очень дружно. Жизнь моя идетъ не такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось. Многія книги еще ни разу не были сняты съ полки, многіе планы не осуществлены, гербарій пополняется медленно, коллекція насекомыхъ пока блестяще представлена только одной большой мухой, въ погребѣ стоитъ набитый птицами ящикъ и ихъ надо еще препарировать... Но гдѣ же угнаться за всѣмъ. Третьяго дня печаталъ карточки, вчера полдня пекъ пирогъ съ рыбой, а надо еще: покрыть землей и дерномъ крышу дома, чтобы не протекала, сдѣлать станокъ для ручной пилы, приготовить изъ бревень нѣсколько досокъ, выстругать доску для раскалыванія тѣста и проч. и проч. Соловьевъ застрялъ на 6-омъ томѣ (а ихъ всего 29), французскій Гуссэнъ на 8-омъ выпускѣ,

въ геологіи упорно сижу среди «горныхъ породъ», химія и Платонъ еще не тронуты... А къ тому еще каждый день надо ѣсть, ставить самовары, лавить въ погребъ за рыбой, чистить ее, жарить... Жить стараюсь на одной рыбѣ — птицъ стрѣлять не охота, у нихъ сейчасъ какъ разъ время высиживанія яицъ. Много въ хозяйственныхъ заботахъ мнѣ помогаетъ «юкола», т. е. сушеная на солнцѣ рыба. Она всегда готова и съ нею нѣтъ заботъ — къ ней я очень пристрастился: съ ней пью чай, ею одной часто обѣдаю. Вѣдь сказать правду, хлѣба у меня давно нѣтъ — а завѣтный пудъ сухарей стараюсь беречь для путешествій.

Брожу по тундрѣ — она все еще мокрая, и часто приходится по колену ходить въ водѣ. Жизнь на ней теперь ушла въ глубь. Весенняя пора увлеченій и романовъ кончилась, начались семейныя заботы. Слѣдить за птицами стало труднѣе: ихъ жизнь сдѣлалась интимнѣе. Старательно ишу гнѣзда. Совсѣмъ около дома нашель гнѣздышко маленькаго плавунчика, у котораго ноги съ такими потѣшными лопастными перепонками. Въ дождь, вѣтеръ и холодъ онъ упорно сидитъ на гнѣздѣ (интересно, что родительскія заботы лежатъ исключительно на самцѣ), подпускаетъ очень близко, потомъ осторожно соскакиваетъ, пробѣгаетъ нѣсколько шаговъ въ сторону и уже потомъ поднимается изъ другого мѣста, летя такъ, будто у него сломано крыло. Я дѣлаю видъ, что вѣрю ему. По моимъ расчетамъ, птенцы должны появиться на-дняхъ, и я боюсь, какъ бы «Бой» не съѣлъ всего семейства раньше, — а какъ оградить его безопасность? Другое гнѣздышко нашель въ сѣняхъ часовни: нѣсколько дней тому назадъ уже вылупились изъ яицъ 4 птѣнчика, покрытыхъ длиннымъ сѣрымъ пухомъ, еще слѣпые. Это — трясогузки, наши земляки, что изящно бѣгаютъ передъ дачами на усыпанныхъ пескомъ дорожкахъ. Я имѣлъ неосторожность на глазахъ у родителей дотронуться до одного изъ нихъ — къ вечеру нашель его выпихнутымъ изъ гнѣзда, — онъ былъ еще живъ. Напрасно я дважды возвращалъ его родительскому очагу, ревнивая мать упорно выбрасывала его вонъ. Своимъ назойливымъ любезнствомъ я добился того, что всѣ три птенца однажды

исчезли — родители, очевидно, ихъ куда-то всѣхъ перенесли и теперь съ насмѣшливымъ нискомъ летаютъ надъ моей головой, когда я подхожу къ этому мѣсту. Но больше всего я горжусь другой находкой: большимъ утинымъ гнѣздомъ съ 9 яйцами красивой шилохвосты. Мечтаю взять и приручить пару цыплятъ — но дѣло это очень трудное: у утокъ птенцы, разломавъ яйцо, сейчасъ же бѣгутъ къ водѣ — какъ тутъ за ними услѣдишь?!

Тундра сейчасъ пестрѣетъ цвѣтами: синіе колокольчики, желтые вѣнчики, лепестки блѣдно-лиловые, розовые, бѣлыми цвѣточками, похожими на ландыши, убранныя стелющійся по землѣ мохъ. Пучокъ этихъ цвѣтовъ съ нѣжнымъ запахомъ всегда стоитъ у меня въ стаканѣ на столѣ — цвѣты грустные, простые и милые. Если съ какого-нибудь возвышенія взглянуть на тундру, она вся кажется покрытой какими-то окнами и каналами воды и удивительно похожа на карту каналовъ и морей Марса. Все выше на ней поднимается трава. Оттаиваетъ здѣсь земля не глубоко — не больше аршина.

Дней черезъ десять «гусевщики» отправляются къ морю. Во мнѣ борются всякія «за» и «нѣтъ». Впрочемъ, многіе ли знаютъ, что такое «гусеваніе»?

Дѣло въ томъ, что у всѣхъ гусиныхъ (лебеди, гуси, утки) во время лѣтней линьки маховыя перья (на крыльяхъ) выпадаютъ не постепенно, какъ у другихъ птицъ («черезъ перо»), а одновременно. Благодаря этому въ теченіе 11-12 дней (здѣсь «съ Прокопія до Ильина», т.е. съ 8 по 20 іюля), пока не отрастутъ новыя перья, птица летать не можетъ и дѣлается безпомощной. Зная это и боясь своихъ враговъ, птицы на это время улетаютъ къ морю въ безлюдныя, пустынные мѣста, гдѣ собираются многими тысячами. Туда и ходятъ въ это время на промыселъ: стада птицъ окружаютъ и загоняютъ въ свѣти. Добываютъ такимъ способомъ обычно много тысячъ. Уже давно мечталъ я о гусеваніи. Но чѣмъ ближе день отъѣзда, тѣмъ больше «за» и «противъ». Съ одной стороны: Ледовитый океанъ, новыя, невиданныя мѣста, приключенія,

обиліе новыхъ впечатлѣній, возможность воспользоваться птицами, какъ почталонами, и, вѣроятно, много, много чудесъ для меня. Съ другой: утомительный путь на «вѣтка» (болѣе 100 верстъ въ одинъ только конецъ), переѣздъ черезъ бурный морской заливъ, всякія напасти — вѣтра, снѣгъ, морозы, дожди и вода, вода...

Земля тамъ оттаиваетъ лишь на четверть, трава поднимается на длину пальца, въ самомъ мѣстѣ гусеванія все залито водой, на водѣ приходится спать (подъ оленинѣ шкуры подслалакть жерди и доски), кипятить чайники — наклацываютъ одинъ на другой нѣсколько пластовъ дерна, чтобы приготовить сухое для огня мѣстечко — да еще Богъ знаетъ какиихъ ужасовъ мнѣ наговорили. Гусеваніе пролонжается около мѣсяца. «Погибнешъ ты тамъ, дялюшка!»

Чортъ знаетъ что такое — и боюсь и хочу ѣхать. Нѣтъ, чувствую, что побѣду!

29 іюня, Петровъ день.

Сегодня хотѣлъ выѣхать къ морю, но дуетъ сильный низовой вѣтеръ, по Индигиркѣ колятъ валы, и ѣхать нельзя. Вѣтеръ воетъ, бьетъ въ стѣны. Я здѣсь въ совершенномъ одиночествѣ — *есть* откочевали изъ Русскаго Устья.

90 верстъ отъ Русскаго Устья, 5-18 іюля.

Третій день я въ пути. Ночью вмѣстѣ съ другими гусниками добрался до морской губы — вотъ оно «море синее, море бурное, вѣтеръ яростный, необузданный». Здѣсь самое опасное мѣсто — переѣздъ черезъ море. На легкомысленныхъ «вѣткахъ» предпріятіе это опасное, и потому всѣ гусники обычно собираются вмѣстѣ и, выждавъ тихую погоду, переѣзжаютъ разомъ. Вотъ и мы ждемъ отставшихъ и потому дюжемъ, чему я очень радъ, такъ какъ за вчерашній день усталъ безумно — поясница какъ будто переломлена и руки болятъ адски. Какъ-никакъ за эти 3 дня сдѣлалъ верстъ 80—90. Последнее жилье осталось въ 50 верстахъ — кругомъ и впереди дикая, суровая пустыня, гдѣ бѣгаетъ олень и песецъ, летаетъ чайка,

бѣлая сова, утка и гусь. Трудный путь,— особенно удручают меня мокрота и сырость. Спать ложиться приходится въ мокрой одеждѣ и, засыпая, я каждый вечеръ молю о томъ, чтобы на утро проснуться здоровымъ — захворать въ такихъ условіяхъ было бы вѣрной гибелью.

Сижу сейчасъ въ своей палаткѣ. Кажется, ночь настала (у меня часы остановились, а по солнцу ничего не опредѣлишь — оно не сходитъ съ горизонта). Съ моря несутся ключья тумана, которые закрыли ночное солнце. Сыро и довольно холодно. Сейчасъ отъ нашего лагеря ходилъ версты за двѣ по обрывистому морскому берегу къ развалинамъ домика, гдѣ когда-то зимовали семеро изъ какой-то старинной русской экспедиціи — таково преданіе («отцы наши не помнятъ»). Полусгнившія бревна, провалившійся потолокъ, дикая пустыня кругомъ, впереди безбрежный Ледовитый океанъ, полная лишений жизнь семерыхъ неизвѣстныхъ путешественниковъ — какіе-нибудь храбрые моряки — все вызвало грустныя, странныя думы.

8 Юля.

Третьяго дня переплыли море-океанъ. Впрочемъ, это было не море, а только морская губа, по которой мы сдѣлали 30 версть (будутъ всё пятьдесятъ). Моментъ былъ выбранъ удачно, и море было сравнительно тихо. Зато теперь оно точно спохватилось. Сильный вѣтеръ, крупный дождь всю ночь барабанилъ по палаткѣ, холодно, на берегъ съ моря бѣгутъ высокіе черные валы, руки стынуть. Жалкая тундра съ массой озеръ и болотъ, земля оттаяла лишь на четверть, и, если хорошенько ударить топоромъ по землѣ, онъ звенитъ о ледъ. Море реветъ, туманъ, ключья пѣны летятъ съ моря, низко несутся надъ землей тучи. Кажется, лишь однѣ чайки чувствуютъ себя здѣсь великолѣпно.

Это условленное мѣсто — «Ярокъ»: здѣсь встрѣчаются «водяники» (отправившіеся водой, какъ мы) съ «конниками», которые идутъ горой. Сегодня истекаетъ условный срокъ, и завтра мы можемъ тронуться дальше въ путь и начать «гусевать», если позволить погода. Предстоятъ трудные волока:

съ озера на озеро приходится тащить на себѣ «вѣтку» по землѣ.

15 іюля.

Вотъ недѣля, какъ я живу въ землянкѣ среди болотъ и озеръ (бадараны и лайды), изъ которой ходимъ кругомъ промыслять гусей. Ходили четыре раза — изъ нихъ три раза удачно: добыли всего по сегодня свыше четырехъ тысячъ гусей. Сильно мѣшаетъ погода — частые туманы и вѣтра (дождь самъ по себѣ не считается препятствіемъ). Дни и ночи смѣшались — иной разъ благодаря погодѣ и усталости спимъ 17 часовъ подрядъ, иногда, наоборотъ, цѣлыми сутками на ногахъ. Мѣста вокругъ безотрадныхъ — или вода или болото, нѣтъ сухого мѣстечка, куда можно было бы поставить ногу — она уходитъ въ воду и вязнетъ въ болотѣ. Мохъ и жалкая блеклая трава — единственная растительность. Часты дожди и туманы, а мой термометръ больше 9 градусовъ тепла еще не показывалъ. Въ юртѣ насъ девять человекъ, головой я постоянно стучаюсь о потолокъ, ноги упираются въ стѣну, когда растянешься. Полю — болото, и потому «постели» (олень и шкуры) посланы надровахъ, которыя, кстати сказать, приходится сюда привозить съ собой, т.к. наноснаго лѣса здѣсь нѣтъ. Огонь на шесткѣ палитъ лицо, дождь пробиваетъ земляныя стѣны и вода бѣжитъ по подушкѣ, одѣялу, разливается по постели.

Птицъ здѣсь много: гуси, чайки, разнаго рода утки, плавунички — вода кишитъ ими. Гуси видны еще издали — какъ черные острова среди водръ. Собираются они огромными стаями. Увидѣвъ и услышавъ ихъ издали, гусники наскоро вырабатываютъ стратегическій планъ, партія дѣлится на нѣсколько отрядовъ и старается на «вѣткахъ» окружить ихъ. Слугнутый гусь ищетъ спасенія обязательно на водѣ, и, когда вся стая въ нѣсколько тысячъ головъ бросается съ берега въ воду, слышенъ шумъ, какъ отъ водопада. Гуси окружены на водѣ — здѣсь ихъ держать часъ и больше, чтобы утомить ихъ. Все время они кричатъ, гогочуть, бросаются изъ стороны въ сторону, напрасно стараясь приподняться надъ водой на

безполезныхъ теперь крыльяхъ, изъ которыхъ выпали перья. Ихъ пугаютъ, кричатъ, плещутъ веслами — чтобы держались вмѣстѣ. Только немногимъ смѣльчакамъ удается прорываться сквозь кольцо «вѣтокъ». Тѣмъ временемъ на сосѣднемъ берегу ставятъ большой петлей сѣть, къ которой потомъ постепенно и подгоняютъ гусей. Шумъ, топотъ, возня поднимаются среди нихъ, когда ихъ выгоняютъ на берегъ. Сила ихъ бываетъ такъ велика, что они иногда валятъ съ ногъ человѣка — еще бы: въ одинъ загонъ при мнѣ поймали сразу 2.400 гусей (а бывали случаи, когда ловили сразу 7, 8 и 9 тысячъ). Въ сѣтяхъ ихъ избиваютъ, свертывая шею и выбрасывая наружу, отчего по ту сторону сѣти скоро образуются цѣлыя кучи. Картина избіенія отвратительна.

Сегодня мнѣ удалось снарядить въ путь десять крылатыхъ почтальоновъ съ вѣстью о ссѣ. Надо было видѣть, какъ удирали мои почтальоны съ письмами на шеѣ. Я смотрѣлъ на нихъ со смѣшаннымъ чувствомъ радости и зависти.

19 іюля.

Ночью было 2 градуса мороза. Вода въ чайникахъ подернулась ледяной коркой, палатки снаружи намерзли отъ дыханія и трава покрылась инеемъ. Тихо плыветъ туманъ. Утро блѣдно - серебристое, солнце съ трудомъ разгоняетъ туманъ.

— «Сегодня у насъ большой праздникъ — Серафимъ. Праздникъ новый, Серафимъ просвятился (воскресъ) недавно гдѣ-то за Якутскомъ — работать теперь грѣхъ». — Особенно тщательно умылись, нѣкоторые даже съ мыломъ, затеплили передъ образомъ въ палаткѣ свѣчку, помолились и поздравили другъ друга за руку, а родственники перецѣловались. Чаю напильсь съ сахаромъ. — «Вотъ видишь какъ мы тебя празднуемъ — почти укоризненно обратился къ образу старшина, — дай намъ вечеромъ хоть по 50 гуськовъ». И такъ какъ работать въ праздникъ грѣхъ, засѣли на цѣлый день за карты.

21 іюля.

Серафимъ гусей не далъ, или вѣрнѣе ими пренебрегли, т. к. въ стадѣ было не больше 200 головъ. Вчера — Ильинъ

день, и гусеваніе кончилось: партія начала расходиться—кто посылъ по своимъ пастямъ (ловушки на песцовъ), налаживать ихъ, кто — дальше къ морю искать мамонтову кость, кто — какъ мы — домой. Да и пора — крылья у гусей сильно отросли, черезъ 1—2 дня они совсѣмъ подымутся и улетятъ въ «наши» края (т. е. по Индигиркѣ). Мы возвращаемся домой — и теперь вотъ уже второй день сидимъ на берегу моря и ждемъ погоду, которая позволитъ намъ переплыть губу.

Хорошо бы сейчасъ очутиться у себя подъ кровлей, гдѣ нѣтъ ни холода, ни вѣтра, ни дождя, поставить самоваръ, сварить кашу и хорошенько выспаться въ чистой постели! Пока мои желанія не идутъ дальше этого. Тотъ міръ, въ которомъ умываются по крайней мѣрѣ два раза въ день, ѣдятъ съ вилки и на чистой скатерти, пьютъ чай съ вареньемъ и печеньемъ, спятъ на простынѣ, каждый день (!) чистятъ зубы и продѣлываютъ еще много другихъ подобныхъ странныхъ и непонятныхъ манипуляцій — этотъ міръ кажется мнѣ отсюда потеряннымъ раемъ. Когда я рассказываю о немъ своимъ спутникамъ, то къ собственному удивленію и совершенно для себя неожиданно испытываю чувство гордости за культуру — даже не европейскую, а просто человѣческую. Они строго блюдутъ и исполняютъ всѣ христіанскіе обычаи, но въ душѣ каждаго живетъ закоренѣлый язычникъ и дикарь. Въ море они бросали «подарки» въ видѣ заготовленныхъ заранее пестрыхъ лоскутковъ за ту рыбу, которую оно имъ даетъ, и то мѣсто, гдѣ пили чай, украшаютъ палочками, между которыми натянуты нитки съ такими же лоскутьями: «гдѣ человѣкъ останавливался, тамъ, говорятъ, сендуха (т. е. тундра) три года радуется». Къ тундрѣ обращаются со словами «матушка сендуха», какъ къ морю — «матушка сине море». Они думаютъ, что сахаръ изготовляется изъ собачьихъ и человѣческихъ костей, совсѣмъ не могутъ вообразить, изъ чего дѣлается горчица (впрочемъ, они ее не любятъ: «она пахнетъ крѣпко», даже соль при ѣдѣ употребляется рѣдко) — и удивляются всѣмъ моимъ объясненіямъ. — «Ну, а отчего громъ гремитъ, навѣрное и ваши книги объяснить не могутъ» — увѣренно

заявилъ мнѣ одинъ скептикъ — и сомнѣваюсь, чтобы моему объясненію происхожденія грома они повѣрили.

Кладу въ эту тетрадку бѣдную пушистую былинку, которая выросла на берегу суроваго, нелюдимаго океана — кромѣ нея здѣсь нѣтъ другихъ «цвѣтовъ», есть лишь мохъ и жалкая, еле зеленѣющая трепещущая отъ вѣтра травка. Ее зовутъ здѣсь, эту бѣлую кисточку, «лебедой». Ея корни касаются вѣчной мерзлоты, а надъ головкой во время долгой девятимѣсячной зимы бушуютъ пурги. Олень, песецъ и чайки только видятъ ее.

23 іюля

Неудачное время выбрали мы вчера для переправы черезъ море. У берега было тихо, но чѣмъ дальше, тѣмъ море становилось безпокойнѣе и выше подымались валы. Надо внимательно слѣдить за ними и подставлять имъ навстрѣчу весло — тогда волна проходить легче. Но все же валъ хлещетъ черезъ бортъ, и лодка наполняется водой. Но избави Богъ встать къ валу бокомъ — равновѣсіе потерять очень легко, и тогда — прощай навсегда. Старались держаться берега губы, но и въ этомъ мало утѣшенія: у берега сильный прибой и далеко идутъ въ море мели, которыя, пожалуй, еще непріятнѣе валовъ. Переплыть губу такъ и не могли — и промокшіе пристали къ берегу какого-то острова. Не помогли ни «Божья просвира», ни ладанъ, которые бросали разбушевавшемуся морю — «матушка, сине море, перенеси! матушка, сине море, не дай погибнуть православнымъ! прекрати погоду!» Сегодня море бушуетъ еще сильнѣе — высокіе валы съ ревомъ бьются о берегъ и сильный вѣтеръ съ дождемъ срываетъ съ черныхъ волнъ пѣну. Будемъ отсиживаться..

Вчера дорогой увидали съ моря на берегу маленькихъ песцовъ — такъ называемыхъ «норниковъ» — и троихъ изъ нихъ, несмотря на ярое сопротивленіе, добыли, вырубивъ топорами изъ обваливашагося и обмытаго моремъ берега. Теперь они бурога цвѣта и ростомъ съ большихъ щенятъ.

1 августа, Русское Устье.

Мелкій осенній дождь стучить въ окна, и вѣтеръ воетъ въ трубы. Но у меня *въ комнатѣ* тихо, сухо, свѣтло и тепло — въ печкѣ весело трещить огонь, а на столѣ пыхтять самоваръ — *я дома!*

Трудно описать то чувство физическаго отдыха и наслажденія, которое теперь испытываю! Вѣтеръ, непогода, дождь — все тамъ, за дверями. Здѣсь — домашній уютъ, книги, вещи, которыя говорятъ мнѣ такъ много. Я выспался (14 часовъ!), вымылся, переодѣлся и немного отдохнулъ, но, когда ложусь, мнѣ опять кажется, что вода мѣрно движется подо мною, и надо соблюдать равновѣsie.

Разскажу, какъ я добрался домой.

Послѣднюю запись я еще дѣлалъ за моремъ подъ вой бури, когда она немного стихла, отправились ночью дальше. Былъ туманъ и шелъ скверный холодный дождь, который для моихъ очковъ былъ сущимъ наказаніемъ. Предстоялъ послѣдній переѣздъ черезъ морскую губу — и онъ оказался самымъ сквернымъ: на самой «бороздѣ» (противъ впаденія рѣки Гусиной въ море) опять забушевала погода, и поднялись валы пуще прежнихъ. Было страшно, сознаюсь откровенно. Но все-же перебрались благополучно — отсюда хоть и далеко еще было до дому (90 верстъ), но дорога была сравнительно безопасна. Спутники мои пошли искать по обрывистому морскому берегу мамонтову кость — удалось найти одинъ клыкъ около сажени длиною. Обратная дорога была много труднѣе: 50 верстъ по узкой протокѣ отъ моря до Индигирки и 40 верстъ по рѣкѣ — все противъ теченія и вдобавокъ противъ сильнаго встрѣчнаго вѣтра. Да и силы были уже не тѣ. Чтобы не задерживать другихъ, а также изъ желанія избѣгнуть неприятнаго для моего самолюбія буксированія, я уѣзжалъ обыкновенно впередъ — ѣхалъ и ночевалъ одинъ. Такъ удалось мнѣ уѣхать впередъ по протокѣ верстъ на сорокъ. Чувство самостоятельности и полнаго одиночества въ дикой совершенно пустынѣ испытывалось сильно. Дорогой стрѣлялъ утокъ, на ночь разбивалъ палатку, варилъ ужинъ и чай. По берегамъ встрѣча-

лось очень много диких оленей. Порой, увидѣвъ меня, они останавливались, потомъ сразу бросались съ шумомъ въ воду, переплывали протоку, стряхивались и птицами уносились въ тундру. Одного оленя мнѣ удалось убить — и прекрасные вѣтвистые рога висятъ сейчасъ у меня на стѣнѣ. Измучила меня эта гоньба на «вѣткѣ» страшно — вечеромъ я почти падалъ отъ изнеможенія. Пальцы превратились въ какія-то крючья, которые вовсе не желали разгибаться — вотъ и сейчасъ моя правая рука плохо дѣйствуетъ, и я пишу съ трудомъ; очень боюсь, а вдругъ это такъ и останется навсегда? Подъ конецъ я провель въ «вѣткѣ» 18 часовъ подрядъ и почти безъ перерывовъ сдѣлалъ 25 верстъ. Ъхалъ день и ночь, всходило и заходило солнце — и добился того, что приѣхалъ въ Русское Устье раньше всѣхъ. И очень хорошо сдѣлалъ, потому что приѣхалъ сюда еще третьяго дня, а спутниковъ моихъ все еще нѣтъ — сейчасъ же послѣ моего приѣзда разыгралась на рѣкѣ погода, которая, видно, и задержала ихъ внизу.

Въ самомъ Русскомъ Устьѣ сейчасъ никого нѣтъ, и меня встрѣтили въ немъ лишь стаи молодыхъ птичьихъ поколѣній и два опичавшихъ коня, бродившихъ между домами, какъ какіе-нибудь дикіе мустанги.

16-29 августа.

Мое одиночество въ Русскомъ Устьѣ оборвалось, и мнѣ его жаль — я сталъ нелюдимомъ. Приѣхали два якута, нанятые строить здѣсь домъ — Батя и Кумма (у каждого якута кромѣ официального христіанскаго есть еще свое якутское, часто курьево имя — Табакерка, Наперстокъ, а встрѣчаются и такія, что я сомнѣваюсь, можно ли ихъ произнести вслухъ, какъ имена нарицательныя, даже въ якутскомъ обществѣ). Ходятъ ко мнѣ пить чай и разговаривать.

У Бати я лечу трахому. Слава моя докторская растетъ — на-дняхъ верхомъ на оленяхъ приѣзжалъ издалека (два дня пути) юкагирь за лекарствомъ, которымъ я уже однажды ему помогъ. Одна старушка, у которой я вылѣчилъ дочь, просто-душно расхваливала меня такъ: «ты, дядюшка, лучше плохого

доктора» — это было бы очень зло, если бы не было сказано совершенно чистосердечно. А характеристика правильная.

Насмотрѣлся и наслушался я здѣсь въ роли доктора. Вотъ что у меня записано о мѣстной диагностикѣ и фармакопѣ.

— «Дядя бокъ нартой прошибъ, не спитъ, не ѣсть ничего, день и ночь стонетъ — видно сломалъ что внутри, — мы ему мѣдь пить даемъ». — Какую мѣдь? — «Да вотъ отъ чайника отскребыаемъ».

Оказывается, «мѣдь ломаное спаиваетъ» (напримѣръ, су-ставы).

Отъ «золотухи» (сыпь) «пьютъ золото» или серебро. Кладутъ золотой пятирублевикъ, колечко или серебряную чеканеную иконку въ чашку съ водой или чаемъ — воду эту пьютъ, помогаетъ. Также пьютъ отъ золотухи отваръ изъ ольховой коры, но здѣсь нужно обязательно выдержать срокъ — пить ровно сорокъ дней, иначе не поможетъ.

— «Жила, говорятъ, у меня лопнула внутри, скрипитъ какъ береста. Подкатить порой вотъ сюда, къ сердцу (показываетъ на животъ) и сосеть, и сосеть».

— «Порошки твои выпилъ, спасибо, полегче стало. А пилюли зеленяя — вотъ онѣ. Ты говорилъ ихъ цѣликомъ глотать надо, а баба мнѣ и говорить: смотри, грить, какъ бы ихъ не раздавилъ зубами-то».

— «Завсе въ головѣ у меня шипитъ и шумитъ — жалуется слѣпая старуха — шипитъ и шумитъ — это, бакоть, въ можгу шипота».

«Строители» думаютъ прожить здѣсь до Иванова дня (29 авг.), а потомъ, слава Богу, я еще недѣли на двѣ останусь одинъ — до возвращенья русско-устинцевъ на зимовья.

Какъ ни тоскливо жить одному, но я предпочитаю быть наединѣ съ собой и своими книгами, чѣмъ со здѣшними жителями. Убогій, жалкій міръ, мысли, не идущія дальше заботъ о физическомъ благополучіи — интересовъ, кромѣ этого, никакихъ. Ёсть, спать, играть въ карты — вотъ и весь кругъ жизни. Особенно близко могъ я къ нимъ присмотрѣться во время гусеванія, проживъ съ ними вплотную нѣсколько недѣль подрядъ — да вѣдь это XIII-XIV вѣкъ! Вотъ отрывокъ

изъ разговора съ Гринькой — парень лѣтъ подъ 40, грязень феноменально; когда я съ нимъ разговариваю, стараюсь не слишкомъ къ нему приглядываться, а послѣ его визитовъ ко мнѣ, чтобы разсѣять *его* атмосферу, прыскаю въ комнату скипидаромъ. Ходить онъ большею частью съ подвязаннымъ глазомъ: «щербить — рука отъ глаза не отходить» — а пальцы у него — кореня узловатя. Разговоръ на политическія темы:

— Ты знаешь, какъ царя зовутъ? — «Нѣтъ, не знаю. Вѣдь онъ новый». — Какой новый — ужъ шестнадцать лѣтъ царствуетъ. — «Ну, я и говорю новый». — А про войну съ японцами слыхаль? — «Слыхали, — оживляется онъ, — слыхали». — Изъ за чего же была? — «Сказываютъ, они больно на насъ наседали». — А побѣдилъ кто? — «Мы побѣдили, русскіе» — гордымъ, увѣреннымъ тономъ. — А слыхаль, что послѣ войны мы имъ половину Сахалина отдали? — «Ну, вотъ-вотъ, изъ-за этого Сахалина, сказываютъ, и война то началась». — Такъ какъ же ты говоришь, что мы побѣдили, когда имъ же послѣ войны свою землю отдали? — «Ну, ужъ не знаю я этого. Ты знаешь — ты свѣтъ видѣль, а мы что?»

Когда я имъ рассказываю о столичной жизни, высокихъ домахъ, поставленныхъ одинъ на другой, длинныхъ улицахъ, огромныхъ городахъ, всѣ въ одинъ голосъ восклицаютъ: «чудна Русь!»

Но по сравненію съ мѣстными якутами и юкагирами русско-устинцы люди культуры — тѣ ужъ просто дикари времени Геродота, какіе-нибудь тавры или савроматы. Я не видалъ въ своей жизни людей грязнѣе и неопрятнѣе ихъ. Когда они приходятъ ко мнѣ въ гости и ихъ надо угощать чаемъ, стражду. Правда, нѣкоторымъ извиненіемъ является для нихъ то, что простое мыло, которымъ у насъ моютъ полы, стоитъ здѣсь 50 коп. фунтъ...

Нѣтъ, рѣшительно — да здравствуетъ мыло и цивилизація!

Вчера шелъ первый снѣгъ, а было всего лишь 15-ое августа!

6-19 сентября

Пришла зима съ мягкимъ, пушистымъ снѣгомъ. Дни становятся короче, по ночамъ давно свѣтятъ звѣзды и луна. Скоро ударятъ морозы и завоетъ пурга. Знаю, что радоваться нечему, а вотъ сегодня утромъ, когда, проснувшись, увидѣлъ кругомъ ровную бѣлую пелену, испыталъ чувство, которое мой «Бой» выражаетъ болѣе ярко: онъ бѣгаетъ, какъ сумасшедшій, нюхаетъ и глотаетъ снѣгъ, разбрасываетъ его во всѣ стороны носомъ и самъ, очевидно, въ полномъ восторгѣ.

Послѣдніе дни меня совсѣмъ съ ума свели гуси. Они остаются долго и улетаютъ вмѣстѣ съ приходомъ снѣга и морозовъ. Осенью они собираются въ большія стада, перелетаютъ по тундрѣ и кормятся — «жируютъ», какъ говорятъ охотники. Близко подлетаютъ къ домамъ на разсвѣтѣ и при закатѣ солнца щипать травку. Осторожность ихъ въ это время необыкновенна, — незамѣтно подойти къ нимъ, даже подползти нечего и думать. Надо изучить ихъ привычки и, сдѣлавъ засаду, спрятаться. Я вставалъ въ 4 часа утра, караулилъ долгими часами, мерзъ, простужался — и изъ этой борьбы, долженъ сознаться, вышелъ побѣжденнымъ. За все время мнѣ удалось добыть лишь одного гуся. Зато издали могъ наблюдать кое-что интересное изъ ихъ жизни. Третьяго дня улетѣли послѣдніе. Теперь изъ птицъ остались однѣ куропатки и, конечно, вѣчный стражъ сѣверной тундры — бѣлая сова.

Семья моя увеличилась — кромѣ «Боя» со мной живутъ еще двѣ утки — чирокъ и шилохвость — живутъ очень недружно, потому что маленькая (чирокъ) задорна и сварлива. Были у меня еще двѣ маленькія чечетки (вьюрки), которыя меня очень радовали — маленькія, живыя, съ малиновой шапочкой на головѣ; онѣ весело чирикали, прыгали и озабоченно клевали съ руки сѣмена, которыя я имъ собиралъ. И вдругъ, третьяго дня обѣ почему-то умерли... Въ снѣгахъ, въ специально изготовленномъ маленькомъ срубѣ, сидитъ у меня песецъ-норникъ. Когда я прохожу мимо, онъ злобно рычитъ и сквозь щели я вижу, какъ сверкаютъ въ темнотѣ его фосфорическіе глаза. Приручить его, конечно, нѣтъ ника-

кихъ надеждъ. Если бы я не ходилъ лѣтомъ къ морю, у меня теперь навѣрное вся изба была бы полна птицъ — птенцы выводятся какъ разъ въ іюль, когда я отсутствовалъ. «Бой» крайне заинтересованъ всѣмъ моимъ звѣрищемъ, но я его теперь держу въ черномъ тѣлѣ и не позволяю спать въ избѣ.

Пора подводить итоги. Мѣсяца два вѣроятно еще придется прожить здѣсь, а потомъ въ путь, въ путь! Не буду обманывать себя—задачу я себѣ поставилъ очень трудную: бѣжать отсюда черезъ Колыму, Анадырь или Чукотскій Носъ въ Аляску... Уже сейчасъ, чтобы только подойти къ этому плану, требуется много умѣнія, выдержки и осторожности. Но надо вѣрить въ свою звѣзду. Кто не рискуетъ, тотъ и не выигрываетъ. А выигрышъ для меня такъ великъ и такъ мнѣ нуженъ, что долго думать о рискѣ не приходится.

Исподволь, потихоньку начинаю готовиться въ путь. Думаю объ одеждѣ, обуви, припасахъ. Сколько передумано уже мною обо всемъ этомъ — это уже наѣзженная, избитая дорога. Дорога ли?

12 сентября.

Вчера поздно вечеромъ вышелъ изъ дому — захотѣлъ найти звѣзду «Альдабаранъ» — вѣдь теперь открылось небо, и я увлеченъ астрономіей... Вышелъ и замеръ отъ восхищенія: половина неба была въ бѣломъ огнѣ. Связались и развивались широкія сверкающія ленты, пучки свѣта вспыхивали то здѣсь, то тамъ. Скорѣе накинулъ пальто (уже 16 градусовъ мороза!) и снова выбѣжалъ на крышу, гдѣ просидѣлъ полчаса, пока не потухло небо. Но не объ этомъ я хочу сейчасъ рассказать.

Среди тихой морозной ночи я услышалъ звуки, которыхъ сначала не понималъ: какъ будто кто ударяетъ въ бубень. Звуки неслись изъ дома старосты. У него боленъ взрослый сынъ — онъ менерикъ, менерячить, т. е. боленъ кликушествомъ. Его бабушка, колымчанка, тоже была одержима этой болѣзнью и передала ее своему внуку. Съ нимъ бывають припадки, во время которыхъ онъ поетъ по-русски, якутски и чукотски (не зная самъ чукотскаго языка), кричитъ — «я пришла, я пришла» (т. е. бабушка его), впадаетъ въ безпамятство.

Менериковъ здѣсь вообще много. Когда я услышалъ бубенъ, то сразу понялъ, въ чемъ дѣло: у Гриньки шаманъ, въ дѣлѣ старосты шаманять! Изъ осторожныхъ и каверзныхъ вопросовъ узналъ сегодня утромъ, что предположеніе мое справедливо. И понемногу передо мной начинается развертываться поразительная картина.

Семья старосты, какъ и всѣ здѣшніе жители, очень религіозна — «безъ Бога ни до порога». Каждый годъ постничаютъ и говѣютъ. Религіозность, конечно, совершенно формальная, обрядовая. У него захворалъ тяжелымъ недугомъ сынъ. Онъ зоветъ сверху Индигирки якута-шамана, зоветъ шарлатана Гуськова снизу и меня съ моими лекарствами. Этотъ Гуськовъ — типъ любопытный. Старый уголовный ссыльный, водворенный здѣсь на поселеніе, теперь восстановленный въ правахъ и здѣсь обжившійся. Полуграмотный, что даетъ ему возможность писать вздорныя клязусы и помогаетъ ему морочить людей. Онъ знаетъ «великія молитвы» отъ всѣхъ болѣзней, вычитываетъ ихъ по какой-то книгѣ, благодаря чему пользуется здѣсь престижемъ, который также даетъ ему и земныя блага. Какъ почти единственный здѣсь полуграмотный человѣкъ, онъ берется также «читать надъ покойникомъ», причѣмъ увѣряетъ, что для этой операціи ему необходимо столько-то холста, полотенецъ, столько-то чая и другой снѣди — «такъ, моль, дѣлается у насъ въ Россіи».

Шаманъ якутъ Лазарько -- уже старикъ. У него очень интересное и выразительное лицо, острая сѣдая бородка и длинные волосы (последнее для шамана необходимо). Три года тому назадъ онъ ослѣпъ — «ослѣпили враги» — и на него «нашло»; съ тѣхъ поръ онъ и началъ шаманить. Шаманить онъ какъ слѣдуетъ — въ шаманскомъ костюмѣ, увѣшанномъ желѣзными подвѣсками и бляхами и съ бубномъ. Интересно, что онъ тоже каждый годъ постится и говѣетъ у священника.

И вотъ мы, три шамана, собираемся у больного: одинъ съ бубномъ, другой съ молитвой, третій съ іодомъ (кроме всего прочаго у Гриньки болитъ бокъ). Впрочемъ, кажется, іодъ одолеваетъ. Но надо войти въ мое положеніе: вчера вечеромъ я далъ больному снотворное, чтобы онъ успокоился и

отдохнуть, о чемъ сообщилъ его роднымъ. Порошки мои ему дали, но Гуськовъ вычитывалъ изъ своей книги (я подозреваю, что это библія) «великія молитвы», а шаманъ всю ночь до разсвѣта билъ въ бубень и вопилъ неистово.

Но во что же вѣрять русско-устинцы? Въ Бога? Въ Злого Духа? Какая поразительная смѣсь всевозможныхъ суевѣрій! Христось, евангеліе, великая молитва, священникъ, шаманъ, черная вѣра, абахи (Злой Пухъ)...

Я читалъ и привыкъ вѣрить тому, что теперь шамановъ нѣтъ больше, что всѣ они вывелись. И, если бы не сѣверное сіяніе, но случай, я такъ и уѣхалъ бы отсюда съ такимъ убѣжденіемъ. А вѣтъ я живу съ вѣрующими въ шамановъ и Злую Силу вплотную уже восьмой мѣсяць... Что удивительнаго, если о шаманахъ ничего не знаютъ *случайно* проезжающіе члены экспедицій («экспедицiонскіе», какъ ихъ заѣсь называютъ) и начальство, отъ которыхъ шамановъ тщательно скрываютъ? Сколько разъ заговаривалъ я и съ якутами и съ тѣмъ же старостой о шаманахъ и всегда слышалъ, что «они были прежде, но теперь ихъ больше нѣтъ» И сегодня мнѣ нужно было проявить ловкость, чтобы поймать старосту на противорѣчіяхъ и узнать кое-что. У брата старосты, напр., хроническое воспаленіе глазъ. Уже нѣсколько разъ «пользовалъ» его шаманъ, но безуспѣшно — «огонь есть въ глазу — онъ его (т. е. Злого Духа въ шаманѣ) не подпускаетъ». — И кои цинковыя капли оказались дѣйствительнѣе.

Старикъ сосѣдь, рассказывавшій мнѣ сегодня о шаманахъ (нолишь тогда, когда узналъ, что о Лазарько мнѣ все извѣстно — а сколько разъ раньше онъ отпѣкивался при разговорахъ на эту тему!) смѣялся надъ ними, — очевидно, чтобы подладиться ко мнѣ. — «Не люблю я ихъ» — говорилъ онъ. — Ну, а вѣришь все-таки? — Подумалъ немного и сказалъ серьезно: «Ну, ужъ развѣ, если очень сильно захворалъ, позвалъ бы шамана». — Да и что еще надо, когда самъ священникъ такъ говоритъ о шаманахъ: «Который помогаетъ, пусть шаманить, а вотъ обидно, если помочи нѣтъ».

Много бы я далъ, чтобы увидать шамана въ дѣйствиіи, его «камланье», снять съ него карточку въ его кафтанѣ и съ буб-

номъ. Но, кажется, это напрасная надежда — сколько дипломатических хитростей пустиль я сегодня въ ходъ — не хочеть и боится, что я буду о немъ рассказывать. Скрываютъ они отъ постороннихъ свои тайны старательно и, нужно признать, ловко.

А что шамановъ здѣсь много, въ этомъ я могъ убѣдиться изъ того, что только сегодня изъ нѣскольکو болѣе, чѣмъ прежде, откровенныхъ разговоровъ я съ достовѣрностью узналъ о четырехъ шаманахъ съ ихъ мѣстожительствомъ — три якута и одинъ юкагирь.

30 сентября.

Вчера вернулся изъ гостей — два дня провель у юкагировъ. Теперь самое горячее время для ловли песцовъ собаками и въ погоню за ними юкагиры придвинулись къ Русскому Устью. На этотъ разъ они раскинули три «тордоха» (палатки изъ оленьей ровдуги, т. е. выдѣланной оленьей кожи), всего лишь въ 30 верстахъ отсюда. Юкагиры — кочевое племя, какъ чукчи, ламуты, тунгусы. У нихъ нѣтъ «дома», ихъ родина — тундра вообще, «мо-оре», какъ они называютъ ее. Лѣтомъ они бродятъ по ярамъ и «камню», разыскивая мамонтову кость, гоняются за дикимъ («божьимъ», какъ здѣсь говорятъ) оленемъ, немного промышляють рыбу (но рыбаки они плохіе и совсѣмъ не умѣють заготовлять ее въ прокъ), зимой промышляють песна. Но основной ихъ промыселъ, которымъ они живутъ и дышуть — оленеводство; стада у нихъ въ сотни и тысячи головъ — олень ихъ кормить, возить, одѣваетъ и обуваетъ. Олень не можетъ долго оставаться на мѣстѣ, надо мѣнять пастбище — и юкагиры нигдѣ и никогда не заживаются долго на одномъ мѣстѣ. Благодаря близости русскихъ, здѣшніе юкагиры сильно обрусѣли, у нихъ бываетъ сахаръ, стеариновыя свѣчи, нѣкоторые даже носятъ русскую одежду (т. е. вѣрнѣе якутско-русскую), знаютъ нѣскольکو русскихъ словъ, хотя и не умѣють ихъ связывать вмѣстѣ. Все это, конечно, не мѣшаетъ имъ быть совершеннѣйшими дикарями.

Пріѣхаль я къ нимъ изъ Русскаго Устья на собакахъ — взялся меня свозить къ нимъ въ гости одинъ русско-устинецъ,

причемъ въ запряжкѣ съ другими собаками впервые работаль также мой «Бой» — старался, бѣдняга, но выходило у него еще довольно плохо.

Встрѣтили меня очень радушно: вышли съ поклонами, првели до тордоха подь руки — такова проформа встрѣчи почетныхъ гостей, — посадили на кучу оленьихъ шкуръ, угощали оленьимъ языкомъ, сырымъ мозгомъ изъ ножныхъ костей, копченымъ мясомъ, нарѣзаннымъ маленькими кусочками, и топленнымъ саломъ оленя. На ночь устроили подь особымъ пологомъ, какъ подь балдахиномъ, на почетномъ мѣстѣ, подь иконой.

Въ эту пору песцовъ добываютъ всего больше. Добываютъ ихъ при помощи собакъ. Снѣгъ пока до пурги лежитъ всюду еще рыхлый, поэтому песецъ бѣжить въ немъ съ нѣкоторымъ трудомъ, и собака, у которой ноги длиннѣе, чѣмъ у песца, черезъ нѣсколько верстъ погони его догоняеть, а догнавъ, въ ожесточеніи на него, бросается и загрызаетъ до смерти. Хотя песецъ теперь и не «полный», но и непесокъ цѣнится высоко — у непеска шерсть нѣсколько короче, чѣмъ у «полнаго» и не такъ бѣлоснѣжна. Снѣгъ выпаль въ этомъ году хорошій, и пурги не успѣли еще его изломать, и потому собака ловить теперь песца хорошо. А песцовъ множество — давно не запомнятъ такого года. Промышляють хорошо: съ утра выѣзжаютъ на оленяхъ съ парой промышленныхъ собакъ, и каждая карта къ вечеру привозить по два, по четыре песца.

Знакомился, разсматриваль, снималь карточки. Хозяйка моего тордоха была очень не дурна собой даже съ нашей точки зрѣнія — у нея правильный носъ и тонкія, даже изящныя губы, зато у другой юкагирки въ сосѣднемъ тордохѣ носъ и щеки выступаютъ на лицѣ тремя большими шишками, губы въ два пальца толщиной, но румянецъ — блистательный. Можетъ быть юкагирамъ она кажется красавицей. У женщины на груди нашиты большія мѣдныя бляхи, кожаный передникъ изукрашенъ бусами, мѣдными кольцами и стеклярусомъ — виситъ даже колокольчикъ, который мелодично звенить при каждомъ движеніи. — «Когда я увидала тебя въ Русскомъ Устьѣ, испугалась — а теперь мнѣ не страшно» — кокетливо

объяснялась со мной черезъ толмача красавица и въ доказательство своего расположенія подарила мнѣ песка. Безъ подарковъ юкагиры никого не отпускаютъ — особенно почетныхъ гостей, а вѣдь легенда здѣсь говоритъ, что къ моему отцу «царь ходитъ чай пить» (впрочемъ царь здѣсь — лицо совершенно мифическое). Я имѣлъ неосторожность похвалить у одного юкагира шапку (изъ шкурокъ только что родившагося оленя — легкая, какъ пухъ, теплая, очень изящная) — и онъ сейчасъ же ее снялъ и отдалъ мнѣ; отказаться нельзя — хорошій тонъ требуетъ за подарокъ заплатить подаркомъ. Въ заключеніе я уѣхалъ въ новой шапкѣ, нагруженный копчеными оленьими языками, съ четырьмя песцами и съ общаніемъ сшить мнѣ чукотскіе мѣховые штаны и мохнатые сапоги (все изъ бѣлаго оленя съ разными украшеніями — теплые, удобные, для дороги незаменимые) и юкагирскія рукавицы, которыя не боятся никакихъ морозовъ.

Одного изъ этихъ юкагировъ я лѣтомъ лечилъ, и онъ изъ особаго уваженія вызвался самъ довести меня домой на оленяхъ — онъ меня даже просилъ объ этомъ, считая это особой для себя честью. Когда пригнали стадо, онъ поймалъ арканомъ двухъ почти дикихъ малоѡзженныхъ оленей (онъ беретъ ихъ съ прошлой осени для какого-нибудь торжественнаго случая, ни разу не запрягая), и мы помчались, какъ птицы.

6 октября.

Если бы не сознаніе того, что всѣ мои теперешнія хлопоты и заботы связаны съ отъѣздомъ, жизнь здѣсь казалась бы мнѣ теперь совсѣмъ невыносимой. Сажу въ домъ, какъ замуравленный — съ утра до ночи по горло всякихъ дѣлъ: готовлюсь въ путь, привожу въ порядокъ все собранное здѣсь за 9 мѣсяцевъ. Неужели я, правда, прожилъ здѣсь столько?

24 октября.

Опять только что вернулся отъ юкагировъ — на этотъ разъ ѣздилъ не въ гости, а по дѣлу — сами пріѣзжали за мной. Еще съ лѣта хворалъ у нихъ 4-хъ лѣтній мальчишка, и

мое заглазное леченіе помогало ему плохо. Теперь лично убѣдился, какъ и предполагалъ, что у парнишки запущенный бронхитъ, предписалъ немедленно перевести его въ жилое мѣсто, въ домъ (вѣдь въ «тордохъ» ночью бываютъ теперь тѣ же 35 градусовъ мороза, что я снаружи — какъ же тутъ выздороветь), далъ лекарство.

Этимъ случаемъ мнѣ было очень удобно воспользоваться для переговоровъ о моемъ выѣздѣ. Важно обрѣзать ниточку въ самомъ Русскомъ Устьѣ. Черезъ пять дней ѣду, ѣду! Самъ не вѣрю этому счастью и много тревогъ копошится въ душѣ, удадутся-ли мои планы. Съ нами Богъ!

У этого юкагира около тысячи оленей. Когда все стадо спустилось къ тордохамъ, казалось, будто вокругъ кипитъ море. А какіе среди оленей есть красавцы! Бѣлые, какъ снѣгъ, съ огромными вѣтвистыми рогами и гордой поступью.

Дружбу съ юкагирами заключилъ великую. «Въ первый разъ тебя видимъ, а ты намъ, какъ родной, сталъ» — разговоръ, конечно чрезъ переводчика.

Съ этими юкагирами кочуетъ и семья красавицы. Отъ нея я получилъ обѣщанныя великолѣпныя оленьи мохнатая рукавицы — «бѣлыя, какъ ледъ». Мѣховыя штаны тоже получилъ. Они тоже, какъ снѣгъ, бѣлы и, право, очень изящны. Теперь я весь зашитъ въ оленью шкуру, какъ чукча — это великолѣпно. Могу кататься и барактаться въ сугробахъ снѣга и ни одна его пушинка не проникнетъ за платье.

31 октября.

Сижу и нервничаю — барометръ падаетъ, воеетъ пурга, юкагировъ нѣтъ. Появившіеся въ окрестностяхъ волки, вѣроятно, разогнали у нихъ оленей. За эти нѣсколько дней Русское Устье, съ которымъ я мысленно простился уже навѣки, мнѣ опротивѣло, и я страстно мечтаю очутиться опять одному на нартѣ среди молчанія и стужи, отдавшись во власть думъ и мечтаній — ибо что еще можно дѣлать въ дорогѣ? Скорѣе, скорѣе!

Вечеромъ.

Ура! Ура! Приѣхали юкагиры, и завтра я ѣду. Ёду!ѣду!ѣду!

Въ тордохѣ у юкагировъ, 2 ноября.

Вчера выѣхаль изъ Русскаго, сегодня весь день должень провести у юкагировъ, чтобы отдохнул олени, а завтра ѣду дальше — до Алланхи осталось еще 80 версть.

Сейчасъ сажу въ тордохѣ, передо мной на землѣ горитъ огонь и дымъ ѣсть глаза. Сажу въ шубѣ — иначе замеранешъ или простудишся: лицо жжетъ костеръ, спина мерзнетъ. Весь день — вечеръ наступаетъ уже около трехъ часовъ — наблюдаю жизнь въ тордохѣ. Эта жизнь не очень сложна. Мужчины съ утра поѣхали по пастьямъ, добыли одного песца, пригнали и осмотрѣли оленей, которые сейчасъ расположились вокругъ. Женщины что-то шьютъ, готовятъ ѣду, наливаютъ чай. Трудъ строго распределень — первые добываютъ и приобрѣтаютъ, послѣднія — заботятся о хозяйствѣ; онѣ хранительницы огня, подкладываютъ дрова, варятъ мясо, чистятъ рыбу, и мужчины въ ихъ работу не вмѣшиваются.

Слѣва отъ меня сидитъ преуморительная старуха. Надо посмотреть, какія гримасы она корчитъ, подкладывая сквозь дымъ костра дрова, съ какимъ видомъ вертитъ въ рукахъ сахарницу или спичечницу — настоящая обезьяна. Глава тордохы — старикъ Тыкыллы (этимъ лѣтомъ у него умерла молодая жена), у него мальчикъ 4-хъ лѣтъ (мой пациентъ, до сихъ поръ еще, вопреки моимъ настоянiямъ, живущій въ тордохѣ) и дѣвочка — 6-ти. Онъ не разстается съ мальчикомъ и никакого рѣшительно вниманiя не обращаетъ на бѣдную дѣвочку — она находится всецѣло подъ покровительствомъ старухи. У дѣвочки, какъ у взрослой женщины, къ переднику тоже подвѣшенъ колокольчикъ, трубка (которую она великолѣпно курить), нитки изъ оленьихъ сухожилий и кресало для огня.

Тоскливый день. Долго любовался оленями, но и это надоѣло — да и холодно очень. Попытки разговора напоминають мнѣ мои разговоры съ японцами. А грязь какая! Прежде

чѣмъ налить мнѣ чаю, старуха облизываетъ кругомъ мой стаканъ языкомъ, ихъ сахаръ, завернутый въ какія-то грязныя тряпки, отзывается кислотиною. Я больше налегаю на строганину — эта, по крайней мѣрѣ, чистая. Вся обстановка довольно тягостная, но на душѣ легко — какъ бы то ни было, первый шагъ сдѣланъ: я *выѣхалъ*.

Написалъ это, оглянулся — все населеніе тордоха съ напряженнымъ любопытствомъ смотритъ на меня: вѣроятно, въ ихъ присутствіи пишутъ впервые — да и понимаютъ-ли они, что я дѣлаю?

3 ноября.

Что значить выйти «въ свѣтъ» — сколько впечатлѣній, сколько новостей! Остановился на ночеву въ якутскомъ поселкѣ «Тыттахъ» — 30 верстъ отъ Аллаихи. Растущій здѣсь, въ ростъ человѣка, кустарникъ показался мнѣ роскошной растительностью, а крутые и высокіе берега рѣчки — очень живописными. А какія новости! Два якута недалеко отъ Усть-Янска въ морѣ видѣли «красный пароходъ въ 70 верстъ длиною». Полагаютъ, что это японскій. И хотя храбрецы спрятались, но все же оба потомъ захворали.

Якутская юрта — какъ все здѣсь знакомо. Якуты, ребята, женщины, въ камелкѣ ярко пылаетъ огонь, трескотня оживленнаго якутскаго разговора — я уже отвыкъ отъ всего этого за время своей жизни среди русскихъ. Все-таки здѣсь культура по сравненію съ тордохомъ юкагировъ — есть столъ, стулья, а какъ я сегодня выплюсь, вытянувшись во весь ростъ! И глаза отдыхаютъ отъ дыма!

5 ноября, Аллаиха.

Вчера добрался до Аллаихи — какъ бы то ни было, но отъ Русскаго Устья сдѣлано уже 120 верстъ. Конечно, по сравненію съ остальнымъ путемъ это почти «ничто», но и это «ничто» надо проѣхать. Остановился въ казенномъ домѣ, маленькой юртекѣ, перегородженной на двое — въ одной половинѣ живетъ сторожъ якутъ съ семьей, въ другой расположился я. Холодно и неудобно, зато не приходится самому

заботиться о камелькѣ и чаѣ — а я отвыкъ отъ чужихъ услугъ и онѣ пріятны.

Десять домовъ считается въ Аллаихѣ — и все якуты (кроме священника, который, впрочемъ, на нѣсколько дней уѣхалъ съ тѣбами въ окрестности), не говорящіе и не понимающіе по-русски.

6 ноября.

Живетъ въ Аллаихѣ старуха, необычайно толстая якутка — Марья-эмяксин (т. е. старуха Марья). Это — некоронованная королева Аллаихи. Пользуется далеко вокругъ большимъ вліяніемъ и почетомъ. Торгуетъ, какъ каждый уважающій себя якутъ. Живетъ «въ беззаконномъ развратѣ съ якутомъ, котораго, вѣроятно, какъ «мужа царицы», проиавели въ «выборные». Она владѣетъ единственной здѣсь русской печью, которая пекла хлѣбъ и для меня. Ко мнѣ Марья-эмяксинъ благоволитъ и называетъ «сыномъ». Каждое утро кожу къ ней пять чай съ гвоздикой и баранками (это здѣсь большое лакомство) и разговаривать черезъ толмача разговоры — что еще тутъ можно дѣлать? Впрочемъ, я еще лечу ее — она, кажется, обѣлася — это ея хроническое состояніе. Сегодня выборный былъ у меня съ отвѣтнымъ визитомъ. Мой якутскій лексиконъ слишкомъ скуденъ для оживленнаго разговора, запасъ словъ скоро у меня истощился, и я сталъ угощать своего гостя чаемъ съ сгущеннымъ молокомъ (молоко здѣсь большая рѣдкость), и мы, какъ два идиота, долго молчали, поглядывая на камелькъ.

Морозъ крѣпнеть съ каждымъ днемъ — сегодня онъ дошелъ до 42 градусовъ. Рубиновое солнце показывается лишь въ 11 часовъ утра, а въ 1 часъ прячется скорѣе обратно. Небо играетъ малиновыми, рововыми и лиловыми тонами. Воздухъ неподвиженъ. Дымъ изъ трубъ поднимается высокими прямыми столбами, которые подпираютъ небо. На небосклонѣ виситъ мѣдная луна и каждую ночь играетъ сѣверное сіяніе. Порсю гулко лопаются отъ мороза земля, и кажется, будто она разсыдается подъ ногами.

Во всемъ этомъ есть своеобразная прелесть.

9 ноября.

Иногда мнѣ кажется, что я строю карточный домикъ — одно неосторожное движеніе, и вся моя воздвигаемая съ такимъ трудомъ постройка рухнетъ.

Сейчасъ весь вечеръ просидѣлъ у выборнаго и плелъ ему разныя небылицы — и воздвигъ цѣлый этажъ: мой домикъ сталъ выше, но крѣпче ли?

12 ноября.

Вотъ уже недѣля, какъ я каждодневно наслаждаюсь обществомъ Марья-змяксин. Надо представить себѣ женщину средняго роста, лѣтъ 50—60, въ ширину она занимаетъ мѣсто ровно въ половину меньше, чѣмъ въ высоту. Лицо завлыло въ мягкихъ и жирныхъ складкахъ, среди которыхъ совершенно потерялся носъ, глаза, хотя и спрятались гдѣ-то очень далеко, бѣгаютъ живо и ничего не пропускаютъ мимо. Щеки висятъ двумя жирными мѣшками, ротъ мягкій, добрый. Она слѣта въ мѣховую кофту и порой еще кутается въ одѣяло, хотя въ юртѣ у нея всегда такая удушливая жара, что бѣдный выборный (жертва ея любви) вѣчно страдаетъ головными болями.

Марья-змяксин рѣдко двигается сама по юртѣ, она обычно сидитъ на своемъ необъятномъ ложѣ, прикрытомъ периной, съ трудомъ сложивъ на животѣ короткія, толстыя руки. Это не мѣшаетъ ей быть очень дѣятельной — то и дѣло она отдаетъ какія-то приказанія работникамъ, иногда очень сердитымъ тономъ, кричитъ на ребятешекъ, которые почему-то всегда вертятся въ ея юртѣ, порой неожиданно громно среди спокойнаго разговора кричитъ рѣзкимъ голосомъ — ча! ча! — это относится къ собакамъ, которыя тогда съ виноватымъ видомъ бросаются въ дверь. Когда приходитъ гость, и его, слѣдовательно, согласно якутскому обычаю, надо немедленно угощать чаемъ, она кряхтя выдвигаетъ изъ подъ постели (это, собственно, не постель, а нары — «урунъ» — какъ во всякой якутской юртѣ) ящикъ, отпираетъ его ключемъ и достаетъ изъ него чай, сахаръ, баранки. Всѣ эти драгоценности

у нея всегда подъ замкомъ; впрочемъ, чтобы скорѣе все это достать, она иногда закладываетъ все это подъ свою перину, на которой сидитъ. Юрта ея всегда полна народа, потому что каждый прїѣзжій считаетъ своимъ долгомъ сдѣлать ей визитъ и рассказать все ему извѣстныя новости — и я вряцъ-ли ошибусь, если скажу, что она пьетъ чай разъ 15-20 въ день. Хоть и владѣтельница королева, она все-же, повидимому, очень добродушна — суку объ этомъ потому, что она часто смѣется, отчего ея необъятный животъ грозно трясется.

Ко мнѣ она очень благоволяетъ — часто называетъ «бараксангъ» (бѣдняжка, — ласкательное слово) и угощаетъ меня какими-то специальными длинными конфетами въ нарядныхъ бумажкахъ, медомъ и даже пшеничными аладьями на маслѣ (изысканнѣйшая въ этихъ краяхъ «русская» ѣда), часто приговаривая — «кушай — да!» — единственное, кажется, русское слово, которое она знаетъ.

Вчера было воскресенье, и къ якуткѣ-сторожикѣ пришли въ гости двѣ русскія дѣвнцы, откуда-то прїѣхавшія. Я очень хорошо понимаю, что онѣ, собственно, пришли посмотреть на меня — рукава и полы ихъ кацавеекъ оторочены горно-стаями (здѣсь вѣдь его родина), на головахъ какіе-то необыкновенные платки. Все время за перегородкой слышала ихъ хихиканье и чувствовала двѣ пары любопытныхъ глазъ, устремленныхъ на меня сквозь щель. Что же — я вполнѣ понимаю ихъ: мой прїѣздъ въ эти края — событіе, по которому будутъ отсчитывать время. — «Это, — скажутъ — случилось какъ разъ въ ту зиму, когда у насъ былъ дядюшка въ очкахъ».

На-дняхъ здѣсь будетъ якутское собраніе — съѣдутся князцы, старшины, капралы со всѣхъ сторонъ. Выборный просилъ меня помочь имъ по счетовой и письменной части — у нихъ, конечно, нѣтъ ни одного грамотѣя. Буду, значитъ, писаремъ — «суруксутъ». Удобный случай узнать лучше ихъ быть.

13 ноября.

Сегодня сдѣлано важное завоеваніе. Уже давно я мечталъ о собственномъ тордохѣ, который бы я могъ возить съ собой

вмѣстѣ со своей желѣзной печкой. Съ тордохомъ я былъ бы независимъ отъ человѣческаго жилья и могъ бы поставить его въ какой угодно пустынь, лишь бы было кормовище для оленей. Не страшны были бы пурги, которыя я могъ бы переждать въ своемъ «домѣ», не надо было бы заѣзжать въ вонючія и грязныя юрты якутовъ. Но какъ достать его, какъ заказать накопить шкуры и сшить? И я почти отказался отъ этой мечты. Но сегодня я получилъ обѣщаніе почти навѣрняка достать такой тордохъ. Отъ кого? Конечно, отъ Марьи-эмяксин. Робко и съ отступленіями завелъ объ этомъ рѣчь съ выборнымъ, но она прервала насъ. — «Зачѣмъ говоришь выборному, что онъ тебѣ сдѣлаетъ?» (пренебрежительный кивокъ въ его сторону). Говори мнѣ». — И въ четверть часа дѣло было сдѣлано. Да здравствуетъ эмяксин Марья! Я совершенно завоевалъ ея сердце, подаривъ ей нѣсколько коробокъ съ сушеной зеленью — въ благодарность она мнѣ послала блага хлѣба, которому я очень радъ, такъ какъ не видалъ его уже восемь мѣсяцевъ. Но тордохъ, тордохъ — это важнѣе всего, онъ окрыляетъ мои мечты. Мечтаю очутиться скорѣе въ немъ среди пустыни, чтобы версть на 200—300 кругомъ не было человѣческаго жилья, чтобы слѣдъ мой для всѣхъ затерялся среди снѣговъ, морозовъ, тумана и пурги...

15 ноября. Вечеромъ.

Сенсаціонное извѣстіе — изъ Усть-Янска катитъ сюда исправникъ. Это мнѣ очень и очень не нравится, потому что его пріѣздъ не только можетъ сломать мои планы, но и навѣрное ихъ сломаетъ. Шутъ его несутъ въ этомъ году такъ рано. Трудно себѣ представить, какую суматоху вызвала здѣсь вѣсть объ его пріѣздѣ, да и я, по правдѣ сказать, сильно разволновался, привыкнувъ въ этомъ медвѣжьемъ углу къ тихой жизни. Смотрю на этотъ пріѣздъ, почти какъ на несчастье.

А два дня тому назадъ почти на цѣлыхъ два мѣсяца со всѣмъ спряталось солнце.

18 ноября.

Какъ маятникъ, я качаюсь изъ стороны въ сторону: отъ надежды къ огорченіямъ. Взять хотя бы этотъ самый тордохъ.

Сегодня мнѣ сообщили, что Марья-эмяксин потерпѣла неудачу въ поискахъ... Это сообщеніе повергло меня въ отчаяніе, и я началъ хлопотать о тордохъ самъ, хотя Марья обѣщала раздобыть тордохъ по-прежнему. Почему-то вѣра въ ея всемогущество у меня ослабѣла. Мысль о тордохъ сегодня мнѣ долго не даетъ уснуть...

А исправника все еще нѣтъ...

19 ноября.

Получилъ очень неприятное извѣстіе — маленькій жоагиренокъ, сынъ Тыкыллы, котораго я лечилъ отъ бронхита, умеръ. Вѣроятно, его сильно застудили, когда везли отъ кочевья къ юртамъ. Бѣдный старикъ, всѣ надежды и жизнь вложилъ въ своего маленькаго наслѣдника, которымъ не могъ надышаться, для котораго берегъ всѣ свои стада оленей... Теперь у старика самого обмороки съ горя.

Сейчасъ самое глухое и темное время года. Часовъ съ 8—9 на востокъ появляется розовая полоска, которая растетъ къ полудню, принимая всѣ отѣнки краснаго, — къ двумъ часамъ она уже гаснетъ, а въ три блещутъ звѣзды. То, что можно назвать днемъ и что по-нашему надо назвать сумерками, длится отъ 11 до 1 часа и въ это время свѣтъ такъ скупо пробивается сквозь оконную толстую льдину, что лишь съ большимъ напряженіемъ можно писать около окна. Тусклое, скучное время. Но лунныя ночи блистательны. Прекрасны въ черныя ночи и звѣзды.

Есть слухъ, что сюда ѣдетъ изъ Усть-Янска якутскій купецъ. А вдругъ онъ мнѣ везетъ письма? Нѣтъ, это невозможнo...

21 ноября.

Завтра мои посылки идутъ въ Усть-Янскъ, и пришла пора мнѣ расставаться съ этой тетрадью. Ей суждена лучшая доля чѣмъ мнѣ — она поѣдетъ далеко, далеко...

В. Зензиновъ.

Надъ жизнью маленькой, нехитрой, незамѣтной
Качала нѣжность лебединое крыло.
Ты стала матерью, женой старозавѣтной...
Изъ теплой горницы сквозь ясное стекло

Слѣдишь испуганно за тучей грозовой,
Ползущей медленно и вѣрно, какъ судьба.
Ты молишь: — Господи, невинны предъ Тобою
Младенецъ мой и мужъ, и я — твоя раба, —

Спаси и сохрани насъ ласковое чудо!..
Но чудо близится въ стenanіяхъ, въ огнѣ,
И гнѣвный Серафимъ спускается оттуда,
Неси два пламени, какъ крылья на спинѣ.

На домякъ твою убогую солому
Зажегъ онъ пролетѣвъ, и голосъ изъ огня
Подобный музыкѣ и медленному грому,
Воззвалъ: — идите всѣ погябнуть за Меня!

И всталъ огонь и дымъ свѣчею многоцвѣтной
Надъ жизнью маленькой, нехитрой, незамѣтной.
Прими же, Господи, и этотъ бѣдный дымъ,
Съ великимъ милосердіемъ Твоимъ!

Наталья Крандѣвская.

Откровения смерти.

(Последнія произведения Л. Н. Толстого)

(Окончаніе) *)

VI.

Cogito, sum — certum est quia impro sibile. Вотъ, что, собственно говоря, *думалъ* Толстой, когда призывалъ людей покориться «разуму». И онъ зналъ, слишкомъ хорошо зналъ, до какой степени его «теорія познанія» — вѣдь въ этихъ немногихъ словахъ формулирована цѣлая теорія познанія — заключаетъ въ себѣ вызовъ всѣмъ традиціоннымъ самоочевиднымъ истинамъ. И даже больше, чѣмъ вызовъ: здѣсь уже окончательный, послѣдній разрывъ съ традиціями «общаго міра», разрывъ, послѣ котораго человѣку ничего не остается сказать себѣ, кромѣ того, что сказалъ Толстой въ «Запискахъ Сумасшедшаго»: «Они признали меня... въ здоровомъ умѣ. Они признали, но я то знаю, что я сумасшедшій».

Но, развѣ это не бессмыслица — теорія познанія сумасшедшаго? Можетъ-ли быть у сумасшедшаго познаніе? И теорія? Вообще, можно-ли слушать Толстого послѣ сдѣланныхъ имъ самимъ признаній? Этихъ вопросовъ обойти нельзя.

*) См. № 1 „Современныхъ Записокъ“.

Аристотель такъ начинаетъ свою «Метафизику»: Πάντες ἀνθρώποι τοῦ εἰδέναι ἀρέσονται φύσει — что значить: по природѣ все люди стремятся къ познанію. Въ свою очередь одинъ изъ замѣчательныхъ современныхъ философовъ, Бергсонъ, устанавливаетъ слѣдующее основоположеніе для своей теоріи познанія: Originellement nous ne pensons que pour agir. C'est dans le monde de l'action que notre intelligence a été coulée. La spéculation est une luxe tandis que l'action est une nécessité. Со второй половиной утвержденія Бергсона нельзя не согласиться: созерцаніе есть точно — роскошь, а дѣйствіе — необходимость. Но едва-ли правильно отсюда заключать, что люди прежде дѣйствуютъ, а потомъ размышляютъ. Ибо это предполагаетъ еще одно, невыявленное въ разсужденіи, допущеніе: люди заботятся прежде всего о необходимомъ и о роскоши вспоминаютъ, когда уже есть все необходимое. Такое допущеніе — уже произвольно, точнѣе подсказано наблюденіемъ надъ будничною жизнью отягченнаго заботами городского или сельскаго обывателя. «Необходимость» создается особыми, случайными, преходящими условіями земного существованія — «по природѣ» же живое существо прежде всего стремится къ роскоши и лишъ, когда не удастся добиться высшей цѣли, принимаетъ необходимое. Молодые животныя — играютъ, и только умудренныя опытомъ борются за «существованіе», ограничиваютъ себя необходимымъ. Даже люди, выросшіе въ нуждѣ и лишеніяхъ, только примиряются съ необходимостью и примиряются, стиснувъ зубы. Конечно, мы охотно выставляемъ какъ моральный принципъ и предѣлъ для ближнихъ необходимость и разныя Existenz-minimum'ы: иначе не справишься съ людьми. Но это изъ тѣхъ законовъ, которые не природа диктуетъ человѣку, а человѣкъ природѣ. И Аристотель былъ ближе къ истинѣ, чѣмъ Бергсонъ. Знать, мыслить (с'agir — въ томъ смыслѣ, какой придавалъ этому слову Декартъ) — основная, природная потребность человѣка, сущность его жизни. Правда — и въ этомъ нужно согла-

саться съ Бергсономъ — наше стремленіе къ познанію, въ условіяхъ земного существованія съ его борьбой за насущный хлѣбъ, деформируется, обезображивается. Но, это уже состояніе согрѣшившаго, падшаго человѣка. Въ раю, гдѣ все было, не было необходимости «дѣйствовать». Только изгнанныки изъ рая стали предъ дилеммой: дѣйствуй или погибни. Надъ ними тяготѣетъ Божье проклятіе: въ потѣ лица своего будешь добывать хлѣбъ свой. Но «анамнезисъ» о потерянномъ раѣ до сихъ поръ живетъ въ человѣкѣ, и Аристотелевская фраза — фраза человѣка, который на 2500 лѣтъ ближе къ Адаму, свидѣтельствуетъ, что онъ твердо помнитъ то, о чемъ мы забыли или почти забыли. Мы, вѣдь, и платоновскій «анамнезисъ» считаемъ не научнымъ и охотнѣе, когда наталкиваемся на соответствующія явленія, говоримъ объ атавизмѣ. Едва-ли, однако, мы правы въ своемъ пренебреженіи къ Платону. Самъ Платонъ, какъ и всѣ греки, относился съ благоговѣніемъ къ мудрости до него жившихъ людей. *Oi eni palaini, kreittones haimi kai euruteroi biosi oi ontes* — древніе, лучшіе, чѣмъ мы и живущіе ближе къ богамъ, говорилъ онъ (Р. II, 16). И Плотинъ также думалъ и всегда писалъ: *palaini kai makaroi philosophoi* — древніе и блаженные философы. Такъ что никакъ не слѣдуетъ отрицать анамнезисъ, и Бергсонъ былъ бы ближе къ истинѣ, если бы вмѣсто *originalit. men*, что соответствуетъ греческой *φύσις*, «по природѣ», сказалъ бы *dispositio. ment.* И, пожалуй, адекватнѣе выразилъ-бы свою собственную, во многихъ отношеніяхъ очень важную и богатую послѣдствіями мысль.

Теперь вопросъ. Мы убѣдились, что разумъ не способенъ познавать истины, по своей-ли природѣ, какъ думаетъ Бергсонъ, или, какъ мнѣ кажется болѣе правильнымъ, потому, что онъ измѣнилъ своей природѣ и такъ внутренно переродился, что можетъ давать намъ только практически полезныя положенія, помогающія въ борьбѣ за существованіе. Но, что тогда станется съ философій? Вѣдь философія не гонится за практически

полезнымъ. И не удовлетворяется Existenz-minimum'ами. Она ищетъ, какъ говоритъ Плотинъ, τὸ τερματικόν — самого значительнаго, самаго важнаго. Не просто «жить» долженъ человекъ — ζῆν, а εὖ ζῆν — достойно жить, говорили древніе. Философіи нужна истина. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ принято думать, единственнымъ источникомъ познанія истины можетъ быть разумъ. Какъ выйти изъ этого положенія? Начать «перевоспитывать» нашъ разумъ, въ надеждѣ вернуться къ тому состоянію «до грѣхонаденія», о которомъ повѣствуетъ легенда? Но разумъ не поддается перевоспитанію. Да и кто его перевоспитывать будетъ? Разумъ-же? Бергсонъ, какъ и нѣкоторые другіе выдающіеся современные философы, (Гуссерль въ Германіи) говоритъ объ интуиціи. Но интуиція вѣдь плоть отъ плоти, кость отъ кости, родное дѣтище разума, и впередъ можно быть увѣреннымъ, что въ ней наследственно скажутся всѣ пороки ея родителя. Такъ и получается у Бергсона. Онъ самъ попадаетъ въ «заколдованный кругъ», котораго онъ такъ тщательно старался избѣгнуть. Не смотря на всѣ напряженія и предосторожности, разумъ неизмѣнно продолжаетъ свое привычное дѣло и, вмѣсто истины, подсовываетъ полезныя для дѣйствія и, потому, общепубличные, самоочевидныя сужденія. Интуиція длительности не можетъ ввести насъ къ ту особенную и сложную, всю сплошь сотканную изъ непредвидѣнностей, капризную и вѣчно хаотическую внутреннюю жизнь человека. Динамика такъ же механистична, какъ и статика, въ движеніи вы такъ же мало откроете истоки жизни, какъ и въ покоѣ. Бергсонъ всѣми силами стремится освободиться отъ власти общихъ понятій, но разумъ, который не можетъ и не хочетъ отказать отъ своей миссіи, направляетъ его вниманіе на «наше я» — и «перерабатываетъ» сознаніе человека, т. е. то, что, по мнѣнію самаго Бергсона, является неповторимымъ и ни къ чему не сводимымъ *par excellence*, въ мѣсто проложенія (*lieu de passage*) или во временнаго обладателя

(*dépositaire*) жизненнаго порыва (*élan vital*), т. е. въ одно изъ тѣхъ общихъ понятій, отъ которыхъ онъ такъ вдохновенно самъ же насъ предостерегалъ. А въ *Evolution créatrice* разумными доводами доказывается первичность идеи порядка, и отвергается представленіе о хаосѣ, какъ внутренне противорѣчивое. Т. е. разуму торжественно возвращаются все отнятыя было у него суверенныя права. Совѣсть какъ у крайняго рационалиста Гуссерля, разумъ объявляется непогрѣшимымъ папой: *Verba locuta, causa finita*.

Здѣсь не мѣсто, конечно подвергать, болѣе обстоятельному разбору философію Бергсона. Скажу только — и здѣсь это сказать умѣстно, даже необходимо—когда я теперь, прѣбывъ за границу, получилъ, наконецъ, возможность ознакомиться съ книгами Бергсона, я былъ неслыханно пораженъ. Какой-то рокъ тяготѣлъ надъ философіей. Съ Бергсономъ повторялось то-же, что было и съ Декартомъ. И ему блеснулъ свѣтъ великой истины — но онъ захотѣлъ отдать ее людямъ и — забыть все, что видѣлъ. Истина не выноситъ общаго владѣнія — и обращается въ невидимку при первой попыткѣ извлечь изъ нея пользу, включить ее въ «общій для всехъ міръ». Бергсонъ и это знаетъ: оттого онъ такъ часто и настойчиво повторяетъ въ своихъ сочиненіяхъ, что только великіе художники, освободившіеся отъ власти общихъ понятій, могутъ проникнуть и правдиво изобразить внутреннюю жизнь человѣка. Но, тогда вѣдь у нихъ — и только у нихъ — философія должна искать «неносредственно даннаго», и соблазнить вышше убедительной очевидности разумныхъ обоснованій долженъ быть во что бы то ни стало преодолѣть. Можетъ быть, если бы оброненное имъ какъ бы вскользь еще въ первой книгѣ замѣчаніе о «безосновности» истины замѣнило бы ему идею интуиціи длительности, онъ не сталъ бы, вопреки самому духу своей философіи, утверждать, что «наше я, непогрѣшимо въ своихъ непосредственныхъ констатированіяхъ» (*notre moi, infallible dans*

ses constatations immédiates), ибо «наше я» есть уже нѣчто общее, есть «сознаніе вообще», т. е. тотъ падшій разумъ, безсиліе котораго, за предѣлами, конечно, его ограниченныхъ sub specie aeternitatis функций, Бергсонъ самъ обнаружилъ съ такой благородной смѣлостью и беспощадностью. Но за то онъ бы разсказалъ, можетъ быть, намъ объ «единомъ» Плотина, къ которому онъ былъ, повидимому, такъ близокъ по устремленіямъ, или даже не побоялся бы взять подъ свою защиту «анамнезисъ» Платона или хоть бы самого демона Сократа. Можетъ, вспомнилъ бы объ изгнанномъ изъ философіи *κλειρονομία* и *σχεστικά πρίναια*. Въдь все же древніе были лучше насъ и жили ближе къ богамъ, хотя не умѣли ни летать по воздуху, ни переговариваться межъ собой за тысячи верстъ! Но, для этого, повторю, нужно было не забывать открывшейся ему истины: наша логика, логика людей, добывающихъ хлѣбъ въ потѣ лица, въ корнѣ извратила нашу познавательную способность, пріучивши насъ думать такъ, какъ того требуютъ интересы нашего земного устроенія. Знать, думать можетъ только тотъ, кому *ничего дѣлать*,*) кто «случайными» *par excellence* обстоятельствами выброшенъ изъ общаго всѣмъ міра и, предоставленный себѣ, и только себѣ, постигаетъ, что истина, по самому существу своему, не можетъ быть необходимой и общеобязательной. Для такого чело- вѣка «случай», столь гонимый и презираемый наукой и «нашимъ я», становится главнымъ предметомъ любознательности. Онъ рѣшается воспринимать, цѣнить и даже выявлять скрытое въ «случайномъ» и невидное для озабоченнаго земными дѣлами и подавленнаго общественными требованіями разума откровеніе...

Такимъ былъ послѣдній великій философъ древности— Плотинъ. Такимъ былъ и Толстой.

Въ разобранныхъ нами выше посмертныхъ произведеніяхъ Толстой еще оставляетъ нѣкоторую возможность

*) Подробно объ этомъ см. мой «Апокалипсисъ безпочвенности», часть II § 2, 17 и другія мѣста тамъ-же.

участія въ общей жизни своимъ героямъ. Они еще поучаютъ людей, борятся, что-то, значить, дѣлаютъ, и еще надѣются на декартовское *ergo* или бергсоновское «непогрѣшимое общее я». Но у Ивана Ильича и у Брехунова*) нѣтъ ни возможности, ни надобности ни поучать людей, ни вообще что бы то ни было дѣлать. Оба они умираютъ, т. е. перестаютъ существовать для общаго вѣснмъ міра. Казалось бы, при такихъ условіяхъ и писать не о чемъ. Если бы Толстому и въ самомъ дѣлѣ присуще было то вѣрнопопданнѣйшее отношеніе къ разуму, о которомъ онъ такъ часто и громко говорилъ, то ему не слѣдовало даже и замѣцлять разсказы на столь явно неразумную тему, какъ смерть. Человѣкъ умираетъ — его похоронить нужно. Развѣ предъ судомъ разума не праздное, чтобъ не сказать сильнѣе, любопытство подема-тривать и поделушивать, что происходитъ въ душѣ умирающаго?

Но Толстого судъ разума несколько не беспокоитъ. Когда нужно было, онъ угнѣтъ идти къ своей цѣли, не испрашивая предварительнаго согласія у подлежащихъ властей. Когда нужно было, онъ не боялся и самъ разумъ привлекать къ суду.

И Иванъ Ильичъ, и Брехуновъ вѣ достигеній разума: оба умираютъ въ совершенномъ одиночествѣ. Толстой умышленно отрѣзываетъ ихъ отъ всѣхъ людей, отъ всякаго «дѣланія» и отъ всѣхъ источниковъ, изъ которыхъ мы черпаемъ обыкновенно жизненные силы. «Нельзя было себѣ обманывать: что-то страшное, новое и такое значительное, чего значительнѣе никогда не было съ Иваномъ Ильичемъ, совершалось въ немъ. И онъ *одинъ* зналъ про это, всѣ же окружающіе не понимали и не хотѣли понять этого и думали, что все идетъ по-прежнему». «Жить такъ, на краю гибели, надо было *одному*, безъ одного человѣка, который бы понять и пожалѣлъ его». Мало того, что никто не хотѣлъ по-

*) Въ «Смерти Ивана Ильича» и въ «Хозяинѣ и Работникѣ».

нять и пожалѣть его — для всѣхъ, даже самихъ близкихъ людей, для жены, для дѣтей онъ сталъ тяжелой, неприятной, раздражающей и возмущающей обузой. Никто не вѣрилъ и не могъ вѣрить, что съ Иваномъ Ильичемъ происходитъ что-то столь страшно новое и значительное, чего значительно никогда въ немъ не происходило, какъ не вѣрили и домочадцы Николая Ивановича, когда онъ пытался посвящать ихъ въ свои откровенія. Всѣ были глубоко и искренно убѣждены, что Иванъ Ильичъ неправомѣрно, прямо преступно нарушаетъ своими капризами заведенный и призванный порядокъ жизни. Нельзя было ни выѣзжать въ театръ, ни устраивать дочь, ни покупать наряды — ничего нельзя было «дѣлать». Но — съ другой стороны — нельзя же было остановить нормальное теченіе жизни только потому, что съ Иваномъ Ильичемъ случилось что-то, по его «особенному» мнѣнію необыкновенное, но, по мнѣнію всѣхъ остальныхъ, такое, что происходитъ сплошь и рядомъ и что никого ни удивлять не должно и не должно возбуждать ни вопросовъ, ни тревоги.

Окружающіе разсуждали, какъ училъ Эпиктетъ. Когда мы слышимъ, что умираетъ кто-либо, для насъ далекій и чуждый, — мы остаемся спокойными и говоримъ, что то, что произошло, произошло по неизмѣннымъ и непреложнымъ законамъ природы. Стало быть, хотя Иванъ Ильичъ и близкій намъ человекъ, но ни ради чего, ни ради насъ существующій порядокъ не можетъ и не долженъ допускать отступленій. Это самоочевидная истина, отрицать которую не можетъ ни одинъ здравомыслящій человекъ. Окружающіе дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобъ поддержать привычный и понятный для нихъ строй жизни. Они стараются поудобнѣй устроить больного, зовутъ дорогихъ врачей, подаютъ ему въ назначенные часы лекарства, придумываютъ для него маленькія развлеченія — но все это не только не успокаиваетъ, но еще больше волнуется и раздражаетъ Ивана Ильича. Въ *этомъ* онъ видитъ твердое и непоколебимое убѣжденіе, что «объективный поря-

докъ», выразителями котораго являются его домашніе, не хочетъ признать и серьезно считаться съ его новыми, необычайными переживаніями. Домашнимъ еще мало, что они сами не признають серьезности того, что происходитъ съ Иваномъ Ильичемъ. Они, по имя разума, обладатели обязательныхъ для всѣхъ истинъ, требуютъ, чтобъ Иванъ Ильичъ и самъ не считалъ этого серьезнымъ, ибо вѣдь не можетъ быть двухъ истинъ, одной для всѣхъ и одной для Ивана Ильича. Это больше всего и вызываетъ въ немъ припадки гнѣвнаго, прямо бѣшеннаго возмущенія противъ всѣхъ людей, съ которыми онъ соприкасается, и благодаря этому вокругъ его постели понемногу создается кошмарная атмосфера, совершенно изолирующая его отъ вѣшняго міра. Онъ грубо, почти непристойно и безъ всякаго повода обижаетъ и жену, и дѣтей, и нареченнаго зятя, судебного слѣдователя, и навѣщающихъ его врачей. Иванъ Ильичъ добивается отъ нихъ невозможнаго. Онъ хочетъ, чтобъ они, вслѣдъ за нимъ, признали то новое и небывалое, что въ немъ происходитъ, за самое важное, что бываетъ на свѣтѣ, и чтобы ради этого новаго они все бросили и забыли и, вмѣстѣ съ нимъ, дерзнули возстать противъ существующаго въ мірѣ уклада. Онъ, въ свой чередъ, продолжаетъ еще думать, что если онъ правъ, то его правота обязываетъ всѣхъ поддерживать его. Правота непризнанная, никѣмъ не поддержанная, ему не нужна, да и правота ли это?

Но окружающіе не могутъ ни идти за Иваномъ Ильичемъ, ни даже постичь того, что съ нимъ происходитъ. У нихъ нѣтъ для этого ни силъ, ни вдохновенія, какъ не было у самого Ивана Ильича до болѣзни. Нормальный человѣкъ можетъ жить только тогда, когда онъ идетъ вслѣдъ за всѣми и со всѣми, когда его поддерживаетъ и космическій, и общественный порядокъ. Одинокія, самочинныя дерзанія вызываютъ негодованіе въ людяхъ и кажутся величайшимъ преступленіемъ противъ людей и противъ Бога. Всѣ требуютъ, чтобъ Иванъ

Ильичъ прежде всего смирился и покорился необходимости. „Страшный, ужасный актъ его умираиія, онъ видѣть, всѣми окружающими его быть низведенъ на степень случайной непріятности, отчасти неприличія — тѣмъ самымъ приличіемъ, которому онъ служилъ всю свою жизнь“ „Приличіе“ — этимъ словомъ Толстой называетъ то, что принято называть общественнымъ и космическимъ порядкомъ, тотъ «общій міръ» бодрствующихъ людей, которому Аристотель противопоставлялъ особенные міры сновидцевъ. Умирающій — тотъ же сновидецъ, только противъ собственной воли вырывающійся изъ общаго для всѣхъ міра?

Толстой подробно рассказываетъ намъ прежнюю жизнь Ивана Ильича. Онъ не только не дерзнулъ возставать противъ законовъ природы — онъ боялся малѣйшаго нарушенія заведенныхъ людьми порядковъ, даже правилъ приличія. Чутьемъ онъ всегда отгадывалъ направление къ протореннымъ и утопаннымъ большимъ дорогамъ и въ этомъ и онъ самъ и другіе видѣли его даръ, за это его цѣнили и любили. Теперь онъ съ ужасомъ и совершеннымъ недоумѣніемъ оглядывается на свое прошлое. Въ своемъ дарѣ и готовности и самому подчиниться, и другихъ подчинить опредѣленному, строгому, неизмѣнному порядку онъ видитъ уже не благословіе, а проклятіе. И хотѣлъ-бы добиться, чтобы всѣ, непременно всѣ увидѣли то-же, что и онъ видитъ. Въ немъ прочнее всего держится убѣжденіе, что только то — истина, что признается всѣми людьми, къ признанію чего всякій можетъ быть принудительно приведенъ. Но ему ясно, что его «новое» ни въ комъ не возбуждаетъ сочувствія и никогда никѣмъ признано не будетъ. Для всѣхъ, кромѣ него — самоочевидная истина, что его умираиіе — только «случайность», что ему нужно идти на смарку, нужно уступить «случайнаго» себя ради торжества и побѣды вѣчнаго, безличнаго строя и порядка, ради того разума, который онъ самъ недавно еще прославлялъ, какъ единственный источникъ му-

дрости и справедливости. Да и теперь — и въ этомъ весь ужасъ и вся безысходность его положенія — онъ внутренно продолжаетъ считать правымъ не себя, а всѣхъ. Оттого-то онъ такъ и ненавидитъ окружающихъ, что чувствовать и право, и *силу*, охраняющую право, на ихъ сторонѣ. Если-бы можно было — онъ съ величайшей радостью вѣдиль-бы въ судъ, игралъ въ винтъ, разговаривалъ о политикѣ и т. п. И вдругъ *ему* все это нельзя. Тотъ-же вѣчный порядокъ, который съ рожденія всегда его поддерживалъ и которому онъ такъ честно служилъ, вдругъ обратился противъ него — и несколько не стѣняется такимъ подлымъ предательствомъ, даже не находить нужнымъ привести въ свое оправданіе какія-бы то ни было объясненія. «Было такъ — теперь такъ» — ни мольбы, ни увѣщанія не помогутъ. Иванъ Ильичъ изверженъ изъ «общаго вѣчнаго міра», изъ своей природной, естественной стихіи, которую онъ такъ любилъ, въ которую такъ вѣрилъ. Всѣ попытки вернуться въ страну отцовъ своихъ, на старое, родное пепелище ни къ чему не приводятъ. Тамъ, гдѣ онъ былъ равноправнымъ и полноправнымъ человекомъ — онъ оказывается чистымъ «случаемъ», лишеннымъ покровительства законовъ. Все возстало противъ него съ той неумолимой послѣдовательностью, которая его самого не такъ давно приводила въ восхищеніе. Иванъ Ильичъ все не вѣритъ, что происшедшая съ нимъ перемѣна — есть уже что-то послѣднее, окончательное. Ему кажется, что этого быть не можетъ, что это только тяжелый сонъ, что онъ проснется, что онъ вернется къ прежнему «понятному» бытію. «Онъ пытался возвратиться къ прежнимъ ходамъ мысли, которые заслоняли для него мысль о смерти. Но — странное дѣло! — все то, что прежде заслоняло, скрывало, уничтожало сознаніе смерти, теперь уже не могло производить свое дѣйствіе. Последнее время Иванъ Ильичъ большей частью проводилъ въ этихъ попыткахъ возстановить прежніе ходы чувства, заслонявшаго смерть. То онъ говорилъ себѣ:

« займусь службой, вѣдь я жить-же ея? » И онъ шель въ судъ, отгоняя отъ себя всякія сомнѣнія; вступалъ въ разговоры съ товарищами и садился, по старой привычкѣ разсѣянно, задумчивымъ взглядомъ окидывая толпу и обѣими исхудавшими руками опираясь на ручку дубоваго кресла, такъ-же, какъ обыкновенно, перегибаясь къ товарищу, подвигая дѣло, перешептываясь и потомъ, вдругъ вскидывая глаза и прямо усаживаясь, произносить извѣстные слова и начиналъ дѣло. Но вдругъ въ срединѣ боль въ боку, не обращая никакого вниманія на періодъ развитія дѣла, начинала *свое* сосущее дѣло. Иванъ Ильичъ прислушивался, отгонять мысль о ней, но она продолжала свое и *она* приходила и становилась прямо предъ нимъ и смотрѣла на него, и онъ столбенѣлъ, огонь тухъ въ глазахъ, и онъ начиналъ опять спрашивать себя: неужели только *она* правда? Неужели только *она* правда? И всѣ прежнія правды — ихъ было такъ много, и какія славныя, добрыя успокаивающія правды это были! — идутъ на сломъ, какъ старая, ненужная рухлядь? Но, тогда — на что-же опереться? Что предпринять? Что дѣлать? Неужели отказаться отъ человѣческихъ правъ, правъ разумнаго существа, и покорно, безъ борьбы броситься въ темную бездну, какъ загипнотизированная очковой змѣей птица бросается въ пасть чудовища? Разумъ всегда до сихъ поръ выручавшій изъ трудныхъ положеній, разумъ «мыслившій, чтобъ дѣйствовать», напрягаетъ всѣ свои силы. Но придумать ничего не можетъ. Что было хуже всего, это то, что *она* отвлескала его къ себѣ не за тѣмъ, чтобъ онъ *дѣлалъ что-нибудь*, а только для того, чтобъ онъ смотрѣлъ на нее, прямо ей въ глаза, смотрѣлъ на нее и, *ничего не дѣлая*, невыразимо мучился ». Или какъ описываетъ Толстой нѣсколько далѣе: ...«онъ шель въ кабинетъ, ложился и оставался одинъ съ *нею*. Съ глаза на глазъ съ *нею*, а *дѣлать съ ней нечего*. Только смотрѣть на нее и холодѣть».

VII.

Нечего дѣлать! Только смотрѣть прямо въ глаза ей, этой неизвѣстно откуда явившейся таинственной и странной дѣйствительности. И никто изъ людей не можетъ не только помочь ему, но даже услышать его. Въ этомъ абсолютномъ одиночествѣ, «одиночествѣ среди многочисленнаго города и своихъ многочисленныхъ знакомыхъ и семьи, одиночествѣ, полнѣе котораго не могло быть нигдѣ, ни на днѣ моря, ни въ землѣ» и въ полной невозможности что-либо «дѣлать» — то новое, ни съ чѣмъ несообразное и фантастически невѣроятное, что открылось Ивану Ильичу. Не только люди, его прежняя вѣра, основы его міропониманія, сложившіяся за его уже достаточно продолжительную жизнь, оказались лживыми и предательскими. Теряются признаки, по которымъ отличалась явь отъ сна, дѣйствительность отъ иллюзіи. Онъ припоминаетъ свое прошлое, чтобъ въ немъ найти хоть какую-нибудь опору, но и оно какъ бы вступило въ заговоръ съ остальными безчисленными невидимыми врагами его, поставившими себѣ задачей во что бы то ни стало отнять у него всѣ опоры — и оно не поддерживаетъ его. Оно тоже — прежде тихое, спокойное и пріятное превратилось въ страшное чудовище, дышащее на него огнемъ укоровъ и обличеній. «Какъ только началось то, результатомъ чего былъ теперешній онъ, Иванъ Ильичъ, такъ всѣ казавшіяся тогда радости — теперь на глазахъ его таяли и превращались во что-то ничтожное и даже гадкое... Женитьба такъ печально, и разочарованіе, и запахъ изо рта жены, и эта чувственность, притворство! И эта мертвая служба, и эти заботы о деньгахъ и такъ годъ, и два, и десять, и двадцать, — и все то-же. И что дальше — то мертвѣе. Точно равномерно я шель подъ гору, воображая, что иду на гору. Такъ и было. Въ общественномъ мнѣніи я шель на гору и ровно на столько, на сколько изъ подъ меня уходила жизнь... И вотъ готово — умирай». Вотъ что думаетъ человѣкъ,

которому нечего «дѣлать»: истины «общаго всѣмъ міра» о томъ, что хорошо, что дурно, что реально, что призрачно — есть лишь дьявольское навожденіе, какъ и тотъ «общій всѣмъ міръ», въ которомъ этимъ истинамъ поклоняются.

Правда, въ «Смерти Ивана Ильича» предъ нами исторія средней руки чиновника, и иному можетъ показаться, что именно потому его предсмертныя мысли такъ тяжелы и мучительны, что онъ былъ слишкомъ ординарнымъ человѣкомъ. Но дѣло тутъ не въ ординарности Ивана Ильича — а въ ординарности «общаго всѣмъ міра», который считается не Иваномъ Ильичемъ, а лучшими представителями человѣческой мысли единственно реальнымъ міромъ. Отецъ Сергій — колоссальная фигура, святой подвижникъ — тѣмъ не менѣе и его Толстой обрекъ при жизни на тѣ-же муки, которыя выпали на долю Ивана Ильича предъ смертю. То-же одиночество, полнѣе котораго не бываетъ и на днѣ морскомъ, тѣ-же ужасы и та-же безвыходность, — совершенная беспомощность и неспособность что-либо сдѣлать для своего спасенія. Толстой меньше всего былъ склоненъ къ культу великихъ людей. На грани иного бытія такъ много «сдѣлавшій» праведникъ, отецъ Сергій и обыкновенный человѣкъ Иванъ Ильичъ — равно безсильны и беспомощны. Предъ лицомъ новой дѣйствительности, въ той кромѣшной тѣмѣ, которой обволакиваетъ Толстой своихъ героев, столь замѣтная при дневномъ свѣтѣ отличія стираются. Больше того: при дневномъ свѣтѣ Толстой самъ не умѣлъ видѣть того, что ему открывалось во тѣмѣ. Какъ негодовать онъ на апостола Павла за его ученіе о спасеніи вѣрой, какъ вослушался онъ Фридрихомъ Ницше за его формулу («по ту сторону добра и зла»), вновь воскресившую забытую проповѣдь великаго апостола! И точно, въ «общемъ для всѣхъ мірѣ» вѣрой жить нельзя, въ этомъ мірѣ цѣнятся и нужны дѣла, и въ немъ люди оправдываются не вѣрой, а дѣлами. Но Иванъ Ильичъ уже въ «общій всѣмъ міръ» не вернется. И мысли у него,

у человѣка, который можетъ только глядѣть на «нее», но ничего не можетъ «дѣлать», совсѣмъ иная. «Такъ что-же это? Зачѣмъ? Не можетъ быть! Не можетъ быть, чтобы такъ безмысленна, гадка была жизнь? А, если точно она такъ гадка и безмысленна, такъ зачѣмъ же умирать и умирать, страдая? Что-нибудь да не такъ. Можетъ быть, я жилъ не такъ, какъ должно, приходило ему вдруть въ голову. Но, какъ же не такъ, когда я дѣлалъ все, какъ слѣдуетъ?»— говорили онъ себѣ и тотчасъ же отгоняли отъ себя это единственное разрѣшеніе загадки жизни и смерти, какъ невозможное. Чего же ты хочешь теперь? Жить? Какъ жить? Жить, какъ живешь въ судѣ, когда судебный приставъ провозглашаетъ: «судъ идетъ». Судъ идетъ, идетъ судъ, повторилъ онъ себѣ. Вотъ онъ судъ. Да я же не виноватъ, вскрикнулъ онъ со злобой. За что? И онъ пересталъ плакать и, повернувшись къ стѣнѣ, сталъ думать все объ одномъ и томъ же: зачѣмъ, за что весь этотъ ужасъ? Но сколько онъ ни думалъ, онъ не нашелъ отвѣта. И когда ему приходила, какъ она приходила ему часто, мысль о томъ, что все это происходитъ отъ того, что онъ жилъ не такъ, онъ тотчасъ вспоминалъ всю правильность своей жизни и отгонялъ эту страшную мысль».

Судъ идетъ! Судъ идетъ! Иванъ Ильичъ всю жизнь свою самъ судилъ — онъ знаетъ, что задача правосудія состоитъ въ томъ, чтобы отдѣлять правыхъ отъ виноватыхъ по однажды на всегда установленнымъ принципамъ и воздавать всѣмъ по заслугамъ за ихъ дѣла. Но это новое фаггастическое правосудіе — ничего общаго съ земнымъ судомъ не имѣетъ. Для него нѣтъ нормъ и законовъ, для него нѣтъ правыхъ — предъ нимъ всѣ виноваты и особенно тяжело виноваты тѣ, кто подчинялся законамъ и въ добровольномъ подчиненіи законамъ видѣлъ свою добродѣтель.

Этого Иванъ Ильичъ вынести не можетъ—его совѣсть стараго, испытаннаго судьи возмущается противъ такого требованія. Вѣдь новый „страшный“ судъ

стираетъ всякое различіе между добромъ и зломъ! Не Иванъ Ильичъ одинъ — всѣ люди виноваты! «Противиться (смерти) нельзя. Но хоть бы понять, зачѣмъ это? И того нельзя. Объяснить бы можно было, что я жилъ не такъ, какъ надо. Но этого-то уже невозможно призвать, говорилъ онъ самъ себѣ, вспоминая всю законность, правильность и приличіе своей жизни. Этого-то допустить уже невозможно, говорилъ онъ себѣ, усмѣхаясь губами, какъ будто кто-нибудь могъ видѣть эту улыбку и быть обманутымъ ею. Нѣтъ объясненія! Мученіе, смерть... Зачѣмъ?» И вѣдь Иванъ Ильичъ правъ, ссылаясь на законность и правильность своей жизни: онъ не одинъ, за нимъ стоитъ весь тотъ общій міръ, къ которому онъ принадлежалъ и который держится этой правильностью и законностью. Если-бы какой-нибудь искусный врачъ исцѣлилъ его, онъ бы снова вернулся въ свой старый судъ охранять ту законность и правильность, которымъ онъ служилъ раньше. И не хочу этимъ сказать, что жизнь Ивана Ильича была предѣломъ человѣческихъ достиженій. Судность въ томъ, что на «страшномъ судѣ», открывшемся Толстому (анамнезисъ это или атавизмъ — предоставляю этотъ вопросъ рѣшить современными теоріямъ познанія) высокія жизненные достиженія не смягчаютъ невидимаго суди. И, вообще, намъ повидимому не дано знать, чѣмъ можно смягчить его — есть всѣ основанія думать, что онъ беспощаденъ и немолимъ въ своихъ приговорахъ. «Зачѣмъ эти муки? И голосъ отвѣчалъ: а такъ, ни зачѣмъ. Дальше и, кромѣ этого, ничего не было». Если суровый обличитель смягчается, то внезапно какъ-то, по капризу, ни на чемъ не основанному. Отъ законности и правильности, т. е. отъ высшихъ общественныхъ и моральныхъ идеаловъ, нужно безусловно отказаться: всѣ идеалы — добыча моли и ржи. Но кой-что изъ прошлой жизни Ивана Ильича можетъ выдержать испытаніе вѣчности. «Въ дѣлѣ было что-то такое, дѣйствительно пріятное, съ чѣмъ можно было-бы жить, если-бы оно вернулось». И когда

учился тоже «было кое-что истинно хорошее, тамъ было веселье, тамъ была дружба, были надежды». Потомъ во время первой службы у губернатора: «Это были воспоминанія о любви къ женщинамъ». Какъ мало похоже откровенное Толстымъ на страшномъ судѣ «добро» на то добро, которымъ обычно грѣшники откупаются отъ вѣчныхъ мукъ. Какъ мало оно вообще на «добро» походить! И именно потому, что оно не походитъ на добро, оно не подлежитъ суду и осужденію — и пройдетъ сквозь то игольное ушко, черезъ которое не пройдутъ обоготворяемые «общимъ для всѣхъ міромъ» вербоды — «законность и правильность». На страшномъ судѣ «законность» и «правильность» — заодно съ «притворствомъ» осуждаются, какъ смертный грѣхъ. Осуждаются именно за ихъ «автопомность», за то, что онѣ, сотворенныя человѣкомъ, осмѣлились притязать на вѣчное бытіе. Отъ нихъ, отъ этихъ «идеальныхъ» существей раз ехе Иисе, легшихъ въ основу нашей земной жизни, нужно отказаться Ивану Ильичу: смерть перерываиваетъ всѣ невидимыя нити, которыми мы связаны на землѣ съ собой подобными существами. И абсолютное одиночество, полнѣе котораго нѣтъ ни на днѣ морскомъ, ни подъ землей — одиночество, котораго не выносятъ, въ которомъ задохаются всѣ «законности» и «правильности», т. е. всѣ «идеальныя сущности» по самой природѣ своей, есть условіе и начало преображенія чело-вѣческой души. Ни честная жизнь рядового чиновника — такой была жизнь Ивана Ильича, ни трудное подвижничество отца Сергія на страшномъ судѣ имѣ не помогутъ. Наоборотъ отигчатъ безмѣрно. Обоиамъ придется отречься отъ «заслугъ» своихъ и все упованіе свое возложить не на свои заслуги или свое прошлое и будущее «дѣланіе», а на благодатный и творческій *случай*, который общій для всѣхъ разумъ такъ презрительно отвергаетъ. Ивану Ильичу «пришло въ голову, что то, что представлялось ему прежде совершенной невозможностью, то, что онъ прожилъ свою жизнь не такъ, какъ

должно быть, что это могло быть правда. Ему пришло въ голову, что тѣ его чуть замѣтныя поползновенія борьбы противъ того, что выше поставленными людьми (не только непосредственнымъ начальствомъ, но и мудрецами сего міра) считалось хорошимъ, поползновенія чуть замѣтныя, которыя онъ отчасти отгонялъ отъ себя, что они и могли быть настоящія, а остальное все могло быть не то. И его служба, и его семья, и эти интересы общества и службы, все это могло быть не то. Онъ попытался защитить предъ собою все это. И вдругъ почувствовалъ *всю слабость* того, что онъ защищалъ. И защищать было нечего. А если такъ, — сказалъ онъ себѣ, — и я уйду изъ живыхъ съ сознаніемъ того, что погубилъ все, что мнѣ дано было, а поправить нельзя — тогда что-жь? Онъ легъ навзничъ и сталъ совѣмъ по-новому перебирать всю свою жизнь. Когда утромъ онъ увидать лакея, потомъ жену, потомъ дочь, потомъ доктора, каждое ихъ движеніе, каждое ихъ слово подтверждало для него ужасную истину, открывшуюся ему ночью. Онъ въ нихъ видѣлъ себя, все то, чѣмъ онъ жить и ясно видѣлъ, что все это было не то, все это было *ужасный, огромный обманъ*, закрывающій и жизнь, и смерть. Этѣмъ сознаніе увеличило, удесятерило его физическія сдѣланія. Онъ стоналъ и метался и обдергивалъ на себѣ одежду. Ему казалось, что она душила и давила его. И за это онъ ненавидѣлъ ихъ.

На этомъ не кончается еще описаніе страшнаго суда. Иванъ Ильичъ много уступилъ, но не все. Главнаго не уступилъ. Его все еще продолжаетъ тянуть къ прошлому. Хотя онъ и видитъ, что возврата нѣтъ, что пришелъ конецъ, совѣмъ конецъ, хотя онъ и убѣдился, что его прежняя жизнь была сплошной отвратительной ложью, закрывавшей отъ него истинную дѣйствительность, но онъ все-же боекъ съ ней разстаться: неизвѣстное будущее кажется ему болѣе страшнымъ, чѣмъ дурное, но знакомое прошлое. Все еще хотя въ такомъ разжиженномъ видѣ остается признаніе, что «жизнь его была

хорошая». «И это-то оправданіе своей жизни цѣпляю и не пускаю его впередъ и больше всего мучало его. *Вдругъ* какая-то сила толкнула его въ грудь, въ бокъ, еще сильнѣе сдавило ему дыханіе, онъ провалился въ дыру и тамъ засвѣдилось что-то». Послѣдній отчаянный прыжокъ въ неизвѣстность — то дерзновеніе, на которое не могъ отважиться самъ Иванъ Ильичъ, сдѣлала за него вдругъ какая-то другая сила. Не прошлыя «заслуги», не собственная «воля», не проникаемость «разума» вырвали Ивана Ильича изъ общаго вѣдѣнія — сперва столь «пріятнаго», потомъ въ такой же мѣрѣ ужаснаго міра. Какъ переходъ нашъ отъ небытія въ бытіе происходитъ безъ нашего участія и предполагаетъ властное, можетъ насильственное возмѣшательство загадочнаго *fiat*, такъ и переходъ отъ жизни къ смерти не можетъ произойти «естественно» и является непостижимымъ, а потому столь страшнымъ случайнымъ нарушеніемъ обычнаго строя нашего существованія. Одиночество, отчужденность, непроглядная тьма, хаосъ, невозможность предвидѣній и полная неизвѣстность — можетъ *это* принять человекъ? Можно ли надѣяться и идти впередъ тому, кто видѣлъ своими глазами то, что пережили Иванъ Ильичъ?

VIII.

Черезъ десять лѣтъ послѣ «Смерти Ивана Ильича» Толстой написалъ «Хозяина и Работника». Оба разсказа по своему внутреннему содержанію такъ близки другъ другу, что при всемъ ихъ внѣшнемъ несходствѣ кажутся разными вариантами на ту-же тему. Видно, одна мысль, одна загадка неотступно стояла предъ Толстымъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ выбитъ изъ обычной жизненной колеи описанными имъ въ «Запискахъ Сумасшедшаго» безпричинными страхами. Если правъ Платонъ, что философы *οὐδὲν ἄλλο ἐπιθυμῶσιν ἢ ἀποθανεῖσθαι καὶ τούτων* — ни къ чему иному не стремятся, какъ къ умираиію и къ смерти,

то нужно признать, что мало кто из наших современников так всецѣло отдавалъ себя философіи, какъ Толстой.

Въ обоихъ разсказахъ Толстой представляетъ намъ человѣка сперва въ обычныхъ, всѣмъ знакомыхъ и всѣми принятыхъ условіяхъ существованія и затѣмъ, почти внезапно — въ «Хозяинѣ и Работникѣ» приготовленной еще меньше, чѣмъ въ «Смерти Ивана Ильича» — переноситъ его въ то одиночество, полнѣе котораго нѣтъ ни на днѣ морскомъ, ни подъ землею. Василій Андреевичъ Брехуновъ, 2-й гильдіи купецъ, деревенскій богачъ, гордый и собой и нажитымъ собственнымъ умомъ состояніемъ — то, что англичане называютъ *self-made man*. Всѣмъ, что у него есть — а у него есть, по его убѣжденію, много, очень много хорошаго — онъ обязанъ только себѣ самому, своимъ дарованіемъ и своей энергіи. Людей, которые не умѣли проложить себѣ дорогу въ жизни, онъ искренно презираетъ: неудачливость и негодность въ его глазахъ — синонимы. Онъ повторитъ, пожалуй, за другими: на Бога надѣйся, но самъ не плошай. Но въ его устахъ это значитъ: Богъ *обязанъ* помогать тому, кто не складываетъ рукъ. Если бы у него было богословское образованіе, онъ бы сказалъ: *libenti quod in e est Deus infallibiter dat gratiam*. И возсталъ прогнѣвъ тѣхъ, кто утверждаетъ: *deum necessitati non posse*. Теперь онъ по-латыни не знаетъ и выражаетъ тѣ-же мысли по-русски, но не менѣе точно и опредѣленно. Настоящій человѣкъ это тотъ, у кого есть средства и Бога къ себѣ расположить. Молебны, чудовыя свѣчи — слабому мужиченкѣ, въ родѣ его же работника, Никиты, съ трудомъ добывающему гроши для необходимаго — это не доступно. А онъ, Василій Андреевичъ, все можетъ. Онъ обезпечилъ себѣ, своимъ умомъ и своими силами, благополучіе здѣсь и спасеніе — тамъ.

Сознаніе своей глубокой правоты, даже своего призванія никогда не покидаетъ его. Онъ и мошенничаетъ

съ убѣжденіемъ. „За два дни до праздника, съ котораго начинается разсказъ, Марѳа (жена работника Никиты) прѣѣзжала къ Василию Андреевичу и забрала у него бѣлой муки, чаю, сахару и осьмуху вина — всего рублей на три, да взяла еще рублей пять деньгами и благодарила за это, какъ за особую милость, тогда какъ по самой дешевой цѣнѣ за Василиемъ Андреевичемъ было рублей 20. — Мы развѣ съ тобой уговоры какіе дѣлали? говоритъ Василій Андреевичъ Никитѣ. Нужно — бери, заживешь. У меня не какъ у людей: подожди, да расчеги, да штрафы. Мы по чести. Ты мнѣ служишь, и я тебя не оставляю. — И, говоря это, Василій Андреевичъ былъ искренно увѣренъ, что онъ благодѣтельствуетъ Никитѣ: такъ убѣдительно онъ умѣлъ говорить и такъ все, зависящія отъ его денегъ люди, начиная съ Никиты, поддерживали его въ томъ убѣжденіи, что онъ не обманывается, а благодѣтельствуетъ ихъ“.

Толстой настойчиво подчеркиваетъ этотъ даръ Василія Андреевича убѣждать себя и другихъ въ своей правотѣ и справедливости. Даръ драгоценный -- ему Василій Андреевичъ былъ всеѣмъ обязанъ. Черезъ нѣсколько страницъ предъ нами еще одинъ образецъ брехуновскаго таланта. Брехуновъ пытается спустить Никитѣ никуда не годнаго коня.

— Что-жь, берите безкостречнаго, дорого не положу! — покричалъ Василій Андреевичъ, чувствуя себя возбужденнымъ и потому нападая на свое любимое занятіе, барышничество.

— А то рубликовъ пятнадцать дадите, я на конной кулю, — сказала Никита, знавшій, что красная цѣна безкостречному, котораго ему хочется сбыть Василій Андреевичъ, рублей семь, а что Василій Андреевичъ, отдавъ ему эту лошадь, будетъ считать ее рублей въ двадцать пять и тогда за полгода не увидишь у него денегъ.

— Лошадь хорошая. Я тебѣ желаю, какъ самому себѣ. По совѣсти. Брехуновъ никакого человѣка не обидитъ.

Пускай мое пронадеетъ, а не то, чтобъ какъ другіе. По чести прокричать онъ своимъ тѣмъ голосомъ, которыми онъ заговаривалъ зубы своимъ продавцамъ и покупателямъ — лошади настоящая.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что Брехуновъ не заурядный человекъ. Въ его купеческомъ званіи его огромный талантъ владѣть собой и покорять людей направляется на скромное дѣло — барышничество. Но будь онъ поставленъ судьбой выше, имѣй онъ нужное образованіе, его голосъ, которымъ онъ заговаривалъ зубы покупателямъ и продавцамъ, пригодился бы на другое. Кто знаетъ, въ чемъ удалось бы ему убѣдить тѣ широкіе круги людей, къ которымъ онъ бы могъ тогда обращаться? Вѣдь тайна таланта въ умѣнши привлекать къ себѣ людей. И наоборотъ — успѣхъ, общее признаніе необходимое условіе для развитія таланта. Людямъ нужны вожди, вождемъ нужны люди.

Толстой знаетъ и это — онъ нарочно и выбралъ для своего разказа не перваго встрѣчнаго, а сильнаго умомъ и волей, въ своемъ родѣ вдохновеннаго человекъ. Его же онъ вырветъ изъ его естественной стихіи и вдругъ перенесетъ въ новыя условія — въ то одиночество, о которомъ мы уже знаемъ изъ «Смерти Исаа Ильича».

Брехуновъ сопровождаетъ Никиту и замерзаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Но замерзаніе Никиты ни для насъ, ни для Толстого интереса не представляетъ. Можетъ и правъ Брехуновъ, когда онъ, собираясь покинуть на произволъ судьбы своего вѣрнаго работника, говоритъ: «Ему — все равно умирать. Какая его жизнь! Ему и жизни не жалко, а мнѣ, слава Богу, есть, чѣмъ пожить». Никита готовится умирать — какъ и жилъ онъ — тихо, съ той безмятежной покорностью, которая благодаря своей сѣрости и одноцвѣтности съ окружающимъ, покорнымъ вѣчнымъ законамъ міромъ, не даетъ человѣческому глазу никакого индивидуальнаго, могущаго быть схваченнымъ и зафиксированнымъ, впечатлѣнія. Что творится въ душѣ засыпающаго снѣгомъ Никиты, когда кончается въ ней про-

цессъ жизни и начинается умирание—объ этомъ даже и Толстой не умѣть догадаться. Можетъ быть потому Никита выживаетъ, а умираетъ Брехуновъ. Толстому нужно было свести на очную ставку жизнь и смерть.

только такую жизнь, которая переливается черезъ край, которая вѣрять и въ себя, и въ свои священные права и не подозрѣваетъ, что ее на каждомъ шагу подстергаетъ неумолимый и безмѣрно болѣе сильный, чѣмъ она, врагъ. Брехуновъ, даже послѣ того, какъ выяснилось, что дороги не найти и что нужно ночевать въ полѣ, не допускаетъ и мысли, что его разумъ и его талантъ, столько разъ вывозившіе его въ жизни, могутъ измѣнить ему; что черезъ нѣсколько часовъ выпадетъ изъ его окоченѣвшихъ рукъ та potestas clavium, которая давала ему гордое право съ такой же увѣренностью глядѣть въ будущее, какъ будто оно было бы настоящимъ.

Вотъ о чемъ думаетъ онъ въ то время, какъ плохо одѣтый Никита дремлетъ подъ падающимъ снѣгомъ, стараясь хоть какъ-нибудь защитить свое заблудшее тѣло отъ порывовъ разбушевавшагося вѣтра. Брехуновъ одѣтъ хорошо: ему еще тепло и онъ, памятуя прошлое, твердо знаетъ, что ему то всегда тепло будетъ.

...«При родителяхъ какой нашъ домъ быть? Такъ себѣ, деревенскій мужикъ богатый: рушка, да постоялый дворъ — и все имущество въ томъ. А я что въ 15 лѣтъ сдѣлать! Лавка, два кабака, мельница, ссынка, два имѣнія въ арендѣ, домъ съ амбаромъ подъ желѣзной крышей, вспоминать онъ съ гордостью. Не то, что при родителѣ. Нынче кто гремитъ въ округѣ? Брехуновъ. А почему такъ? Потому — дѣло помню, стараюсь, не такъ, какъ другіе—лежни, али глухослепыи занимаются».

Долго еще сочиняетъ Брехуновъ похвальное слово тому разумному и дѣятельному началу, которое одно является на землѣ источникомъ «добра» для людей. И еще разъ скажу: если бы Брехуновъ получили «высшее» образование, онъ бы могъ написать на эту тему превосходный философско-богословскій трактатъ, который бы гремѣлъ

не на округу, а на всю Россію, на всю Европу. Но тутъ мы переходимъ ко второй половинѣ разсказа, въ которой непредвидѣнная дѣйствительность вилотную подходитъ со своею критикой ненаписаннаго брехуновскаго трактата.

Среди своихъ размышленій Брехуновъ задремаль. «Но вдругъ» точно что-то толкнуло и разбудило его. Мухортый-ли это дернулъ изъ подъ него солону или это внутри его что-то всколыхнуло его, только онъ проснулся, и сердце у него стало стучать такъ быстро и такъ сильно, что ему показалось, что сани трясутся подъ нимъ». Вотъ оно, когда начинается что-то, чего Брехуновъ, не смотря на свою долгую жизнь, огромный умъ и разносторонній опытъ, совершенно не подозревалъ. Кругомъ безконечное — по крайней мѣрѣ для него не имѣющее конца поле, снѣгъ, морозъ, вѣтеръ, обезсилившій, замерзающій Никита и трясущійся Мухортый. А внутри безмысленный, но властный, не отступающій ужасъ. «Что дѣлать, что дѣлать?» — Обычный вопросъ, всегда, представляющійся человѣку въ трудномъ положеніи, и теперь возникаетъ предъ Брехуновымъ — но онъ оказывается совѣтъ неумѣстнымъ. До сихъ поръ въ самомъ вопросѣ уже были элементы, изъ которыхъ складывался отвѣтъ, въ которыхъ были по крайней мѣрѣ намеки на возможность отвѣта. На этотъ разъ ничего подобнаго нѣтъ. Вопросъ исключаетъ всякую возможность отвѣта: *дѣлать* нечего. Брехуновъ не робкаго десятка. Онъ видывалъ всякіе виды на своемъ ибъку. И онъ всегда былъ готовъ бороться съ врагомъ, даже неравнымъ. Но тутъ было что-то такое, чего и нарочно не придумаешь. Врагъ былъ силы колоссальной и — это самое страшное — невидимый. Некуда направлять удары, не отъ кого защищаться. Разумъ Брехунова не можетъ допустить, чтобъ такое было возможнымъ. Еще часъ тому назадъ, когда остановились въ Гришкинѣ, все было такъ хорошо, естественно, понятно. Можно было самому говорить, слушать другихъ, пить чай, приказывать Ни-

китѣ, править Мухортымъ. А теперь дѣлать нечего — нужно смотрѣть и холодѣть. Гдѣ истина, гдѣ дѣйствительность — тамъ въ Гришкинѣ или здѣсь, въ полѣ? Гришкино навсегда перестало существовать, стало быть нужно усомниться въ его реальности? А вмѣстѣ съ тѣмъ и въ реальности всего стараго міра? Во всемъ усомниться — *de omnibus dubitan 'um*? Но развѣ великій Декартъ точно во всемъ усомнился? Нѣтъ — Юмъ былъ правъ: кто однажды усомнился во всемъ, тому уже никогда не преодолѣть своихъ сомнѣній, тотъ навѣки уйдетъ изъ общаго всѣмъ міра въ абсолютное одиночество своего міра особеннаго. *De omnibus dubitandum* — не годится, оно хуже, чѣмъ мятежь и снѣгъ, чѣмъ замерзающій Никита, и трепещущійся Мухортый.

Трезвый и сильный Брехуновъ можетъ быть впервые въ жизни попытается закрыть отъ себя мечтой надвигающуюся опасность. «Опять онъ началъ считать барыши, долги за людьми, опять сталъ хвастаться передъ собой и радоваться на себя и свое положеніе, но все теперь постоянно прерывалось подкрадывающимся страхомъ... Сколько онъ ни старался думать о своихъ расчетахъ, дѣлахъ и своей славѣ и своемъ достоинствѣ и своихъ богатствахъ, страхъ все больше и больше завладевалъ имъ». Вамъ странно, что Брехуновъ, какъ царь Соломонъ въ Экклезіастѣ, вспоминаетъ о своихъ дѣлахъ и о своей славѣ? Но того хотѣтъ Толстой — и онъ знаетъ, чего хочетъ. Если-бы на мѣстѣ Брехунова оказался самъ великій царь, положеніе не измѣнилось-бы. «Дѣла и слава» не прибавляютъ силы Брехунову и не убавляютъ грозности у невидимаго врага. Никитѣ, скромному и бѣзвѣстному, легче. «Умирай-ли онъ или засыпать, онъ не знаетъ, но чувствовалъ себя готовымъ на то и на другое».

Вся жизнь его безъ дѣлъ и безъ славы приучила его къ мысли, что онъ себѣ не хозяинъ, что спрашивать отчета и разбираться въ происходящемъ ему не полагается. Прежде ничего не понималъ и теперь ничего не

понимаетъ: разницы большой нѣтъ. Не то Брехуновъ. Онъ привыкъ быть самъ себѣ господиномъ и требуетъ себѣ ясныхъ и отчетливыхъ сужденій; всякая неопредѣленность для него невыносима. Жить въ неизвѣстности—значить жить подъ чужой властью, которая захочетъ—казнить, захочетъ—помиловать... Можно-ли на нее полагаться? И зачѣмъ она будетъ миловать? Навѣрное казнить. Никому и ничему нельзя вѣрить—только самому себѣ. Во всякомъ случаѣ, прежде, чѣмъ вѣрить—нужно спросить (вы, конечно, не удивитесь, что Брехуновъ заговорить полаташи и пещерусть бл. Августина: вѣдь это не болѣе естественно, чѣмъ все остальное, что съ нимъ произошло) — *cui est credendum?*

И Брехуновъ, въ послѣдній разъ, собравъ все свои силы, твердо заявляетъ: этой тишинѣ, этой оставленности, этой мятели, трясущемуся Мухортому, полузамерзшему Никитѣ, этой безнодной, холодной, мертвой пустынѣ, этому безбрежному, пустому Ничто—ни за что въ жизни не повѣрю. Еще разумъ живъ въ немъ; онъ, который всегда училъ, что дѣлать, и теперь научить—на то онъ разумъ. Еще есть отвѣтъ, хотя ложный страхъ и подкашиваетъ, что нужно сдаваться.

Брехуновъ рѣшается, бросивъ Никиту, попытать свое счастье и отправиться, верхомъ на Мухортомъ, искать дорогу.

Рѣшеніе разумное, что и говорить: единственное разумное рѣшеніе: вѣдь не замерзаетъ же, въ самомъ дѣлѣ, какъ собака ему, Брехунову, столько лѣтъ удивлявшему Россію, Европу, весь міръ своими кабаками, ссыпками, домами и амбарами подъ желѣзными крышами!

Брехуновъ дѣлаетъ послѣднюю отчаянную попытку сразить невидимаго врага. Но то, что онъ дѣлалъ, что ему пришлось дѣлать, уже ни на какое дѣланіе не походило. Онъ погонялъ лошадь, покорно шедшую туда, куда онъ ее направлялъ—но твердость мысли, которую онъ звалъ въ себѣ и на которую привыкъ полагаться, измѣ-

нила ему. Самъ того не замѣчая, онъ непрерывно мѣнялъ направленіе. Все пугало его, онъ дрожалъ больше отъ страха, чѣмъ отъ холода, отъ страха, совершенно нелѣпаго, безпричиннаго — предъ торчавшимъ изъ подлѣ сѣнга чернобыльникомъ и. т. п. Все принимало въ плачахъ растерявашагося Брежунова фантастическія очертанія: онъ попалъ въ условія, до такой степени противныя его положительной, разумной природѣ, что все казалось дико безмысленнымъ, какъ въ сказкѣ или мифѣ. Но, гдѣ правда, — въ томъ-ли старомъ мірѣ, и у стараго разума, гдѣ все спокойно и понятно, или здѣсь? Прежде ни въ бурьянѣ, ни въ чернобыльникѣ не было ничего ни враждебнаго, ни пугающаго, ни таинственнаго. Они служили человѣку для его же пользы. Что это за новая сила сказала въ нихъ? Отчего они пугаютъ? И не они одни: все въ этой огромной, мрачной пустынѣ было населено фантастическими призраками — о которыхъ прежде было доподлинно извѣстно, что ихъ вовсе нѣтъ и не можетъ быть на свѣтѣ. «Вдругъ какой-то страшный крикъ раздался около его ушей, и все задрожало и затрепетало подлѣ нимъ. Василій Андреевичъ схватился за шею лошади, но и шея у лошади вся тряслась, и страшный крикъ сталъ еще ужаснѣе. Нѣсколько минутъ Василій Андреевичъ не могъ опомниться и понять, что случилось. А случилось только то, что Мухортый, ободряя себя или призывая кого на помощь, заржалъ своимъ громкимъ, залившимся голосомъ: Тыфу ты пропасть! напугать какъ проклятый, сказалъ себѣ Василій Андреевичъ. Но и понявъ истинную причину страха, онъ все-же не могъ разогнать его». Последнее средство уходить — страхъ становится властнымъ, опредѣляющимъ началомъ. Даже, когда находятся «объясненія», которыми прежде заговаривались всѣ страхи и сомнѣнія — они не успокаиваютъ и не помогаютъ. «Надо одуматься, остепениться» — взывать Брежуновъ, но напрасно. Онъ уже переступилъ роковую черту, его уже навсегда оторвало отъ берега, отъ твердой земли,

съ ея порядкомъ, законами и выработанными методами разысканія истины. Объяснить онъ или не объяснить себѣ, что чернобыльщикъ или бурьянъ только цевинныя растенія и что «страшный [крикъ]» — только ржаніе Мухортаго, — призраки, населяющіе пустыню, не исчезнуть. Да и вѣрны-ли всѣ эти объясненія? Не свойственна-ли въ самомъ дѣлѣ черному кусту таинственная сила, до сихъ поръ скрывавшаяся отъ пронизательности Брехунова?...

Брехуновъ свалился съ лошади въ сугробъ — лошадь скрылась изъ виду и оставила его совсѣмъ одного въ глубокомъ снѣгу. «Роца, валухи, аренда, кабаки, желѣзомъ крытый домъ и амбаръ, пашѣдникъ, — подумалъ онъ, какъ-то все это останется? Что-жъ это такое? Не можетъ быть — мелькнуло у него въ головѣ. И почему-то ему вспомнился мотавшійся отъ вѣтра чернобыльщикъ, мимо котораго онъ проѣзжалъ два раза, и на него нашла такой ужасъ, что онъ не вѣрилъ въ дѣйствительность того, что съ нимъ было. Онъ подумалъ: не во снѣ-ли все это? и хотѣлъ проснуться, но просыпаться некуда было». Онъ пробовать припоминать всѣ тѣ теоріи познанія, которыя еще нѣсколько часовъ тому назадъ давали ему возможность съ увѣренностью отличать дѣйствительность отъ фантазматоріи, явь — отъ сна но прежде ясныя и опредѣленные принципы стерлись и совсѣмъ не годились для руководства. Ничего они не раздѣляютъ, ничему не учатъ и выручить не могутъ. Тогда онъ бросилъ эти свѣтскія теоріи и вспомнилъ, что у него въ распоряженіи есть еще одинъ ресурсъ, къ которому онъ до сихъ поръ, за ненадобностью, еще ни разу серьезно не обращался, оставляя его про запасъ, на крайній случай. «Царица Небесная, святителю отче Миколае, воздержанію учителю, — вспомнилъ онъ вчерашніе молебны и образъ съ чернымъ ликомъ въ золотой ризѣ и свѣчи, которыя онъ продавалъ къ этому образу и которыя тотчасъ ему приносили назадъ и которыя онъ, чуть обгорѣвшія, пряталъ въ ящикъ. И онъ

стать просить этого самого Николая Чудотворца, чтобы онъ спасъ его, обѣщать ему молебень и свѣчи. По туть-же онъ ясно, несомнѣнно повялъ, что этотъ ликъ, риза, свѣчи, священникъ и молебны — все это было очень важно и нужно тамъ, въ церкви, но что здѣсь они ничего не могли сдѣлать ему, что между этими свѣчами и молебнами и его бѣдственнымъ теперешнимъ положеніемъ нѣтъ и не можетъ быть никакой связи».

Но съ чѣмъ изъ того, что было прежде, можно связать эту новую дѣйствительность? Такое, если бывало прежде, то только во снѣ. Твердый и сильный умъ Брехунова не можетъ ничего придумать. Потерявшійся среди непривычныхъ условій сна на яву, онъ мечется, какъ безумный, и дѣлаетъ прямо противоположное тому, что могло-бы ему быть полезнымъ. «Надо не унывать», «только не торопиться» — повторять онъ себѣ когда-то затверженныя и всегда оправдывавшія себя правила разумнаго поведенія и методологическаго исканія, но все больше и больше ужасается и, вмѣсто того, чтобы, слѣдуя правиламъ, спокойно и внимательно отыскивать дорогу, пускается бѣжать, падаетъ, встаетъ, опять бѣжитъ, выбивается изъ силъ. Такъ добѣгаетъ онъ, совершенно случайно, до саней, въ которыхъ лежитъ замерзающій Никита. Тутъ сперва онъ, по старой привычкѣ, начинаетъ проявлять обычную хозяйственную распорядительность. Но внезапно съ нимъ происходитъ загадочная, совершенно невыводимая, говоря школьскимъ языкомъ философовъ, изъ его эмпирическаго характера, перемѣна.

Предъ умирающимъ, какъ ему казалось, Никитой, предъ лицомъ неизбѣжной смерти Брехуновъ рѣшается совершенно порвать со всѣмъ своимъ прошлымъ. Откуда явилось такое рѣшеніе и что оно значитъ, Толстой не объясняетъ и, нужно думать, хорошо дѣлаетъ. Ибо всякая попытка объяснить, т. е. связать съ извѣстнымъ человѣческимъ устремленіемъ къ неизвѣстному, безусловно недопустима. Вѣдь разрывъ есть «бѣгство», выражаясь

языкомъ Платона и Плотина отъ «извѣстнаго» — объясненіе же, какъ восстановленіе разорванныхъ связей и путь можетъ знаменовать только желаніе удержать человека на прежнемъ мѣстѣ, помѣшать ему выполнить свое предназначеніе. «Василій Андреевичъ, рассказываетъ Толстой, съ полминуты постоялъ молча, но потомъ *вдругъ* съ той же рѣшительностью, съ которой онъ ударялъ по рукамъ при выгодной покупкѣ, онъ отступилъ шагъ назадъ, засучилъ рукава шубы и принялся отогрѣвать замерзающаго Никиту». Брехуновъ «*вдругъ*» — подиге, объясните всё эти «внезапно» и «вдругъ», которыми «мотивируются» рѣшенія покидающихъ «общій для всѣхъ мѣръ» людей — снизошедшій съ высоты своей славы до отогрѣванія ничего не стоящаго Никиты: вѣдь это явно наглядная несообразность. Но тутъ все же еще хоть немножко виднѣтъ прежній Брехуновъ: чувствуется потребность что-нибудь «дѣлать», чтобъ не глядѣть прямо въ лицо *ей*. Даже въ словахъ, обращенныхъ къ Никитѣ, мы различаемъ нѣсколько старыхъ нотъ хвастовства и самовозвеличенія. Брехуновъ автоматически пытается обойти по своей манерѣ неизбѣжное. Онъ все еще боится выпустить изъ своихъ дрожащихъ рукъ *pote tas clavées*, уже явно ему не принадлежащую.

— А вотъ то-то, а ты говоришь — помирать. Лежи, грѣйся, мы вотъ какъ... — началъ было Василій Андреевичъ.

Но дальше въ такомъ тонѣ Брехуновъ не могъ продолжать.

И это «свое» дѣло пришлось выбросить за бортъ. «Мы вотъ какъ» прежде годилось, теперь, по рѣшенію самодержавнаго «вдругъ», оно уже не годится, хотя бы оно вѣнчалось собою и великое самопожертвованіе. Нужно другое, совсѣмъ другое.

«Дальше, къ своему великому удивленію, онъ не могъ говорить, потому что слезы выступили на глаза, и нижняя челюсть быстро запрыгала. Онъ пересталъ говорить и только глоталъ то, что подступало ему къ горлу.

Настрадался и видно, ослабъ вовсе, подумаль онъ про себя. Но слабость эта не только не была неприятна, но доставляла ему какую-то особенную, не испытанную еще никогда радость».

Эта радость о своей слабости у Брехунова, всю жизнь, согласно законамъ «общаго всѣмъ міра» радовавшагосл о своей силѣ, убѣжденнаго, что только и можно радоваться о силѣ, оспаривавшаго во имя этого убѣжденія даже у Неба *potestas clavium* — власть вязать и рѣшать — и есть начало того чуда превращенія, вѣчно загадочнаго и непонятнаго, которое на человѣческомъ языкѣ называется смертью. Брехуновъ, по словамъ Толстого, дѣлаетъ еще попытки вернуться на мгновеніе къ своей прежней стихіи, ставитъ кому-то на видъ, что онъ спасалъ Никиту, жертвовалъ своей жизнью, но эти всплывшій прежняго «сильнаго» сознанія, сглаживаются все болѣе и болѣе короткими и, наконецъ, совершенно гаснутъ. Остается одна великая радость о своей слабости и свободѣ. Онъ уже не боится смерти: сила боится смерти, слабости этотъ страхъ чуждъ. Слабость слышитъ, что ее зовутъ — зовутъ куда-то, гдѣ она, такъ долго гонимая и презираемая, найдетъ себя, наконецъ, послѣднее убѣжище. Брехуновъ торопливо и восторженно отказывается и отъ кабаковъ своихъ, и отъ амбаровъ, и отъ ссыпки и отъ тѣхъ всѣхъ великихъ идей своихъ, вплоть до *potestas clavium*, которыя онъ накопилъ въ своей душѣ и которыя возиѣтели міру другіе, ученые Брехуновы. И тогда открылась ему великая тайна. «Иду, иду, радостно, умиленно говорило все существо его. И онъ чувствуетъ, что онъ свободенъ, и ничто уже его больше не держитъ». И онъ пошелъ, вѣрнѣе вознесся на своей «слабости», какъ на крыльяхъ, не зная, куда его принесетъ — вознесся въ непонятную, страшную для людей послѣднюю, вѣчную ночь.

Конецъ «Хозяина и Работника» оказался пророческимъ. И Льву Николаевичу пришлось окончить свои дни въ глухой степи, среди снѣга, вьюги и мигтелей.

Того хотѣла судьба. Слава о великихъ дѣлахъ Толстого еще при жизни его обошла весь міръ. И, все-таки, вскорѣ послѣ своего 80 лѣтняго юбилея, о которомъ говорили такъ много на всѣхъ языкахъ всѣхъ пяти частей свѣта — такой чести до Толстого не удостоивался никто изъ смертныхъ — онъ бросаетъ все и темной ночью бѣжитъ изъ дому, не зная куда и не зная зачѣмъ. Его подвиги, его слава — все опустылило ему, все стало тяжелымъ, мучительнымъ, невыносимымъ. Кажется, что дрожащей и нетерпѣливой рукой срываетъ онъ съ себя маситость — и нависшия надъ впалыми глазами брови, и старческую бороду, всѣ внѣшнія символы мудрости и учительства. Чтобъ предстать съ легкой или хоть облегченной душой предъ послѣднимъ судьей — ему пришлось забыть и отречься отъ всего своего великаго прошлаго. Таково откровеніе смерти: «тамъ на землѣ все это было важно, здѣсь-же нужно другое».

Φεύγουμεν δε φίλοι εἰς πατρίδα... Πατρίς δὲ ἡμεῖς οὐκ ἐκείνη ἐσμεν, καὶ πατὴρ ἐμὴ.
 Бѣжимъ въ дорогое отечество! Отечество же наше тамъ, откуда мы пришли, тамъ же и отецъ нашъ.*)

Л. Шестовъ.

*) Плетинъ. 1.6.8.

МУЗЫКА И ДИАЛЕКТИКА.

(О творествѣ А. Н. Скрябина.)

I.

Художникъ на пути къ своимъ высшимъ достиженіямъ долженъ пронести свое «я» чрезъ тысячу преградъ, избѣгать явныхъ и скрытыхъ опасностей, грозящихъ отовсюду. До него — цѣлая культура, создававшаяся вѣками и застывшая въ кодексъ различныхъ правилъ, приемовъ, привычекъ. И вотъ художникъ, имѣющій кое-что отъ себя, но слабое, зачаточное, точно невидимый ростокъ, могущій дать цвѣтущее растение, но могущій и заглохнуть при неумѣломъ обращеніи, поступаетъ въ школу, чтобы пріобрѣсть нужную технику, т. е. научиться тѣмъ приемамъ, благодаря которымъ онъ сможетъ творить изъ себя, сможетъ воплотить и закрѣпить во внѣ то, что смутно бродитъ въ его фантазіи.

Ни въ одномъ искусствѣ опасность школы такъ не велика, какъ въ музыкѣ. Для кого муки творчества только вопросъ технической сноровки, тому школа можетъ дать соблазнительную легкость письма, и благодаря усвоенію канонизированныхъ формъ и приемовъ можетъ получиться иллюзія творчества даже тамъ, гдѣ собственный внутренний багажъ художника ничтоженъ. Достаточно сказать, что наука композицій доходитъ до указаній, какъ надо сочинять и развивать мысли. Вы чувствуете, а иногда и не чувствуете, какъ вы незамѣтно входите въ рельсы и катитесь въ опредѣленномъ направленіи, не будучи въ силахъ остановиться. По сторонамъ могутъ раз-

стилаться чудные края, манящие вас неизвѣданными возможностями и неожиданностями. Сойти съ проложенной колеи нельзя! Неумолимая машина вас везет все «впередъ» и «впередъ». Вы дѣлаете «успѣхи» и, наконецъ, достигаете цѣли: вамъ благосклонно объявляютъ, что отнынѣ вы свободны и можете отдаться собственному творческому инстинкту. Увы! Навыки школы, ея рутина и приемы въ васъ такъ крѣпко сидятъ, что требуются подчасъ неимоверныя усилія, чтобы освободиться отъ цѣпей опутавшихъ васъ правилъ, запретовъ, привычекъ. Вы чувствуете, что должны избавиться, какъ отъ злѣйшаго врага, отъ приобретенной соблазнительной легкости и принять на себя новыя муки творчества. Кто можетъ сказать, сколько великихъ надеждъ погибло благодаря мертвящему вліянію иныхъ музыкальных педагоговъ!

Мнѣ кажется, что для Скрябина было счастьемъ, что Аренскій изъ мелкаго самолюбія учителя, съ которымъ его питомецъ не хотѣлъ считаться, прогналъ Скрябина изъ класса композиціи. Очевидно, произволь художественной необходимости стоитъ выше закона рационализированной теоріи композиціи, и путь большихъ художественныхъ достижений заключается въ этихъ — съ обычной житейской точки зрѣнія — маленькихъ катастрофахъ.

Но есть и внутреннія, невидимыя глазу катастрофы, въ которыхъ сказывается несоотвѣтствіе орбитъ ученика и учителя. Скрябинъ и Танѣевъ! Пѣвецъ экстаза и творецъ великолѣпныхъ контрапунктическихъ комбинацій, приводящихъ къ такимъ заманчивымъ въ художественномъ отношеніи неожиданностямъ и открытіямъ. Вспомните приемы творчества С. Танѣева, какъ ихъ описываетъ Римскій - Корсаковъ въ Лѣтописи своей музыкальной жизни. «Раньше чѣмъ приняться за дѣйствительное изложеніе какого-либо сочиненія, Танѣевъ предпосылалъ ему множество эскизовъ и этюдовъ: писалъ фуги, каноны и различныя контрапунктическія сплетенія на отдѣльныя темы, фразы и мотивы будущаго сочиненія и, только вполнѣ набивъ руку надъ его составными частями, приступалъ къ общему плану сочиненія и къ выполненію этого плана». «Строгая обдуманность» и при этомъ «обиліе красоты и выраженія» — такъ

характеризуетъ творчество Танѣва Римскій-Корсаковъ. Эта строгая обдуманность, повидимому, однако мало говорила уму и сердцу Скрябина: не даромъ онъ отдѣлялся въ классѣ Танѣва самымъ необходимымъ минимумомъ при писаніи всѣхъ этихъ контрапунктовъ, канонровъ. Тутъ сказалося различіе поставленныхъ себѣ задачъ и различіе темпераментовъ ученика и учителя. Въ то время какъ Скрябинъ инстинктивно чувствовалъ гармонию даже до ея теоретическаго изученія, онъ контрапунктъ усваивалъ исключительно головой. Онъ могъ дойти въ своихъ сочиненіяхъ до довольно сложныхъ контрапунктическихъ комбинацій, до искусныхъ сплетеній самостоятельныхъ голосовъ, но свободная игра широкими напѣвами, сплетающимися и сливающимися въ одно стройное цѣлое, которую мы встрѣчаемъ уже у Глинки, была ему недоступна, и творецъ новыхъ гармоній такъ же инстинктивно отвернулся отъ формулъ Танѣва, какъ онъ отвернулся отъ художественнаго мѣщанства Аренскаго. Если танѣвская завадка и строгая обдуманность еще иногда проявлялась въ извѣстной разсудочности музыкальнаго письма Скрябина, то художественное мѣщанство было всегда ему чуждо, и его брезгливое отношеніе ко всему обыденному въ музыкѣ могло произвести на такую здоровую, нормальную музыкальную натуру какъ Римскій-Корсаковъ впечатлѣніе изломанности и рисовки.

II.

Благополучно сравнительно избѣжавъ Сциллы школьной рутины, Скрябинъ наткнулся на Харибду вліяній музыкальной литературы.

Всякое искусство въ началѣ—подражаніе. Когда творческій инстинктъ проснулся, а сказать нечего или почти нечего, форма, по образу и подобию уже созданныхъ художественныхъ міровъ, начинается жить раньше содержанія.

Творческіе импульсы жили въ Скрябинѣ съ ранняго дѣтства. Чуть ли не съ тринадцатилѣтняго возраста онъ уже сочинялъ музыку, но его собственное творческое «я» было еще настолько

слабо въ немъ, что оно искало себѣ опоры въ великихъ образцахъ. Такими были для него въ области гармоніи и маленькихъ формъ — Шопень, въ области крупныхъ музыкальных формъ — Бетховень.

Можно ли даже и музыкальному генію избѣгать вліянія предшествующей культуры? Наврядъ ли! Не даромъ въ исторической перспективѣ несходныя повидимому музыкальныя натуры обнаруживаютъ какія то точки соприкосновенія, которыя накладываютъ печать и даютъ окраску цѣлой музыкальной эпохѣ. Мы поэтому говоримъ, какъ о чемъ то само собою понятномъ, о классической, романтической, неоромантической эпохѣ въ музыкѣ. Такіе колоссы какъ Бахъ, которые какъ бы заново изъ себя создаютъ міръ въ звукахъ, являются рѣдкими исключеніями.

Шопень долженъ былъ оказать особенно сильное вліяніе на Скрябина. Прелесть, прозрачность маленькихъ музыкальных формъ, въ которыхъ Шопень былъ такимъ мастеромъ, блестящее піанистическое убранство соответствовали аристократической, теплой натурѣ Скрябина. Но въ общемъ — скорѣе средство вкуса, чѣмъ средство души.

Все творчество Шопена выросло изъ фортепіано. Тоже можно сказать и про Скрябина. Даже его оркестровыя произведенія представляютъ очень часто переложенныя на оркестръ, облеченныя въ оркестровыя краски фортепіанныя сонаты или поэмы. Сближаютъ этихъ двухъ композиторовъ и нѣжныя безъ рѣзкости мелодическія очертанія, и крупкія гармоніи. За этимъ внѣшнимъ сходствомъ слѣдуетъ коренное различіе между геніальнымъ пѣвцомъ польской національной скорби и — я бы сказалъ — космополитомъ Скрябинымъ. Скорѣе можно назвать русскимъ Шопеномъ Лядова, въ которомъ шопеновская жилка уживалась съ чисто русской душой, создавшей такіе національные шедевры, какъ «Волшебное озеро», «Кикимора».

Но были ли въ Скрябинѣ специфически національныя русскія черты? Былъ ли онъ характерно русскимъ явленіемъ невозможнымъ на другой почвѣ? Не думаю. Съ нимъ нѣтъ даже поддѣлки подъ народъ, какъ съ о было у Чайковского, и особнякомъ

онъ стоялъ — да и, вѣроятно, себя чувствовалъ — среди композиторовъ чисто національной русской складки, которыхъ сгруппировалъ вокругъ себя М. П. Бѣляевъ.

Народное русское пѣсенное творчество, эта неизсякаемая сокровищница великаго народнаго духа, не оказало на Скрябина никакого даже косвеннаго вліянія. Русская природа была ему чужда, русскимъ пейзажистомъ въ звукахъ онъ никогда и не пытался быть. Что же тогда останется національнаго въ Скрябинѣ? Развѣ то, что онъ родился въ Россіи.

Между тѣмъ Шопенъ глубоко сидѣлъ корнями въ народной польской музыкѣ. Сквозь богатое культурное убранство его произведеній проглядываетъ непосредственность и простота народнаго напѣва. Но еще больше: все эмоциональное содержаніе шопеновскихъ вдохновеній соткано изъ глубоко національныхъ отзвуковъ на народное горе и радость. Преображенная національная польская душа говоритъ намъ со страницъ его произведеній о прошломъ величія Польши, о настоящихъ ея страданіяхъ.

Напрасно мы стали бы искать соответственнаго содержанія въ произведеніяхъ Скрябина. Мы его по-просту не найдемъ. То эмоциональное содержаніе, которое Скрябинъ вкладывалъ въ свои раннія произведенія, — оно болѣе общаго порядка, внѣ условій національнаго быта, національныхъ судебъ. Остается внѣшняя подражательность шопеновскимъ приѣмамъ творчества, его изысканности безъ того душевнаго тона переживаній и думъ Шопена о судьбѣ своего народа, который дѣлаетъ его произведенія такими значительными.

И все-таки калейдоскопомъ звуковъ, безсодержательной игрой, въ терминологіи Ганслика, эти раннія произведенія Скрябина нельзя назвать. Подчасъ, конечно, и Скрябинъ вышивалъ безцѣльные красивые узоры по готовой канвѣ старыхъ музыкальныхъ формъ, но даже въ эти многочисленные этюды, прелюдіи, экспромпты, въ эту «музыку о музыкѣ» онъ вкладывалъ лавось и незаурядное содержаніе.

Скрябина всю жизнь больше всего занимала проблема художника и отношеніе его творчества ко всему міру. Авторъ «Трагической поэмы», «Прометей» не былъ лѣвцомъ трагиче-

ских настроений. Еще в ранней молодости онъ пишетъ: «Я не знаю, куда дѣваться отъ радости, наполняющей меня. Если бы міръ могъ получить хоть крупицу того восторга, который меня переполняетъ, міръ задохнулся бы въ блаженствѣ». Наряду съ вѣрой Скрябина въ свое исключительное назначеніе, это настроеніе должно было дать рядъ произведеній съ приподнятымъ тономъ, съ заостренными влетающими мелодическими линиями, гдѣ каждое послѣдующее произведеніе затемняло въ глазахъ художника предыдущее. Жизнь была для пѣвца экстаза праздникомъ не только потому, что судьба его берегла и давала ему виѣшнія удачи, но главнымъ образомъ потому, что онъ *хотѣлъ* ее сдѣлать праздникомъ, радостнымъ служеніемъ не обыденной пошлости, а искусству. Вѣра въ исключительную миссію, выпавшую на его долю, должна была заставить его уйти постепенно отъ Шопена, иначе онъ погибъ бы въ концѣ концовъ въ безцѣльномъ изящномъ эстетизмѣ этого безконечнаго числа прелюдій, этюдовъ, мазурокъ. То эмоциональное содержаніе, которое Скрябинъ вкладывалъ въ эти произведенія, было недостаточно сильно, чтобы предопредѣлить его дальнѣйшее творчество. Гдѣ это содержаніе у другихъ композиторовъ было значительно, тамъ онъ его не находилъ. Баха онъ даже въ зрѣлые годы считалъ сухимъ и разсудочнымъ. Если вся скала эмоций, играющая въ произведеніяхъ Баха, внутренніе горячіе ключи, бьюшіе въ нихъ, могли отъ него укрыться, то какъ онъ могъ просмотрѣть религіозное чувство, одушевлявшее Баха?

А между тѣмъ Скрябинъ былъ несомнѣнно религіозной натурой. Онъ «эволюционировалъ» въ этой области такъ же, какъ онъ эволюционировалъ въ другихъ областяхъ. Черезъ «наивное» вѣрованіе юныхъ лѣтъ, когда «человѣкъ — рабъ единого Бога», и черезъ пантеизмъ, онъ приходитъ къ творческому духу, созидающему вселенную одной мощью своей творческой воли. Не даромъ одно время «сверхчеловѣкъ», «Такъ говорилъ Заратустра» не сходили съ устъ Скрябина. Въ этомъ философскомъ самоувѣнчаніи Ницше на Скрябина заманчиво должна была подѣйствовать возможность разрѣшить конфликтъ между человѣкомъ-творцомъ и Богомъ. И богоискательство

у Скрябина всегда во всё періоды его жизни оканчивалось самоутвержденіемъ своего божественнаго «я».

III.

Мы приходимъ ко второй полосѣ творчества Скрябина, когда онъ постепенно освобождается отъ вліянія Шопена и чрезъ Бетховена и Вагнера подходитъ къ своимъ высшимъ художественнымъ откровеніямъ — «Поэмѣ экстаза», «Прометей» и послѣднимъ фортепіаннымъ сонатамъ.

Свою первую симфонію, гдѣ музыкальный языкъ еще въ значительной степени шопеновскій, Скрябинъ заключаетъ гимномъ искусству. Противопоставленіе творца-художника и всѣхъ народовъ, приходящихъ пить изъ этого вѣчнаго источника жизни—искусства, еще не такъ остро выявлено, какъ въ «Поэмѣ экстаза» и «Прометей». Художникъ еще только пока жрецъ, вдохновленный Божествомъ, но характерно, что въ противоположность Бетховену, для котораго вся вселенная — храмъ, гдѣ челоѳчество чрезъ муки страданій приходитъ къ радости приобщенія къ Божеству, Скрябинъ уводитъ насъ въ холодный Пантеонъ искусства, гдѣ жрецъ силой гармоній и контрапунктовъ старается насъ убѣдить во всемогуществѣ его боговъ.

Трагическая муза Бетховена была еще болѣе чужда Скрябину, чѣмъ лирическая скорбная муза Шопена. Даже въ той области, въ которой Скрябинъ преклонялся и учился у Бетховена, — въ области музыкальной архитектоники — онъ не хотѣлъ пойти дальше внѣшняго усвоенія методовъ постройки крупныхъ музыкальных формъ. Въ то время какъ у Бетховена форма рождается изъ духа, органически расширяется и развивается въ процессъ созиданія, у Скрябина послѣ проведенія его темъ начинается холодная «строгая обдуманность» нанизыванія и сочетанія этихъ темъ и составныхъ ихъ элементовъ съ полагающимися по академическому закону нарастаніями, и тутъ ему приходится на помощь пройденная у Танѣева школа — «подвижные контрапункты» и

внѣшне усвоенный Бетховенъ. Это уже не творчество, а «разработка», вполне оправдывающая то названіе, которое эта работа получила въ музыкальной схоластикѣ. Тѣхъ неожиданныхъ, тѣхъ поворотовъ, съ которыхъ открываются новые міры, возможность которыхъ даже не заложена въ первичныхъ элементахъ — главныхъ темахъ произведенія и которыми такъ полны симфоніи и камерныя произведенія Бетховена, вы не найдете у Скрябина. Послѣдній слишкомъ останавливался на мелочахъ, и форма служила ему скорѣе планомъ, гдѣ онъ располагалъ эти мелочи, чѣмъ образующимъ началомъ, связующимъ въ одно органическое цѣлое разрозненные элементы.

Если Скрябинъ ставилъ въ упрекъ Вагнеру расплывчатость его формъ, то его самого можно упрекнуть въ схематичности формы. Зачастую онъ оставлялъ въ разработкѣ пустыя мѣста, зная, что они будутъ впоследствии несомнѣнно заполнены. Такой способъ работы возможенъ при наличіи опредѣленнаго плана модуляціи, но не въ процессѣ органическаго творчества, когда послѣдующее не «слѣдуетъ» за предыдущимъ, а изъ него вырастаетъ съ неумолимой необходимостью. Оттого мы наталкиваемся часто у Скрябина на такія странныя неожиданности. «Словесность», въ видѣ программы сопровождающая его произведенія, не допускаетъ повтореній, а музыка повторяется: это — теоретически, по школьному выражаясь, реприза начального изложенія темъ произведенія (напримѣръ, въ «Поэмѣ экстаза»), вполне законная съ точки зрѣнія классической формы, но расколаживающая какъ возвращеніе къ прошлому въ произведеніи, гдѣ все должно быть устремленіемъ.

Когда художникъ подходит къ пропасти, когда ему дальше нечего сказать, онъ выбирается изъ опаснаго положенія при помощи «строгой обдуманности», при помощи музыкальной діалектики.

IV.

И тутъ я подхожу къ жгучему вопросу о «словесности» Скрябина. Эта музыка хочетъ быть больше чѣмъ музыкой. Она перерастаетъ въ своихъ требованіяхъ даже притязанія Вагнера

на художественный синтез Софокла и Бетховена. Ея путь — чрезъ «божественную игру» челоѡка-бога третьей симфоніи, чрезъ діонисіевскій оргіазмъ и экстазъ «Духа, пережившаго свою сущность» къ подвигу «Прометея», къ жертвеннымъ заклінаніямъ послѣднихъ сонатъ и, наконецъ, къ мессіанской идеѣ «Предварительнаго дѣйствія» и къ заключительному аккорду нашей расы — къ «Мистеріи».

Esse homo!

« Я знаю свой жребій. Нѣкогда съ моимъ именемъ будетъ связываться воспоминаніе о чемъ-то огромномъ, — о кризисѣ, какого никогда не было на землѣ, о самой глубокой коллизіи совѣсти, о рѣшеніи, предпринятомъ *противъ* всего, во что до сихъ поръ вѣрили, чего требовали, что считали священнымъ».

« Я *благостный вѣстникъ*, какого никогда не было, я знаю задачи такой высоты, для которыхъ до сихъ поръ недоставало понятій; впервые съ меня опять существуютъ надежды. При всемъ томъ я по необходимости челоѡкъ рока. Ибо когда истина вступитъ въ борьбу съ ложью тысячелѣтій, у насъ будутъ сотрясенія, судороги землетрясенія, перемѣшеніе горъ и долинъ, о какихъ никогда еще не грезили». («Esse homo» Ницше, въ перев. Ю. М. Антоновскаго, стр. 113-114).

Я прошу васъ прислушаться къ музыкѣ этихъ словъ — даже безъ полнаго вниканія въ ихъ содержаніе — и сравнить съ метафизическимъ обоснованіемъ идеи Мистеріи по Скрябину, принадлежащимъ перу Л. Л. Сабанѣва.

« Духъ (творческій принципъ) ощущаетъ въ себѣ первичную *полярность* началъ мужественнаго и женственнаго, активнаго и пассивнаго, воли и сопротивленія. Послѣднее начало, косное, инертное, кристаллизуется въ неподвижность матеріализованныхъ формъ, въ *Мірѣ* со всѣмъ многообразіемъ явленій. Разъединенныя полярности достигаютъ въ своемъ раздѣленіи кульминаціи. Полная матеріализація и дифференціація — утрата связи съ божествомъ (въ искусствѣ — раздѣленіе отдѣльныхъ отраслей, прежде соединенныхъ, и развитіе каждой изъ нихъ въ отдѣльности). Съ достиженіемъ наибольшаго раздѣленія рождается стремленіе къ обратному воссоединенію, — *Любовь Міра* къ Духу и обратно, мистическій

Эросъ. Цѣль разъединенія достигнута : творческая сущность отпечатлѣна на матеріи, и начинается процессъ *дематериализации*, воссоединенія (въ планѣ искусствъ — воссоединеніе отдѣльных искусствъ, ихъ синтезъ). Воссоединеніе достигается *Мистеріей*, — мистическимъ актомъ ласкъ Духа и Мира. Актъ этотъ завершается мистическимъ соединеніемъ, которое проявится въ формѣ, не могущей быть осознанной теперь. Это будетъ всеобщая Смерть и новая Жизнь, міровой катаклизмъ, уничтожающій физическій планъ Планъ Мистеріи — художественное воспоминаніе или переживаніе участниками ея всей предъидущей исторіи Духа, процесса материализации». (Цитирую изъ прекрасной біографіи Скрябина, написанной Ю. Энгелемъ и появившейся въ № 4-5 Музыкальнаго Современника за 1916 годъ). Къ этому слѣдуетъ, конечно, прибавить, что Скрябинъ считалъ себя «обреченнымъ» быть творцомъ этой Мистеріи, долженствовавшей представить заключительный аккордъ жизни нашей расы, за которымъ послѣдуетъ міровой катаклизмъ.

Въ этомъ состязаніи пѣвцовъ неизвѣстно еще кто беретъ болѣе высокую ноту — Ницше или Скрябинъ. Но и тутъ, и тамъ надрывъ.

V.

Со Скрябинимъ философскій духъ не впервые проникаетъ въ музыку — такъ же, какъ и обратно. Вспомните Шопенгауера и его музыкальнаго истолкователя Вагнера.

Шопенгауеръ видѣлъ въ музыкѣ непосредственное отображеніе міровой воли, проявленіе какъ бы сердца вещей. Музыка и философія выражали для него одно и то же, но на разныхъ языкахъ. «Слова суть и остаются для музыки чуждой придачей подчиненной цѣнности, такъ какъ дѣйствіе звуковъ несравненно могущественнѣе, вѣрнѣе и скорѣе дѣйствія словъ». Я не буду углубляться въ дальнѣйшія, подчасъ въ высшей степени своевольныя и фантастическія разсужденія Шопенгауера о существѣ музыки, гармоніи, консонанса, диссонанса и проч., которыя можно найти въ его «Метафизикѣ музыки».

Конечно, не эти философскія разсужденія претворились въ музыку Вагнера. Послѣдній, очевидно, подслушалъ что-то другое въ философїи Шопенгауера, неуловимое, не поддающееся точному опредѣленію закрѣпленными понятіями — словами. Когда Тристанъ и Изольда во второмъ дѣйствіи одноименнаго произведенія переводятъ на языкъ Вагнера музыку философїи Шопенгауера, вы чувствуете, точно вы качаетесь на легкихъ волнахъ на границѣ двухъ міровъ — бытія и небытія. Развѣ музыка — грубое желаніе, страсть, отравленный день и стремленіе къ вѣчной ночи? Нѣтъ, она унеслась здѣсь выше пессимизма Шопенгауера, выше его міровой воли и унесла насъ на легкихъ своихъ крыльяхъ. Мы не чувствуемъ ни радости, ни горя, ни состраданія. Мы бы хотѣли только еще и еще продлить наше пребываніе на этомъ островѣ блаженныхъ, пока обманчивый призракъ дня грубымъ аккордомъ не вступаетъ въ свои права...

Путь философскихъ или, вѣрнѣе, религіозно-философскихъ достиженій Скрябина не такой ясный и опредѣленный какъ у Вагнера. Тутъ и вліяніе религіознаго идеализма С. Трубецкого, и дѣйствіе проповѣди Ницше о сверхчеловѣкѣ, вплоть до своеобразной переработки теософскихъ «доктринъ» Блаватской, религіозныхъ ученій Индіи и даже социальноматериалистическихъ построеній революціонеровъ.

Какъ въ этомъ горнилѣ разнообразныхъ, иногда прямо противоположныхъ философскихъ міросозерцаній могла выплавиться собственная мысль Скрябина и получиться та синтетическая масса, которую съ нѣкоторой натяжкой можно назвать его собственной философїей?!

Эту загадку легко разрѣшить, если принять во вниманіе, что Скрябинъ изъ всѣхъ этихъ философскихъ ученій усваивалъ только то, что, такъ сказать, лило воду на его художественную мельницу, соответствовало его художественнымъ стремленіямъ и настроеніямъ.

Поверхностно его задѣла философія ортодоксальнаго христіанства С. Трубецкого. Ближе по духу была ему уже проповѣдь Ницше о сверхчеловѣкѣ. Но императивное «я» Скрябина уносило его отъ «сверхчеловѣка» земли къ мистическимъ вы-

сямъ теософіи, которая очень скоро превратилась у него въ высшую мудрость творческаго духа, такъ же какъ она для Р. Штейнера и его послѣдователей превратилась въ антропософію.

Гигантскими шагами проходитъ Скрябинъ по всѣмъ высямъ человѣческой мысли, нигдѣ не останавливаясь подолгу, легко и поверхностно касаясь ихъ своей творческой фантазіей. Но во всѣхъ религіозныхъ, философскихъ системахъ, въ мифахъ онъ отбрасываетъ все, что принимаетъ силу творческаго духа.

То не скованный по повелѣнію Зевса Властью и Силой Прометей, который похитилъ божественный огонь для смертныхъ, это само божество, творящее синтезъ свѣтовыхъ и звуковыхъ гармоній!

Зачѣмъ муки «очищенія», чрезъ которыя проходятъ мистики, чтобы получить откровеніе, коли художникъ самъ — Творецъ, онъ творить все изъ себя и въ себя. «Конечно, опытъ и упражненія йоговъ могутъ тоже дать достиженія, но это — путь духовныхъ бездарностей, духовный же геній можетъ и безъ упражненій сразу получить откровеніе».

Не переигралъ-ли здѣсь Скрябинъ, какъ онъ въ молодости переигралъ свою правую руку и долженъ былъ вступить на путь «духовныхъ бездарностей»: ежедневными упорными упражненіями расплатиться за попытку быть непременно первымъ и въ области, недоступной его физическимъ силамъ, въ области фортепіанной техники? Чувствовалъ ли Скрябинъ въ стремительномъ полетѣ своей религіозно-философской фантазіи, что онъ долженъ былъ въ концѣ концовъ неминуемо разбиться? Не думаю. Но если-бъ эта богатая художественными достиженіями жизнь не была такъ рано и случайно прервана, мы бы, можетъ быть, присутствовали при ужасномъ зрѣлищѣ: пѣвецъ «экстаза», въ страданіи, на порогѣ смерти, себя чувствовавшій отлично, не понимавшій «дряблага нутя» Чехова, долженъ былъ неминуемо прійти къ безумію одинокаго величія. Судьба оберегла Скрябина отъ этого ужаса. Она была менѣе благосклонна къ Ницше, который послѣ «Ессе homo» одиннадцать лѣтъ еще влачилъ жалкое зоологическое существованіе.

VI.

Но покинемъ эту атмосферу громкихъ символовъ, это прокрустово ложе приподнятости и экзальтированности, протѣснимся и сквозь толпу жрецовъ, находящихся во всеобладаніи скрябинской «истиной» и закрывающихъ отъ насъ ликъ божества, и постараемся остаться наединѣ съ музыкой Скрябина.

Гдѣ найти тѣ идеальныя условія, въ которыхъ произведенія художника проявляются во всей своей настоящей сущности? Это не атмосфера нашихъ концертныхъ залъ, но и не храмъ на берегахъ Ганга, о которомъ мечталъ Скрябинъ для своей мистеріи. Всякій Байрейтъ, всякое паломничество убиваетъ искусство.

Творецъ Венеры Милосской могъ въ порывѣ вдохновенія отбить руки своей статуѣ, но не могъ помѣшать миллионамъ рукъ «захватать» этотъ бѣлый мраморъ, не могъ помѣшать вереницамъ путешественниковъ компаніи Кука съ гидами въ рукахъ обходить статую и обозрѣвать ее спереди и сзади. Однако за одного Гейне, который, больной, еле притащился въ Лувръ и съ рыданіями припалъ къ ногамъ богини, творецъ Венеры Милосской, вѣроятно, простилъ злой судьбѣ миллионы равнодушныхъ невѣжественныхъ зрителей.

Самъ Скрябинъ не то, что мечталъ о Байрейтѣ, онъ считалъ необходимымъ и неумолимо неизбѣжнымъ пріобщеніе широкихъ массъ, участіе чуть ли не всей вселенной въ его заключительномъ аккордѣ нашей расы — въ Мистеріи. Такое общеніе «духовнаго аристократа», какимъ себя Скрябинъ всегда чувствовалъ, съ толпой, непосвященной въ тайны искусства, и возможно только въ формѣ религіознаго таинства, гдѣ жрецы произносятъ на непонятномъ языкѣ свои заклинательныя формулы, а толпа благоговѣнно одуряется и темнотой «великихъ» символовъ и кажденіями прислужниковъ божества.

То страшное одиночество, въ которомъ рождаются великія мысли, было чуждо Скрябину. Еще съ юныхъ лѣтъ онъ любилъ работать на людяхъ. Съ годами эта привычка «дѣлиться» все усиливалась. Но когда художникъ «дѣлится», онъ стано-

вится бѣднѣе, а въ особенности, когда отдаетъ сокровища своего духа за звонкую монету восхищенія окружающихъ. Не даромъ одинъ изъ величайшихъ пѣвцовъ экстаза Плотинъ говорилъ, что прозрѣнія нельзя передать. Какъ, дѣйствительно, отдѣлится отъ себя и возвѣститъ, какъ различное, то, съ чѣмъ человѣкъ слился въ своемъ провидѣннѣи воедино? Въ этомъ, очевидно, прибавляетъ онъ, и былъ смыслъ повелѣннѣи Мистерій ничего не сообщать непосвященнымъ. (Эннеады Плотина \ 1, 9, X, XI). Кому не дано непосредственно увидѣть божественное, тому не передашь его никакими словами.

VII.

Но какъ приобрести это провидѣннѣе въ области музыки? Тутъ еще мало научиться понимать языкъ музыкальныхъ авгуровъ, мало умѣнья разбираться въ техническихъ терминахъ. Всякій техническнй разборъ — вивисекція художественнаго произведенія. Кто, «звуки умертвивъ, музыку разъялъ, какъ трупъ», «повѣрилъ алгеброй гармонию», тотъ умертвилъ нѣгу творческаго воспрнятія.

И еще. Какъ приобрести то внутреннее «зрѣннѣе», которое дало бы возможность проникнуть въ тайну творчества художника, когда между слушателемъ и произведеннѣемъ становится материализованная звучность виртуоза или оркестровыхъ исполнителей, которые въ большинствѣ случаевъ не обладаютъ этимъ внутреннимъ зрѣннѣемъ и чужды, а иногда и прямо враждебны этой тайнѣ?

Къ сожалѣнннѣю безъ «медіума» тутъ очень рѣдко можно обойтись, и если ужъ выбирать руководителя въ потусторонннй мнръ музыки Скрябина, то надо постараться найти такого, кто самъ побывалъ въ «гротѣ Венеры» и находился подъ очарованнѣемъ этой не всѣмъ непосредственно доступной тайны, довѣрится тому, кто самъ внутреннимъ зрѣннѣемъ пересмотрѣлъ и пережилъ эту музыку, слился съ нею воедино.

Чтобы достигнуть этого переживанія, надо снять тѣ грубые наносные пласты, которые мѣшаютъ намъ проникнуть въ серд-

не этой музыки. Скрябину самому, а въ особенности его слѣпымъ поклонникамъ, могло казаться, что тотъ мистическій туманъ мало доступныхъ для обычнаго человѣческаго пониманія словесныхъ символовъ, которыми онъ окружилъ свою музыку, углубляетъ пониманіе и дѣлаетъ доступными и возможными для всѣхъ откровенія его творчества. Мнѣ, наоборотъ, эта «словесность» кажется досаднымъ средостѣніемъ между мной и настоящимъ Скрябинымъ. Кто въ жизни хоть разъ находился подъ очарованіемъ личнаго исполненія самимъ Скрябинымъ своихъ произведеній, тотъ вспомнить стихи Тютчева:

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй:
 Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
 Тайственно-волшебныхъ думъ;
 Ихъ заглушить наружный шумъ,
 Дневные ослѣпятъ лучи:
 Внимай ихъ пѣнью и молчи!

и удержится отъ искушенія фиксировать словами то тонкое и неуловимое, что стало музыкой именно потому, что не могло вылиться въ форму словъ. *Silentium!*

VIII.

Та идеальная атмосфера, въ которой мы можемъ приобщиться къ откровеніямъ музыки Скрябина, не душная атмосфера большихъ концертныхъ залъ, гдѣ Голяаеы фортепіано совершаютъ свои подвиги. Яркія оркестровыя одежды также не подходятъ къ интимной музыкѣ Скрябина. Его оркестръ въ сильныхъ мѣстахъ оглушаетъ, но не убѣждаетъ, какъ оркестръ геніальнаго мастера въ области музыкальнаго *al fresco* — Рихарда Вагнера, въ «слабыхъ» мѣстахъ онъ играетъ, но не чаруетъ и ласкаетъ, какъ оркестръ Римскаго-Корсакова, не говоря уже о томъ, что онъ никогда не достигаетъ мистической звучности, не смотря на наличие «мистическихъ» и «синтетическихъ» гармоній.

Мысль сочетать фортепіано съ грузнымъ аппаратомъ со-

временнаго оркестра въ поэмѣ огня «Прометей» попросту неудачная мысль. Получился виртуозъ — Прометей, борющійся съ силой оркестра, но не то божественное «единое», къ которому стремился композиторъ. Ничего не прибавила бы и свѣтовая клавиатура, если-бъ она даже и могла быть осуществлена въ обычныхъ концертныхъ условіяхъ. «Цвѣтной слухъ» пока даже среди избранниковъ, владѣющихъ имъ, неопредѣленная и непровѣренная психологическая загадка. Каждый, владѣющій этимъ слухомъ, окрашиваетъ музыку въ свои цвѣта. То, что Скрябинъ воспринималъ какъ высшую гармонію цвѣта и звука, показалось бы Римскому-Корсакову грубой фальшью. Мы привыкли со времени Вагнера увлекаться идеей соединенія искусствъ, и, несомнѣнно, мечта Скрябина о такомъ произведеніи, въ которомъ всѣ искусства сплелись бы въ одинъ клубокъ, есть углубленіе и развитіе идеи Вагнера.

Откуда эта потребность примѣшивать къ музыкѣ, которая соткана изъ тончайшихъ и нѣжнѣйшихъ нитей, чуждые ей и огрубляющіе ее элементы? Творчество — загадка, и, если искать его источниковъ, то можно дойти не только до психологіи, но и до физиологіи творчества. Чѣмъ художникъ опьяняется, для насъ должно быть безразлично; излишнее любопытство въ этомъ отношеніи, я бы сказалъ, даже непристойно. Сами художники ревниво оберегаютъ тайны своей творческой лабораторіи. О своихъ паденіяхъ, неудачахъ они почти никогда не рассказываютъ. На турнирѣ искусства они всегда побѣдители — и дама ихъ сердца самая прекрасная, и девизъ ихъ самый благородный! Если они не желаютъ предстать предъ нами во всей своей художественной наготѣ, то на это у нихъ есть свои глубокія причины. Имъ есть что скрыть подъ плащомъ громкихъ символовъ, значительныхъ словъ — можетъ быть, безпомощность творческой мысли, бьющейся въ тискахъ старыхъ изжитыхъ формулъ. Прислушайте третью симфонію Скрябина безъ ея словеснаго убранства и сравните ее хотя бы съ первой частью пятой симфоніи Бетховена, чтобы убѣдиться, на чьей сторонѣ непосредственность творческой фантазіи и гдѣ музыкальная расхолаживающая діалектика.

Но возьмите музыку Скрябина внѣ одуряющей атмосферы мистики словъ, и вы переживете рядъ мгновений безмятежнаго, тихаго счастья, безъ нытья, но и безъ сильныхъ трагическихъ акцентовъ. Вы точно ребенокъ играете на берегу моря разноцвѣтными раковинами, но вы растете вмѣстѣ съ этими плѣнительными звуками, вашъ горизонтъ расширяется, новыя и новыя заманчивыя дали и неожиданности раскрываются предъ вами, прибой волнъ становится все сильнѣе и сильнѣе, а художникъ васъ уже уноситъ на крыльяхъ своей фантазіи все выше и выше, вы переживаете съ нимъ и экстазъ художественнаго творчества, и величіе Прометея, разорвавшаго цѣпи изжитыхъ гармоній, и оргіастическое изступленіе свободно играющаго тональностями музыкальнаго Мессіи.

И вы тогда простите Скрябину то, что онъ такъ пространно и ненужно говорилъ о своемъ «я» на чуждомъ ему языкѣ словъ, вы увидите это «я» въ его музыкѣ. Тамъ оно живетъ въ великой тайнѣ звуковъ.

Г. Ловцкій.

ПУТИ РОССИИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Россия — страна особенная.

У России свой, особый путь развития.

Россия предстанет великое будущее — она скажетъ міру свое, новое слово.

Вотъ положенія, выражающія душу общественнаго и духовнаго движенія России за послѣднія сто лѣтъ. Можно составить томы выдержекъ, устанавливающихъ эти положенія. Но вѣтъ передъ писавшимъ авторомъ произойти неотразимое впечатлѣніе.

Сто лѣтъ черезъ исторію русскаго самосознанія проходитъ «великій расколъ»: между приверженцами *Запада* и сторонниками *своего* пути. Большой русскій историкъ спускаетъ его глубоко въ вѣка, въ среду людей, пережившихъ Смуту. Но удивительное дѣло: если пристально взглянуть въ этотъ «великій расколъ», вѣдь лишь, что онъ коснулся только поверхности сознанія. До глубины сознанія онъ не дошелъ, «души» не тронулъ. Тамъ, въ «души» — вѣра въ русскій народъ, въ его особое пути, въ его великое будущее звучитъ неутомимо.

Сторонники двухъ направленій въ XVII вѣкѣ — когда было положено начало расколу русскаго общества — Ключевскій называетъ алашпетами и лашпетами. Въ XVIII вѣкѣ они назывались леборуссами и вольгерманцами. Въ XIX вѣкѣ — славянофилами и западниками, народниками и марксистами. Одни утверждали *свое*; вѣрили, что «лѣная и степная Россия — неопытная деревенская дѣвочка, въ которой безпокойно возится и безпомощ-

по кричать мировое будущее»; поклонялись своему народу, какъ носителю вселенской правды. Другіе тянулись къ Западу; утверждали превосходство западно-европейской цивилизаціи; видѣли въ ней единую общечеловѣческую культуру; всѣми силами стремились приобщить къ ней Россію. И вмѣстѣ съ тѣмъ, «съ какой святой непослѣдовательностью они любили Россію и какъ безумно надѣялись на ея будущее» *). Въ самой отсталости Россіи видѣли залогъ ея грядущаго величія. «Исторія, какъ бабушка, страшно любить младшихъ внучать». «Мы призваны обновить жизнь цивилизованнаго міра, внести въ нее высшіе элементы, которые сама она выработать не въ силахъ. Всмотритесь хорошенько въ самото заклятаго западняка, онъ съ этой стороны часто оказывается славянофиломъ» **).

У истоковъ «великаго раскола» XIX вѣка стоитъ Чаадаевъ — быть можетъ самый крупный мыслитель Россіи. Онъ былъ сторонникомъ Запада и какъ западникъ вошелъ въ исторію. Для Чаадаева путь Запада — путь единственный. Россія — «листъ бѣлой бумаги». Прошлое Россіи безплодно и пустынно; настоящее ничтожно. «Мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣческаго рода; мы не принадлежимъ ни къ Западу, ни къ Востоку, и у насъ нѣтъ традицій ни того, ни другого. Стоя какъ бы въ вѣчьи времена, мы не были затронуты всемірнымъ воспитаніемъ человѣческаго рода». Прошлое наше безрадостно. «Сначала — дикое варварство, потомъ грубое невѣжество, затѣмъ свирѣпое и унизительное туземное владычество, духъ котораго позднѣе унаследовала наша національная власть. — такова печальная исторія нашей юности». «Мы живемъ однимъ настоящимъ въ самыхъ тѣсныхъ его предѣлахъ, безъ прошедшаго и будущаго, среди мертваго застоя». «Вѣка протекли безъ пользы для насъ. Глядя на насъ, можно было бы сказать, что общій законъ человѣчества отмѣненъ по отношенію къ намъ. Одинокіе въ мірѣ, мы ничего не дали міру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи въ массу идей человѣческихъ, ничѣмъ не содѣйствовали прогрессу человѣческаго разума, и все, что намъ досталось отъ этого прогресса, мы

*) Герценъ: „Колоколь“, 1859 г. № 54.

***) Н. Чернышевскій, т. VIII, стр. 171.

исказили». «Въ нашей крови есть нѣчто, враждебное всякому истинному прогрессу. И въ общемъ мы живемъ и продолжаемъ жить лишь для того, чтобы послужить какиѣ-то важнымъ урокомъ для отдаленныхъ поколѣній, которыя сумѣютъ его понять; нынѣ же мы, во всякомъ случаѣ, составляемъ пробѣлъ въ нравственномъ порядкѣ». Выходъ — въ приобщеніи къ западно-европейской цивилизаціи. Ибо цивилизація едина, какъ едино христіанство, какъ едина истина. Горе Россіи въ томъ, что она жила обособленно, въ благодатнаго единства, въ сторонѣ отъ общаго движенія человѣчества. «Если мы хотимъ занять положеніе, подобное положенію другихъ цивилизованныхъ народовъ... мы должны отъ начала повторить на себѣ все воспитаніе человѣческаго рода». «Стоя лицомъ къ лицу со старой европейской цивилизаціей, которая является послѣднимъ выраженіемъ всѣхъ прежнихъ цивилизацій... Россія не можетъ имѣть другою дѣла, какъ стараться усвоить себѣ эту цивилизацію всѣми возможными средствами.»

Такъ началъ Чаадаевъ свой путь мыслителя.

А вотъ какъ онъ кончилъ.

Мы были заброшены «на крайнюю грань всѣхъ цивилизацій міра, далеко отъ странъ, гдѣ естественно должно было накопляться просвѣщеніе; ... мы увидѣли свѣтъ на почвѣ, не вспаханной и не оклѣтотворенной предшествующими поколѣніями, гдѣ ничто не говорило намъ о протекшихъ вѣкахъ, гдѣ не было никакихъ задатковъ новаго міра». Мы — молодой народъ, и ссихина наша не обременена прошлымъ. Но въ этомъ — наше счастье. Счастливы народъ, родившійся поздно; ибо онъ наследуетъ все культурныя сокровища, накопленныя міромъ. Россія должна приобщиться къ западной культурѣ, взять все ея богатства. Но путь Запада не ея путь. Ея путь иной. «Теперь уже совершенно ясно, что мы слишкомъ мало походимъ на остальной міръ, чтобы съ успѣхомъ подвигаться по одной съ нимъ дорогѣ». «Большая часть міра подавлена своими традиціями и воспоминаніями; большая часть народовъ носитъ въ своемъ сердцѣ глубокое чувство завершенной жизни, господствующее надъ жизнью текущей, упорное воспоминаніе о протекшихъ дняхъ, наполняющее каждый нынѣшній день. Оставимъ ихъ бороться съ ихъ неутомимымъ прошлымъ. Мы никог-

да не жили подъ роковымъ давленіемъ логики времянь; никогда мы не были ввергаемы всемогущей силой въ тѣ пронасти, какія вѣка вырываютъ передъ народами... У насъ нѣтъ... готовыхъ мнѣній, установившихся предразсудковъ; мы дѣйствинымъ умомъ встрѣчаемъ каждую новую идею... Воспользуемся же огромнымъ преимуществомъ, въ силу котораго мы должны повиноваться только голосу просвѣщеннаго разума, сознательной воли. Познаемъ, что для насъ не существуетъ непреложной необходимости; что въ пашей власти измѣрять каждый шагъ, который мы дѣлаемъ, обдумывать каждую идею, задѣвающую наше сознание; что намъ позволено надѣяться на благоденствіе еще болѣе широкое, чѣмъ то, о которомъ мечтаютъ самые пылкіе служители человѣчества». «Мы призваны рѣшить большую часть проблемъ социальнаго порядка, завершить большую часть идей, возникшихъ въ старыхъ обществахъ, отвѣтить на важнѣйшіе вопросы, какіе занимаютъ человѣчество... Мы, такъ сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящимъ совѣстнымъ судомъ по многимъ тяжбамъ, которыя ведутся передъ великими трибуналами человѣческаго духа и человѣческаго общества». «Мы пришли послѣ другихъ для того, чтобы дѣлать лучше ихъ». «Свободнымъ порывомъ нашихъ внутреннхъ силъ, энергическимъ усиліемъ національнаго сознанія должны мы овладѣть предназначенной намъ судьбой» *).

Таковъ жизненный путь Чаадаева. Западникъ и предтеча западничества XIX в., онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предтечей славянофильства и народничества. Есть что-то пророческое въ этомъ явленіи. И въ дальнѣйшей исторіи русскаго самосознанія Западу будетъ неизмѣнно противопоставляться Россія. и путь Запада, въ конечномъ итогѣ, преодолѣваться путемъ инымъ, *своимъ*.

Иванъ Кирѣевскій — духовный отецъ славянофильства. Человѣкъ сильнаго ума и большого духа. Но и его путь былъ не простой. Какъ и Чаадаевъ, онъ началъ съ устремленія къ Западу. Какъ и для Чаадаева, для него существовала одна цивилизація — западно-европейская. Ибо только западно-европейская цивилизація — общечеловѣческая. Только она продолжала просвѣщеніе древ-

*) Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева. М. 1913. Гершензонъ. Чаадаевъ.

вяго міра, наслѣдовала все прежнее просвѣщеніе человѣчества, участвовала въ общемъ ходѣ мірового развитія. «Только съ того времени, какъ Исторія наша позволила намъ сблизиться съ Европою, начало у насъ распространяться и просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ сего слова, то-есть, не отдѣльное развитіе нашей особенности, но участие въ общей жизни просвѣщеннаго міра; ибо отдѣльное, китайски особенное развитіе замѣтно у насъ и прежде введенія образованности Европейской; но это развитіе не могло имѣть успѣха *общечеловѣческаго*. «У насъ искать національнаго, значить искать необразованнаго; развивать его на счетъ Европейскихъ нововведеній, значить изгонять просвѣщеніе; ибо, не имѣя достаточныхъ элементовъ для внутренняго развитія образованности, откуда возьмемъ мы ес, если не изъ Европы? *)».

На этомъ пути — утвержденія духовнаго превосходства Запада надъ Россіей — Кирѣевскій удержался недолго. Какъ и у Чаадаева, вѣра въ Западъ у него смѣнилась вѣрой въ Россію; пути Запада разошлись съ путями Россіи. Но въ этомъ новомъ направленіи онъ пошелъ дальше Чаадаева. Вѣра въ Россію, въ ея будущее слалась съ любовью и утвержденіемъ ея прошлаго. Отходя отъ Запада превратился въ его отрицаніе. Мірѣ Западный и мірѣ Восточный стали другъ къ другу, какъ два міра — полярно противоположные.

«Еще не очень давно то время, когда... общес мнѣніе было таково, что различіе между просвѣщеніемъ Европы и Россіи существуетъ только въ степенн, а не въ характерѣ, и еще менѣе въ духѣ или основныхъ началахъ образованности. У насъ (говорили тогда) было прежде только варварство: образованность наша начинается съ той минуты, какъ мы начали подражать Европѣ, безконечно опередившей насъ въ умственномъ развитіи». «Съ тѣхъ поръ въ просвѣщеніи Западно-Европейскомъ и въ просвѣщеніи Европейско-Русскомъ произошла перемѣна. Европейское просвѣщеніе... достигло той полноты развитія, гдѣ его особенное значеніе выразилось съ очевидной ясностью». «По резуль-

*) *Ив. Кирѣевскій*. Полное собраніе сочиненій: т. I. Десятинадцатый Вѣкъ, стр. 80-83.

тять этой полноты развитія... было почти всеобщее чувство ледоводства и обманутой надежды». Ибо «логическій разумъ Европы, достигнувъ высшей степени своего развитія, дошелъ до сознанія своей ограниченности». Ибо «раздвоеніе и разсудочность... являются послѣднимъ выраженіемъ Западно-Европейской образованности». Объясненіе этому надо искать въ тѣхъ началахъ, которыя были положены въ основу Западно-Европейской цивилизаціи. Образованность древняго міра была извѣстна Западу въ формѣ односторонней образованности римской, въ которой наружная разсудочность брала перевѣсъ надъ внутреннею сущностью вещей. Христіанство пропикало въ умы Западныхъ народовъ черезъ ученіе одной Римской Церкви, отпавшей отъ Церкви Вселенской. «Общественный бытъ Европы... почти повсюду возникъ насильственно, изъ борьбы на смерть двухъ враждебныхъ племенъ : изъ угнетенія завоевателей, изъ противоудѣйствій завоеванныхъ». Нынѣ Европа выказалась исполнѣ, докончила кругъ своего развитія. Для развитія человечества нужны высшія начала, которыя Европа дать ему не въ силахъ. Эти высшія начала хранятся у насъ, въ началахъ просвѣщенія Русскаго. Просвѣщеніе Русское выросло на болѣе благодатной почвѣ, чѣмъ просвѣщеніе Западное. Россія приняла просвѣщеніе изъ первыхъ источниковъ, изъ центра просвѣщенія, который тогда находился въ Византіи. Принявъ ученіе христіанское отъ Греціи, она постоянно находилась въ общеніи съ Вселенской церковью. «Христіанство въ Россіи зажигалось на свѣтильникахъ всей Церкви Православной». Образованность древняго міра — не односторонняя Римская, а умственно превосходная Греческая — переходила къ Россіи въ просвѣтленномъ видѣ, черезъ ученіе христіанское. Русская земля выросла изъ естественнаго развитія народнаго быта. «Въ ней не было ни завоевателей, ни завоеванныхъ». «Особенность Россіи заключается въ самой полнотѣ и чистотѣ того выраженія, которое христіанское ученіе получило въ ней — во всемъ объемѣ ея общественнаго и частнаго быта». «Цѣльность и разумность являются послѣднимъ выраженіемъ Русской образованности». Вотъ почему можно надѣяться на будущее процвѣтаніе Россіи. Вотъ почему нужно желать, чтобы высшія начала просвѣщенія Русскаго, господствуя надъ просвѣщеніемъ Европейскимъ и не вытѣс-

няя его, но, напротивъ, обнимая его своею полнотою, дали ему высшій смыслъ и послѣднее развитіе *)).

Носить духовный путь Ив. Карѣвскаго. Всю свою жизнь онъ стремился къ высшей *общечеловѣческой* правдѣ. Въ началѣ пути онъ искалъ ее на Западѣ. Онъ нашелъ ее позже у себя на «Святой Русси».

Жизненный путь остальныхъ славянофилловъ отличался паразитической кѣльностью. Они не знали того «перелома» въ отношеніи къ Россіи и Западу, который пережили Чаадаевъ и И. Карѣвскій. Еще юношами они выбрали между Россіей и Западомъ и всю свою любовь и энтузіазмъ отдали Россіи. Кажду высшей, общечеловѣческой правды они утоляли кѣрой въ Россію, въ святость ея жизненныхъ началъ, въ ея всемірное общечеловѣческое назначеніе.

Комьяковъ высоко цѣнилъ Западъ — «страну святыхъ чудесъ». Но вѣдъ Запада пропалъ. Судь уже свершена надъ образованностью Запада; и весь онъ окутанъ мертвеннымъ покровомъ. Западъ гибнетъ, ибо отяжелъ его духовныя начала. Ибо началомъ Запада была *вѣроятность* въ жизни народной (завоеванцы и завоеватели) и двойственность въ понятіи духовномъ (несліянность идей единства и свободы). Западъ не понялъ истиннаго ученія христіанскаго, въ полнотѣ своей, представляющаго «идею единства и свободы, неразрывно соединенныя въ *правствѣнномъ законѣ взаимной любви*». «Западная Европа развивалась подъ вліяніемъ Латинства, т. е. христіанства одностороннепонятаго, какъ законъ *внѣшняго единства*». «Вся жизнь Запада была проникнута этимъ началомъ и развивалась въ полной зависимости отъ него». Западъ зналъ *внѣшнее* единство, *внѣшнюю* правду; высшаго *внутренняго* единства, внутренней правды — онъ не зналъ. Эти свѣтлыя, высшія начала хранились въ Россіи. Россія не знала пятна завоеванія. Россія сохранила мірскую общину, лучшую форму гражданскаго общежитія. Россія приняла «чистое христіанство» издревле, но благословенію Божіему, и сдѣлалась его крѣпкимъ осудомъ, можетъ быть, въ силу того общин-

*) Ив. Карѣвскій. Полное собраніе сочиненій. т. II - О характерѣ просвѣщенія Европы.

наго начала, которымъ она жила, живетъ, и безъ котораго она жить не можетъ». «Вѣчную истину первобытнаго христіанства приjala она, въ ея полнотѣ, т. е. въ тождествѣ единства и свободы, проявляемомъ въ законѣ духовной любви». «Спасши эти начала для самой себя, она теперь должна явиться ихъ представительницей для цѣлаго міра. Таково ея призваніе, ея удѣлъ въ будущемъ». «Исторія призываетъ Россію стать впереди всемірнаго просвѣщенія; она даетъ ей на это право за всесторонность и полноту ея началъ»^{*)}).

Конст. Аксаковъ — еще восторженнѣе въ утвержденіи Россіи, еще рѣшительнѣе въ отрицаніи Запада. «Россія — земля совершенно саомбымъ ал, вовсе не похожая на Европейскія государства и страны». «Пути Русскій и Западно-Европейскій совершенно разные, разные до такой степени, что никогда не могутъ сойтись между собою, и народы, идущіе ими, никогда не согласятся въ своихъ воззрѣніяхъ». «Всѣ Европейскія государства основаны завоеваніемъ. Вражда есть начало ихъ». «Русское государство, напротивъ, было основано не завоеваніемъ, а *добровольнымъ призваніемъ* власти. Поэтому, не вражда, а миръ и согласіе есть его начало». «Въ основаніи государства Западнаго: *насиліе, рабство и вражда*. Въ основаніи государства Русскаго: *добровольность, свобода и миръ*». Западъ чувствовалъ въ себѣ недостатокъ внутренней правды. Потому и принужденъ былъ развить внѣшнюю законность. Государство, принудительный порядокъ, внѣшняя правда стали идеалами Запада. Весь Западъ пропитанъ внутренней ложью — въ немъ нѣтъ духа, нѣтъ внутренней силы, нѣтъ истинной жизни. — Россія жила подъ условіями быта общиннаго, Земскаго, подъ условіями правды внутренней. Народъ русскій — народъ негосударственный; онъ не ищетъ внѣшняго принудительнаго устройства. Отношенія земли и государства, народа и правительства построены на взаимной довѣренности, на союзѣ любви. «Пути Запада и Россіи стали еще различнѣе, когда важнѣйшій вопросъ для человѣчества присоединился къ нимъ: вопросъ Вѣры. Благодать сошла на Русь. Православная Вѣра была принята ею. Западъ пошелъ по дорогѣ католи-

^{*)} *Хомяковъ*. Сочиненія. 1900 г., т. I и III.

призма». «Начало всей жизни Русского народа — есть Вѣра Православная. Не даромъ Русь зовется святая Русь». «Исторія Русскаго народа есть единственная во всемъ мѣрѣ исторія народа христіанскаго не только по исповѣданію, но и по жизни своей, по крайней мѣрѣ, по стремленію своей жизни». Но русское начало есть въ то же время начало истинное, общечеловѣческое. «Русскій народъ не есть народъ; это челоѣчество». «Русская исторія имѣетъ значеніе Всемирной Исповѣди. Она можетъ читаться, какъ житія Святыхъ» *).

Ю. Самаринъ и Ив. Аксаковъ — послѣдніе вдохновенные представители славянофильства. Они мало внесли въ славянофильское ученіе. Ихъ взгляды на судьбы Россіи, на «Россію и Западъ» не отличаются отъ взглядовъ Кирѣевскаго, Хомякова и К. Аксакова. Центральная идея славянофильства — національнаго призванія русскаго народа, общечеловѣческаго значенія его началъ — была близка имъ, въ особенности Самарину. — «Что же такое народность, если не общечеловѣческое начало, развитіе котораго достается въ удѣлъ одному племени преимущественно передъ другими, вслѣдствіе особеннаго сочувствія между этимъ началомъ и природными свойствами народа?» «...Мы не противопоставляемъ народное общечеловѣческому. Мы знаемъ хорошо, что общечеловѣческое осуществляется въ исторіи и постигается черезъ народность». «Мы дорожимъ старою Русью не потому, что она старая или что она наша, а потому, что мы видимъ въ ней выраженіе тѣхъ началъ, которые мы считаемъ челоѣческими или истинными».

Большое значеніе для развитія русскаго сознанія имѣютъ взгляды Ю. Самарина на земельную общину: «Славянскій мѣръ даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ западнаго міра». «Мы думаемъ, что западный мѣръ выражаетъ теперь требованіе органическаго примиренія начала личности съ началомъ объективной и для всѣхъ обязательной нормы — требованіе общины. Что это требованіе совпадаетъ съ нашей субстанціей; что въ оправданіе формулы мы приносимъ *бытѣ*, и въ этомъ точка соприкосновенія нашей исторіи съ запад-

*) К. Аксаковъ. Сочиненія. 2-ое изд. 1889 г., т. I.

ной.» «Общинное начало составляет основу, грунтъ всей русской исторіи прошедшей, настоящей и будущей.»*).

Мало по малу идея общечеловѣческаго значенія русскихъ началъ, идея всемірной миссіи русскаго народа исчезаетъ изъ славянофильскаго ученія. Поздніе славянофилы — Данилевскій, К. Леонтьевъ, Н. Страховъ — утверждаютъ Россію, какъ особый культурно-историческій типъ, утверждаютъ національныя особенности Россіи, ея особый національный путь. Въ развитіи ихъ взглядовъ «общечеловѣческое» занимаетъ ничтожное мѣсто.

Значеніе славянофильскаго ученія въ развитіи русскаго самосознанія громадно. Трагедія славянофиловъ заключалась въ томъ, что ихъ религіозныя взгляды были чужды значительной части русскаго образованнаго общества; что ихъ политическія воззрѣнія для русской общественности были непріемлемы. Исторія русскаго самосознанія въ XIX в. есть исторія русскаго освободительнаго движенія. Всякое духовное движеніе, не совпадающее всецѣло съ движеніемъ освободительнымъ, теряетъ много шансовъ на успѣхъ и признаніе. Это и случилось съ славянофилами. Они только краемъ принимали участіе въ освободительномъ движеніи и занимали въ немъ самыя угренныя позиціи. Порой они вступали съ нимъ въ ожесточенную борьбу. Этого никогда не могла простить имъ русская общественность. Вотъ почему основныя идеи славянофильства — объ особыхъ путяхъ развитія Россіи, объ общечеловѣческомъ значеніи заложенныхъ въ ней началъ, о новомъ словѣ, которое она скажетъ міру — только посвѣнными путями проникали въ русское сознаніе. Противники славянофиловъ, съ ихъ рѣшительнымъ религіознымъ отрицаніемъ, съ ихъ политическимъ радикализмомъ, одерживали блестящія побѣды надъ славянофилами въ русской общественности. А идеи славянофиловъ, безшумно и, часто, незамѣтно, проникали въ самый станъ противниковъ, овладѣвали имъ изнутри и почти безраздѣльно господствовали надъ русскимъ сознаніемъ. Такъ велика была притягательная сила славянофильскихъ идей; такъ велико было ихъ внутреннее «средство» съ русскимъ сознаніемъ. Побѣда, одержанная «Россіей» надъ «Западомъ» въ душѣ Чаадаева, неизмѣнно повторя-

*) Ю. Самаринъ. Сочиненія. 1877 г., т. I.

зась во всей исторіи русскаго самосозанія. Духовно славянофильство неизмѣнно побѣждало западничество.

И величайшей побѣдой, которую славянофильство одержало надъ западничествомъ, была побѣда, одержанная надъ самымъ сильнымъ своимъ противникомъ изъ западническаго лагеря и надъ самымъ большимъ человекомъ въ русскомъ освободительномъ движеніи — А. Герценомъ.

Герцень — западникъ, не только по воззрѣніямъ, но культурѣ, по и по натурѣ своей. Онъ весь — воля, напряженіе, борьба. Славянофильство онъ ненавидѣлъ за его косность, квіетизмъ, любовь къ прошлому, примиреніе съ настоящимъ. Герцень весь устремленъ впередъ, въ будущее. Свободу онъ любилъ какою-то буйной, стихійной любовью. Любовь къ Западу для него — любовь къ свободѣ, революціи, «сильной жизни». Западъ — вершина общечеловѣческой цивилизаціи. «Слава Петру, отрешемуся отъ Москвы! Онъ видѣлъ въ ней злужущіе корни узкой народности, которая будетъ противоѣствовать европеизму и стараться отторгнуть Русь отъ челоѣчества». «Непависть къ Западу есть... непависть ко всему процессу развитія рода челоѣческаго, ибо Западъ, какъ преемникъ древняго міра, какъ результатъ всего движенія и всѣхъ движеній, все прошлое и настоящее челоѣчества... Въѣстъ съ непавистью и пренебреженіемъ къ Западу — непависть и пренебреженіе къ свободѣ мысли, къ праву, ко всѣмъ гарантіямъ, ко всей цивилизаціи». Чѣмъ страшнѣе пустота окружающей жизни, тѣмъ сильнѣе тяга къ Западу. «Вотъ привелъ взглянуть на Францію, на Европу. Дома то черно, страшно». «Я не зналъ Запада, то есть зналъ его книжно, теоретически и еще больше я любилъ его всю непавистью къ николаевскому самовластію и петербургскимъ порядкамъ. Герцень стоялъ передъ «неразгаданнымъ сфинксомъ русской жизни». «Такъ жить не возможно... Гдѣ же выходъ?» — Герцень искалъ его на Западѣ. «Святая почва Европы, благословеніе ей, благословеніе!»

Но замѣчательная вещь: въ своемъ восторженномъ увлеченіи Западомъ Герцень порой съ удивленіемъ останавливается передъ Россіей и странное сомнѣніе закрадывается въ его душу. «Европа болѣе и болѣе обращаетъ вниманіе свое на этотъ кѣмой міръ, который называетъ себя славянами. Много, много удивительнаго

въ этомъ мѣрѣ...» «Бѣлинскій не понижаетъ славянскій мѣръ; онъ смотритъ на него съ отчаяніемъ, и неправъ, онъ не умѣетъ *читать жизни будущаго вѣка*, а это чтаніе есть начало возникновенія будущаго... Странное положеніе мое, какое то певольное *juste m. lieu* въ славянскомъ вопросѣ: передъ ними и человекъ Запада, передъ нихъ врагамъ — человекъ Востока».

Таковъ Герцень до ухода на Западъ.

«Переломъ» въ душѣ Герцена и «возвращеніе домой» произошли съ такой же, почти катастрофической, быстротой, какъ и душевный «переломъ» Чаадаева. Сопоставленіе датъ «западническихъ» и «славянофильскихъ» произведеній Герцена и Чаадаева производить жуткое впечатлѣніе. — «Възять за-границу мечта каждаго порядочнаго человека. Мы стремимся видѣть, осязать мѣръ, знакомый намъ изученіемъ, котораго великолѣпный и величавый фасадъ, сложившійся вѣками, съ малолѣтства поражалъ насъ... Русскій выпрыгиваетъ за-границу въ какомъ-то ошарашеніи. Сначала все кажется хорошо и, притомъ, какъ мы ожидали, потомъ мало по малу мы начинаемъ что-то не узнавать, на что-то сердиться — намъ не достаетъ пространства, шири воздуха, намъ просто неловко». Душно на Западѣ. Западъ старъ. Западъ дряхлѣетъ. «Съ возрастающимъ безпокойствомъ все задаютъ себѣ вопросъ, достанетъ ли силы на возрожденіе старой Европы, этому дряхлому Протею, этому разрушающемуся организму». «Трудно переродиться старому Адаму». «Европа слишкомъ богата, чтобы рисковать всѣмъ имуществомъ на одной картѣ». Китайскій маралъ захватилъ Европу. Вся Европа — мѣщанская. Мѣщане — «все». «Мѣщанство — идеалъ, къ которому стремится, подымается Европа со всѣхъ точекъ дна». «Республиканцы и монархисты, деисты и іезуиты, горожане и крестьяне — все это консерваторы. Развѣ — придется исключить однихъ только работниковъ». Работникъ — послѣдняя ставка. «Но и работникъ можетъ быть побѣжденъ». И что самое страшное: «работникъ всѣхъ странъ — будущій мѣщаникъ». Тогда гибель Европы неизбежна. «Европа идетъ ко дну отъ того, что не можетъ отдѣлаться отъ своего груза, въ немъ бездна драгоцѣнностей, набранныхъ въ дальнемъ опасномъ плаваніи». «Вопросъ о будущности Европы я не считаю окончательно рѣшеннымъ; но добросовѣстно, съ по-

корностью передъ истинной... долженъ сказать, что ни близкаго, ни хорошаго выхода не вижу». И еще рѣшительнѣе: «Да, любезный другъ, пора придти къ покойному и смиренному сознанію, что *мѣщанство* окончательная форма западной цивилизаціи». — «Прощай отходящій міръ, прощай Европа!»

Герценъ ушелъ отъ Европы; ибо потерялъ вѣру въ нее. Но онъ не потерялъ вѣры въ свободу, социализмъ, идеаль. Онъ вѣрилъ, что рано или поздно, *per fas et nefas* «словес начало» побѣдитъ. «Идея грядущаго переворота не привязана ни къ какой странѣ — въ этомъ ея великая сила». Съ мукой и страстью онъ искалъ страну, гдѣ идеаль можетъ воплотиться въ жизнь. И въ минуту смертной тоски и послѣдняго отчаянія онъ нашелъ ее. «Когда послѣдняя надежда исчезла, когда оставалось самоотверженно склонить голову и молча принимать довершающіе удары, какъ послѣдствія страшныхъ событій, вмѣсто отчаянія — въ груди моей возвратилась юная вѣра тридцатыхъ годовъ, и я съ упованіемъ и любовью обернулся назадъ... Начавши съ крика радости при переѣздѣ черезъ границу, я окончилъ моимъ духовнымъ возвращеніемъ на родину. Вѣра въ Россію спасла меня на краю правдивной гибели... За эту вѣру въ нее, за это исцѣленіе ею — благодарю я мою родину».

Съ тѣмъ же восторгомъ, съ тою же страстью, съ какими Герценъ раньше вѣрилъ въ Европу, повѣрилъ онъ теперь въ Россію. Съ любовью и упованіемъ смотрѣлъ онъ на свой родной Востокъ, внутренне радуясь тому, что онъ русскій. Онъ видѣлъ въ Россіи нову, которой, какъ русскаго чернозема, почти нѣтъ въ Европѣ. Онъ вѣрилъ въ «самобытный міръ» Россіи, въ ея «особый путь», въ ея прекрасное будущее. Русскій народъ — юный, мощный, неразгаданный народъ. «Мы входимъ въ исторію дѣятельно и полные силы». У насъ нѣтъ прошлаго — прошлое наше пусто, бѣдно и ограничено — но въ этомъ наше преимущество. Не связанные проплывъ, мы свободнѣе, ближе къ будущему, чѣмъ Западъ. «Наше неустройство, это великій протестъ народный, это наша magna charta, нашъ вексель на будущее». «Русскій народъ, милостивый государь, живъ, здоровъ и даже не старъ, на-противъ того, очень молодъ... Прошлое русскаго народа темно; его настоящее ужасно, но у него есть право на будущее». Но

настоящій павосъ Герцена не здѣсь. Павосъ Герцена въ русскомъ крестьянскомъ бытѣ, въ сельской общинѣ, въ землѣ. Религія Герцена — *«религія земли»*. Западный міръ — «міръ безземельный». У русскаго народа — «естъ земля подъ ногами и вѣра, что она его». Въ этомъ счастье русскаго народа. «Народъ русскій все вынесъ, но счастье общинѣ, община спасла народъ русскій». Сельская община, артель работниковъ, мірская сходка, равное право всѣхъ на землю — вотъ начала, на которыхъ стоитъ русская земля. «На этихъ началахъ и *только на нихъ* можетъ развиваться будущая Русь». Человѣкъ будущаго въ Россіи — мужикъ. Русскій мужикъ можетъ внести что-то новое, свое, въ тотъ великій споръ, въ тотъ нерѣшенный социальный вопросъ, передъ которымъ остановилась Европа. Въ темную ночь, наступившую на Западѣ послѣ событий 1848 года, когда Герценъ приходилъ въ отчаяніе и не находилъ нигдѣ ни совѣта, ни помощи, ни указанія, онъ увидѣлъ «какой-то тусклый свѣтъ, и этотъ свѣтъ мерцалъ отъ лучины — зажженной въ пѣбѣ русскаго мужика». «Этотъ дикій, этотъ пьяный въ бараньемъ тулупѣ, въ лаптяхъ, ограбленный, безграмотный, этотъ парій... въ самомъ дѣлѣ, что можетъ онъ внести, кромѣ продымленнаго запаха черной пѣбы и дегтя? Вотъ подите тутъ и ищите справедливости въ исторіи, мужикъ нашъ вноситъ не только запахъ дегтя, но еще какое-то допотопное понятіе *о правѣ каждаго работника на даровую землю*». «Какое счастье для Россіи, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной, какое это счастье для русскаго народа, что онъ остался внѣ всѣхъ политическихъ движеній, внѣ европейской цивилизаціи, которая, безъ сомнѣнія, подкопала бы общину и которая нынѣ сама дошла до самоотрицанія». Русскій народъ «бытомъ своимъ ближе всѣхъ европейскихъ народовъ подходитъ къ новому социальному устройству». «Европа показала удивительную *неспособность* къ социальному перевороту. Мы думаемъ, что Россія не такъ неспособна. На этомъ основана наша вѣра въ ея будущность». «Я вѣрю въ способность русскаго народа, я вижу по исходамъ, какой можетъ быть урожай, я вижу въ бѣдныхъ, подавленныхъ проявленіяхъ его жизни — несознательное имъ средство къ тому общественному идеалу, до котораго сознательно достигла европейская

мысль». «Я чувю сердцежь и умомъ, что исторія толкается пнемно въ наши ворота». «На этомъ глубокомъ сознаніи нашей свободы и соотвѣтствіи нашихъ стремленій съ бытомъ народнымъ, незыблемо основана наша вѣра, наша надежда. И вотъ почему, средь скорби и негодованія мы далеки отъ отчаянія и протягиваемъ вамъ, друзья, нашу руку на общій трудъ и зовемъ нашимъ звономъ къ дѣлу и борьбѣ». «Передъ нами свѣтаго и дорога пряма».

Такова та удивительная побѣда, которую славянофильство одержало надъ вождемъ западничества Герценомъ. Герцель мужественно и открыто признавалъ эту побѣду. «Когда я спорилъ въ Москвѣ съ славянофилами (между 1842-1846 годами), мои воззрѣнія въ основахъ были тѣ же. Но тогда я не зналъ Запада. Видя, какъ Франція смѣло ставитъ социальный вопросъ, я предпологалъ, что она хоть отчасти разрѣшитъ его, и этого было тогда, какъ тогда называли, *этадникомъ*. Паряжь въ одинъ годъ отрезвилъ меня — за то этотъ годъ былъ 1848. Во имя тѣхъ же пачаль, во имя которыхъ я спорилъ съ славянофилами за Западъ, я сталъ спорить съ нимъ самимъ... По странной проиш мнѣ пришлое на развалинахъ Французской республики проповѣдывать на Западѣ часть того, что въ сороковыхъ годахъ проповѣдывали въ Москвѣ Хомяковъ, Кирѣевскіе... и на что я возражалъ». «Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ *сдѣлали свое дѣло* — они остановили увлеченное общественное мнѣніе и заставили призадуматься всѣхъ серьезныхъ людей. Съ нихъ начинается *переломъ русской мысли*. «Мы вспомнили... что подъ виѣшними западными формами русскаго государства, сохранился какой-то *инимъ* народный бытъ, основанный на *инимъ* понятіи объ отношеніи человека къ землѣ и къ ближнему. Труды славянофиловъ приготовили матеріалъ для понижанія, — имъ принадлежитъ честь и слава понижа». «Мы смотрѣли на нихъ съ негодованіемъ и были правы, мы искали свободы совѣсти, они, исполненные раскольниковской нетерпимости, проповѣдывали православное рабство. Мы не понимали, что у нихъ, какъ у старовѣровъ, подъ археологическими обрядами, бился живой зародышъ, что они, повидимому, защищали одинъ вздоръ, въ сущности отстаивали въ уродливо церковной формѣ — вѣру въ *народную жизнь!*... Вопросъ объ общинномъ владѣніи по счастью вывелъ ихъ изъ церкви и изъ лѣтописи на

папию... Вотъ почему мы, нехвастающіеся достоинствомъ Симеона Столпника, стоявшаго бесполезно и упорно шесть, десять лѣтъ на одномъ и томъ же мѣстѣ — оставаясь совершенно вѣрными нравственнымъ убѣжденіямъ нашимъ... живые, т. е. измѣняющіеся

теченіемъ времени,

стали гораздо ближе къ московскимъ славянамъ, чѣмъ къ западнымъ старообрядцамъ и къ русскимъ иѣмцамъ, во всѣхъ родахъ различныхъ *). — «Западный старообрядецъ» И. Тургеневъ былъ не далеко отъ истины, когда называлъ Герцена «непоследовательнымъ славянофиломъ».

«Возвращеніе на родину» Герцена — «возвращеніе на родину» всего западническаго направленія. Очарованіе Западомъ исчезло. Подлинное западничество — западничество 40-хъ годовъ — духовно умерло. «Грановскій и Бѣлинскій стоятъ на рубежѣ; далѣе къ ихъ направленію нельзя было идти. Послѣдніе благодородные представители западной идеи, они не оставили ни учениковъ, ни школы» **). Старые западники, одня за другимъ, «возвращаются на родину». Вместе съ Герценомъ «вернулся на родину» Огаревъ. Позже безъ большихъ душевныхъ переживаній, и какъ-то незамѣтно сливъ свои западническіе взгляды съ народническо-славянофильскими другой видный западникъ — Кавелинъ. Даже Бакуинь, съ головой ушедшій въ западное революціонное движеніе, принужденъ былъ признать «русскія начала». Изъ старыхъ западниковъ только два остались вѣрными «западной идеѣ» — Ив. Тургеневъ и Б. Чичеринъ. Но значительной роли въ развитіи русскаго самосознанія они не играли. Вплоть до 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія западническое направленіе было духовно мертво. Оно не выдвинуло ни одного крупнаго вождя, не родило ни одной живой идеи. И вмѣстѣ съ западническимъ направленіемъ, бѣдное и безкрасочное существованіе вело его духовное дѣтище — русскій либерализмъ.

*) *А. Герцена*. Сочиненія 1879 г., т. IV, V, VII, VIII, X, 1905, изданіе Павленкова, т. I, VI. Колоколь. Избр. статьи Герцена (1857-1869 г.). Женева 1887. Къ развитію революціонныхъ идей въ Россіи. Москва 1906 г.

**) *Герцена*. Колоколь 1859 г. № 54.

Развитіе русскаго самосознанія пошло по иному пути. Въ пятидесятыя годы, на страницахъ «Колокола» и «Современника», формировалось новое теченіе, получившее впоследствии названіе народничества. Народничество еще живетъ среди насъ. Вокругъ него кипятъ политическія страсти. Но, если отвлечься отъ современности и взглянуть на народничество, какъ на историческое явленіе, нельзя не увидѣть громадной мощи этого теченія и удивительной широты его размаха. Въ теченіе ряда десятилѣтій вплоть до 90-хъ годовъ 19-го вѣка, народничество не только почти безраздѣльно господствовало надъ русскимъ самосознаніемъ; оно распространяло свое вліяніе и на литературу, искусство, науку и создало общественное движеніе такой духовной высоты и моральной напряженности, что историки ищутъ аналогін этому движенію во временахъ первыхъ христіанъ.

Народничество родилось въ кругахъ, примыкавшихъ къ западническому направленію. Родоначальниками народничества считаются «западники» Герценъ и Огаревъ, Чернышевскій и Добролюбовъ. Но это — западничество, внутренне побѣжденное славянофильствомъ; западничество, духовно капитулировавшее передъ «Россіей». Народничество — западничество, «вернувшееся на родину». Исходная точка народнической идеологій — Западъ. Западъ — единая общечеловѣческая цивилизація. Но у Запада было кровавое многовѣковое прошлое; у Запада — трудное настоящее; у Запада — увлекающее будущее. Какой Западъ нуженъ Россіи? «Куда мы идемъ? По стопамъ западной цивилизаціи? Но у Клеопатры было много любовниковъ». Россіи не надо повторять весь многострадальный путь восхожденія Западной Европы. Россіи нужны только достиженія Запада, только вершины его цивилизаціи. Прошлое Запада — прошлое насилія и угнетенія трудового народа — ненавистно народничеству. Настоящее Европы — мѣщанской, буржуазной, капиталистической — еще болѣе ненавистно, чѣмъ настоящее Россіи. Народничество готово было на величайшія жертвы, на полное самоотреченіе, чтобы спасти Россію отъ «мѣщанскаго», «буржуазнаго» пути Запада. Россіи нужно только будущее Запада, его свѣтлыя идеалы социализма, его грядущее царство братства и любви. Народничество живетъ горячею вѣрой въ то, что Россія войдетъ въ это свѣтлое цар-

ство будущаго, минуя крестный путь Запада, войдет *своими особыми* путями. Войдет, быть может, даже скорѣе Западной Европы. Ибо у русскаго народа есть великое преимущество передъ народами Европы. Русскій народъ — народъ запоздаый; онъ вояже другихъ народовъ вступилъ на поприще исторической жизни. Передъ нимъ великій опытъ другихъ народовъ — онъ можетъ имъ воспользоваться и свободно и разумно направить свой путь. У русскаго народа есть еще одно несравненное преимущество передъ народами Запада. Тотъ идеалъ, который въ крестьянхъ мукахъ выковала Западная Европа, то, что является «последнимъ словомъ» Западной мысли, издавна присуще русскому народу. Счастье русскаго народа въ томъ, что онъ сохранилъ и развилъ въ своемъ быту, въ своей жизни великія начала, зачатки которыхъ у европейскихъ народовъ были раздавлены тяжелой поступью западной цивилизаціи. Община и артель — основные «устои» русской жизни. Изъ нихъ непосредственно, минуя промежуточные стадіи европейской цивилизаціи, могутъ выработаться формы будущей жизни, къ которымъ стремится и Западная Европа. Народъ русскій выросъ на этихъ «устаихъ», воспыталъ въ себѣ «общинный», «артельный» духъ солидарности, духовно близокъ идеямъ социализма. Задача народнической интеллигенціи — идти «въ народъ», пробудить въ немъ дремлющія революціонныя силы, сформировать смутное социалистическое сознание, дать народу возможность свободно построить свое будущее. «Мистическая вѣра» въ русскій народъ, какъ носителя идеаловъ социальной справедливости; вѣра въ «устои», въ великія начала русской жизни; вѣра въ *особые* пути, которыми Россія придетъ къ общечеловѣческимъ идеаламъ — вотъ, что опредѣляетъ народничество. Народничество — русскій социализмъ. «Мы *русскимъ социализмомъ* называемъ тотъ социализмъ, который идетъ отъ жизни и крестьянскаго быта, отъ фактическаго надѣла и существующаго передѣла полей, отъ общиннаго владѣнія и общиннаго управления — и идетъ вмѣстѣ съ работничьей артелью на встрѣчу той экономической *справедливости*, къ которой стремится социализмъ вообще и которую подтверждаетъ наука» *). Народничество начало съ Запада. Но присталь-

*) Герценг. Колоколь № 233-234.

но взгляды наши въ лицо Западу, оно съ негодованіемъ отвернулось отъ него. Народничество отвергло настоящее и прошлое Западу. Оно приняло только его будущее. Но къ этому будущему Россія придетъ своимъ путемъ и раньше Западу. Таковъ духовный кругъ народничества.

Идеи истоки народническаго теченія. Народничество — социальное славянофильство. Въру къ религиозное избращничество русскаго народа народничество перенесло на «социальныя начала» русскаго народа. «Для насъ русскій народъ преимущественно народъ православный, т.е. наиболее христіанскій, приближайшій къ *веси небесной*. Для насъ русскій народъ преимущественно социальный, т.е. наиболее близкій къ осуществленію одной стороны того экономическаго устройства, той *земной веси*, къ которой стремятся всѣ социальныя ученія *)». Идеиное родство народничества съ славянофильствомъ признавали редопачальники народничества — Герцель, Огаровъ, Чернышевскій. Это родство признавалъ и вождь поздняго славянофильства — Ив. Аксаковъ. Для Огарова славянофильство — «пророки русскаго гражданскаго разсвитія». Для Ив. Аксакова народничество — это сблизшеніе съ пути славянофильства. Народничество отвергло религиозную сторону славянофильскаго ученія. Крайними революціонными настроеніями окрасило оно славянофильское отрицаніе государства. Но оно цѣлкомъ взяло у славянофильства его социальное-экономическія воззрѣнія. Оно утвердило славянофильскую въру въ русскій народъ, въ его социальныя начала, въ общечеловѣческое значеніе этихъ началъ, въ особые пути развитія Россія. Пачесть славянофильства и народничества — русскій народъ, его особые начала, его особые пути. Больше того. Можно предположить, что отъ славянофильства переняло народничество религиозную настроенность своей въры въ русскій народъ, религиозный пачесть этой въры. Славянофилы связывали въру въ народъ съ своими религиозными воззрѣніями. Народники отвергли религиозныя воззрѣнія славянофиловъ, но взяли религиозный характеръ ихъ въры. Ибо нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ своихъ высшихъ дѣйственныхыхъ

*) Герцель. Колоколь № 191, 1864 г.

проявленіяхъ, народничество было истинно религіознымъ движеніемъ и было воодушевлено истинно религіознымъ пафосомъ *).

Герценъ — родоначальникъ и идейный вдохновитель народничества. Чернышевскій — «великій русскій ученый», — по выраженію К.Маркса — его главный научный теоретикъ. Чернышевскій рѣдко подымается до пафоса Герцена. Его главное орудіе — беспощадный анализъ и блестящая діалектика.

Цивилизація едина. Западъ прошелъ длинный рядъ ступеней цивилизаціи. Въ своемъ восхожденіи онъ накопилъ много духовныхъ и матеріальныхъ цѣнностей. Но эти богатства были приобретены цѣною неисчислимыхъ страданій народа. И теперь масса народа погрязаетъ въ невѣжество и нищету. Накопленные цѣнности распределены дурно и несправедливо. Европа страдаетъ страшной болѣзью—«язвой пролетариата». Нѣтъ сомнѣнія, что болѣзнь будетъ исцѣлена, что эта болѣзнь «не къ смерти, а къ здоровью», но переносить настоящія свои страданія для Западной Европы все-таки тяжело, и врачеваніе этихъ страданій требуетъ долгаго времени и великихъ усилій». Европа нашла рѣшеніе для поставленнаго жизнью социальнаго вопроса, но это рѣшеніе *теоретическое*. Практическое осуществленіе его представляетъ большія трудности. «Введеніе лучшаго порядка дѣлъ чрезвычайно затруднено въ Западной Европѣ безграничнымъ расширеніемъ юридическихъ правъ отдѣльной личности. Не легко отказываться хотя бы даже отъ незначительной части того, чѣмъ уже привыкъ пользоваться, а на Западѣ отдѣльная личность привыкла уже къ безграничности частныхъ правъ. На Западѣ лучшій порядокъ экономическихъ отношеній соединить съ пожертвованіями, и потому его учрежденіе очень затруднено».—Россія стоитъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ историческаго развитія. Она сохранила почти неприкосновеннымъ бытъ, близкій къ быту патриархальному. Но самыя дурныя вещи имѣютъ хорошую сторону. «Наша исторія «свая неподвижность послужила источникомъ многихъ бѣдствій и въ настоящемъ и въ будущемъ... Но среди всѣхъ па-

*) См. *Богучарскій*: «Активное народничество семидесятыхъ годовъ». 1912 г.

Венгеровъ: «Героическій характеръ русской литературы», 1911 г.

губных слѣдствій нашей неподвижности есть также нѣчто иное... становящееся чрезвычайно важнымъ и полезнымъ». Развитие Европы породило болѣзнь, вызывающую страданія пролетаріата. У насъ сохранилось противоядіе отъ болѣзни, предохраняющее отъ страданій, видимыхъ нами на Западѣ. Мы владѣемъ спасительнымъ учрежденіемъ, драгоценнымъ обычаемъ — земельной общиной. «То, что представляется утопіею въ одной странѣ, существуетъ въ другой какъ фактъ...Тѣ привычки, проведеніе которыхъ въ народную жизнь кажется дѣломъ неизмѣримой трудности англичанину и французу, существуютъ у русскаго, какъ фактъ его народной жизни... Порядокъ дѣла, къ которому столь труднымъ и долгимъ путемъ стремятся теперь Западъ, еще существуетъ у насъ въ могущественномъ народномъ обычаѣ нашего сельскаго быта... Мы видимъ, какія печальныя слѣдствія породила на Западѣ утрата общинной поземельной собственности, и какъ тяжело возвратитъ западнымъ народамъ свою утрату. Примѣръ Запада не долженъ быть потерянъ для насъ... Да не дерзнемъ мы коснуться священнаго, спасительнаго обычая, оставленнаго намъ нашею прошедшею жизнью, бѣдность которой съ избыткомъ искупается однимъ этимъ драгоценнымъ наслѣдіемъ, — да не дерзнемъ мы посягнуть на общинное пользованіе землями, — на это благо, отъ пріобрѣтенія котораго теперь зависитъ благоденствіе земледѣльческихъ классовъ Западной Европы. Ихъ примѣръ да будетъ намъ урокомъ». Земельная община должна быть сохранена. Развивая и совершенствуя этотъ «драгоценный обычай», придетъ русскій народъ къ тому новому строю, къ которому иными путями идетъ и Западная Европа. Возраженія, указывающія на то, что община — низшая форма земельныхъ отношеній и что частная собственность, какъ это было у другихъ болѣе развитыхъ народовъ, должна смѣнить и русскую общину, несущественны. Да, частная собственность — слѣдующая за общинной ступень въ развитіи поземельныхъ отношеній. Но не высшая. За частной собственностью слѣдуетъ конечная ступень — коллективное земельное хозяйство. Слѣдовательно, частная собственность только среднее звено, только промежуточная ступень развитія. Должна ли каждая страна пройти всѣ ступени историческаго развитія?—Такого закона наука не установила. Напротивъ, наука утверждаетъ, что : 1) «по

формѣ, высшая степень развитія сходна съ началомъ, отъ котораго оно отиражается»; 2) «подъ вліяніемъ высшего развитія, котораго извѣстное явленіе общественной жизни достигло у передовыхъ народовъ, это явленіе можетъ у другихъ народовъ развиваться очень быстро, подниматься съ низшей степени прямо на высшую, минуя средніе логическіе моменты». Слѣдовательно и русская община можетъ непосредственно перейти въ высшую форму. Въ первобытности земельного строя Россіи — залогъ ея будущаго). «Исторія, какъ бабушка, страшно любить младшихъ вкучать. Та de sapientibus дасть она не осъ», *madulam ossium* разбивая которая, Западная Европа больно опябалась себѣ пальцы». Какъ и у Герцева, паюсъ Чернышевскаго — въ землѣ, крестьянскомъ бытѣ, земельной общинѣ. «Только въ русскомъ крестьянскомъ полѣ, только на русской крестьянской сходкѣ, только на русской деревнѣ отдыхаетъ сердце, становится широко. Умирите, если будетъ кужно, — умрите, какъ мученики, — умрите за сущность, какъ умирали первые христіане за форму, умрите за сохраненіе равнаго права каждаго крестьянина на землю, — умрите за общинное начало» *).

Михайловскій — послѣдній вождь народничества. Въ его идеяхъ народничество получило свое идейное завершеніе. — Въ Россіи и Европѣ должно быть свободное отношеніе. Славянофильство и западничество изжиты. Западники преклоняются передъ «сѣдной» европейской цивилизаціей, требуютъ для Россіи буквального повторенія европейскаго опыта, хотятъ сдѣлать изъ Россіи второе изданіе Европы. Славянофилы преклоняются передъ національными особенностями Россіи, вѣрятъ въ самобытный русскій духъ, гарантирующий отъ язвъ европейскихъ порядковъ, и считаютъ, что Европа какъ во вѣхъ смелалахъ не указъ. Новое направленіе должно быть выше этихъ одностороннихъ ученій (Михайловскій не любилъ называть себя народникомъ). Образовалось новое высшее «національное» не имѣющее ровно никакого значенія. Суммируя это — народъ и его интересы. «Интересы народа стали для насъ крае-

*) Н. Г. Чернышевскій. Полное собраніе сочиненій, 1906, т. III, IV, VIII.

угольнымъ камнемъ политическаго жнпленія». Надо взять изъ сокровищницы европейской цивилизаціи все, что ошъчаетъ интересы народа; надо сохранить тѣ начала русской жизни, которыя обезпечиваютъ интересы народа и могутъ послужить для его лучшаго будущаго. Повторять исторію Европы безсмысленно. Европа прошла длинный и мучительный путь развитія. Россія еще въ самомъ начальномъ періодѣ развитія. «Россія наша есть огромный зародышъ». Но «никакое общество не обязано проходить черезъ всѣ метаморфозы, которымъ подверглись его старшіе въ историческомъ порядкѣ родичи». «Мы — дѣйствующія лица неопределенной и только набросанной драмы... Допишется и поставится на сцену и наша русская драма. И мы за нее отвѣтственны, потому что мы не только дѣйствующія лица ея, а и авторы». Мы имѣемъ возможность выбирать и обязаны выбирать. «Если мы видимъ, что, напримеръ, известная комбинація обстоятельствъ порождаетъ въ Европѣ рѣзвю, то какой, съ позволенія сказать, чортъ потянетъ насъ къ этой комбинаціи». Европа шла по «органическому» пути развитія. Какъ въ организмѣ, въ Европѣ каждая функція каждой видъ занятія строго отдѣлены отъ другихъ; раздѣленіе труда доведено до крайнихъ предѣловъ. Землевлдѣніе, капиталъ и трудъ рѣзко отдѣлены другъ отъ друга. Промышленность вся сконцентрирована въ городахъ. Мужика не вездѣ можно сыскать. Зато, что касается безземельныхъ рабочихъ, то дѣло устроено самымъ «органическимъ» образомъ. Россія еще не вступила на путь органическаго развитія. Трудъ, капиталъ и землевлдѣніе еще не отдѣлены другъ отъ друга. Подавляющее большинство населенія Россіи состоитъ изъ землевлдѣльцевъ — земледѣльцевъ. Обрабатывающія промышленность не ушла изъ деревни. Мужикъ имѣетъ свой клочокъ земли; безземельный рабочий есть исключеніе. «Рабочій вопросъ въ Европѣ есть вопросъ революціонный, ибо тамъ онъ требуетъ передачи условій труда въ руки работника, экспроприація теперешнихъ собственниковъ. Рабочій вопросъ въ Россіи есть вопросъ консервативный, ибо тутъ требуется только сохраненіе условій труда въ рукахъ работника, гарантія теперешнимъ собственникамъ ихъ собственности». Степень развитія Европы высока; но типъ, характеръ развитія низокъ. Степень развитія Россіи низка, но типъ, характеръ выше европейскаго. Каковъ же бу-

детъ дальнѣйшій путь развитія Россіи? — Возможенъ путь Европы. «Но можно представить себѣ и другой ходъ вещей. Можно представить себѣ поступательное развитіе тѣхъ самыхъ экономическихъ началъ, какія и теперь имѣютъ мѣсто на громадномъ пространствѣ имперіи. Это будетъ, разумеется, опытъ небывалый, но вѣдь мы и находимся въ небываломъ положеніи. Мы владѣемъ всемъ богатѣйшимъ опытомъ Европы, ея исторіей, наукой... Наша цивилизація возникаетъ такъ поздно, что мы успѣли вдоволь насмотрѣться на чужую исторію и можемъ вести свою собственную вполне сознательно, — преимущество, которымъ въ такой мѣрѣ ни одинъ народъ въ мірѣ до сихъ поръ не пользовался». Чтобы избѣжать путь Европы, чтобы испробовать этотъ небывалый опытъ, можно идти на всякія жертвы. Слептически настроенные по отношенію къ принципу свободы, мы готовы были не домогаться никакихъ правъ для себя... «Пусть сбѣгутъ, мужика сбѣгутъ же» — вотъ какъ примѣрно можно выразить это настроеніе въ его крайнемъ проявленіи. И все это ради одной возможности въ которую мы всю душу клали; именно возможности непосредственнаго перехода къ лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадію европейскаго развитія, стадію буржуазнаго государства. Мы вѣрили, что Россія можетъ проложить себѣ новый историческій путь, особый отъ европейскаго... Этой вѣрой въ «особый» путь Россіи — какъ все народничество — и жилъ Михайловскій. У него не было увѣренности, что это путь неизбежный. Но онъ считалъ, что это путь возможный. И вмѣстѣ со всемъ народничествомъ напугалъ свою волю, чтобы Россія пошла по этому пути. Вмѣстѣ съ вѣрой въ особый путь Россіи — вѣра въ русский народъ, каждая уйти въ него, раствориться въ немъ. «О, еслибы я могъ утонуть, расплыться въ этой сбрѣй, грубой массѣ народа, утонуть безповоротнo, но сохранивъ тотъ слѣточекъ истины и идеала, какой мнѣ удалось добыть насчетъ того же народа!» «Вся программа настоящаго времени, всѣ его стремленія, желанія и цѣли, всѣ руководящіе принципы семидесятыхъ годовъ, словомъ — все ихъ profession de foi можетъ быть исчерпано двумя словами: русский народъ». — Таковъ логическій ходъ развитія возрѣвшаго Михайловскаго. Онъ начинается съ отрицанія проблемы — Россія и Западъ. Высшимъ критеріемъ онъ ставитъ интересы наро-

да, трудящихся массъ. И какъ будто противъ своей воли, почти незамѣтно возвращается къ вѣковой проблемѣ русскаго самосознанія. Россія и Западъ снова встаютъ другъ противъ друга. Пути Россіи и Запада различны. Различны и «стихи» развитія. У Россіи свой, особый путь развитія и темъ ее болѣе высокій, чѣмъ западный...»).

Другіе идеологи народничества — П. Лавровъ, В. В., Николай-оноу — внесли мало новаго въ народническое міросозерцаніе. Сила Лаврова — не въ новизнѣ и оригинальности его идей. Его сила — въ большой научной эрудици и въ моральномъ авторитетѣ его личности. В. В. и Николай-оноу развивали, преимущественно, экономическую сторону народническаго ученія.

Высшія достиженія народничества — не въ его идейныхъ вождяхъ. Высшія достиженія народничества — въ его «пропагандистахъ» и борцахъ, въ его герояхъ и мученикахъ. Вѣра въ русскій народъ, въ его социальныя начала, въ его особые пути, въ его великое будущее наполняла сердца народниковъ великимъ энтузіазмомъ и вела къ подвиги исключительной красоты. — «Хотятъ сдѣлать изъ Россіи Англію и напитать насъ англійской зрѣлостью. Но развѣ Россія имѣетъ что-нибудь общаго съ Англіей? Нѣтъ, мы не хотимъ англійской экономической зрѣлости.

Нѣтъ, нѣтъ, нашъ путь иной,
И крестъ не намъ нести...

Пусть несутъ его Европа. Да и кто можетъ утверждать, что мы должны идти путемъ Европы, путемъ какой-нибудь Саксоніи или Англіи, или Франціи?... Почему Россія не придетъ еще къ новымъ порядкамъ, неизвѣстнымъ даже и Америкѣ? Мы не только можемъ, мы должны прийти къ другому. Въ нашей жизни лежатъ начала, вовсе неизвѣстныя европейцамъ... Развѣ экономическія, земельныя условія Европы тѣ же самыя, что и у насъ? Развѣ у нихъ существуетъ и возможна земледѣльская община? Развѣ у нихъ каждый крестьянинъ и каждый гражданинъ можетъ быть земельнымъ собственникомъ? Нѣтъ. А у насъ можетъ... Мы народъ

*) *Михайловскій*. Полное собраніе сочиненій, т. I, III, IV, V, VII, 1909. „Отклики“, т. I.

ваповдакий и въ этомъ наше спасеніе. Мы должны благословить судьбу, что все жиди движію Европы... Мы изъедемъ политическую возможность небыгвуть жалкой участи Европы настоящаго времени. Мы жокже на небытъ поселенцевъ; намъ ломать печеро. Оста- димте наше народное море въ море, какъ оно есть... Европа не по- нимаетъ, да и не можетъ понять нашихъ социальныхъ стремленій; знамте она намъ не учитель въ экономическихъ вопросахъ. Ни- кто не идетъ какъ даждо въ отрицаніи, какъ мы русскіе. А отчего это? Оттого, что у насъ дѣтъ политическаго прошлаго, мы не свя- заны никакими традиціями, мы стоимъ на повниѣ... Вотъ отчего у насъ дѣтъ страха передъ будущимъ, какъ у Западной Европы; вотъ отчего мы смѣло идемъ навстрѣчу революціи; мы даже же- лаемъ ея. Мы вѣримъ въ свои свѣжія силы; мы вѣримъ, что приз- ваніи внести въ исторію новое начало, сказать свое слово. Безъ вѣ- ры дѣтъ спасенія; а вѣра наша въ наши силы велика» *). «Да, вѣра въ будущее у всѣхъ насъ было тогда много. Мы ощущали въ себѣ присутствіе необычайной силы, и это сознаніе силы покоя- лось у насъ на вѣрѣ въ народъ.» **) «Ничего подобнаго не было ни раньше, ни послѣ. Казалось, тутъ дѣйствовало скорбе какое- то откровеніе, чѣмъ пропаганда... Точно какой-то могучій кликъ, исходившій неизвестно откуда, пропелся по странѣ, призывая всѣхъ, въ комъ была живая душа, на великое дѣло спасенія роди- ны и человѣчества. И всѣ, въ комъ была живая душа, отзывались и шли на этотъ кликъ, ... отдавались движенію съ тѣмъ восторжен- нымъ энтузіазмомъ, съ той горячей вѣрой, которая не знаетъ пре- пятствій, не мѣряетъ жертвъ и для которой страданія и гибель являются самымъ жгучимъ, непреодолимымъ стимуломъ къ дѣя- тельности... Движеніе это едва ли можно назвать политическимъ. Оно было скорѣе какимъ-то крестовымъ походомъ, отличающъ впол- нѣ заразительнымъ всеобщающимъ характеромъ религиозныхъ движеній... Типъ пропагандиста 70-хъ годовъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые выдвигаются скорѣе религиознымъ, чѣмъ револю- цionными движеніями. Соціализмъ былъ его вѣрой, народъ — его

*) «Къ молодому поколѣнію». 1861 г. Прокламація М. Л. Михай- лова. Матер. для исторіи револ. движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ. Paris, 1905 г.

**) *Дебагоріи-Мокривичъ*. Воспоминанія.

божествомъ*)). Если послѣ этихъ показаній могутъ еще оставаться какія либо сомнѣнія о характерѣ народническаго движенія, они должны сложиться передъ живымъ голосомъ старой народницы, съ пророческой силой прозвучавшимъ въ наши дни:

«...Родина наша, наша великая Россія, несетъ въ себѣ безсмертныя силы, призывающія міръ людской къ новой и лучшей жизни. Не умерла и не умретъ она, вынося на груди своей все муки искупленія человечества. Какъ гигантскій костеръ, пылающій на глазахъ всего свѣта, Россія мученіями своими, своими исканіями правды освѣщаетъ все стороны жизни страны и народовъ и требуетъ пересмотра всехъ вопросовъ, входящихъ въ составъ исторіи судебъ человечества. Преклонимся же долу предъ рокомъ Родины нашей и будемъ всеми духовными и тѣлесными силами нашими служить выполненію предназначеннаго ей обновленія міровой жизни...

...Дѣти мои, мои родные внуки!

Члены народнической партіи социалистовъ-революціонеровъ!

Идемъ и мы, какъ шли наши учителя, сложившими рядами, не зная страха и упрека, на тотъ тернистый путь, что надлежитъ расчищать предъ смертельными усиліями вступившихъ Правды.

Все въѣдетъ за Святую Россію!**)»).

Толстой и Достоевскій — вершины русскаго самосознанія. И вмѣстѣ съ тѣмъ высочайшія достиженія міроваго духа. Гения не укладываются ни въ одно «направленіе» — даже ими созданное. И было бы наспіемъ укладывать Толстого и Достоевскаго въ одно изъ направленій русскаго самосознанія. И тѣмъ не менѣе: то, чѣмъ жило было русское самосознаніе за вѣковую періодъ, наполнило и сознаніе Толстого и Достоевскаго. Достоевскій весь пронизанъ вѣрой въ русскій народъ, въ его особые пути, въ его міровое назначеніе. Спокойно и безъ страсти вѣрилъ въ это и Толстой. Въ этомъ смыслѣ они народники. Еще ближе стоитъ Достоевскій къ славянофильству. — Трудно чужими словами налагать взгляды Толстого и Достоевскаго. Но и братнія выдержки изъ ихъ твореній свидѣтельствуютъ непреложно.

«Мы дѣти земля». «Русскій народъ, по своему земледѣльче-

*) *Кравчинскій*. «Подпольная Россія».

**) *Воля Россіи*. 30 ноября 1920 г. № 66. Письмо Екат. Брешковской.

своему положенію, по своей любви къ этой формѣ жизни, по своему христіанскому складу характера, по тому, что онъ почти одинъ изъ европейскихъ народовъ продолжаетъ быть земледѣльческимъ народомъ и желаетъ оставаться имъ, — какъ будто умышленно поставленъ исторической судьбой такъ, чтобы въ разрѣшеніе того, что называется рабочимъ вопросомъ, стать во главѣ истинно прогрессивнаго движенія человѣчества». «Мы въ Россіи находимся въ томъ счастливомъ положеніи, что огромное большинство нашего народа, живя земельнымъ трудомъ, не признаетъ земельной частной собственности и желаетъ и требуетъ уничтоженія этого стараго злоупотребленія, и не перестаетъ высказывать это». «Нѣ думаю, что разрѣшеніе этого великаго, всемірнаго грѣха, разрѣшеніе, которое будетъ орой въ исторіи человѣчества, предстоить именно русскому, славянскому народу, по своему духовному и экономическому складу предназначенному для этого великаго, всемірнаго дѣла, — что русскій народъ не опролетариться долженъ, подражая народамъ Европы и Америки, а, напротивъ, разрѣшить у себя земельный вопросъ упраздненіемъ земельной собственности и указать другимъ народамъ путь разумной, свободной и счастливой жизни, внѣ промышленнаго, фабричнаго, капиталистическаго насилія и рабства, — что въ этомъ его великое историческое призваніе». «...Русскій народъ всегда иначе относился къ власти, чѣмъ европейскіе народы. Русскій народъ никогда не боролся съ властью и, главное, никогда не участвовалъ въ ней, не развращался участіемъ въ ней. Русскій народъ всегда смотрѣлъ на власть не какъ на благо, къ которому свойственно стремиться каждому человѣку, какъ смотритъ на власть большинство европейскихъ народовъ..., но смотрѣлъ всегда на власть, какъ на зло, отъ котораго человѣкъ долженъ устраняться... Причина такого отношенія русскаго народа къ власти — я думаю — заключается въ томъ, что въ русскомъ народѣ, больше чѣмъ въ другихъ народахъ, удержалось истинное христіанство, какъ ученіе братства, равенства, смиренія, любви, то христіанство, которое дѣлаетъ рѣзкое различіе между подчиненіемъ насилію и повиновеніемъ ему». «Безсмысленныя и губительныя вооруженія и войны и лишеніе народа общаго права на землю, таковы, по моему мнѣнію, причины предстоящаго всему христіанскому міру переворота. Начи-

нается же этот переворот не гдѣ-нибудь, а именно въ Россіи, потому, что нигдѣ, какъ въ русскомъ народѣ, не удержалось въ такой силѣ и чистотѣ христіанское мировоззрѣніе, и нигдѣ, какъ въ Россіи, не удержалось еще земледѣльческое состояніе большинства народа». «Вслѣдствіе своей земледѣльческой жизни, вслѣдствіе отсутствія обмана самоуправленія и, главное, вслѣдствіе удержавшагося въ немъ христіанскаго отношенія къ насилию, русский народъ... прежде другихъ народовъ почувствовалъ главныя причины бѣдствій христіанскаго человечества нашихъ временъ, и потому именно среди него начинается тотъ великій переворотъ, который предстоить всему человечеству и который одинъ можетъ спасти его отъ его ненужныхъ страданій *)».

«Мы вѣруемъ, что русская нація — необыкновенное явленіе въ исторіи всего человечества». «Россія... есть нѣчто совсѣмъ самостоятельное и особенное, на Европу совсѣмъ не похожее и само по себѣ серьезное». «До-петровская Россія понимала, что несетъ внутри себя драгоценность, которой нѣтъ нигдѣ больше — Православіе, что она — хранительница Христова образа, затемнившася во всѣхъ другихъ вѣрахъ и во всѣхъ другихъ народахъ». «Можетъ быть, главнѣйшее предызбранное назначеніе народа русскаго въ судьбахъ всего человечества и состоитъ лишь въ томъ, чтобы сохранить у себя этотъ божественный образъ Христа во всей чистотѣ, а когда придетъ время, — явить этотъ образъ міру, потерявшему пути свои». «Если я вижу гдѣ зерно или идею будущаго — такъ это у насъ, въ Россіи. Почему такъ? А потому, что у насъ есть и по сихъ поръ уцѣлѣлъ въ народѣ одинъ принципъ и именно тотъ, что земля для него *все*, и что онъ все выводитъ изъ земли и отъ земли... Русский человекъ съ самаго пачала и никогда не могъ и представить себя безъ земли. Уже когда свободы безъ земли не хотѣлъ принять, а значитъ, земля у него прежде всего, въ основаніи всего, земля — все, а уже изъ земли у него и все остальное, то-есть, и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и дѣтишки, и порядокъ, и церковь — однимъ словомъ, что есть драгоценнаго. Вотъ изъ-за формулы-то этой онъ и такую вещь, какъ

*) Л. Толстой. Сочиненія, т. IV 1893 г. — «Конецъ Вѣка», 1905 г. — «Великій Грѣхъ», 1905 г.

община, удержалъ...» «Я во многомъ убѣжденъ чисто славянофильскихъ, хотя, можетъ быть, я не вполне славянофильскъ... Славянофильство... означаетъ и заключаетъ въ себѣ духовный союзъ и духъ върутающа въ то, что великая наша Россія, во главѣ объединенныхъ славянъ, скажетъ всему міру, всему европейскому человечеству и цивилизаціи его свое новое, ядровое и еще несмысленное міромъ слово. Слово это будетъ сказано во благо и во истину уже въ соединеніе всего человечества новыми, братскими, всемірными союзами, начала которыхъ лежатъ въ линіи Славянъ, а преимущественно въ духъ великаго народа русскаго, столь долго сарадавашаго, столь много вѣковъ обреченнаго на жолчаніе, но всегда заключающаго въ себѣ великія силы для будущаго развѣтвленія и разрѣшенія многихъ горькихъ и самыхъ роковыхъ недоразумѣній западно-европейской цивилизаціи. Вотъ къ этому-то отдѣлу убѣжденныхъ и вѣрующаго принадлежу и я».

«Да, назначеніе русскаго человека есть безспорно всевропейское и всемірное. Стать настоящимъ Русскимъ, стать вполне Русскимъ, можетъ быть, и значить только... стать братомъ всѣхъ людей, *всечеловѣкомъ*, если хотите... Для настоящаго Русскаго Европа и удѣлъ всего великаго Арійскаго племени такъ же дорога, какъ и удѣлъ своей родной земли, потому что имѣетъ удѣлъ и есть всемірность, и не мечемъ приобретенная, а силой братства и братскаго стремленія нашего къ воссоединенію людей... О, народы Европы и не знаютъ, какъ они намъ дороги! И иностранцы, и вѣрю въ это, мы, то-есть, конечно, не мы, а грядущіе русскіе люди, забудутъ уже все до единого, что стать настоящими Русскими и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже оковчательно, указать исходы европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣческой и все-соединяющей, вынести въ нее съ братскою любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ, можетъ быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христу въ евангельскому заповѣду!.. Но всемірному, но всечеловѣческому братскому единенію сердце русское, можетъ быть, изъ всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено, вижу силы сего въ нашей исторіи, въ нашихъ даровитыхъ людяхъ, въ художественномъ гениі Пупкина. Пусть наша земля

тница, но эту тинную землю «въ рабскомъ видѣ исходила благословляя Крестомъ»^{*)}).

Славянофилы утверждали Россію во всей ея полнотѣ. Русскія начала — духовныя, государственныя, социальныя — принимались, какъ нечто цѣлое, вытекающее изъ основного начала — религіознаго. Народничество — славянофильство *одностороннее*. Оно разрушило двѣлестное пониманіе «русскихъ началъ», приняло одни начала — социальныя и вытекающія изъ нихъ духовныя — и отбросило другія — государственныя и религіозныя. Такимъ же одностороннимъ — духовнымъ, религіознымъ — славянофильствомъ является и другое теченіе русскаго сознанія — идеалистическое. Русское идеалистическое движеніе не аскетизмъ; оно утверждаетъ «плоть», материю, прогрессъ, общественность. Не плоть его — въ духѣ, въ религіи. И на основаніи вопроса русскаго сознанія — Россія и Западъ; пути Россіи; будущее Россіи — оно отвѣчаетъ, прежде всего, въ плоскости духа и религіи. На вопросы о государственныхъ и социальныхъ путяхъ Россіи отвѣтъ его смутны и часто противорѣчивы.

Духовный глава идеалистическаго теченія — Владимиръ Соловьевъ. — Существуетъ только одна общечеловѣческая культура, какъ одна для всѣхъ истина, одна справедливость, одно Божество. И Россія, и Западная Европа принадлежатъ къ этой единой общечеловѣческой культурѣ. Россія обладаетъ великими и самобытными духовными силами, но для проявленія ихъ нужно принять и дѣлательно усвоить тѣ общечеловѣческія формы жизни и знанія, которыя выработаны Западной Европой. Но отношеніе Россіи къ Западу не можетъ быть ученическимъ, рабскимъ. Роль Россіи дѣйствительна, активна. Россія должна сказать міру новое слово. Россія имѣетъ въ мірѣ *религіозную задачу*. Между Востокомъ и Западомъ существуетъ великій споръ, который проходитъ черезъ всю жизнь человѣчества. Споръ этотъ принялъ форму раскола церквей, борьбу между католичествомъ и православіемъ. Русскій идеалъ — *святая Русь*. *Святая Русь требуетъ святого дѣла*. Ея святая обязанность

^{*)} Достоевскій. Полное собраніе сочиненій. 1906. т. IX, X, XI. «Дневникъ Писателя».

быть посредницей, примирительницей двухъ церквей. Новое слово Россіи — религіозное примиреніе Востока и Запада въ богочеловѣческомъ единствѣ вселенской церкви. Россія — посетительница идеи вселенской церкви. Вселенская церковь воплотитъ на землѣ вѣрный образъ божественной Троицы, соединитъ въ себѣ три главныхъ дѣйствующихъ силы: духовный авторитетъ вселенскаго первосвященника (римскій Папа); свѣтскую власть національнаго государя (русскій императоръ); свободное служеніе пророка. «Русская идея, историческій долгъ Россіи требуетъ отъ насъ признанія нашей неразрывной связи съ вселенскимъ семействомъ Христа и обращенія всѣхъ нашихъ національныхъ дарованій, всей мощи нашей имперіи на окончательное осуществленіе социальной троицы, гдѣ каждое изъ трехъ главныхъ органическихъ единствъ, церковь, государство и общество, безусловно свободно и державно, не въ отъединеніи отъ двухъ другихъ, поглощая или истребляя ихъ, но въ утвержденіи безусловной внутренней связи съ ними. Возстановить на землѣ этотъ вѣрный образъ божественной Троицы — вотъ въ чемъ русская идея» *).

Д. Мережковский. — «Съ русской революціей рано или поздно придется столкнуться Европѣ, не тому или другому европейскому народу, а именно Европѣ, какъ цѣлому — съ русской революціей или русской анархіей... Во всякомъ случаѣ, уже и теперь ясно, что эта — игра опасная не только для насъ, русскихъ, но и для васъ, европейцевъ... Мы горимъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но что мы одни будемъ горѣть и васъ не подожжемъ, такъ же ли это несомнѣнно... Мы похожи на васъ, какъ лѣвая рука похожа на правую: правая не совпадаетъ съ лѣвой въ одной и той же плоскости: надо перевернуть одну, чтобы онѣ совпали. Что у васъ, то и у насъ, но обратно; мы — вы наизнанку. Говоря Кантовскимъ языкомъ, ваша область — феноменальное, наша — трансцендентное; говоря языкомъ Ницше — въ васъ Аполлонъ, въ насъ — Дионисъ; зашь геній — мѣра; нашъ — чрезмѣрность. Вы умѣете останавливаться во-время; доходя до стѣны, обходите или возвращаетесь; мы разбиваемъ себѣ голову объ стѣну. Намъ трудно сдвинуть, но,

*) *Вл. Соловьевъ. Собраніе сочиненій, т. V. «Россія и Вселенская Церковь». М. 1911. «Русская Идея». М. 1911.*

разъ мы сдвинулись, намъ нѣтъ удержу — мы не идемъ, а бѣжимъ; не бѣжимъ, а летимъ, не летимъ, а падаемъ, и притомъ «сверхъ пятами», по выраженію Достоевскаго... Мы — ваша опасность, ваша язва, жало сатаны или Бога, данное вамъ въ плоть. Вы еще отъ насъ пострадаете, но, въ послѣднемъ счетѣ, къ общему благу, потому что мы другъ другу нужны, какъ лѣвая рука нужна правой. Русская революція такъ же абсолютна, какъ отрицаемое ею самодержавіе. Ея сознательный эмпирический предѣлъ — социализмъ, бессознательный, мистическій — безгосударственная религіозная общественность. Еще Бакуининъ предчувствовалъ, что окончательная революція будетъ не народною, а всемірною. Русская революція — всемірная. Когда вы, европейцы, это поймете, то броситесь тушить пожаръ. Но берегитесь: не вы насъ потушите, а мы зажжемъ васъ... Мы вѣримъ, что рано или поздно, дойдетъ и до нихъ громовой гласъ русской революціи, въ которомъ зазвучитъ надъ старымъ европейскимъ кладбищемъ труба архангела, возвѣщающая судъ и воскресеніе мертвыхъ*).

Бердяевъ. — «Россия стоитъ въ центрѣ Запада и Востока, какъ бы соединяетъ два міра, два разныхъ устремленія, двѣ формы религіозности». «Россия по фактическому своему положенію въ мірѣ и по своей задачѣ въ мірѣ есть великій Востокъ-Западъ, она стоитъ въ центрѣ двухъ міровъ, двухъ всемірно-историческихъ потоковъ. По всей своей исторіи, по всему своему складу она принадлежитъ и Европѣ и Азіи, и Западу и Востоку, она соединяетъ въ себѣ два противоположныхъ начала. Россия призвана приобщить къ европейской культурѣ совершенно новое начало и этимъ расширить и углубить ее... Россия сознательно должна быть великимъ Востокъ-Западомъ, соединителемъ двухъ міровъ. Миссія России — приведеніе человѣческой культуры къ единству, ея окончательная универсализація, выведеніе ея за предѣлы замкнутой и самодавлѣющей Европы». «Въ России бьется пульсъ религіозной жизни міра, въ ней развязываются старыя живыя связи церкви съ государствомъ и завязываются новыя богочеловѣскія связи. Россия отразила татарщину и спасла Европу и міровую культуру,

*) *Мережковскій*. Полное собраніе сочиненій. т. X. 1911. «Не миръ но мечь».

облившись кровью, пожертвовавъ своимъ культурнымъ развитіемъ. Теперь стоять передъ нами новая задача *)).

Чаадаевъ, Герцены, Тихостой, Достоевскій, славянофилы, «вернувшіеся на родину» западники, народники, идеалисты — все это лики одного и того же русскаго сознанія, въ глубинѣ своей всегда самому себѣ равнаго, всегда самому себѣ томдествешнаго. На поверхности русское сознаніе кажется разорваннымъ, раздвоеннымъ, мягущимся между «Россіей» и «Западомъ»; кажется, что въ немъ «двѣ души». Но это только на поверхности. Въ подлинной глубинѣ русское сознаніе едино и цѣльно. Въ немъ одна думъ, одна идея, одна вѣра — русскій народъ, его особые пути, его особое назначеніе въ Человѣчествѣ. Нельзя понять русское сознаніе за вѣковой періодъ, не понимая этого, не заглянувъ въ его «душу».

Конецъ 19-го вѣка — новый расцвѣтъ западничества. Русскій марксизмъ — подлинное западничество, болѣе полное и безоговорочное, чѣмъ западничество 40-хъ годовъ. Основная причина возрожденія западничества — разгромъ народническаго движенія. Народническое движеніе потеряло двойное пораженіе: оно было разбито правительствомъ и не принято «народомъ». И это двойное пораженіе произвело огромное впечатлѣніе на русское общество. Вѣра въ «народъ» померкла. И вмѣстѣ съ вѣрой въ русскій народъ померкла вѣра въ его особые пути, въ его великое будущее. Русскій народъ совсѣмъ не «особенный»; и пути его не «особые». Онъ просто молодой и неразвитой народъ, отставшій отъ своихъ старшихъ братьевъ. Выходъ для него одинъ — утѣться у болѣе развитыхъ народовъ, пройти съ самаго начала пути Европы. Миръ окружающихъ живя — какъ въ 40-хъ годахъ — еще болѣе усиливаетъ тягу къ Западу. «Дома то черное, страшно». Такки пути Запада. Но Западъ вѣрнѣе шагомъ идетъ къ лучшему будущему. Западъ въ чревѣ своемъ несетъ новый социальный строй. Исполнятся сроки, и новый строй явится на свѣтъ. Зачѣмъ же Россія, имѣя передъ собой испытанные пути Запада, искать новыхъ «особыхъ» путей. Да «особые» пути и не возможны.

*) *Бердяевъ*. «Духовный кризисъ интеллигенціи». Петр. 1900. «Россія и Западная Европа». Русская Мысль 1917. Май — июнь.

Законы истории обязательны для всех народов. Пути Запада — общие пути исторического развития. Рано или поздно все народы, все страны пройдут ими. Невозможно они и для России. Россия уже вступила на путь Запада — на путь капиталистического развития — и она пройдет его до конца. Но это путь не только неизбежный, он и желательный. Капитализм не только разрушает, он и творит. При капитализме производство достигает небывалых до этого размеров. Капитализм эксплуатирует трудящиеся массы; но в то же время он организует новую «пролетарскую» армию, зарыле плуги которой слышались на Западе. Вступив на путь капитализма, Россия — как и Запад — неизбежно придет к социалистическому строю. Марксизм — конечный бодрый призывом: на Запад! «Признаем нашу культуру и пойдем на встречу к капитализму».

Путь развития нового западничества еще не заключен. Марксизм еще весь в жизни, в борьбе. Давать его оценку еще труднее, чем оценку народничества — у народничества уже есть свое историческое происхождение, линии и действующие влияния связанные с настоящим. Только будущий историк сумеет беспристрастно вскрыть лучший круг развития марксизма. И тем не менее, уже и теперь можно сказать, что судьбы нового западничества мало чем отличаются от судьбы западничества 40-х гг. Как и западники 40-х гг., марксисты 90-х годов одерживали победы над своими противниками и привлекали к себе широкую круги общественности. Но, как и в 40-х годах, идеи противников — славянофилов, народников, идеалистов — беззастенчиво бросались в лагерь марксистов и почти до конца разлагали и «перерождали» марксизм. Как и западничество 40-х годов, новое западничество было «взорвано» изнутри. Один за другим новые западники «возвращаются на родину». Сама марксистская доктрина бледной тенью отражает первоначальные западные образцы. В старых формах бытует новое содержание. Идеологии начала 20-го века, на три четверти «перерожденные» марксисты. Из «двенадцати апостолов» идеализма, пять выжили из марксистского лагеря. Из семи авторов «Визы» только один — Гершензон — по «марксисты». Струва, Тугань-Барановский, Булгаков, Бердяев, Франк — все это, как это ни трудно теперь

себѣ представить, старые идейные вожди марксизма. Перейдя въ лагерь идеалистовъ, только одинъ изъ нихъ — Петръ Струве — сохранилъ до конца «западничество». Но и оставаясь западникомъ, онъ вернулся на родину съ идеей новаго національнаго сознанія и идеей «Великой Россіи». Другое теченіе марксизма — «ортодоксальное», — не поддавшееся подъ вліяніе идеализма, очень быстро начало перерождаться подъ вліяніемъ народничества. Принявши народническія земельныя программы — муниципализацію, націонализацію, социализацію — и согласившись признать крестьянство «революціоннымъ классомъ» — въ странѣ, гдѣ подавляющее число населенія крестьянство и гдѣ преобладающее хозяйство земледѣльческое — оно тѣмъ самымъ признало «особыя» русскія начала и «особые» пути развитія Россіи. Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ большевистскаго опыта, оно все больше склоняется къ мнѣнію, что Россія предстоить и «особое» будущее.

*
* *

Таковы пути русскаго самосознанія за вѣковой періодъ — періодъ напряженнаго творчества и удивительнаго духовнаго расцвѣта. Приведенныя «показанія» взяты исключительно изъ области публицистики и далеко несовершенно отражаютъ русское сознаніе. Образцы литературы и поэзіи дали бы картину болѣе яркую и еще болѣе убѣдительную. Но и бѣглое и неполное «перелистываніе» русскіхъ авторовъ непреложно свидѣтельствуетъ объ одномъ: русское сознаніе живетъ одной идеей, одной вѣрой. Въ центрѣ сознанія — проблема: Россія и Западъ. Рѣшеніе проблемы:

Россія — страна особенная;

У Россіи — особые пути;

Россія скажетъ міру новое слово.

У нѣкоторыхъ направленій и авторовъ идея принимаетъ *мес- сіанскій* характеръ, вѣра подымается до религіознаго пафоса; у другихъ — идея развивается спокойно, порою въ научныхъ выраженіяхъ. Но въ существѣ своемъ это все одна и та же идея, только различно воплощаемая. — Въ чужь тайна непреодолимой силы

этой идеи? Что это — бредъ, массовое помѣшательство, «навязчивалъ» идея? Думать такъ — значитъ ставить крестъ надъ русскимъ народомъ, надъ русскимъ сознаниемъ. Такой вѣковой бредъ указывалъ бы на неизлѣчимую болѣзнь сознания. Помѣшательство неизбежно кончилось бы духовной смертью. Не можетъ удовлетворить и другое, часто встрѣчающееся объясненіе: это — болѣзнь «роста», ее пережили и другіе народы — поляки, вѣмцы, чехи, скандинавы. «Культурная исторія Европы за послѣднія два столѣтія показываетъ, что почти ни одна страна не обошлась въ свое время безъ движенія, вполне схожаго съ славянофильствомъ. Сентиментальное поклоненіе старинѣ, исчапіе только въ ней одной величайшихъ доблестей, мистическій отбѣнокъ національной гордости, грезы о всемірно-историческомъ призваніи... — такова программа всѣхъ этихъ сектъ»^{*)}). Такой отвѣтъ не отвѣчаетъ на поставленный вопросъ. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы объяснить славянофильское или какое-либо иное романтическое національное теченіе. Надо объяснить, почему *все* русское сознание, *все* теченія — не только романтическое славянофильское, но и трезвыя западническія — неизбежно проникались одной и той же идеей, неизбежно поражались все той же «болѣзнью»? Чехи, поляки и вѣмцы тутъ дѣлу помочь не могутъ. И если бы еще у какого-нибудь народа было установлено подобное явленіе, оно требовало бы также особаго объясненія. Русская мысль должна упорно искать отвѣта на поставленный вопросъ. Тайна русскаго сознания должна быть разгадана. Великая русская революція поставила великія грѣхи. Нельзя начинать возрожденія Россіи безъ яснаго національнаго самосознанія. И нельзя прояснить свое національное сознание, не уловивъ его основной идеи, не полавъ пройденныхъ путей, не связавъ себя съ пройденнымъ крѣпкими духовными нитями. Россія — не «листъ бѣлой бумаги». Было бы безуміемъ возрождать Россію, начиная все съ начала. Задача момента — понять пройденное, отбросить пережитое, сберечь живое зерно и растить его на перепашанной почвѣ къ новой жизни.

И. Бунаковъ.

*) А. Веселовскій. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ 3-е изд. 1906. стр. 203.

Америка противъ Англии.

(Соперничество между торговыми флотами Англии и Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ).

Еще не настало время для научно обоснованныхъ оцѣнокъ и формулировокъ экономическихъ и финансовыхъ послѣдствій мировой войны. Разрушенныя войною міровыя экономическія и политическія связи едва только на нашихъ глазахъ начинаютъ восстанавливаться, процессъ восстановленія идетъ медленно и сопровождается рядомъ болезненныхъ явленій, особенно въ государствахъ наиболее сильно пострадавшихъ отъ мировой войны. Восточная Европа еще объята пламенемъ революціоннаго пожара. Возникшія на развалинахъ прежнихъ государственныхъ образований новыя государства едва только начинаютъ жить самостоятельной жизнью, мучительно, въ большинствѣ случаевъ, переживая эти первые годы своего независимаго бытія. Мирные трактаты, призванные намѣтить и регулировать политическую и экономическую жизнь Европы, или совсѣмъ опрокинуты жизнью или же требуютъ дальнѣйшихъ коррективовъ, добавленій, часто совершенно искажающихъ первоначальный ихъ смыслъ.

Въ этой атмосферѣ политической, экономической и социальной неустойчивости едва только начавшейся кристаллизаціи новыхъ политическихъ и экономическихъ отношеній, созданныхъ войною, нѣтъ еще мѣста для формулированія широкихъ экономическихъ обобщеній и для научнаго обоснованія тенденціи будущаго.

Тѣмъ не менѣе рядъ фактовъ и явленій современной экономической дѣйствительности уже нынѣ даетъ чрезвычай-

но цѣнный матеріалъ для сужденія о структурѣ будущихъ мировыхъ экономическихъ группировокъ.

Къ этой области экономическихъ фактовъ слѣдуетъ отнести и тѣ намѣненія, которыя испытало распределеніе мирового тоннажа подъ вліяніемъ великой войны.

Мы выдѣляемъ въ первую очередь проблему мирового тоннажа въ виду того исключительнаго значенія, которое имѣетъ торговый флотъ какъ для всего мирового хозяйства, такъ и для народнаго хозяйства отдѣльныхъ государствъ.

Наличіе мощнаго торговаго флота является совершенно необходимымъ условиемъ для промышленныхъ странъ, стремящихся играть мировую роль. Не говоря уже о военно-политическомъ значеніи торговаго флота, безъ коего совершенно невозможна колониальная политика болѣе или менѣе широкаго масштаба, опытъ современной войны показалъ, что безъ торговаго флота національное хозяйство не можетъ быть обеспечено необходимымъ ему сырьемъ и предметами питанія. Активное участіе въ мировой торговлѣ, борьба за мировые рынки, реализація экспортной политики, всѣ эти задачи требуютъ для своего осуществленія достаточно сильнаго торговаго флота.

Но помимо этихъ политическихъ и экономическихъ факторовъ, вліяніе торговаго флота сказывается и на финансовомъ положеніи страны. Платежи по фрахтамъ, въ случаѣ необходимости прибѣгать къ услугамъ иностраннаго флага для ввоза изъ заграницы товаровъ, отягчаютъ платежный балансъ страны и обратно, наличие крупнаго торговаго флота позволяетъ странѣ не только осуществить значительную часть своихъ перевозокъ на своихъ судахъ, но, какъ это имѣетъ мѣсто, напр., въ Англіи, Голландіи, Норвегіи и другихъ государствахъ, осуществлять перевозки и за счетъ другихъ государствъ, причемъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ плата за перевозки входить въ составъ расчетнаго Баланса страны со знакомъ плюсъ составляя то, что французы называютъ невидимымъ экспортомъ государства.

Проблему распределенія мирового тоннажа мы постараемся главнымъ образомъ рассмотреть въ плоскости намѣчающейся въ мировомъ масштабѣ борьбы за экономическое верховенство между С.-А. С. Штатами и Великобританіей, борьбы, которой мировая война дала особенно рѣзкій толчокъ и которую она наполнила своимъ особымъ содержаніемъ.

ТОРГОВЫЙ ФЛОТЪ ВЕЛИКОБРИТАНИИ.*)

Къ моменту европейской войны торговый флотъ Англии, составляя 40% всего мірового тоннажа, состоялъ изъ судовъ наиболѣе современной конструкціи, имѣлъ прекрасную техническую и торговую организацію во всемъ мірѣ и, опираясь на рационально обдуманную систему угольныхъ станцій, являлся могучимъ факторомъ англійскаго мірового вліянія.

Приведенная таблица даетъ распрежденіе мірового тоннажа до войны (учтены лишь суда съ водоизмѣщеніемъ свыше 1.600 тоннъ)

	Тоннажъ (нетто)	%
Великобританія	11.538.000	44,4
Англійскія колоніи	902.000	3,5
Германія	3.096.000	11,9
Соединенные Штаты	1.195.000	4,6
Норвегія	1.153.000	4,4
Франція	1.098.000	4,2
Японія	1.048.000	4
Голландія	910.000	3,5
Италія	871.000	3,4
Другія страны	4.179.000	16,1
	<hr/> 25.990.000	<hr/> 100

Суда англійскаго торговаго флота до войны принадлежали къ двумъ основнымъ типамъ, такъ называемые *liners*, быстроходныя пассажирскія суда, поддерживающія регулярныя почтовые и товаро-пассажирскія сообщенія между отдѣльными портами, и *tramp's* суда, не связанныя регулярными рейсами, могущія быть зафрахтованными для путешествія въ любой портъ земного шара.

Утвердившееся до войны доминирующее положеніе англійскаго торговаго флота въ міровомъ хозяйствѣ помимо чисто историческихъ причинъ объясняется спеціальными условіями, въ которыхъ находилась Великобританская Имперія. Громадное государство, разбросанное по всему міру, съ прекрасно оборудованными портами и съ тѣсной сѣтью угольныхъ станцій. Необходимость получать моремъ почти двѣ

*) Смотри: Reports of the Shipping and Shippbuilding Industries after the War (First, Second and Final Report).

трети всего количества нужныхъ населенію острововъ продуктовъ питанія и сырья для англійской индустріи. Исключительное развитіе англійской торговли, такъ что для цѣлага ряда продуктовъ, какъ-то: шерсть, джутъ, чай и др., англійскій рынокъ игралъ роль главнаго распредѣлительнаго центра для всей міровой торговли; сильно развитая англійская промышленность, которая имѣла своихъ кліентовъ во всѣхъ уголкахъ міра; все это давало громадную работу для англійскаго торговаго флота. Къ этому слѣдуетъ прибавить и то исключительное положеніе, которое занимала Англія въ области міроваго снабженія углемъ, которое также въ значительной степени укрѣпляло ея морское могущество. Послѣдній фактъ какъ-то мало подчеркивался въ экономической литературѣ, между тѣмъ значеніе его громадно. Благодаря тому, что англійскій уголь кардифъ имѣлъ обезпеченный сбытъ почти во всѣхъ уголкахъ земного шара, и что спросъ на него одинаково существовалъ въ портахъ Тихаго и Атлантическаго океана, въ русскихъ портахъ Балтійскаго моря, въ портахъ Южной Америки и Африки,—благодаря этому англійскій торговый флотъ былъ всегда почти обезпеченъ прямымъ фрахтомъ. Это послѣднее помогло укрѣпленію въ Англіи системы трамповъ, которые могли быть зафрахтованы на перевозку въ любой портъ на условіяхъ, почти всегда внѣ конкуренціи, ибо обычно прямой рейсъ этихъ «трамповъ» до мѣста зафрахтованія служилъ для перевозки угля въ пункты, по пути лежащіе. Благодаря этой обезпеченности грузами въ прямомъ направленіи, англійскіе фрахты для «трамповъ» оказывались всегда настолько дешевыми, что никакое государство до войны не могло съ ними въ этомъ отношеніи конкурировать. Это послѣднее обстоятельство, помимо громадной поддержки для англійскаго торговаго флота, приносило исключительныя выгоды англійской угле-промышленности, въ частности экспорту англійскаго угля, который могъ выдерживать конкуренцію на міровомъ рынкѣ благодаря исключительно дешевымъ фрахтамъ на его перевозку (стоимость фрахта входитъ въ цѣну угля, какъ дешеваго массоваго груза довольно высокимъ %). Эти послѣднія преимущества въ меньшей мѣрѣ примѣнимы были къ группѣ «лайнеровъ», и поэтому въ этомъ отношеніи англійскому торговому флоту пришлось испытать въ послѣднее десятилѣтіе до войны довольно сильную конкуренцію, особенно со стороны германскаго торговаго флота, но, повторяемъ, въ отношеніи «трамповъ», которые составляли до войны почти 60% англійскаго флота, положеніе Англіи было внѣ конкуренціи. Отмѣтимъ попутно, что «трампы» служили для перевозокъ главнымъ образомъ де-

шевыхъ массовыхъ грузовъ, такъ, напр., почти весь вывозъ хлѣбныхъ грузовъ изъ Россіи, особенно изъ ея южныхъ портовъ, совершался на англійскихъ «трампахъ».

Результатомъ такихъ исключительно благоприятныхъ, условій, въ которыхъ находился англійскій торговый флотъ, было преобладающее участіе англійскаго флага въ мировыхъ морскихъ перевозкахъ. Такъ, въ 1912 году вся стоимость международной морской торговли достигала 85 миллиардовъ франковъ, изъ коихъ больше половины приходилось на перевозки подъ англійскимъ флагомъ.*)

Товары, перевезенные между:	Въ милліонахъ франковъ:
а) Великобританіей и ея колоніями	9.750
б) различными англійскими колоніями	2.105
в) Великобританіей и остальными странами	15.500
г) англійскими колоніями и за границей	5.000
д) между иностранными государствами	11.500
	43.855

Такимъ образомъ въ цѣломъ 52% мирового товарообѣна происходило подъ англійскимъ флагомъ.

Такое же господствующее положеніе занимала Великобританія и въ области кораблестроенія. Въ прилагаемой таблицѣ приведены цифры тоннажа, построеннаго на англійскихъ верфяхъ въ процентномъ отношеніи къ мировому кораблестроенію

Въ тысячахъ тоннъ (брутто).

Періодъ	Британская Имперія	Колоніи	Остальныя страны	Всего	Пропорція англійск. кораблестр.
1892—94	998	10	238	1.236	81,6%
1895—99	1.170	14	457	1.627	72,8 %
1900—04	1.358	27	953	2.311	59,9%
1905—09	1.396	25	934	2.330	61 %
1910—14	1.660	35	1.079	2.739	61,9%

Мы видимъ, такимъ образомъ, что доля участія Великобританіи въ мировомъ кораблестроеніи за послѣднее до войны пятилѣтіе выразилась въ цифрѣ 62% (**). Промажная стоимость

*) А. Aron. La Crise économique en Angleterre (1919-1920), p. 55.

**) Reports of the Shipbuilding industries, et. 22.

судовъ, спущенныхъ съ англійскихъ верфей, составляла въ послѣдніе до войны годы въ среднемъ 52 мил. фунт. стерлинг. въ годъ, при чемъ почти 20% указанныхъ судовъ Англія сбывала за границу. Отмѣтимъ при этомъ, что продаваемые за границу суда были обычно старыхъ типовъ, а новопостроенныя пополняли тоннажъ англійскаго флота.

Слѣдуетъ еще указать, что исключительно благоприятное положеніе, въ которомъ находилось англійское кораблестроеніе по даннымъ, приводимымъ Комитетомъ по Кораблестроенію, объясняется и тѣмъ фактомъ, что почти 43% стали, употреблявшейся на постройку судовъ, Англія получала изъ за границы, главнымъ образомъ изъ Германіи и Австріи, по цѣнамъ значительно болѣе низкимъ, чѣмъ цѣны, стоявшія внутри этихъ государствъ. Эта политика dumping'a, практиковавшаяся германскими картелями, способствовала развитію и укрѣпленію англійскаго кораблестроенія и, понижая стоимость судовъ, выпускаемыхъ изъ англійскихъ верфей, дѣлала Англію поставщикомъ судовъ торговаго флота для значительнаго числа иностранныхъ государствъ.

Такимъ образомъ, резюмируя, можно сказать, что какъ по своему водоизмѣщенію, такъ и по участию въ мировыхъ перевозкахъ, такъ и по условіямъ кораблестроенія англійскій торговый флотъ до войны занималъ господствующее положеніе въ мировомъ хозяйствѣ.

Но уже до войны начала намѣчаться конкуренція англійскому торговому флоту, особенно со стороны Германіи. Лозунгъ, провозглашенный императоромъ Вильгельмомъ «наше будущее на морѣ» воплотился въ цѣломъ комплексѣ мѣръ германской экономической политики, направленной на созданіе мощнаго торговаго флота. Все было пущено для этого въ ходъ, установлены преміи, явныя и скрытыя, за содержаніе регулярныхъ линий, введены спеціальныя комбинированныя желѣзнодорожно-пароходные тарифы, которые искусственно направляли пассажировъ (особенно эмигрантовъ) и грузы въ обходъ кратчайшимъ направленіемъ въ германскіе порты, откуда они вывозились на судахъ германскаго флота. Въ этомъ же направленіи способствовала и система вольныхъ гаваней, которыя сдѣлали изъ Гамбурга и Бремена крупныя международныя распредѣлительныя центры, куда направлялись со всѣхъ концовъ земного шара товары, особенно колониальные продукты и откуда они затѣмъ распредѣлялись по странамъ потребителямъ.

Все это давало громадную работу германскому торговому флоту. Но, повторяемъ, несмотря на намѣчавшуюся грозную

конкуренцію со стороны Германіи, рядъ исключительныхъ преимуществъ, на которыя мы указывали выше, обеспечивать английскому торговому флоту до войны господствующее положеніе.

Великая война значительно измѣнила это положеніе. Безпощадная подводная война вывела изъ строя торговаго флота державъ Согласія и нейтральныхъ государствъ всего около 14 милліоновъ тоннъ, потопленныхъ или окончательно испорченныхъ. Англія, конечно, пострадала наиболѣе сильно, ибо ей съ одной стороны пришлось затратить наибольшія усилія для обезпеченія морскихъ перевозокъ Союзниковъ, а съ другой выдержать и наиболѣе яростный натискъ со стороны германской подводной войны. И дѣйствительно потери англійскаго торговаго флота во время войны достигли 9 милліоновъ тоннъ. Такое положеніе вещей заставило англійское правительство принять рядъ совершенно исключительныхъ мѣръ для возмѣщенія въ кратчайшій срокъ потерь англійскаго торговаго флота. Предложенная программа усиленнаго кораблестроенія была слѣдующимъ образомъ формулирована въ рѣчи перваго лорда адмиралтейства Sir E. Geddes'a, произнесенной имъ въ Палатѣ общинъ 13 декабря 1917 года.*)

1) Расширеніе всѣхъ существующихъ верфей и лучшее и наиболѣе рациональное въ смыслѣ производственномъ ихъ использованіе (постройка судовъ серіями стандартныхъ типовъ).

2) Постройка за счетъ государства новыхъ верфей.

3) Преимущественное обезпеченіе верфей на ряду съ другими предприятиями, работающими на оборону, необходимымъ сырьемъ, топливомъ и рабочими руками.

Всѣ эти мѣропріятія были цѣликомъ послѣдовательно проведены въ жизнь. Вся отрасль кораблестроенія была поставлена подъ непосредственный контроль государства. Для всѣхъ верфей была выработана общая программа кораблестроенія, построенная на принципѣ наилучшаго использованія всѣхъ техническихъ средствъ и возможностей и наиболѣе совершенной внутренней технической организаціи. Программа эта предусматривала постройку однотипныхъ судовъ серіями, широкое примѣненіе метода стандардизаціи. Всякое расширеніе существующихъ верфей, какъ равно вся-

*) The Economist Commercial History and Review of 1917 Shipbuilding and Shipping, стр. 293.

кій заказъ правительства частнымъ верфямъ обуславливался примѣненіемъ принциповъ, разработанныхъ въ указанной программѣ, и такимъ образомъ почти всѣ верфи Великобританіи должны были отказаться отъ индивидуальныхъ методовъ производства и принять правительственную программу кораблестроенія.

Параллельно существующимъ верфямъ, правительство предприняло постройку своихъ собственныхъ верфей и успѣло соорудить въ короткій срокъ 14 мѣсяцевъ на рѣкѣ Севернѣ три верфи стоимостью около 4 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Эти мѣры правительственной регламентаціи явились въ примѣненіи къ англійской промышленной организаціи, пропитанной духомъ экономическаго индивидуализма и манчестерства, мѣрами столь революціонными, что, несмотря на властный мотивъ «все для войны, все для побѣды», коимъ мотивировалась эта регламентація, она вызвала тѣмъ не менѣе жестокую оппозицію со стороны заинтересованныхъ круговъ, которые усматривали въ этихъ мѣропріятіяхъ первый шагъ къ націонализациі всего англійскаго торговаго флота. Особенно рѣзко выступали противъ постройки государственныхъ верфей и созданія государственнаго флота пароходовладѣльцы въ лицѣ предсѣдателя самаго крупнаго пароходнаго треста Peninsular et Oriental (P. O.) лорда Инкар'а, который называлъ эту политику — политикой уничтоженія англійскаго морскаго могущества. Несмотря, однако, на оппозицію, программа кораблестроенія была проведена правительствомъ съ рѣдкою настойчивостью, спускъ новыхъ судовъ продолжался во все время войны, и въ періодъ 1914—1918 было построено около 5 милліоновъ тоннъ, что компенсировало почти 60% потерь.

Послѣ заключенія мира правительственный контроль начинаетъ значительно ослабѣвать. Государственные верфи были частью проданы въ частныя руки, частью перешли на постройку военнаго флота. Принадлежащій государству торговый флотъ былъ распроданъ въ частныя руки. Программа судостроенія потеряла характеръ принудительнаго регулированія.

Подводя итоги дѣятельности англійскаго правительства въ дѣлѣ возсозданія англійскаго торговаго флота, столь жестоко пострадавшаго отъ подводной войны, отмѣтимъ, что даже тѣ заинтересованные круги, которые во время войны стояли въ рѣзкой оппозиціи къ программѣ государственнаго регулированія кораблестроенія, должны были нынѣ признать, что лишь совокупность этихъ мѣръ позволила Англій такъ

быстро покрыть потери своего флота. Болѣе того, столь рѣзко критиковавшаяся программа постройки судовъ сериями, при-
мѣненіе стандардизаціи, нынѣ, по признанію Times'a, органа,
особенно рѣзко нападавшаго за это на правительство, «дало
мошный толчокъ развитію англійскаго кораблестроенія».

Послѣ подписанія мира постройка судовъ торговаго флота
пошла еще болѣе ускореннымъ темпомъ, такъ что къ началу
1920 года, по даннымъ Lloyd's Register Book, весь англійскій
тоннажъ достигъ уже 18.600.000 брутто, цифра, почти совпа-
дающая съ до-военнымъ тоннажемъ.*)

Но это отнюдь не означаетъ, что англійскій торговый флотъ
вернулъ себѣ то господствующее положеніе, которое онъ за-
нималъ въ міровой аренѣ до войны. Новые могучіе
конкуренты появились на міровой аренѣ, да и условія дѣя-
тельности англійскаго торговаго флота подверглись значи-
тельному измѣненію.

Начнемъ съ того, что экспортъ англійскаго угля, который
составлялъ, какъ мы уже выше указывали, одну изъ главныхъ
причинъ міроваго господства англійскаго торговаго флота,
предоставляя послѣднему всегда готовый прямой фрахтъ,
нынѣ, послѣ міровой войны, сократился почти на двѣ трети.
Это произошло благодаря значительному пониженію добычи
угля внутри страны, какъ это видно изъ прилагаемой ниже
таблицы, и значительно повысившемуся внутреннему по-
требленію **)

Годы:	Число рабочихъ:	Всего произведено:
1913	1.111.000	287.412.000
1914	1.117.000	265.643.000
1915	952.000	253.179.000
1916	956.000	255.846.000
1917	993.000	248.041.000
1918	961.000	226.557.000
1919	1.111.000	228.000.000

Въ то время какъ въ 1913 году Англія экспортировала
почти 1/3 своей добычи угля — 87 миллионѣвъ тоннъ вывоза
на 287 миллионѣвъ тоннъ добычи,—въ 1919 году ея вывозъ едва
достигъ 35 миллионѣвъ тоннъ.

*) G. Lecarpentier. Les principales Marines Marchandes: La
guerre et l'après-guerre de l'Economiste Français, 3, 10 Janvier
et 6, 13 Mars 1920. p. 99.

**) A. Aron, op. cit. p. 72.

Сокращеніе это нельзя разсматривать какъ явленіе временное. Анализъ причинъ паденія добычи ясно указываетъ на то, что мы имѣемъ дѣло съ причинами, глубоко лежащими и во всякомъ случаѣ длительными. Трудно думать, чтобы Англии въ скоромъ времени удалось вернуть себѣ то положеніе, которое она занимала на мировомъ угольномъ рынкѣ до войны. Добавимъ къ этому, что благодаря вздорожанію фрактовъ англійскій уголь оказался уже слишкомъ дорогимъ и въ цѣломъ рядѣ странъ начинаетъ замѣняться углемъ американскимъ. Особенно это слѣдуетъ сказать объ Южной Америкѣ, которая нынѣ уже почти исключительно питается углемъ изъ Соединенныхъ Штатовъ.

Начонецъ, наблюдающійся почти во всѣхъ государствахъ острый транспортный кризисъ, значительное ухудшеніе почти во всѣхъ государствахъ работы желѣзнодорожного и рѣчного транспорта, недостатокъ рабочихъ рукъ и пониженіе производительности труда, все это имѣетъ своимъ слѣдствіемъ, что одно и то же количество тоннажа можетъ нынѣ выполнить значительно меньшую полезную работу, чѣмъ до войны. Сэръ I. Manlay, англійскій контролеръ нацѣ торговыхъ флотовъ, оцениваетъ это пониженіе работоспособности торговаго флота, по сравненію съ до-военнымъ временемъ, въ размѣрѣ до 40 %. Въ номерѣ Таймса отъ 28 Декабря 1918 года имѣется весьма любопытное сопоставленіе времени, требовавшагося въ 1913 году для переѣзда изъ англійскихъ портовъ въ Австралію, включая и всѣ операціи по нагрузкѣ и выгрузкѣ, съ временемъ, требующимся для этой операціи нынѣ. Въ 1913 году вся указанная операція требовала для своего осуществленія 168 дней, а въ 1919 году для этой цѣли понадобилось 237 дней. Въ результатѣ, несмотря на восстановленіе мирового тоннажа, погибшаго во время войны, и, болѣе того, — несмотря на то, что къ серединѣ 1920 года мировой тоннажъ на 15% превышалъ тоннажъ до-военнаго времени, — несмотря на все это, мировой тоннажъ нынѣ, благодаря указаннымъ выше обстоятельствамъ, далеко еще не въ состояніи осуществить той полезной работы, которую меньшій тоннажъ выполнялъ до войны. Такимъ образомъ, и восстановленный англійскій торговый флотъ не можетъ нынѣ выполнять ту работу, которую онъ осуществлялъ до войны. Всѣ указанные выше обстоятельства несомнѣнно должны значительно понизить шансы англійскаго торговаго флота въ мировой борьбѣ за морское господство, но особенно значительнымъ фактомъ, ослабляющимъ въ этомъ отношеніи позицію Англии, слѣдуетъ считать конкуренцію громаднаго, выросшаго во время войны, торговаго флота С.-А. Соединенныхъ Штатовъ.

ТОРГОВЫЙ ФЛОТЪ С.-А. СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ. *)

До войны торговый флотъ С.-А. С. Штатовъ составлялъ величину настолько ничтожную по сравненію съ торговыми оборотами страны, что во всей внѣшней морской торговлѣ С.-А. С. Штатовъ едва лишь 10% перевозокъ шло подъ американскимъ флагомъ, остальные 90% американскаго ввоза и вывоза производились подъ чужими флагами. Не вдаваясь здѣсь въ подробный анализъ тѣхъ причинъ, которыя обусловили столь слабое развитіе американскаго торговаго флота до войны, отмѣтимъ главныя изъ нихъ: 1) постройка судовъ на тѣхъ немногочисленныхъ верфяхъ, которыя къ тому времени существовали въ С.-А. С. Штатахъ, обходилась на 40% дороже, чѣмъ на англійскихъ верфяхъ**) 2) эксплуатация судовъ торговаго флота С. Штатовъ обходилась въ среднемъ на 60% дороже англійскихъ судовъ. Великая война, которая сразу лишила американскую внѣшнюю торговлю почти 4/5 ея тоннажа, вслѣдствіе реквизиціи соответственными правительствами большей частью англійскаго и французскаго тоннажа и блокады германскаго торговаго флота, поставила всю внѣшнюю торговлю С.-А. С. Штатовъ въ чрезвычайно тяжелое положеніе. Первой мыслью американцевъ было пріобрѣсти въ собственность то количество нейтральнаго тоннажа, которое было свободно. Для этой цѣли двумя законами: отъ 18 Августа 1914 года и 4 Марта 1915 года была значительно облегчена процедура включенія судовъ въ списки американскаго торговаго флота, а также были упрощены формальности, затруднявшія наборъ команды судовъ.***)

*) (i. Lecarpentier, op. cit. La Marine Marchande Américaine, Economiste Français № 10, 11 (1920).

**) Отмѣтимъ, что немаловажная роль въ болѣе высокой по сравненію съ Англійей стоимости постройки судовъ С. Штатовъ должна быть отнесена на счетъ dumping'a, который практиковалъ американскій стальной трестъ. Такъ въ засѣданіи Комиссіи по торговому флоту въ 1905 году одинъ изъ владѣльцевъ верфей показалъ, что фирма Карнеги продавала ему тонну стали по 32 доллара, и въ то же время эту же сталь она продавала англійскимъ верфямъ по 22 доллара съ доставкой.

***) До этого времени для того, чтобы судно могло быть внесено въ списки американскаго торговаго флота, оно должно было: 1) принадлежать американскимъ гражданамъ, 2) быть подъ командой американскихъ гражданъ и 3) быть построено на американскихъ верфяхъ. Второе условіе было смягчено, а третье совершенно отмѣнено указанными выше законами.

Результаты не замедлили сказаться въ значительномъ увеличеніи американскаго тоннажа. Къ 31 Іюля 1915 года 132 судна вмѣстимостью въ 322 тысячи тоннъ перешли подъ американскій флагъ, а къ 1 Января 1917 года это послѣднее количество увеличилось до 651 тысячь тоннъ. Но, конечно, эти мѣры не могли дать значительныхъ результатовъ; между тѣмъ, благодаря усилившейся германской подводной войнѣ и потопленію значительнаго количества торговыхъ судовъ, въ серединѣ 1916 года началъ ощущаться значительный недостатокъ тоннажа, который въ связи съ все увеличивающимися морскими перевозками могъ принять характеръ катастрофы для державъ Согласія. Рядъ мѣръ, предпринятыхъ въ этомъ направленіи англійскимъ правительствомъ для восполненія погибшаго тоннажа, не могъ, конечно, разрѣшить кризиса. Видя невозможность своими средствами разрѣшить эту задачу, англичане предприняли спеціальную кампанію въ С.-А. С. Штатахъ съ цѣлью побудить американцевъ въ срочномъ порядкѣ строить суда торговаго флота для восполненія недостатка тоннажа.

Кампанія эта встрѣтила живой откликъ въ американскихъ дѣловыхъ кругахъ. Мы уже указывали выше на то тяжелое положеніе, въ которомъ очутилась американская морская торговля къ началу великой войны. Послѣдовавшее затѣмъ головокружительное повышеніе фрахтовъ, особенно послѣ объявленія подводной войны, и съ другой стороны все увеличивающійся вывозъ американскихъ товаровъ въ Европу создалъ исключительно благопріятную обстановку для кампаніи, предпринятой союзниками въ С.-А. С. Штатахъ, и въ результатѣ 7 Сентября 1916 года былъ утвержденъ Президентомъ законъ «Administration Ship Purchase Bill», который позволилъ С.-А. С. Штатамъ въ теченіе 4 лѣтъ почти ушестерить свой тоннажъ.

Согласно этому закону былъ образованъ спеціальный комитетъ изъ 5 членовъ, назначаемыхъ президентомъ въ согласіи съ Сенатомъ, который явился главнымъ создателемъ американскаго торговаго флота. На Shipping Board была возложена забота о покупкѣ и постройкѣ судовъ торговаго флота, для каковой цѣли ему былъ открытъ кредитъ въ суммѣ 800 милліоновъ долларовъ (около 12 милліардовъ франковъ по нынѣшнему курсу). Въ задачу этого Комитета, помимо постройки и покупки судовъ торговаго флота, входило и производство всѣхъ коммерческихъ операцій, связанныхъ съ ихъ эксплуатаціей. Всѣ эти задачи были осуществлены Комитетомъ путемъ образованія спеціальныхъ акціонерныхъ обществъ,

капиталы коихъ были главнымъ образомъ составлены изъ средствъ, отпускавшихся Shipping Board'омъ. Эти Общества реализовали значительную часть выработанной Shipping Board'омъ программы. Кораблестроительная программа Shipping Board'a была рассчитана на постройку 18 миллионннхъ тоннъ стальныхъ судовъ торговаго флота, изъ коихъ удалось спустить на воду въ теченіе 4-лѣтняго срока 1916-1920 почти половину — 9 миллионнхъ тоннъ. Такимъ образомъ къ моменту заключенія мира С.-А. С. Штаты обладали торговымъ флотомъ съ водоизмѣщеніемъ въ 12.416.000 противъ 2.027.000 тоннъ въ 1914 году. Этотъ тоннажъ равенъ 25% всего міроваго тоннажа, причемъ С.-А. С. Штаты съ 4-го мѣста перешли на 2-ое (послѣ Англій) мѣсто въ статистикѣ міроваго тоннажа.

СОПЕРНИЧЕСТВО МЕЖДУ ТОРГОВЫМИ ФЛОТАМИ АНГЛИИ И С.-А. С. ШТАТОВЪ ПОСЛѢ ЗАКЛЮЧЕНІЯ МИРА.

Переизиріе застало Англійю, какъ мы выше видѣли, съ торговымъ флотомъ почти восстановленнымъ и готовымъ занять то мѣсто, которое онъ занималъ въ міровомъ хозяйствѣ до войны. Но на міровой аренѣ Англійя, съ уничтоженіемъ германскаго морскаго могущества, встрѣтилась съ новымъ конкурентомъ въ лицѣ С.-А. С. Штатовъ. Такое положеніе вещей должно было естественно привести къ борьбѣ между недавними союзниками. Первый годъ послѣ заключенія мира эта борьба еще такъ рѣзко не ощущалась, значительная часть торговаго флота была еще реквизирована правительствами для производства громаднхъ перевозокъ по ликвидаціи войны, свободнаго тоннажа было мало, фрахтовые ставки высоки. Но уже къ началу 1920 года, когда значительная часть морскихъ перевозокъ, связанныхъ съ войной, была закончена, когда почти весь тоннажъ былъ освобожденъ отъ реквизиціи, между торговыми флотами С.-А. С. Штатовъ и Великобританіи начинаетъ вырисовываться соперничество, которое, на нашъ взглядъ, должно явиться не маловажнымъ факторомъ въ дѣлѣ перестройки міровыхъ экономическихъ отношеній послѣ Великой войны.

Соперничество это коснулось въ первую очередь фрахтовыхъ ставокъ. *) Пользуясь тѣмъ, что постройка торговаго

*) La Situation Economique et Financière N° 43 (1920), 1.0 Marine Marchande Américaine.

флота въ С. Штатахъ во время войны обошлась въ общемъ значительно дороже, чѣмъ постройка англійскаго торговаго флота и слѣдовательно издержки по эксплуатаціи американскаго флота должны быть выше, чѣмъ въ англійскомъ торговомъ флотѣ (суда англійскаго торговаго флота, построенныя во время войны, обошлись въ общемъ % на 40 дешевле, чѣмъ такія же суда, построенныя въ С.-А. С. Штатахъ), *) и имѣя къ тому же громадные накопленные за время войны денежные резервы, какъ слѣдствіе исключительно высокихъ военныхъ прибылей, англійскія пароходныя компаніи начали борьбу съ американскимъ торговымъ флотомъ сильнымъ *пониженіемъ фрахтовъ*. Вотъ какъ характеризуетъ эту борьбу между англійскимъ и американскимъ торговыми флотами специальный журналъ Merchant Marine: «къ серединѣ 1920 года борьба между американскимъ и англійскимъ и японскимъ торговыми флотами приобрѣла особенную остроту. Въ Тихомъ океанѣ англійскія и японскія пароходныя компаніи неуклонно понижаютъ фрахтовыя ставки, заставляя итти на такое же пониженіе и американскія пароходныя компаніи. Въ особенности отъ этой борьбы терпятъ убытки Shipping Board, ибо фрахтовыя ставки уже не покрываютъ издержекъ по эксплуатаціи принадлежащаго ему торговаго флота. Въ результатѣ громадное число судовъ американскаго торговаго флота стоитъ на якорѣ, а грузы переходятъ къ англійскимъ и японскимъ конкурентамъ».

Такая же борьба, сообщаетъ этотъ журналъ, идетъ и на Атлантическомъ океанѣ, только тамъ въ борьбѣ этой принимаютъ участіе и французскія пароходныя компаніи.

Указанное пониженіе фрахтовъ, дѣлая убыточной эксплуатацію американскаго флота, имѣло своимъ первымъ результатомъ попытку со стороны предсѣдателя Shipping Board'a адмирала Бенсона (который является какъ-бы диктаторомъ

*) Стоимость постройки судовъ торговаго флота С. Штатовъ была и до войны въ среднемъ % на 40—50 выше чѣмъ въ Англии. Суда, построенныя во время войны Shipping Board'омъ, обошлись довольно дорого, что понятно, принимая во вниманіе спѣшность постройки и необходимость специальной заготовки новыхъ верфей и общую дороговизну. Въ то время какъ тонна водоизмѣщенія стального судна обошлась Shipping Board'у въ среднемъ 225 долларовъ послѣ войны, въ началѣ 1920 года, стоимость постройки такой же тонны на американскихъ верфяхъ равняется 180 долларамъ, а въ Англии такой же типъ судна можетъ быть построенъ, считая 145 долларовъ тонна.

американскаго торговаго флота) образовать международное соглашеніе между отдѣльными англійскими, японскими и американскими пароходными обществами, которое держало бы фрахтовыя ставки на извѣстной высотѣ и не давало бы имъ спускаться ниже извѣстнаго уровня, такъ называемыхъ нормальныхъ фрахтовъ. Комбинація эта потерпѣла неудачу, и совершенно понятно, ибо борьба между Англійей и Японіей съ одной стороны, и Соединенными Штатами съ другой, имѣетъ своей задачей не столько мирный раздѣлъ сферъ вліянія торговыхъ флотовъ, сколько желаніе ослабить выросшее за время войны американское могущество.

Shipping Board, въ невозможности продолжать эксплуатацію торговаго флота своими средствами, рѣшилъ прибѣгнуть къ героическому средству — продажѣ всего своего торговаго флота въ частныя руки по значительно конечно пониженнымъ противъ себѣстоимости цѣнамъ и на чрезвычайно выгодныхъ условіяхъ расплаты съ разсрочкой платежа на долгіе годы. Этимъ предполагается значительно понизить издержки эксплуатаціи судовъ у частныхъ судовладѣльцевъ и облегчить конкуренцію съ англійскими и японскими пароходными компаниями.

Но на этомъ не остановились мѣры правительственной помощи американскому торговому флоту. Въ серединѣ 1920 года прошелъ въ Конгрессѣ и въ Сенатѣ законъ Merchant Marine Act 1920, извѣстный подъ именемъ «закона Джонса»*), который произвелъ громадное впечатлѣніе не только въ Америкѣ, но и въ Европѣ. Законъ этотъ твердо становится на почву самаго рѣзкаго протекціонизма по отношенію къ американскому торговому флоту. Учреждается новый Shipping Board изъ 6 членовъ, на который возлагается распродажа всего торговаго флота, принадлежащаго правительству, въ частныя руки. Изъ суммъ, поступающихъ отъ продажи, ежегодно 25 милліоновъ долларовъ откладывается въ особый фондъ для выдачи ссудъ тѣмъ обществамъ или частнымъ лицамъ, которыя пожелаютъ строить на американскихъ верфяхъ новыя суда. Кромѣ этой финансовой помощи, судовладѣльцы по этому закону освобождаются въ теченіе 10 лѣтъ отъ платежа подоходнаго налога и чрезвычайнаго налога на прибыли,

*) На этотъ законъ, прошедшій черезъ Конгрессъ и Сенатъ, президентомъ Вильсономъ, по дослѣднимъ свѣдѣніямъ, наложено «вето»; послѣдняя однако побѣда республиканцевъ на гражданскихъ выборахъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ будетъ проведенъ въ жизнь.

съ тѣмъ, чтобы сумма причитающихся съ нихъ налоговъ была затрачиваема ими на постройку новыхъ судовъ. Суда американскаго торговаго флота получаютъ далѣе рядъ спеціальныхъ преимуществъ и льготъ передъ судами другихъ націй. Такъ, напримѣръ, пониженные экспортные желѣзнодорожные тарифы (25% скидки съ существующихъ нормальныхъ тарифовъ) могутъ быть примѣняемы лишь къ грузамъ, которые вывозятся подъ американскимъ флагомъ. Иностранныя суда не могутъ перевозить товары изъ одного американскаго порта въ другой, если они въ промежутки заходятъ въ какой-нибудь не американскій портъ.

Иностранныя пароходныя компаніи не могутъ въ американскихъ портахъ устанавливать фрахтовъ болѣе низкихъ, чѣмъ соответственные фрахты американскаго торговаго флота. Съ судовъ иностраннаго торговаго флота взимаются при заходѣ ихъ въ американскіе порты спеціальныя сборы. Наконецъ, товары, ввозимые въ С. Штаты на американскихъ судахъ, получаютъ 5% скидки съ дѣйствующаго таможеннаго тарифа и т. д. Была даже рѣчь при обсужденіи этого закона объ освобожденіи американскихъ судовладельцевъ отъ всѣхъ сборовъ при проходѣ ихъ судовъ черезъ Панамскій каналъ.

Этотъ законъ Джонса, который въ своихъ главныхъ чертахъ напоминаетъ знаменитые «Навигационные Акты», положившіе въ свое время начало англійскому морскому могуществу, былъ принятъ по настоянію республиканской партіи, политика которой къ этому времени получила значительный перевѣсъ къ Конгрессу и въ Сенатѣ. Можно думать, что усиленіе республиканской партіи и провалъ всей политики президента Вильсона въ значительной степени должны быть отнесены на счетъ этой борьбы между Англійей и Америкой за морское господство, борьбы, съ которой не вьжется экономическій идеализмъ программы президента Вильсона (4-й пунктъ)*).

Этотъ ультра-протекціонный законъ, который въ сущности представляетъ изъ себя рѣзкое экономическое выраженіе доктрины Монро, заставить правительство С.-А. С. Штатовъ для проведенія его въ жизнь отказаться отъ 24 торговыхъ договоровъ съ отдѣльными государствами.

*) 4-й пунктъ программы Вильсона, состоящей изъ 14 пунктовъ, гласитъ: уничтоженіе, насколько возможно, всѣхъ экономическихъ барьеровъ, существующихъ между отдѣльными государствами, и установленіе одинаковыхъ коммерческихъ условій для всѣхъ государствъ, согласныхъ заключить миръ и всѣми силами поддерживать сохраненіе мира.

Законъ Джонса вызвалъ рѣзкій протестъ со стороны Англии и Японіи. За протестами послѣдовали экономическія репрессалии по отношенію къ американскому торговому флоту. Такъ, Англійскій Ллойдъ отказывается страховать американскія суда, цѣлый рядъ японскихъ пароходныхъ компаній прекратилъ, въ знакъ протеста, рейсы между Японіей и американскими портами, ожидаются такія же репрессіи въ области установленія специальныхъ сборовъ съ судовъ американскаго торговаго флота при заходѣ ихъ въ европейскіе порты и т. д.

Борьба между англійскимъ и американскимъ торговыми флотами на этомъ, однако, не остановилась, она приняла въ самыя послѣдніе мѣсяцы совершенно сенсаціонныя формы, выразившись въ экономическомъ сближеніи между Соединенными Штатами и Германіей.

Одинъ изъ главныхъ недостатковъ торговаго флота С. Штатовъ, какъ извѣстно, является отсутствіе надлежащей организаціи, отсутствіе широко раскинутой сѣти агентствъ заграничей, недостатокъ опытнаго персонала. Объясняется все это тѣмъ, что американскій торговый флотъ, какъ мы видѣли, возникъ въ чрезвычайно короткій срокъ, и если этотъ срокъ оказался достаточнымъ для постройки почти 8 милліоновъ тоннъ торговаго флота, то для созданія соотвѣтственной коммерческой и технической организаціи необходимы долгіе годы упорнаго труда, накопленія опыта, связей и знаній. Воплнѣ учитывая этотъ коренной недостатокъ американскаго торговаго флота, дѣловые круги С. Штатовъ обратили свои взоры на Германію, которая, потерявъ по Версальскому трактату почти весь свой торговый флотъ, сохранила однако почти цѣликомъ свою прекрасную техническую и коммерческую организацію, раскинутую по всему міру. Однимъ изъ наиболѣе могущественныхъ американскихъ пароходныхъ трестовъ, American Ship and Commerce Corporation, который контролируется крупной финансовой группой Гаримана, былъ заключенъ договоръ съ наиболѣе крупнымъ германскимъ пароходнымъ трестомъ Гамбургъ—Америка, а за этимъ договоромъ послѣдовало такое же соглашеніе между другой мощной американской компаніей United States Mail Steamship Company съ Сѣверо-германскимъ Ллойдомъ. Сущность этихъ договоровъ*) и заключается въ томъ, чтобы готовую организацію германскихъ пароходныхъ трестовъ использовать въ инте-

*) Текстъ этихъ соглашеній напечатанъ въ «Frankfurter Zeitung» 9 Сентября 1920.

ресахъ американскаго торговаго флота для борьбы съ англійскою конкуренціей. Для этой цѣли возстанавливаются всѣ линіи, которыя обслуживались до войны этими нѣмецкими пароходными компаніями и намѣчается рядъ новыхъ. Кромѣ того, соглашеніе предусматриваетъ, что извѣстная часть потребнаго тоннажа будетъ построена на германскихъ верфяхъ. Отмѣтимъ при этомъ любопытный фактъ: по Версальскому договору Германія обязуется, кромѣ сдачи Союзникамъ почти всего своего торговаго флота, построить для Союзниковъ, по ихъ требованію, до I милліона тоннъ торговаго флота, считая по 200.000 тоннъ въ годъ. Требованіе это, однако, какъ и много другихъ условій Версальскаго договора, до сихъ поръ не предъявлено Германіи къ исполненію. Объясняется это давленіемъ владѣльцевъ верфей въ союзныхъ странахъ, которые указываютъ, что такіе заказы германскимъ верфямъ совершенно останавливаютъ отечественное судостроеніе. Такимъ образомъ, германскія верфи, освобожденныя фактически отъ этого требованія Версальскаго договора, предполагаются использовать въ цѣляхъ постройки новаго торговаго флота для этого герmano-американскаго пароходнаго треста. Важно при этомъ отмѣтить, что указанное соглашеніе между германскимъ и американскими пароходными трестами обязано своимъ происхожденіемъ не только частной инициативѣ, но, какъ можно думать, вызвано къ жизни и правительствомъ С. Штатовъ въ лицѣ Shipping Board'a, что придаетъ всей комбинаціи исключительно важное политическое значеніе.*)

Такимъ образомъ, если міровая война выбила изъ строя главнаго конкурента англійскаго торговаго флота—Германію, то съ другой стороны условія, созданныя войною, вызвали къ жизни новаго могучаго конкурента Англій въ лицѣ Соединенныхъ Штатовъ, которые, объединившись съ Германіей, представляютъ такое сочетаніе матеріальныхъ силъ и организаторскаго таланта, перечь которымъ блѣднѣетъ конкуренція германскаго флота до войны.

Борьба между С.-А. С. Штатами и Англійей не ограничилась одной лишь войной фрахтовъ, обостреніемъ конкуренціи между отдѣльными пароходными трестами и т. д. Борьба эта пошла гораздо глубже и выразилась въ стремленіи Англій получить въ свои руки контроль надъ міровыми нефтяными богатствами.

Изобрѣтеніе въ началѣ 20 столѣтія двигателей внутренняго

*) «Le Temps» передовица: «New York et Hambourg» 13 сент. 1920.

сгорания представляет, какъ известно, для промышленности такую же революцію, какую въ свое время произвело изобрѣтеніе паровой машины. Значительное усовершенствованіе этихъ двигателей въ теченіе послѣднихъ лѣтъ настолько расширило ихъ примѣненіе, что вопросъ о необходимомъ для нихъ нефтяномъ топливѣ представляетъ нынѣ столь же крупный экономическій интересъ, какъ вопросъ объ угольномъ топливѣ. Если 19-й вѣкъ можно назвать вѣкомъ паровой машины и угля, то 20-е столѣтіе, очевидно, обѣщаетъ быть вѣкомъ двигателей внутреннего сгорания и жидкаго топлива. Но, помимо питанія двигателей внутреннего сгорания, жидкое топливо въ самое послѣднее время начало въ большихъ размѣрахъ примѣняться для отопленія судовыхъ машинъ. Если пока еще нельзя говорить о полномъ вытѣсненіи угля нефтянымъ топливомъ, то цѣлый рядъ экономическихъ и техническихъ преимуществъ послѣдняго указываетъ на то, что нефтяному топливу въ близкомъ будущемъ предстоитъ играть руководящую роль въ мировой промышленности.

Какъ мы уже выше указывали, однимъ изъ элементовъ англійскаго могущества являлось богатство Англій въ угольномъ топливѣ. Благодаря широкой сѣти англійскихъ угольныхъ станцій, раскинутыхъ по всѣмъ морямъ, ни одно судно не могло обойтись безъ англійскаго угля, къ тому же, какъ мы видѣли, англійскій кардифъ являлся всегда готовымъ прямымъ фрахтомъ для судовъ торговаго англійскаго флота. Значительное сокращеніе экспорта англійскаго угля послѣ войны сильно ослабило это специальное преимущество англійскаго торговаго флота, а начавшаяся замѣна угля жидкимъ топливомъ для отопленія судовыхъ машинъ можетъ въ будущемъ совершенно лишить Англійскій торговый флотъ этого его главнаго преимущества. Слѣдуетъ помнить, что Англія до самаго послѣдняго времени не имѣла въ своемъ распоряженіи нефти, почти 70% мирового потребленія нефти производилось С.-А. С. Штатами, которые слѣдовательно могли бы въ близкомъ будущемъ сдѣлаться главнымъ поставщикомъ нефти также и для мирового флота. Передъ такой дилеммой англійскіе дѣловые руководящіе круги обратили свое главное вниманіе, особенно въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, на захватъ нефтяныхъ мировыхъ богатствъ. Мы не будемъ здѣсь распространяться о той сложной сѣти соглашеній, международныхъ договоровъ, въ иныхъ случаяхъ подкупа, въ другихъ биржевыхъ комбинаціяхъ, благодаря которымъ Англій въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ при поддержкѣ англійскаго правительства и благодаря энергіи руководителей главнаго англій-

скаго нефтянаго треста, извѣстнаго подъ именемъ группы Шелль, удалось захватить громадныя нефтяныя богатства почти во всѣхъ пунктахъ земнаго шара. *) Правда, все-же американскій нефтяной трестъ Standart Oil Co и нынѣ производитъ въ три раза больше нефти, чѣмъ англійскій трестъ, но нефтяныя богатства С. Штатовъ быстро исчерпываются. По исчисленію американскихъ геологовъ, почва С. Американскихъ С. Штатовъ заключаетъ въ себѣ 7 миллиардовъ барилей нефти, въ то время какъ весь остальной міръ имѣетъ этихъ запасовъ до 50 миллиардовъ, и изъ этихъ послѣднихъ запасовъ англичанамъ за послѣдніе годы удалось захватить наибольшую часть.

* *
*

Приведенный очеркъ вліянія войны на распредѣленіе міроваго тоннажа, фантастически быстрый ростъ торговаго флота С.-А. С. Штатовъ, борьба за морское господство между С. Штатами и Англійей, стремленіе со стороны Англии обезпечить за собой значительную часть міровыхъ запасовъ нефти и стремленіе поколебать въ этомъ отношеніи почти монопольное положеніе въ области снабженія нефтью С. Штатовъ, начавшееся экономическое сближеніе между С. Штатами и Германіей, — всѣ эти факты современной экономической дѣйствительности, при всей ихъ отрывочности, можно сказать эпизодичности, все-же даютъ нѣкоторый матеріалъ для сужденія объ экономическихъ тенденціяхъ ближайшаго будущаго.

Во время великой войны въ міровомъ хозяйствѣ нацѣтились два совершенно противоположныя экономическія теченія .

Съ одной стороны война способствовала во многихъ государствахъ сильному обостренію *экономическаго націонализма*, — напомнимъ объ усилившемся во время войны протекціонизмѣ почти во всѣхъ государствахъ, даже такихъ какъ Англія, до войны бывшей страной свободной торговли по преимуществу; напомнимъ о политикѣ насажденія на средства государственнаго казначейства, внутри государствъ, цѣлаго ряда новыхъ индустрій — *Key industries* по англійскому выраженію, «необходимыхъ для цѣлей обороны и экономической независимости государства»; напомнимъ о

*) Fr. Delaisi: Le Pétrole стр. 58 и сл.

возрожденіи почти во всѣхъ странахъ, не исключая и Англии, тенденціи аграрнаго протекціонизма и т. д. Параллельно съ этимъ обнаружилось во время войны и другое теченіе, которое мы назвали бы *экономическимъ интернационализмомъ*, которое выразилось въ созданіи новыхъ международныхъ формъ для распредѣленія между отдѣльными союзническими странами различныхъ видовъ сырья, тоннажа, финансовыхъ кредитовъ и т. д.: вспомнимъ созданные во время войны международные организмы для распредѣленія между союзниками и нейтральными зерновыхъ продуктовъ, жировыхъ веществъ, сахара, нитратовъ, тоннажа, вспомнимъ объ этой удивительной международной экономической солидарности, примѣрами которой наполнена вся міровая война и которая единственно дала возможность Союзію одержать рѣшительную побѣду надъ Германіей. Эти двѣ тенденціи экономического націонализма и интернационализма, которыя сосуществовали во время войны, легли въ основаніе двухъ различныхъ программъ ликвидаціи войны. Экономическій интернационализмъ окрасилъ знаменитые 14 пунктовъ программы Вильсона. Экономическій націонализмъ легъ въ основаніе мирныхъ договоровъ, завершившихъ великую войну.

Происходящая на нашихъ глазахъ борьба между Англійей и Америкой за экономическое господство какъ бы указываетъ на дальнѣйшее обостреніе экономического націонализма послѣ войны. Параллельно приходится констатировать значительное ослабленіе тенденцій экономического интернационализма, полную ликвидацію всѣхъ международныхъ центровъ распредѣленія тоннажа, сырья, кредитовъ и т. д.

Можно ли, однако, на основаніи всѣхъ этихъ фактовъ поставить прогнозъ о полномъ торжествѣ идеи экономического націонализма и о провалѣ намѣченныхъ войной новыхъ формъ международной экономической солидарности? Намъ думается, что нѣтъ.

Мы думаемъ, что лишь укрѣпленіе международной экономической солидарности въ направленіи созданія международныхъ центральныхъ организмовъ для учета и распредѣленія сырья, топлива, тоннажа, кредитовъ, по аналогіи съ такими же организаціями, созданными во время войны, но съ той лишь разницей, что нынѣ въ эти организаціи должны быть включены всѣ государства, и что задачей этихъ организацій должно быть экономическое и финансовое возстановленіе міра, потрясеннаго до своихъ основаній великой войной, — что лишь этотъ путь можетъ привести къ разрѣшенію

міровыхъ экономическихъ и финансовыхъ проблемъ, поставленныхъ войною.

Въ этомъ послѣднемъ насъ убѣждаетъ тяжелый экономическій кризисъ, переживаемый нынѣ всѣмъ міромъ, медленное возстановленіе Европы послѣ войны, полное разстройство вексельныхъ курсовъ и т. д. ; на этотъ же путь укрѣпленія международной экономической солидарности для разрѣшенія проблемъ, поставленныхъ войной, зоветъ и обращенный ко всему міру манифестъ Высшаго Экономическаго Совѣта и резолюція Брюссельской Финансовой Конференціи и постановленія послѣдняго засѣданія Совѣта Лиги Націй.

Мы твердо увѣрены, что какъ во время войны не сразу, а лишь на второй годъ войны объективная обстановка заставила государства Согласія выбрать путь не только политической, но и экономической коалиціи, такъ и современная экономическая обстановка заставитъ въ скоромъ времени всѣ государства встать на путь международного разрѣшенія экономическихъ и финансовыхъ проблемъ, поставленныхъ войною.

А. Михельсонъ.

Кризисъ международнаго социализма.

1. Источники противорѣчій. — 2. Война и проблема мира. —
3. Распадъ интернаціонала. Москва и Женева.

1.

До всемірной войны международное рабочее движеніе протекало въ тѣни, малозамѣтно и безшумно. Широкое общество и его печать склонны были смотрѣть на него сверху внизъ какъ на праздную возню или безсильные происки какой-то полу-тантвенной фантастической секты. Событія конца войны «вдругъ» вывели его на поверхность исторической жизни. Оказалось, что съ нимъ неразрывно связаны судьбы народовъ всего свѣта, а черезъ нихъ, и едва ли не тѣнѣ всѣхъ, — участь Россія, крестьянской на шесть седьмыхъ страны, въ самомъ средоточіи которой возжглись очаги «коммунистическаго интернаціонала», и гдѣ каждымъ своимъ ударомъ отдается неровный пульсъ рабочаго движенія: не столько русскаго рабочаго движенія, — за полнымъ почти его упрежденіемъ «пролетарскою» диктатурой, — а международнаго, въ его усиляхъ распутать клубокъ міровыхъ проблемъ, которыя, всё сразу, выдвинулись на очередь сегодняшняго дня и требуютъ рѣшенія неотступно. Какую же дорогу наберетъ оно — и каковыя пути его въ прошлое?

Между разрушеніемъ Перваго интернаціонала, которое было начато бакунизмомъ, а довершено франко-прускою войной, и возникновеніемъ Второго прошло безъ малаго двадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ всё попытки восстановить распавшіяся связи тер-

пѣли неудачу. Рабочее движеніе въ отдѣльныхъ странахъ направилось разными дорогами, принимая и разнородныя формы. Въ Германіи оно ушло преимущественно въ строительство большѣй политической партіи — марксистской социалдемократіи; въ Англіи приняло, наоборотъ, главнымъ образомъ профессиональный характеръ; во Франціи раздѣлилось между своеобразнымъ синдикализмомъ, начисто отвергавшимъ парламентскіе, «политическіе» методы, и социалистической партіей, въ свою очередь развѣтвившеюся на нѣсколько самостоятельныхъ теченій, а въ южныхъ латинскихъ странахъ осталось въ большей своей части достояніемъ анархизма. Когда, наконецъ, изъ этихъ пестрыхъ элементовъ сложился Второй интернаціональ, онъ прежде всего вынужденъ былъ употребить нѣсколько лѣтъ на то, чтобы отмежеваться отъ анархіи — не вполне, однако, иначе ему пришлось бы выбросить за бортъ добрую половину синдикальнаго движенія; но и затѣмъ онъ остался вмѣстителящемъ большихъ контрастовъ, едва прикрытыхъ видимостью внѣшняго единства. Положенныя въ его основу формулы классовой борьбы и социальной революціи — понимались различно: одними — какъ пути гражданской войны и насильственнаго переворота, другими — какъ эволюціонное развитіе «политической демократіи въ социальную» методами «избирательнаго бюллетеня» и участія не только въ парламентской дѣятельности, но и въ правительственной власти. Въ частности, вопросъ о допустимости, для социалистовъ, участія въ правительствахъ при существующемъ капиталистическомъ строѣ разрѣшался на конгрессахъ отрицательно, и тѣмъ не менѣе спора и снова ставился жизнью въ отдѣльныхъ странахъ.

Разнорѣчивыя мнѣнія безъ труда уживались рядомъ, такъ какъ и крайнія партіи не пытались непосредственно перейти въ атаку основъ капиталистическаго строя, которыя, — въ этомъ была характеристическая черта всего организованнаго рабочаго движенія до войны, — молчаливо, но согласно, признавались еще жизнеспособными на неопредѣленное время. Главную свою задачу интернаціональ видѣлъ въ организаціи рабочаго класса, въ подготовкѣ его къ тому болѣе или менѣе отдаленному будущему, когда стаетъ возможнымъ переходъ «изъ царства необходимости въ царство свободы». По изыщной схемѣ Маркса, ко-

торая почти нераздѣльно господствовала надъ идеями интернационала, этотъ переходъ долженъ совершиться почти самъ собою въ надлежащій моментъ: а именно, когда, съ одной стороны, всѣ средства производства, достигнувъ высокой степени организаціи и технического совершенства, сосредоточатся въ немногихъ рукахъ, а съ другой — рабочий классъ, вмѣстивъ въ свои ряды большинство населенія, въ томъ числѣ и пролетаризованное большинство крестьянства, выработаетъ въ себѣ такую же высокую степень организаціи и «классоваго самосознанія», долженствующаго на этой ступени развитія охватить интересы всего общественнаго блага. При такихъ условіяхъ достаточно было бы самаго легкаго содѣйствія повивальной бабки, въ видѣ насильственнаго водворенія пролетарской диктатуры, чтобы изъ чрева стараго общества появился на свѣтъ, готовымъ и сложившимся, новый міръ.

Однако и въ этой стройной схемѣ были глубокіе провалы. Она, прежде всего, не согласовалась съ фактами: въ нее не вмѣщалось, не лѣзало крестьянство; оно рѣшительно не хотѣло обезземеливаться и пополнять ряды пролетаріата, — наоборотъ, крестьянская собственность въ большинствѣ промышленныхъ странъ укрѣпилась и росла. Въ этомъ отношеніи построеніе оказалось ошибочнымъ. Другая, внутренняя невязка, страпнымъ образомъ ускользавшая отъ критики, таилась въ его основномъ предположеніи, — что всѣ и «объективныя» и «субъективныя» условія — зрѣлость производства, рабочей организованности и самосознанія — наступаютъ непремѣнно въ одно и то же время, и что только тогда войдетъ въ комнату родильницы «повивальная бабка». Почему? Никакихъ, ни логическихъ, ни историческихъ основаній для такого оптимистическаго предположенія не было. Оно совершенно произвольно вводило въ теорію элементъ случайнаго и притомъ наименѣе вѣроятнаго.

Казалось бы, можно было допустить и обратное: что классъ, выросшій въ обширную организованную силу, почувствуетъ свой удѣльный вѣсъ равьше, чѣмъ станетъ большинствомъ; и тогда же устремится къ власти, — не дожидаясь наступленія всѣхъ, предугазанныхъ теоріей, сложныхъ предпосылокъ, а въ частности и въ особенности — «субъективной». Словомъ, что повитуха поторопится и, вмѣсто легкой помощи при нормальныхъ родахъ, возьметъ

да и вскрыеть чрево матери, чтобы извлечь на свѣтъ, въ лучшемъ случаѣ, недоноска.

Затѣмъ, диктатура пролетаріата понималась какъ режимъ переходный, «временный». Но и эта мысль «научнаго» социализма глупо ненаучна: она воображаетъ себя хозяйномъ исторіи и распорядителемъ событій, которыя можно по желанію направить въ одну сторону, а потомъ, въ любой моментъ, повернуть въ другую, какъ будто въ послѣдовательномъ ходѣ событій нѣтъ внутренней инерціи, какъ будто оно свободно отъ закона причинности и надежды созданный, ставшій объективнымъ фактъ не играетъ никакой роли въ возникновеніи послѣдующихъ фактовъ, а остается подъ неограниченнымъ контролемъ нашей воли и только отъ нея зависитъ. Прервано демократическое развитіе; разрушены учрежденія, обезпечивающія политическую свободу и гражданскія права; установлена произвольная власть. Развѣ эти факты не становятся самостоятельными причепами дальнѣйшей эволюціи, меньше всего предвѣщающими возстановленіе свободы и права на вышей ступени? Непосредственно они несутъ распадъ, ожесточеніе, рабство. Легче воспользоваться военнымъ возстаніемъ и уничтожить зачатки свободныхъ учреждений, чтобы на ихъ мѣсто поставить, неизбежно произвольную, власть вооруженнаго меньшинства, чѣмъ совершить обратную замѣну — этой властї господствомъ свободы и справедливости. Свободу легче убить, чѣмъ воскресить. Система насилія, чтобы изжить себя, должна совершить полный кругъ своего развитія, дойти до своего логическаго конца.

Идеологамъ пролетарской диктатуры — «безличной» диктатуры, осуществляемой не лицами, а классомъ, — представлялось самоочевиднымъ, что въ этотъ «переходный» періодъ рабочій классъ долженъ остаться вмѣстѣлицемъ принциповъ народовластія и свободы. И еще теперь, напр., Фридрихъ Адлеръ, признающій «необходимость диктатуры пролетаріата надъ буржуазіей въ рѣшительный періодъ социальной революціи», — протестуя противъ централистическихъ притязаній III-го интернаціонала, находить, что «внутри сознательнаго пролетаріата не можетъ быть никакой диктатуры, а только демократическое равенство». (Humanité, 2 октября 1920). Не отдавая себѣ въ томъ отчета, Ф. Адлеръ затрагиваетъ, выдвинутый самую живую, огромной важности

сти и принципиальнаго значенія вопросъ: могутъ ли одновременно существовать произвольная власть одной части общества надъ другой и правомѣрная свободная организація внутри правящей части, — иначе говоря, мыслимо-ли существованіе демократіи и диктатуры бокъ-о-бокъ въ одномъ и томъ же обществѣ. Для лидера австрійскихъ с.-д., такъ же какъ и для его единомышленниковъ, вопроса этого вовсе не существуетъ. Оба положенія — и о диктатурѣ надъ буржуазіей, и о демократіи вънутри «сознательнаго пролетаріата» — для него одинаково непреложны, и ему не приходитъ на мысль столкнуть ихъ между собою и привинуть, что изъ этого выйдетъ: не пожретъ ли диктатура и самихъ диктаторовъ, не проберется ли она извнѣ въглубь правящей организаціи, какъ это обыкновенно происходило въ исторіи и неизбѣжно должно происходить. Ибо демократія предполагаетъ свободу и опредѣленный кругъ нерушимыхъ правъ каждаго — и непременно каждаго; если уничтожить механизмъ защиты этихъ правъ въ отношеніи нѣкоторыхъ, — опъ, хотя бы этого и не желали, перестаетъ дѣйствовать въ отношеніи всѣхъ остальныхъ; если сегодня можно совершить чрезвычайную расправу надъ паріей-буржуемъ, то завтра ее можно будетъ произвестн надъ «господствующимъ» пролетаріемъ, такъ какъ это будетъ уже вопросъ не права, а только силы; силу же никакъ нельзя распредѣлить поровну между всѣми членами правящаго слоя, она необходимо сосредоточена въ рукахъ немногихъ, и въ процесѣ насильственнаго утверждѣнія власти кругъ правящихъ все болѣе сокращается, а кругъ управляемыхъ, или утѣсняемыхъ, вмѣстѣ съ неограниченностью произвола и тиранничностью его методовъ, столь же неуклонно растетъ. Отсюда слѣдуетъ, что всякій, готовящій диктатуру надъ другими, долженъ готовиться въ тому, что она и его самого согнетъ подъ свое ярмо, если ему не посчастливится оказаться, въ числѣ немногихъ, на самомъ верху. Диктатура нѣсколькихъ или одного наблюдалась такъ же часто, какъ гибель свободы; но какъ «безличная» власть многочисленнаго класса, она останется самою утопичною изъ утопій.

Еще менше, чѣмъ проблема власти, разработана была въ международномъ социализмѣ до войны основная его задача, социальная, — если не говорить о частичныхъ реформахъ въ дѣлѣ рабочаго законодательства, осуществляемыхъ въ рамкахъ наемнаго труда. Какъ коренное преобразование, она не ставилась на очередь, и надъ нею тяготѣлъ завѣтъ Маркса — не предаваться «живописанію будущаго». Вслѣдствіе этого вопросъ о способахъ и порядкѣ упраздненія наемнаго труда и перехода къ общественному производству оставался внѣ поля зрѣнія интернационала, не подвергаясь разработкѣ ни въ революціонномъ, ни въ реформистскомъ теченіи, — настолько еще признавался жизнеспособнымъ частно-хозяйственный укладъ. Всему этому кругу задачъ суждено было застать рабоче движеніе врасплохъ послѣ войны и вызваннаго ею въ Россіи социальнаго переворота. Это приводитъ насъ къ третьему коренному вопросу интернационала — тому, который всего тѣснѣе связанъ съ его международной природой и дважды сыгралъ въ его судьбахъ роковую роль, — къ вопросу о войнѣ.

2.

Въ 1867 г. засѣдавшій въ Лозаннѣ конгрессъ Международной Ассоціаціи Рабочихъ (Перваго интернационала), въ отвѣтъ на приглашеніе собравшейся въ Женевѣ Лиги Мира, объявилъ ей о своей полной готовности вступить въ Лигу — при условіи, если она приметъ программу интернационала; а на слѣдующемъ, Брюссельскомъ конгрессѣ, интернационалъ предложилъ той-же Лигѣ «присоединиться къ нему». Пренебрежительное отношеніе къ мечтательному «буржуазному насифизму», выразившееся въ этихъ ироническихъ заявленіяхъ, было сполна унаслѣдовано Вторымъ интернационаломъ, но въ то-же время онъ переоцѣнивалъ свои силы въ дѣлѣ предупрежденія войны методами классовой борьбы, которой господствовавшими въ немъ социаль-демократическими партіями придавалось значеніе универсальнаго средства противъ всѣхъ социальныхъ бѣдствій и золъ.

Поскольку рѣчь шла не о томъ будущемъ, наступленію котораго должна способствовать классовая борьба и въ которомъ дол-

жпы исчезнуть, вмѣстѣ съ капитализмомъ, главные поводы къ войнамъ, а о современномъ обществѣ, — оставалось совершенно невыясненнымъ: дѣйствительно ли, особенно при существованіи всеобщей воинской повинности, война противорѣчитъ «интересамъ» рабочихъ не какъ такихъ же людей, какъ всѣ, а не какъ такихъ же гражданъ въ общей массѣ населенія, а какъ особаго отъ другихъ класса; не могутъ ли, наоборотъ, непосредственные ихъ экономическіе интересы, въ условіяхъ наемнаго труда, вовлечь рабочихъ не только физически, но и морально, въ подготовку войны; и достаточно ли появленія въ мірѣ международной рабочей организаціи, въ своемъ цѣломъ отрицающей войну, для того, чтобы дѣйствительно сдѣлать всякій вооруженный конфликтъ между государствами невозможнымъ или остановить его развитіе, когда онъ произойдетъ.

Подобныхъ сомнѣній въ интернаціоналі какъ будто не возникало. Въ концѣ 1912 года онъ предлагалъ войну въ связи съ Балканскимъ кризисомъ, и на своемъ чрезвычайномъ, 9-мъ конгрессѣ въ Базелѣ говорилъ, — «въ предостереженіе правительствамъ»:

«Пусть вспомнятъ, что франко-германская война вызвала взрывъ революціонной коммуны; что русско-японская война привела въ движеніе революціонныя силы народовъ Россіи; пусть не забудутъ, что общественное недомоганіе, порожденное чрезмѣрными военно-морскими расходами, придадо социальнымъ конфликтамъ въ Англій и на континентѣ необычную остроту и привело къ огромнымъ стачкамъ.

«Онп (правительство) будутъ безумны. — продолжала резолюція, — если не почувствуютъ, что самая мысль о члловичной войнѣ возбуждаетъ негодованіе и гнѣвъ въ пролетаріатѣ всѣхъ странъ».

И конгрессъ добавлялъ: «Рабочіе считаютъ преступленіемъ стрѣлять другъ въ друга для выгоды капиталистовъ или гордости династій или ради комбинацій тайныхъ договоровъ».

Были приняты постановленія о необходимости употребить всѣ усилія для борьбы всѣми средствами съ войной.

Разразившаяся мировая катастрофа дала на всѣ вопросы жестокій и рѣшающій отвѣтъ.

Связи — національными, культурными, историческими, соединяющая въ каждой странѣ рабочую массу съ остальнымъ населеніемъ, оказались въ роковую минуту дѣйствительнѣе и крѣпче тѣхъ, которыя протянулись издалека между отдѣльными національными секціями всемірнаго пролетаріата. Война заставила вспомнить, что если классовые интересы раздѣляютъ представителей труда и капитала на два враждебныхъ лагеря, то тѣмъ значительнѣе социальный вѣсъ обширныхъ, какъ во Франціи, среднихъ между ними слоевъ... Что и между самими нанимателями и рабочими существуетъ, — съ чѣмъ не желала считаться ходячая теорія классовой борьбы, — не одна только противоположность непосредственныхъ интересовъ въ области распредѣленія, но и прямое ихъ тождество въ опредѣленныхъ вопросахъ производства и обмена; что процвѣтаніе національной промышленности выгодно, хотя и въ разной мѣрѣ, для тѣхъ и другихъ, а засухи и кризисы убыточны для предпринимателей и бѣдственны для рабочихъ; что слѣдовательно и тѣ и другіе заинтересованы въ обезпеченіи сбыта, въ его расширеніи соотвѣтственно росту производства, въ приобрѣтеніи, а значитъ, иной разъ и въ завоеваніи новыхъ рынковъ и въ сохраненіи старыхъ, если имъ грозитъ захватъ со стороны иностраннаго конкурента.

Нѣмецкая секція была средоточіемъ и душой интернационала. Гдѣ, какъ не въ Германіи, теорія классовой борьбы группировала и воспитывала пролетаріатъ въ теченіе десятилѣтій. И однако нигдѣ организованные рабочіе въ своей массѣ, и даже въ лицѣ подавляющаго большинства соц.-демокр. партіи, не слились со своими классовыми врагами — буржуазіей, въ такомъ единодушномъ порывѣ воинственнаго патріотизма, какъ это случилось въ Германіи, когда она начала всемірную войну. И для тѣхъ, кто имѣлъ возможность близко наблюдать настроеніе нѣмецкихъ рабочихъ въ предшествующіе годы, это вовсе не было неожиданностью. Выдающийся синдикальный дѣятель и публицистъ, секретарь французской федераціи металлургистовъ А. Мерсеймъ еще въ 1911 г., подъ вліяніемъ только что тогда закончившагося 6-го международнаго съезда (въ Бирмингамѣ) рабочихъ по металлу, вездѣ представляющихъ собою, по своему развитію и организованности, передовую часть пролетаріата, — въ рядѣ статей

помѣщенныхъ въ «*Vie Ouvrière*», доказывалъ «приближеніе войны»: такой характеръ носили «яростныя пререканія между английскими и германскими делегатами» на съѣздѣ. Въ рѣчахъ говорилось о «международной рабочей арміи труда», — но также и о «превосходствѣ германскихъ машинъ и организаций», которое англичане признавали. Конгрессъ «фактически былъ ссорой между англичанами и нѣмцами, причемъ первые сохраняли свое невозмутимое спокойное достоинство, а вторые вели себя рѣзко и вызывающе». Потрясенный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, Мергеймъ на обратномъ пути говорилъ болгарскому делегату: «Если таково состояніе умовъ у дѣятелей английскихъ и германскихъ организаций, то каково же оно у правителей этихъ странъ и особенно въ ихъ рабочихъ массахъ. Это — духъ войны, и они сдѣлаютъ ее неизбежной... Годъ спустя состоялся 7-ой конгрессъ — уже въ Берлинѣ, закончившійся торжествами, подъ впечатліемъ которыхъ тотъ же авторъ счелъ себя обязаннымъ указать въ «*Bataille Syndicaliste*» на «болѣзненно его поразившее, достигшее ужасающихъ, гигантскихъ размѣровъ, утвержденіе мощи и господства»^{*)}).

Такъ выразительно, въ подготовкѣ къ назрѣвавшей войнѣ, нѣмецкіе рабочіе являли единныи съ капиталистами фронтъ, настолько, въ силу единства прямыхъ интересовъ въ этомъ случаѣ, самопроизвольный и прочный, что и самая острая борьба между ними изъ-за условій труда едва ли могла бы его поколебать. И если металлургія представляла особенно яркую картину въ этомъ отношеніи, какъ такая вѣтвь промышленности, значительная часть которой работаетъ непосредственно на военныя надобности, то въ приобрѣтеніи новыхъ рынковъ были заинтересованы и всѣ остальные отрасли дѣятельной и сильной индустріи, неудержимо стремившейся къ распространенію. Хозяйственные мотивы неизбежно осложнились національными — и грохотъ войны сразу заглушилъ слабые протесты «независимыхъ», отколовшихся въ эту минуту отъ большинства; они опоздали, и ихъ призывы къ классовой солидарности по существу своему должны были звучать малодѣлательно: развѣ война шла именно съ рабочими? Не съ большимъ

*) См. *Inform. Ouvrière et Sociale*, 5 sept. 1920.

ли даже оспаривать можно было утверждать, что она ведется против *капитала* чужихъ странъ? Да и пытались ли сами протестанты объяснить нападающимъ, что именно они нападаютъ, что именно они несутъ народамъ смерть и одичаніе, а не культуру наилучшаго и павысшаго сорта?

Такимъ образомъ эта война съ особой наглядностью показала — или должна была показать, что классовые интересы — не всегда надежная гарантія мира, и что законъ классовой борьбы имѣетъ не всеобъемлющую, а точно ограниченную сферу дѣйствія, за предѣлами которой онъ безсиленъ. И если съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ рабочее движеніе приняло международный характеръ, на его знамени всегда былъ написанъ пламенный протестъ противъ войны, то это значить, что одна изъ наиболее жизненныхъ задачъ интернаціонала опредѣляется въ дѣйствительности не какими-либо специфическими, особыми интересами рабочего класса, а стремленіями чисто идеалистическаго, гуманитарнаго свойства, пока еще съ большимъ трудомъ нащупывающими себѣ объективную почву.

Оптимизмъ почтенныхъ профессоровъ международнаго права, которые уже съ поль-вѣна неустанно твердятъ намъ о ростѣ социальной и особенно межгосударственной солидарности, какъ о какомъ-то будто бы объективномъ, счастливымъ законѣ историческаго развитія, — ничѣмъ не оправдывается въ дѣйствительности, скорѣе наоборотъ. Война становится жесточе и разрушительнѣе, а капитализмъ даетъ ей новыя орудія и, что еще хуже, неистощимые поводы. Но если бы онъ былъ сегодня упраздненъ, и не только въ передовыхъ странахъ, а во всемъ мірѣ, то достаточно горячаго матеріала осталось бы въ національныхъ антагонизмахъ.

О живучести ихъ и даже независимости отъ хищныхъ империализмовъ убѣдительнѣе всего свидѣтельствуютъ настроенія наиболее непримиримыхъ враговъ капитала. Въ новой свободной Чехіи вождь лѣваго крыла социаль-демократической партіи Шмераль недавно въ публичной рѣчи сказалъ, что «чешскіе рабочіе въ значительной части не довѣряютъ еще нѣмецкимъ и венгерскимъ рабочимъ» *). Въ Германіи коммунисты, по напряженности воинст-

*) «Воля Россіи», Прага, 2 окт.

вующаго націонализма, какъ извѣстно, ни въ чемъ не уступаютъ монархистамъ. На седьмомъ международномъ конгрессѣ рабочихъ по металлу, въ Копенгагенѣ, въ августѣ настоящаго года, — первомъ послѣ войны, — никто иной какъ германскіе коммунисты настойчиво возражали противъ проекта постановленія, безоговорочно осуждавшаго войну, находили ее допустимой въ извѣстныхъ случаяхъ и отстаивали необходимость, для Германіи, производства снарядовъ. Австрійскій делегатъ, на томъ же съѣздѣ, удивлялся, какъ можно высказываться, напр., противъ войны Австрійской республики съ реакціонной Венгріей *). На то, что въ Германіи не только «генералы съ капиталистами», но и коммунисты хотятъ возобновленія военныхъ дѣйствій противъ Франціи, указывалъ Криспинъ въ рѣчи 13 октября на конгрессѣ независимыхъ социалистовъ въ Галле**). Между тѣмъ, ни въ Германіи, ни въ Австріи капитализмъ, какъ извѣстно, не уничтоженъ; это «буржуазныя» республики, для которыхъ, по правиламъ современнаго «коммунизма», не то что реваншъ, а и простая оборона противъ нападенія признаются недопустимыми. Бунтъ возмущеннаго, — справедливо или нѣтъ, это все равно, — національнаго чувства неожиданно опрокидываетъ сектантскіе запреты самаго крайняго интернаціонализма — и завязтые социальные ниспровергатели протягиваютъ руку отъявленнымъ реакціонерамъ... На ближнемъ и дальнемъ Востокѣ стараніями пасифистовъ отнюдь не буржуазныхъ, — дѣятелей Третьяго интернаціонала, усердно разбрасываются обильная сѣмена новыхъ, грядущихъ войнъ. Признаковъ упроченія международной солидарности во всемъ этомъ такъ же мало, какъ въ политикѣ подлиннѣйшихъ имперіалистовъ, нынѣ управляющихъ судьбами государствъ, если еще не меньше. Въ новомъ правовѣдѣніи не напрасно существуютъ скептики, опредѣленно предпочитающіе говорить, вмѣсто «солидарности», только о «взаимозависимости»: это куда менѣе утѣшительно, но зато гораздо болѣе правдиво.

Перестало быть секретомъ для кого бы то ни было, что международное положеніе немногимъ прояснилось въ результатѣ

*) Inform. Ouvr. et Soc., I. c.

***) Humanité, 19 oct.

Версальскаго міра. Здѣсь достаточно замѣтить только одно еще: что если бы всѣ его опасныя промахи были исправлены, а пробѣлы пополнены, всѣ трудности «вознагражденій» благополучно улажены и всѣ границы въ Европѣ установлены щепетильнѣйшимъ образомъ по національному признаку, — то и тогда остался бы обильный источникъ возможныхъ конфликтовъ въ вопросѣ о сферахъ вліянія и колоніяхъ, которыя вѣдь не по національному принципу распределяются между метрополіями, а по спорнымъ соображеніямъ интересовъ и измѣчивому соотношенію силъ, вѣдущимъ чего немислимо размежеваніе ихъ въ «обончательной» формѣ. Если же шагнуть еще дальше въ область предположеній и вообразить, что по плану Третьяго интернаціонала, всѣ полу-варварскія и варварскія колоніи сбросили съ себя западное иго или, еще лучше, великодушнѣе забылены отъ него самими народами Запада, осуществившимися всесвѣтныи социальный переворотъ, то не очутился ли бы преобразенный цивилизованный міръ лицомъ къ лицу съ необходимостью на другой же день организовать рядъ военныхъ походовъ въ экзотическія страны — единственно для уничтоженія воскресшей работорговли, а кое-гдѣ и людоедства? Ибо свобода націи вѣдь обозначаетъ иногда самое страшное порабощеніе человѣка, — порою еще болѣе жестокое, нежели то, въ которое ввергнуты отсталыя расы своими культурными братьями...

Не только на ближайшее, но и на дальнее будущее, запасъ поводовъ къ международнымъ столкновеніямъ остается, при всѣхъ гипотезахъ, неисчерпаемымъ и неустранимымъ. Вѣдь твердаго сознанія этого факта всякій пацифизмъ — и буржуазный и антибуржуазный — одинаково будутъ висѣть въ воздухѣ.

Проблема міра не могла не сдѣлаться первою положительной задачей того историческаго періода, который открылся послѣ отбушевавашаго кроваваго потопа. Но она нигдѣ не имѣетъ готовой почвы ни въ національныхъ, ни въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, ни въ социальномъ строѣ. Для ея рѣшенія мало усилій одного лишь рабочаго класса, какъ бы онъ ни былъ крѣпко организованъ: когда бьетъ роковой часъ, государственная власть, независимо отъ ея формы — «рабоче-крестьянская» дѣлаетъ это не хуже другихъ, — хватается крестьянъ и пролетаріевъ, вмѣстѣ со всѣми прочими, и обращаетъ ихъ въ пушечное мясо.

Если потребность мира находитъ себѣ въ чемъ-нибудь опору, то не въ исключительномъ классовомъ самосознаніи, а въ общемъ, гражданскомъ правосознаніи, выросшемъ въ условіяхъ народовластія, съ его культомъ личности и ея правъ, въ корнѣ отрицаемыхъ войной. Главному возбудителю современныхъ войнъ — алчности капитала, составляющей внутренней законъ его сохраненія и роста, а потому и неустраивимой, пока онъ существуетъ, это правосознаніе, не мирящееся съ закономъ массоваго истребленія людей, можетъ преградить дорогу тогда лишь, когда оно сплотитъ трудъ съ промежуточными между нимъ и капиталомъ общественными слоями въ стойкое большинство для объединеннаго длительного усилія. Недостаточно и не всегда возможно «прямое дѣйствіе» — возстаніе или стачка. Цѣлью объединеннаго большинства должно быть отнятіе у государства самой возможности обращать ненабѣжныя столкновенія, каковы бы ни были ихъ причины, въ вооруженныя дуэли. Путь къ этому былъ и есть одинъ только — публично правовой. Дополнить систему демократическихъ учреждений еще однимъ и высшимъ — надгосударственнымъ, разрешающимъ принудительно все конфликты, — это рѣшеніе проблемы мира остается наименѣе утопичнымъ хотя бы потому, что оно остается единственнымъ.

Но только послѣ крушенія Второго интернаціонала обозначилась въ международномъ социализмѣ группировка, признающая необходимость постановки на очередь публично правовой организаціи мира.

3.

Второй интернаціональ, существовавшій, пока длился миръ, и подобно своему предшественнику не пережившій войны, былъ разорванъ ею сперва на два враждебныхъ лагеря соответственно двумъ сражавшимся коалиціямъ. Но это внѣшнее дѣленіе вскорѣ осложнилось внутреннимъ. Образовалось два объединенія и множество отдѣльныхъ національныхъ партій, продолжающихъ неудержимо дробиться внутри. Въ связи съ большевистскимъ переворотомъ 1917 г., внутренняя борьба вызывается разнымъ отношеніемъ уже не только къ войнѣ и національной защитѣ, но и къ со-

ціальной революціи — расколъ идетъ по всѣмъ основнымъ идеямъ интернаціонала. Совершается поляризація всего несогласнаго, что было въ нихъ вѣтше объединено. И по мѣрѣ того, какъ взгляды опредѣляются — они все дальше расходятся между собою — несмотря на то, что во всѣхъ социалистическихъ партіяхъ произошелъ совершенно одинаковый, огромный общій сдвигъ въ оцѣнкѣ дальнейшей жизнеспособности капиталистическаго уклада.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно заглянуть въ рѣшенія наиболѣе умѣренныхъ «реформистовъ», группирующихся во Второмъ интернаціоналѣ, возобновленномъ на Женевскомъ конгрессѣ 1-6 августа 1920 года. Постановление этого съѣзда по вопросу «о политической системѣ социализма», принятое всѣми голосами противъ одного, начинается слѣдующими знаменательными словами: «Возрастающій распадъ капиталистическаго строя, ускориившійся въ годы войны и еще продолжающійся въ настоящее время, требуетъ повелительнѣе, чѣмъ когда-либо, принятія на себя власти трудовымъ классомъ» *). Указывая, что распадъ пошелъ быстрѣе во время войны, резолюція ничего не говоритъ о томъ, когда именно онъ начался, и съ какихъ именно поръ капитализмъ пересталъ быть факторомъ, развивающимъ и автоматически «организуящимъ производство». Во всякомъ случаѣ Второй интернаціоналъ въ оцѣнкѣ создаваемаго положенія не расходится съ партіями, ушедшими отъ него далеко влѣво. Но его отдѣляетъ вопросъ о методахъ дѣйствія, а вся суть именно въ нихъ. Насильственный переворотъ или социализація демократическими путями? — такъ ставится альтернатива, разсѣкающая интернаціоналъ еще глубже, чѣмъ его раскола война.

Легко понять, что два полюса, двѣ крайнія группировки, наметившіяся въ результатъ раскола, должны были сложиться въ зависимости отъ высоты политическаго и промышленнаго развитія странъ, точнѣе говоря — отъ прочности въ нихъ демократическаго строя и численности и степени развитія рабочаго класса. Если очагъ насильственной социальной революціи удалось воздвиг-

*) Передо мной два текста резолюцій Женевского конгресса: одинъ — въ соц. журналѣ «Avenir» (août — septembre), другой — въ «Vie Socialiste» (14 août); послѣдній, повидимому, въ большинствѣ случаевъ точнѣе.

нута въ Россіи, не успѣвшей извѣдать народовластія, съ ея слабой промышленностью и исчезающимъ пролетаріатомъ, часть остатковъ котораго искусственно поднята на подмостки *Третьяго* интернаціонала, то ядро *Второго* образовали передовыя демократин — Англія и Бельгія, гдѣ рабочіе составляютъ огромную и высоко организованную массу населенія; гдѣ они прямой дорогой демократической эволюціи естественно приближаются къ власти и неустрашимо должны придти къ ней, если ураганъ всемірной реакціи, неизбежный въ случаѣ попытки насильственнаго переворота въ средней Европѣ, не отброситъ ихъ назадъ; гдѣ они уже теперь оказываютъ порою рѣшающее вліяніе на политику своихъ правительствъ, какъ это произошло, напр., въ Англіи по вопросу о военной интервенціи и о блокадѣ Россіи.

Какія новыя слова могъ возвѣстить міру большевизмъ изъ глубины вымирающей страны, имъ же обращенной въ развалины, — кромѣ словъ разрушенія, вражды и смерти? Самъ онъ считаетъ себя только послѣдовательнымъ развитіемъ чистаго марксизма и недаромъ олицетворяется фигурою «ученика»-Ленина съ его неразлучными «тремя томами Маркса» на столѣ.

Когда современный коммунизмъ выводитъ всю свою теорію и практику по прямой линіи изъ «паучаго социализма», — тутъ дѣло не обходится, конечно, безъ нѣкоторой натяжки. Не вдаваясь въ утонченныя контроверзы, въ этомъ легко убѣдиться на слѣдующемъ примѣрѣ. Каутскій въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій считался всеми, не исключая и большевиковъ, самымъ вѣрнымъ истолкователемъ Маркса, точнымъ выразителемъ его идей. Однако, въ то время какъ Марксу повсемѣстно въ совѣтской Россіи (даже въ Пензѣ) воздвигаются памятники, какъ духовному отцу коммунизма, Каутскій причисленъ къ сонму «полу-реформистовъ», объявленъ «соціаль-предателемъ» и въ качествѣ такового преданъ отлученію. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что если бы Марксъ былъ живъ и имѣлъ возможность опровергать большевистскія толкованія его взглядовъ, а Каутскій покоился бы въ землѣ, то къ лику отцовъ коммунизма, сопричислился бы именно онъ, а Маркса пришлось бы развѣчивать въ соціаль-предателя и «рenegаты».

Это весьма вѣроятно. Но достоиѣрно то, что вожди *Третьяго*

интернационала, въ порядкѣ толкованій Маркса, по-своему разсѣкли всё идеологическіе гордые узлы, всё явныя и скрытыя противорѣчія международнаго социализма, о которыхъ говорено было выше, и, использовавъ его неясности, просто сбросили прочь, какъ мелко-буржуазное и реакціонное, все, что связывало нѣзъ руки.

Отправляясь изъ положенія, что капиталистическій строй «поколебленъ въ своихъ основахъ»*), «разстраивается все болѣе и болѣе» (53-54), — «обращается въ развалины» (55)**), и даже уже «лежитъ въ обломкахъ»***), — III-й интернаціоналъ добавляетъ къ этому столь же категорическое утвержденіе, что борьба классовъ «почти во всѣхъ странахъ Европы и Америки вступитъ въ фазисъ гражданской войны» (п.3), и больше того: что мы уже находимся «въ эпохѣ острой гражданской войны» (п. 12). Провозгласивъ это какъ факты, не требующіе доказательства, московскіе коммунисты основываютъ на нихъ своевременность установленія пролетарской диктатуры и тщательно опредѣляютъ ея понятіе, въ которомъ отъ прежней двойственности дѣйствительно не остается и слѣда. Такая опредѣленность впрочемъ достигнута была не сразу. Она росла по мѣрѣ того и въ соответствии съ тѣмъ, какъ внутренняя политика совѣтской власти въ Россіи получала, снѣжую всѣхъ, болѣе отчетливое выраженіе.

На своемъ учредительномъ съѣздѣ въ мартѣ 1919 г. Московскій интернаціоналъ еще платилъ дань утопической идеѣ диктатуры пролетаріата въ его цѣломъ и имѣлъ слабость прилагать къ ней эпитетъ «демократической». «Система совѣтовъ», — говори-

*) При изложеніи взглядовъ III-го интернаціонала я чаще всего пользуюсь сборникомъ L.-O. Frossard: „Le Parti socialiste et l'Internationale“. Paris, 1920. Цифры въ скобкахъ указываютъ страницы этого сборника, а съ добавленіемъ «п.» — обозначаютъ пункты „21 условий“, установленныхъ III-мъ интернаціоналомъ для партій, желающихъ къ нему присоединиться (опубл. въ l'Humanité, 8 oct.).

**) „Тезисы“, представленныя Н. Ленинымъ 2-му конгрессу III-го интернаціонала.

***) „Коммунизмъ возникаетъ нынѣ на обломкахъ капиталистическаго общества.“ Manifeste et résolution de l'Internationale Communiste. Edit. „Clarté“, Paris, 1919.

лось въ его резолюціи о демократіи и диктатурѣ, — «обеспечивать... возможность истинной пролетарской демократіи, демократіи для пролетаріата и въ пролетаріатѣ, направленной противъ буржуазіи. Въ этой системѣ преобладающее положеніе обеспечено промышленному пролетаріату, которому принадлежитъ, въ силу его лучшей организованности и большаго политическаго развитія, роль правящаго класса, гегемонія котораго позволить полу-пролетаріату и крестьянской бѣднотѣ подняться постепенно»^{*)}).

Правящимъ классомъ здѣсь объявляется промышленный пролетаріатъ вообще, — и въ «истинной пролетарской демократіи» подчиненное положеніе вполнѣ «обеспечивается», кромѣ буржуазіи, только еще непролетарскимъ трудовымъ элементамъ. Но уже передъ открытіемъ второго конгресса (23 іюля т. г.) Ленинъ, въ засѣданіи исп. комитета, въ присутствіи французскихъ делегатовъ, далъ другое опредѣленіе пролетарской диктатуры, въ которомъ кругъ правящихъ замѣтно суживается, а масса управляемыхъ расширяется чрезвычайно:

«Государствомъ становится передовая часть пролетаріата — противъ буржуазіи и противъ наименѣ развитой части рабочаго класса, включая и реформистовъ, съ которыми мы обходимся какъ съ буржуа» (16).

Это уже не «демократія въ пролетаріатѣ и для пролетаріата». Наименѣ развитая часть рабочаго класса — не какіе-то тамъ «полупролетаріи»: это всё рабочіе, кромѣ «передовой части»; и вмѣсто расточенія жалкихъ словъ о «гегемоніи, позволяющей постепенно подняться», по ихъ адресу произносится краткое и недвусмысленное «противъ».

Какъ, однако, распознать передовыхъ и въ силу этого имѣющихъ право на власть, — если, напр., всё реформисты, независимо отъ степени своего развитія, причисляются къ остальнымъ? Отличительный признакъ для этого дается совершенно безошибочный: принадлежность къ коммунистической партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ меркнетъ идеалія «правлящихъ» совѣтовъ, а всё прежнія формы рабочаго движенія просто упраздняются. Фактическая понятная

^{*)} Manifeste et résolution de l'Internationale Communiste p. 29.

эволюція политики Московскаго правительства здѣсь облекается въ торжественныя формулы вновь открытых всеобщихъ социологическихъ истинъ.

«Старое классическое подраздѣленіе рабочаго движенія на три формы — партій, синдикатовъ и кооперативовъ — *отжило свой вѣкъ*. (Курсивъ мой. А. С.). Пролетарская революція создала въ Россіи существенную форму пролетарской диктатуры, — *совѣты*. Но работа въ совѣтахъ, такъ же какъ въ промышленныхъ синдикатахъ, ставшихъ революціонными, должна неизмѣнно и систематически быть направлена партией пролетаріата, — т. е. партией коммунистической» (50*).

Партия — все. «Организованный авангардъ рабочаго класса, коммунистическая партия въ равной мѣрѣ отвѣчаетъ экономическимъ, политическимъ и духовнымъ потребностямъ всего рабочаго класса въ цѣломъ. Она должна быть душой синдикатовъ, совѣтовъ и всѣхъ прочихъ пролетарскихъ организацій» (тамъ-же).

Но она должна быть не только «душой». Германскимъ «лѣвымъ коммунистамъ», которые въ своемъ манифестѣ (14 апр. т. г.), навивно слѣдуя совѣтской тропой, поторопились признать, что «партия тоже должна все болѣе примѣняться къ совѣтской идеѣ и пролетаризироваться», — Ленинъ возражаетъ, что въ этомъ онъ видитъ «намекъ на необходимость для коммунистической партіи раствориться въ совѣтахъ, которые могутъ ее замѣнить»: такое мнѣніе Ленинъ объявляетъ «глубоко ошибочнымъ» и «реакціоннымъ»^{*)}. Наоборотъ, «для того, чтобы совѣты могли выполнить свою историческую миссію, необходимо существованіе коммунистической партіи, достаточно сильной, чтобы... *принудить* ихъ (Курсивъ здѣсь и ниже мой. А. С.) не примѣняться къ буржуазіи и официальной социалдемократіи... (51). Борьба классовъ требуетъ «единого руководительства всѣми формами рабочаго движенія, — въ видѣ синдикатовъ, кооперативовъ, заводскихъ комитетовъ, народныхъ университетовъ, выборовъ и т. д.» Этими «центральнымъ руководящимъ органомъ можетъ быть только коммунист. партия», и *подчиненіе* ей признается обязательнымъ (49). Коммунисты

*) „Тезисы“ Н. Ленина.

**) Тамъ-же.

должны «фактически подчинить коммунистической партіи синдикаты и рабочіе комитеты» (57). А затѣмъ, въ заключительныхъ тезисахъ, уже безо всякихъ обиняковъ устанавливается слѣдующая любопытная іерархія: «коммунистическая партія — *правящая*; пролетаріатъ — классъ революціонный; масса, — т. е. совокупность трудящихся и эксплуатируемыхъ»; и успѣхъ борьбы съ капитализмомъ объявляется зависящимъ отъ существующаго между этими тремя величинами «соотношенія силъ» (79).

Послѣ такого низведенія пролетаріата съ высоты класса правящаго на ступень, такъ сказать, заурядъ-революціоннаго, а «существенной формы пролетарской диктатуры», совѣтовъ, на болѣе скромную роль простыхъ органовъ подчиненнаго управленія, обязанныхъ споспѣшествовать видамъ правительства и творить его волю, — что еще оставалось? Оставалось сдѣлать тотъ послѣдній шагъ, противъ котораго, не понимая его логической неизбежности, такъ простоудушно протестуетъ Фрицъ Адлеръ: уничтожить демократизмъ во внутреннемъ устройствѣ самой коммунистической правящей партіи. Этотъ шагъ не заставилъ себя ждать. Партія организуется на началахъ: *централизации*, которая *есуе* названа «демократической», — ибо централизмъ демократизму противорѣчить, — и «железной», «военной» дисциплины. При этомъ, въ зависимости отъ политической обстановки, допускается «нѣкоторое ограниченіе выборнаго начала» и «попозволеніе руководящихъ органовъ новыми членами путемъ кооптаціи» (51-52). Кругъ завершёнъ — вся «безличная», «классовая» власть находится въ рукахъ нѣсколькихъ личностей партійнаго «центра».

Разрушается, наконецъ, и послѣдняя иллюзія—о «временномъ» характерѣ диктатуры: ея носительница, коммунистическая партія, объявляется «необходимой рабочему классу» — не только до и во время завоеванія власти, но и *послѣ* (Подчеркнуто въ «Тезисахъ»), — во всякомъ случаѣ впредь до того неопредѣленнаго срока, «когда рабочий классъ сдѣлается весь коммунистическимъ» (51).

Въ этихъ ясныхъ, отчетливыхъ формулахъ подлинная объективная сущность «диктатуры пролетаріата» отчеканена какъ изъ твёрдаго металла. Если отбросить провозглашаемые лозунги и цѣ-

ля и всю декоративную часть, то въ остаткѣ получается военно-полицейское государство, управляемое олигархически, и рабочая масса, обращенная въ безправныхъ его крѣпостныхъ. Совѣтская практика не искажаетъ, а въ точности отражаетъ тѣ принципы, на которыхъ она построена.

Такіе результаты могли бытъ достигнуты только въ политически и хозяйственно отсталой странѣ, и то лишь при особыхъ историческихъ условіяхъ, бросившихъ въ руки диктаторовъ разбитую и развалившуюся огромную, на шесть седьмыхъ крестьянскую, армію. Но эту историческую обстановку они совершенно игнорируютъ, и плоды своего «опыта» обращаютъ въ общія нормы социальной революціи, приѣмлемыя при всякихъ обстоятельствахъ и во всякой общественной средѣ.

Изъ того, что коммунисты были и остаются ничтожнымъ меньшинствомъ въ Россіи, они выводятъ общее правило: требовать, чтобы, для совершенія «соціальной революціи», «авангардъ пролетаріата» предварительно привлекъ на свою сторону большинство населенія «путемъ выборовъ въ буржуазные парламенты, буржуазныя учредительныя собранія и пр.», — не только не трудно, но и невозможно (41). Уничтоживъ въ Россіи всѣ зачатки народныхъ вольностей, они доказываютъ необходимость вообще «повончить съ буржуазной ложью свободы печати, свободы собраній» и пр. (42-43). Совершенно такъ-же, возражая нѣмцамъ «независимымъ», указывавшимъ на Лейпцигскомъ конгрессѣ на «моральную недопустимость рабочаго террора», они приходятъ къ утвержденію, что именно этотъ протестъ представляеть собою «ничто иное какъ *изсращеніе революціонной рабочей совѣсти*» (42, курсивъ подлинника). Разрушивъ своимъ властованіемъ хозяйство огромной страны, они провозглашаютъ, что «пролетаріатъ, для обезпеченія успѣха своей революціи, не имѣетъ права бояться временнаго уменьшенія промышленнаго производства» (62). И, наконецъ, чтобы обезпечить эти реакціонные парадоксы отъ опасной для нихъ критики, они усиливаются обезглавить европейскій пролетаріатъ, объявивъ «безопасную войну» едва-ли не всѣмъ, находящимся въ живыхъ, признаннымъ вождямъ международнаго рабочаго движенія: теоретикамъ, какъ Каутскій, Гильфердингъ, Фридрихъ Адлеръ, Отто Бауэръ, парламентскимъ дѣятелямъ — Вандервельдъ,

Бравянгу, Ф. Турати, руководителямъ синдикатовъ — Жуо, Мергейму, Макъ-Дональду, Хилквиту и т. д., которые, всё, а съ ними многие другіе, объявлены измѣнниками и предателями рабочаго класса. Укоряя западный пролетаріатъ, который «мирно довольствуется выступленіями и усиліями, направляемыми къ улучшенію своего буржуазнаго положенія, порою весьма удовлетворительнаго», Н. Ленинъ добавляетъ: «такъ именно происходить дѣло во многихъ передовыхъ странахъ, гдѣ существуетъ «рабочая аристократія» — основа якобы социалистическихъ партій Второго интернаціонала, но, въ дѣйствительности, смертельные враги социализма, измѣнники его ученія, буржуазные шовинисты и агенты капиталистовъ среди рабочихъ» (58). «Надо сбросить, — заявляетъ онъ же, — всѣхъ этихъ представителей рабочей аристократіи... со всѣхъ мѣстъ, которыя они занимаютъ, и замѣнить ихъ рабочими даже неопытными, но близкими эксплуатируемой массѣ и пользующимся ея довѣріемъ въ борьбѣ съ эксплуататорами» (81). Всѣ эти вожди пользуются однако именно такимъ довѣріемъ издавна, и на свои ответственныя должности не назначаются, а избираются голосованіями, во всякомъ случаѣ свободными отъ вооруженнаго «руководительства» какой бы то ни было диктатуры. И своеобразное, въ сущности, зрѣлище представляють московскіе власти, отсиживающіеся за крѣпкими стѣнами Кремля и оттуда указывающіе рабочимъ всего міра, кого имъ не надо выбирать. Но эта инстинктивная вражда къ рабочей интеллигенціи, это стремленіе предпочесть ей неопытныхъ рабочихъ «даже и на важнѣйшихъ правительственныхъ постахъ», — характерны для того вырождающагося и одиалаго, военно-приказнаго социализма, каковымъ является правящая московскій коммунизмъ. Иначе, какъ путемъ устраненія лучшихъ силъ рабочей культуры, не можетъ утвердить своего господства этотъ новоявленный «савангардъ» пролетаріата, прямымъ своимъ предтечею имѣвшій у насъ махаевщину.

Рабочій интернаціоналъ могъ развиваться въ широко развѣтвленный открытый союзъ только въ свободныхъ политическихъ условіяхъ Запада и подъ давленіемъ международнаго капитала. Онъ былъ дѣтищемъ капитализма и демократіи, двухъ историческихъ организующихъ началъ, почти равно чуждыхъ Россіи, — и, мо-

жетъ быть, не простая игра случая то, что разрушительные ферменты внесены были въ интернаціональ оттуда, гдѣ эти начала были наиболѣе слабы; что его первая организація была взорвана гениальнымъ бунтарствомъ тверского помѣщика, а распыленіе второй довершается опустошительнымъ централизмомъ симбирскаго дворянина. Достоверно, во всякомъ случаѣ, что всесвѣтнѣй коммунистическій «организаторъ» Н. Ленинъ выполняетъ по отношенію ко Второму интернаціоналу ту-же разлагающую роль, какая въ Первомъ была сыграна знаменитымъ отцомъ анархизма, но дѣлаетъ это съ гораздо большимъ успѣхомъ и въ неамѣримо грандіознѣйшемъ размѣрѣ.

Условія допущенія въ Третій интернаціональ, выработанныя на 2-мъ его съѣздѣ, представляютъ изъ себя лишь развитіе, иногда точное повтореніе, тезисовъ Ленина. Этѣхъ условій опубликовано было во французской печати сперва только 9, затѣмъ 21, теперь ихъ считается 22, а могло бы быть и въ десять разъ больше, ибо на строительство всемірной организаціи распространено правило полицейскаго государства, требующее, чтобы все опредѣлялось приказами изъ центра. Партіямъ вѣняется въ обязанность прежде всего со всѣхъ общественныхъ должностей неуклонно устранять «реформистовъ и людей центра» (п. 2); «безоговорочно, окончательно и въ кратчайшій срокъ» совершить «полный разрывъ съ реформизмомъ и съ политикой центристовъ» (п. 7); всѣхъ членовъ, «принципально отвергающихъ условія и тезисы 3-го интернаціонала» исключить изъ своей среды (п. 21) и сверхъ того «отъ времени до времени» предпринимать соотвѣтственную «чистку личнаго состава партійной организаціи» (п. 13); перестроиться на принципахъ «демократической централизаціи» и «железной дисциплины» (п. 12); «пересмотрѣть свою программу» и «въ возможно кратко время» представить такую на утвержденіе конгресса интернаціонала «или его исполнительнаго комитета» (п. 15); и самое свое названіе «соціалистическая» измѣнить на «коммунистическая» (п. 17). Во внѣшней своей дѣятельности — «всюду... клеймить раскаленнымъ желѣзомъ, систематически и безпощадно, не только буржуевъ, но и ихъ пособниковъ-реформистовъ всѣхъ отгѣнковъ» (п. 1); разоблачать «не только открытѣйшій соціаль-патріотизмъ, но и лицемеріе со-

циаль-пацифизма» (п. 6); агитировать въ деревняхъ съ дѣлью «привлечь на свою сторону сельскій пролетаріатъ и хотя бы часть крестьянской бѣдноты» и «обезпечить себѣ нейтралитетъ остального сельскаго населенія своей политикой» (п. 5); «поддерживать освободительныя движенія въ колоніяхъ» (п. 8) и вести агитацію, хотя бы нелегальную, въ войскахъ (п.п. 4, 8, 14). Ссылаясь на неадежность «буржуазной законности», — московскія «условія» пытаются направить европейское рабочее движеніе на чуждый всему его прошлому заговорническій путь, *обязывая* партію къ «параллельному» устройству «нелегальнаго организаціоннаго аппарата», который «въ рѣшительный моментъ поможетъ имъ выполнить свой долгъ по отношенію къ революціи» (п. 3). Въ предвкушеніи будущихъ благъ, свободолюбивому европейскому пролетарію рекомендуется подышать воздухомъ того забытаго подполья, которое въ «буржуазныхъ» демократіяхъ оставалось пока достояніемъ только монархическихъ конспирацій: какъ многозначителенъ этотъ первый этапъ на пути къ «пролетарской» диктатурѣ!

Внутри всѣхъ массовыхъ рабочихъ организацій — синдикатовъ, рабочихъ и фабричныхъ совѣтовъ, кооперативовъ, — предписывается создать «коммунистическія ячейки» (п. 9), которыя «спокойно подчиняются партіи» («будетъ ли ея дѣятельность легальной или тайной», — добавляют «тезисы» Ленина). (52).

Партіи обязываются «вести упорную борьбу противъ Амстердамскаго интернаціонала желтыхъ синдикальныхъ федерацій... Доказывать необходимость разрыва съ желтымъ Амстердамскимъ интернаціоналомъ и всѣми способами поддерживать возникающій международный союзъ Красныхъ Синдикатовъ, присоединившійся къ коммунистическому интернаціоналу» (п. 10).

Въ видѣ обобщающей формулы. Третій интернаціоналъ провозглашаетъ (въ п. 17), что онъ «объявляетъ войну» не только «всему буржуазному міру», но и «всѣмъ желтымъ демократическимъ социалистическимъ партіямъ». Но мы только что видѣли, что онъ объявилъ ее и всемірной профессиональной федераціи, объединяющей большинство организованныхъ рабочихъ всѣхъ странъ независимо отъ ихъ политическихъ мнѣній. Классовая борьба, направленная къ насильственному водворенію партійной

диктатуры подъ видомъ пролетарской, обращается въ повсемѣстную междуусобную борьбу внутри рабочаго класса, раздѣляемаго, для вѣншей наглядности въ битвѣ, на два цвѣта: «красный» и «желтый».

Главной задачей Московскій интернаціональ ставить себѣ быть «организацией борьбы». Для того и предназначены всѣ «условія», образующія «засовъ на его дверяхъ», чтобы не впускать «реформистовъ», «полу-реформистовъ», «центристовъ», «соціал-пацифистовъ» и «соціал-предателей» вообще. Для той же цѣли въ его устройствѣ повторены партійные организаціонные принципы Москвы. Всѣ рѣшенія не только конгрессовъ коммунистическаго интернаціонала, но и его исполнительнаго комитета «обязательны для всѣхъ партій, принадлежащихъ къ коммунистическому интернаціоналу», который, «дѣйствуя въ періодъ напряженной гражданской войны, долженъ быть построенъ на гораздо болѣе централизованной основѣ, чѣмъ это было во Второмъ интернаціоналѣ». Къ этому добавлено: «однако, коммунистическій интернаціональ и его исполнительный комитетъ будутъ считаться во всей своей дѣятельности съ различными обстоятельствами, среди которыхъ разнымъ партіямъ приходится дѣйствовать и бороться, и будутъ принимать общеобязательныя рѣшенія только въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ это возможно» (п. 16). Следовательно, не только конгрессъ, но и исполнительный комитетъ можетъ, когда самъ найдетъ это нужнымъ, принимать рѣшенія, обязательныя для коммунистическихъ партій отдельныхъ странъ и всего міра.

Границы полномочій исполнительнаго комитета не определены. Имѣя въ виду, что созвать правильный международный конгрессъ вообще трудно, а сдѣлать это въ короткій срокъ, по случаю какихъ-нибудь обстоятельствъ, требующихъ безотлагательнаго дѣйствія, — и вовсе невозможно, — правило 16-го параграфа означаетъ, что командованіе босвыми выступлениями пролетарскаго «авангарда» отдельныхъ странъ сосредоточивается въ «исполнительномъ комитетѣ», и что подготовляемая «всемирная соціальная революція» можетъ, по его благоусмотрѣнію, быть декретирована приказомъ изъ Москвы.

Насильственный переворотъ, захватъ власти — это вѣдь, одна-

но, только средство для коренной социальной перестройки, которая одним лишь отрицательнымъ актомъ экспроприации, хотя бы и всеобщей, не исчерпывается, а требует немедленной организации промышленности на новыхъ началахъ. Речь идетъ уже не о «живописаніи будущаго», а о рѣшеніяхъ, которыя необходимо послѣ переворота тотчасъ же проводить въ жизнь. И какъ разъ въ этой-то области коммунистическій интернаціональ оставилъ зияющую пустоту. «Манифестъ», опубликованный его первымъ конгрессомъ, тщетно пытается ее заложить на 3 съ пол. разогнанныхъ страничкахъ брошюрнаго формата ¹⁾, удѣляя собственно обществу производствa и распредѣленія по нѣскольکو строкъ — по нѣскольکو общихъ фразъ, все содержаніе которыхъ сводится къ безконечному повторенію самаго слова «соціализація» — съ добавленіемъ «централизація». Что же касается второго съѣзда, наполнившаго міръ шумомъ своихъ «условій допущенія», то онъ этотъ вопросъ обошелъ полнымъ молчаніемъ, которое назвать стыдливымъ было бы едва ли уместно, но признать показательнымъ слѣдуетъ. Передъ его глазами разстилалось то оголенное и грустное, огромное опытное поле, которое было когда-то Россіей. Безъ малаго три года производился на немъ всевильной, централизованной, «пролетарской» властью «соціальный опытъ» — и результаты его были таковы, что ихъ оставалось только оправдывать вражескими кознями, но и за жѣмъ тѣмъ возвести въ принципъ никакую диалектику нельзя было. Зияетъ грозная пустота. Коммунистическій интернаціональ безсиленъ вывести какія бы то ни было положительныя рѣшенія о планѣ и методахъ организации производствa въ коммунистическомъ государствѣ — послѣ «рѣшительнаго разрыва съ реформизмомъ», «насилованнаго соціального переворота», въ *нормальныхъ* для его опыта условияхъ гражданской войны. Банкротство системы насилія въ дѣлѣ соціального строительства выступаетъ наружу и сквозь блокаду.

Чтобы закончить характеристику основныхъ чертъ III-го интернаціонала, необходимо уяснить, что онъ несетъ съ собою народамъ въ вопросахъ войны и мира. Если въ старыхъ традиціяхъ международнаго соціализма было лишь пренебреженіе къ тогдашнимъ

¹⁾ "Manifeste", etc., pp. 30-33.

мечтательнымъ проектамъ всеобщаго мира, но на первый планъ выдвигалось противодѣйствіе войнѣ, то интернаціональ коммунистическій направляетъ свои усилія преимущественно на борьбу съ «соціаль-пацифизмомъ». Какъ уже указывалось выше, онъ вмѣняетъ въ обязанность примыкающимъ къ нему партіямъ «разоблачать» не только «открытый социаль-патріотизмъ», но и «неискренность и лицемеріе социаль-пацифизма», — ибо «безъ революціоннаго низверженія капитализма никакой международной арбитражъ, никакія конвенціи объ ограниченіи вооруженій, никакое демократическое обновленіе Общества Націй не могутъ воспрепятствовать новой империалистической войнѣ». («Условія», п. 6)

Отсюда, казалось бы, вытекаютъ два заключенія.

Первое — что и старый интернаціональ, какъ дѣйствовавшій еще въ эпоху капитализма, не имѣлъ никакой возможности воспрепятствовать той империалистской войнѣ, допущеніе которой вмѣняется ему въ вину «нелицемерными» вождями коммунист. интернаціонала.

Второе — что и самъ коммунист. интернаціональ, впрямь до «революціоннаго низверженія капитализма» во весь міръ, — событія, срокъ котораго имъ пока еще не установленъ, — будетъ не въ лучшемъ положеніи. Ибо прибавить къ существующимъ національнымъ дѣленіямъ расколъ на «красныхъ» и «желтыхъ» внутри рабочаго класса всѣхъ государствъ, — еще не значить увеличить силу его противодѣйствія войнѣ.

Но зато пролетаріату всѣхъ странъ предлагается новое, лишь въ 1917 г. изобрѣтенное большевизмомъ средство борьбы съ войной, — въ видѣ сопротивленія чужеземному нашествію, откуда бы оно ни явилось: «Нѣтъ національной защиты при капиталистическомъ строе!» Сторонники національной обороны при всякихъ условіяхъ объявляются «социаль-патриотами» или «социаль-предателями». Право войны признается только за государствомъ коммунистическимъ, и, судя по внѣшней политикѣ Москвы, твердо не ограничивается обороной.

Политика Третьяго интернаціонала фактически враждебна не только «буржуазному» и «соціальному», а всякому пацифизму вообще, всей работѣ, имѣющей цѣлью обезпечить отдыхъ народамъ послѣ всесвѣтной бойни. Не видя въ томъ сложномъ продуктѣ борьбы

между империализмомъ и подлинными демократическими усилиями къ его обузданию, который вылился въ искаженную форму Общества Націй, «ничего болѣе какъ организацію междунагоднаго капиталистическаго разбоя» («Тезисы», 57) въ интересахъ державъ Согласія, Московскій интернаціоналъ самъ становится явно на сторону противоположной коалиціи, интересы которой должны бы быть не менѣе чуждыми всемірному пролетариату. Повторяя Гогенцоллернское искаженіе исторической истины, послѣ рѣшающихъ разоблаченій Лихновскаго, послѣ признаній самихъ германскихъ мажоритеровъ, онъ торжественно заявляетъ въ своемъ «Манифестѣ», что вселенская война была вызвана «прямой и сознательной провокаціей со стороны Великобританіи». *) Совѣтская власть заключаетъ союзъ съ правительствомъ Ангоры «для обезпеченія защиты турецкихъ странъ противъ империализма державъ Согласія» и дѣйствуетъ противъ социалистически управляемыхъ республикъ Грузіи и Арменіи, какъ «креатуръ Анталты», совмѣстно съ такими «революціонерами» какъ Кемаль и Энверъ-паша. По почину III-го интернаціонала и подъ его покровительствомъ созывается въ Баку чисто націоналистическій съѣздъ восточныхъ народовъ. Съ «нелицемерными» оговорками о «борьбѣ съ панисламизмомъ» въ колоніяхъ и остальныхъ странахъ и о *поддержкѣ* въ нихъ буржуазно-демократическаго движенія «лишь при условіи, чтобы элементы будущихъ коммунистическихъ партій (въ этихъ странахъ) были сгруппированы и освѣдомлены о своей особенной мисси... бороться съ буржуазными и демократическимъ движеніемъ» («Тезисы», 66-67), — третій интернаціоналъ раздуваетъ пламя національнаго движенія въ колоніяхъ, подымаетъ Востокъ противъ Запада, готовитъ въ будущемъ новые фронты на Востокъ, поводя колониальныя войны между государствами обоихъ полушарій, — для болѣе успѣшнаго сокрушенія капиталистическаго строя: ибо въ этомъ единственная цѣль провозглашаемаго имъ «освобожденія угнетенныхъ народовъ». Противъ передовыхъ странъ — отсталыя, противъ Европы — Азія, во имя коммунизма, — въ этомъ не только особенность — въ этомъ вся сущность военной политики Третьяго интер-

*) Тамъ-же, стр. 7.

націонала. Она съ неизбежною вытекаетъ изъ его системы насильственной борьбы за социальное обновленіе міра и раскрываетъ до конца безнадежную абсурдность этой системы.

Но передъ міромъ все-таки стоитъ неустраняемая задача глубокой социальной перестройки. Къ ней совершенно другими путями подходитъ обновленный Второй интернаціоналъ, попытавшійся собрать свои силы на конгрессѣ въ Женевѣ 1—6 августа настоящаго года, и избравшій мѣстопробываніемъ своего исполнительнаго органа Лондонъ. Занятія Женевского конгресса происходили почти одновременно со вторымъ съѣздомъ «Коммунистическаго» интерна-ла, находившагося тогда въ венѣ своего вліянія на европейскія трудовыя массы, ожесточенныя бѣдствіями всемірной войны и лишеніями послѣ-военнаго времени, увлеченныя тѣмъ, что имъ представлялось «побѣдой социализма» въ Россіи. Всѣ эти обстоятельства дали себя почувствовать въ Женевѣ. Конгрессъ прошелъ безъ большого внѣшняго воодушевленія и остался мало замѣченнымъ. Его рѣшенія, тѣмъ не менѣе, представляютъ по существу огромный интересъ, какъ отраженіе того потока социалистической мысли, въ руслѣ котораго идетъ если не все безъ остатка рабочее движеніе Англии и Бельгіи, то его громадная, подавляющая масса.

Едва ли не самый острый вопросъ для возстаиваемаго интернаціонала, — объ ответственности виновниковъ войны, — былъ разрѣшенъ конгрессомъ безъ особыхъ затрудненій, благодаря заявленіямъ германской с.-д. партіи большинства — мажоритеровъ, которые уже развѣ торжественно признали неправоту Германіи, и въ Женеву явились съ повинной головой. Въ опубликованной особой деклараціи мажоритеры выражали «сожалѣніе, что революція въ Германіи опоздала на пять лѣтъ, къ великому несчастью для всего свѣта и прежде всего для самихъ нѣмцевъ, и что они не боролись съ достаточнымъ успѣхомъ противъ милитаризма и имперіализма своего правительства». Въ комиссіи конгресса германскій делегатъ сдѣлалъ дополнительное заявленіе: что «всеобщій миръ былъ поставленъ подъ угрозу насильственною ав-

некшей, въ 1871 г., Эльзаса и Лотарингіи, вопроса о которыхъ для Германіи болѣе не существуетъ»; что «императорская Германія совершила новое преступленіе противъ международнаго права, нарушивъ въ 1914 г. нейтралитетъ и независимость Бельгіи и подвергнувъ жестокостямъ населеніе оккупированныхъ областей, вопреки требованіямъ права и человечности»; что сама республиканская Германія «признаетъ себя обязанной возмѣстить вредъ, причиненный императорской Германіей, отказавшейся отъ третейскаго разбирательства, еще возможнаго наканунѣ катастрофы».

Принявъ къ свѣдѣнію всѣ эти заявленія и не углубляя вопроса, съѣздъ въ своей резолюціи, послѣ осужденія капитализма и ближайшихъ виновниковъ войны, подтвердилъ «твердую рѣшимость посвятить всѣ свои силы возстановленію міра, разрушеннаго войною, и бороться впредь противъ всякаго агрессивнаго и завоевательнаго правительства въ духѣ и цѣляхъ интернаціонала». Резолюція была принята безъ преній. Конгрессъ словно торопился покончить съ тяжелымъ и наболѣвшимъ пунктомъ порядка дня, и не высказался по связанному съ нимъ общему вопросу — о національной оборонѣ. Пробѣлъ тѣмъ менѣе объяснимый, что на состоявшемся спустя три мѣсяца съѣздѣ бельгійской социалистической партіи вожди Второго интернаціонала — его секретарь Юисмансъ и въ особенности Вандервельде въ своихъ рѣчахъ возстановили принципъ національной защиты во всей его полнотѣ.

Физиономія Второго интернаціонала опредѣлилась, когда онъ подошелъ къ проблемѣ міра. Версальскій и послѣдовавшіе за нимъ трактаты, «оставившіе міръ въ состояніи неувѣренности и розни», онъ подвергъ справедливой критикѣ; заявилъ протестъ противъ своекорыстной и милитаристской политики державъ Согласія послѣ войны и осудилъ многія постановленія и умолчанія въ уставѣ Общества Націй. Тѣмъ не менѣе конгрессъ провозглашаетъ «историческимъ долгомъ пролетаріата въ настоящее время — стать во главѣ всѣхъ насифистскихъ и трудовыхъ элементовъ во всѣхъ странахъ, чтобы съ удвоенной энергіей возобновить борьбу противъ имперіализма и милитаризма. Этой борьбѣ, — добавляетъ революція, — *не противорѣчитъ сотрудничество пролетаріата въ Обществѣ Націй*» (курсивъ мой. А. С.). Съѣздъ считаетъ, что «рабочіе классы, въ интересахъ міра, не могутъ смотрѣть вра-

жадно или равнодушно на созданную Версальскимъ трактатомъ Лигу, хотя они и обязаны громко заявить о ея пробѣлахъ и недостаткахъ, изъ которыхъ самый непростительный — признаніе, въ ст. 12, права войны». Въслѣдствіе этого съѣздъ приглашаетъ социалистическія національныя партіи позаботиться о томъ, чтобы ихъ делегаты вошли въ составъ «нынешнихъ организацій Лиги», для ея преобразования.

Объединеніе рабочихъ со всеми пассивнѣйшими элементами и положительное воздѣйствіе на организацію Лиги — это прямое ограниченіе всеобъемлющей классовой борьбы «сотрудничествомъ классовъ» въ определенной области *), переходъ въ ней отъ классоваго начала къ болѣе общему принципу гражданственности, необходимое расширеніе социальной базы мирныхъ домогательствъ. Это первая въ исторіи интернаціонала постановка проблемы мира на положительную почву неотложной политической реформы. И сколько бы ни изощряли свое остроуміе надъ увѣщаньями Лиги не только московскіе коммунисты, но и агенты имперіализма, и даже самыя обыкновенныя либералы, — надо не добивать ее, а взять въ руки и выпрямить и укрѣпить учрежденіе, доставшееся народамъ цѣною пятнадцати милліоновъ человѣческихъ жизней. Другихъ путей къ миру нѣтъ для тѣхъ, кто считаетъ эту жертву достаточной, а Московскую «прямую» дорогу — обходомъ, ведущимъ, черезъ новыя горы труповъ, все дальше прочь отъ цѣля.

Центромъ вниманія конгресса явился вопросъ о «политической системѣ социализма», — т. е. о «диктатурѣ» и демократіи, — вопросъ, еще никогда не встававшій передъ интернаціоналомъ въ такомъ определенномъ видѣ. Продолжая разлагать старыя противорѣчивыя формулы, съѣздъ почти единогласно призналъ, что социализмъ «не можетъ строить свою политическую систему на диктатурѣ». Однако не всѣ части его резолюціи крѣпко связаны между собою.

*) Это сотрудничество Женевскій конгрессъ еще рѣшительнѣе распространяетъ на созданное при Лигѣ Международное бюро Труда. Онъ видитъ въ этомъ учрежденіи „самую крѣпкую опору Общества Націй и фундаментъ будущаго парламента Труда“, ждетъ отъ него большихъ результатовъ въ области рабочаго законодательства и призываетъ рабочія организаціи всего свѣта „помогать Бюро въ его благородной миссіи.“

Выше уже упоминалось, что Женевскій конгрессъ держится мнѣнія о пастьнувшемъ распадѣ капиталистическаго строя, «требуящемъ повелительнаго чѣмъ когда-либо, чтобы классъ трудящихся взялъ власть въ свои руки». Оговорившись, что подъ словами «классъ трудящихся» надо понимать «не только наемныхъ рабочихъ, выполняющихъ какой-либо ручной трудъ, но также и интеллектуальныхъ труженниковъ всѣхъ категорій, и самостоятельныхъ ремесленниковъ, и земледѣльцевъ, обрабатывающихъ землю своими руками и вообще всѣхъ участвующихъ своими усилиями въ производствѣ всякаго рода полезностей», — резолюція конгресса продолжаетъ:

«Существенное условіе отправления власти трудовымъ классомъ состоитъ въ томъ, чтобы онъ достигъ достаточной степени единства и сознательности для пользованія этой властью».

Здѣсь явно недостаетъ какого-то звена. «Существенное условіе» 'еще повидимому не достигнуто въ должной мѣрѣ, иначе не къ чему бы на немъ и настаивать; а въ такомъ случаѣ какъ же приступить трудовому классу къ принятію на себя власти, повелительно требуемой распадомъ капиталистическаго строя? Невысказанная здѣсь конгрессомъ мысль не можетъ очевидно заключаться ни въ чемъ другомъ, какъ въ дальнѣйшемъ и еще болѣе рѣшительномъ расширеніи «сотрудничества классовъ», — въ признаніи необходимости коалиціонной власти и какъ переходной формы къ тому времени, когда никакого раздѣленія на классы не будетъ, и какъ подготовки трудящихся къ отпращиванію государственной власти при новомъ социальномъ строѣ. Любопытно, что и этотъ пробѣлъ былъ пополненъ на упомянутомъ уже національномъ създѣ бельгійской социалистической партіи, который подавляющимъ большинствомъ голосовъ разрѣшилъ ея членамъ участіе въ правительствѣ совмѣстно съ буржуазными партіями, на определенныхъ программныхъ условіяхъ. Такое рѣшеніе находится въ полномъ согласіи съ духомъ и смысломъ дальнѣйшихъ постановленій Второго интернаціонала.

Призывая, что «соціальная республика можетъ осуществиться лишь путемъ завоеванія (conquête) правительственной власти трудовымъ классомъ», Женевскій конгрессъ стремится придать этому завоеванію мирный характеръ. Онъ допускаетъ, что «цѣль

не можетъ быть достигнута безъ использования трудящимися и экономической и политической своей силы'). Нельзя отказываться отъ прямого дѣйствія при вѣкоторыхъ обстоятельствахъ рѣшающаго свойства». Однако съѣздъ «не можетъ не осудить самымъ суровымъ образомъ стремленіе автоматически превратить промышленную стачку въ политическую революцію». Съѣздъ «отвергаетъ методы насилія и террора». Второй интернаціональ, такимъ образомъ, допускаетъ «прямое дѣйствіе» только въ формѣ стачки, и методы физическаго насилія для достиженія власти отбрасываетъ безусловно.

Онъ не только цѣнитъ демократическія учрежденія, но и призываетъ дѣятельно защищать ихъ отъ грозящихъ опасностей и нападений:

«Соціализмъ не можетъ ставить себѣ цѣлью уничтоженіе демократіи. Его историческое призваніе состоитъ, наоборотъ, въ томъ, чтобы ее завершить.**») Постоянныя усилія рабочаго класса, его синдикальное и кооперативное движеніе, такъ же какъ его политическая дѣятельность, неустанно стремятся создать демократическія формы, лучше приспособленныя къ потребностямъ современныхъ промышленныхъ странъ, болѣе совершенныя и болѣе высокой социальной цѣнности. Именно пролетарскія силы главнымъ образомъ ***) обезпечиваютъ нынѣ защиту демократіи. Соціалисты не допускаютъ, чтобы мятежныя меньшинства, злоупотребляя привилегированнымъ положеніемъ, подрывали народныя вольности, и сумѣютъ, въ случаѣ нужды, съ твердостью бороться противъ такихъ посягательствъ, воодушевляясь великими революціонными традиціями».

Вызовъ, брошенный изъ Москвы «соціаль-реформистамъ», Женевой приняты Диктаторскія притязанія «дѣятельныхъ меньшинствъ» отвергаются, какъ мятежъ противъ естественныхъ правъ большинства, противъ народныхъ вольностей.

Задачей «правительства трудящихся» Второй интернаціональ

*) Цит. по отчету „*Vie Socialiste*“.

**) „*Accomplir*“ (*Avenir*). „*Réaliser*“ (*Vie Socialiste*).

***) Слова „главнымъ образомъ“ находятся въ текстѣ „*Avenir*“; въ отчетѣ „*Vie Socialiste*“ ихъ нѣтъ.

считаетъ «утвержденіе законодательства и управленія на прочной основѣ демократіи и социализаціи». Избирательное право въ социалистическій парламентъ — всеобщее и распространяющееся на оба пола, не можетъ подвергнуться никакимъ ограниченіямъ или изъятіямъ, основаннымъ на религіи, *родѣ занятій или политическихъ убѣжденіяхъ*. Парламентъ — не классовое учрежденіе: онъ остается «представительствомъ всѣхъ стремленій и желаній народныхъ, съ точки зрѣнія всего общества, взятаго въ цѣломъ». Ему принадлежатъ «вѣдѣніе защитой отъ нападений внутреннихъ и внешнихъ», а также «національными имуществами и финансами». Онъ будетъ не только издавать законы, но и «управлять государственными дѣлами», — а правительство должно быть лишь его «исполнительнымъ комитетомъ».

Этими рѣшеніями Второй интернаціональ, явно опасаясь тираничности «исполнительной» власти въ періодъ социальнаго переустройства, цѣлкомъ подчиняетъ ее всенародно избранному представительному учрежденію, и въ немъ сосредоточиваетъ *нераздельно* всю полноту національнаго суверенитета. Вместе съ тѣмъ, по мысли конгресса, въ «социальной» республикѣ сохраняются въ неприкосновенности всѣ основные принципы демократіи. — и такія выраженія резолюціи, какъ «социалистическій парламентъ», «рабочее правленіе» (*Gouvernement ouvrier*), утрачиваютъ особое значеніе терминовъ, предполагающихъ какія-либо преимущества для одного класса и правопораженія для другихъ гражданъ: демократическія памѣренія Второго интернаціонала ясны и для того переходнаго періода, когда классовыя категоріи еще будутъ существовать, исчезая лишь постепенно въ процесѣ обобществленія народнаго хозяйства.

Необходимо тутъ-же упомянуть, что при парламентѣ, по мнѣнію конгресса, можетъ быть образованъ «новый органъ эконоической и социальной жизни», — «національный промышленный совѣтъ», составленный изъ представителей синдикатовъ и такихъ обществъ, которыя объединяютъ дѣателей всевозможныхъ свободныхъ профессій. Эти синдикаты и общества должны быть организаціями добровольными. Учрежденіе самаго Совѣта конгрессъ допускаетъ условно, считая его «можетъ быть желательнымъ». Его роль . .

лишь вспомогательная: онъ имѣетъ право «обсуждать, критиковать, производить разслѣдованія и входить съ представленіями» въ парламентъ, который можетъ делегировать ему также «выработку административныхъ распоряженій (ordonnances), относящихся къ промышленности въ цѣломъ и къ исполненію законовъ»^{*)}.

Въ проектѣ такой организаціи, не облеченной ни въ малѣйшей доль политической властью, было бы ошибочно видѣть какую-либо уступку «совѣтской» системѣ: это лишь отголосокъ той теоріи добавочнаго и совѣпательнаго, профессиональнаго представительства (представительства «техническихъ знаній», по другимъ — «представительства интересовъ»), которая уже лѣтъ 15 пробиваетъ себѣ путь, главнымъ образомъ, во французской публицистической литературѣ разныхъ направленій и въ настоящее время защищается, напр., органомъ демократической «Лиги правъ человѣка и гражданина», въ частности ея президентомъ Бюссеномъ.

Соціализацію производства II интернаціональ располагаетъ **) въ порядкѣ постепенности, не уничтожая частной формы предпріятій въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности раньше, чѣмъ окажется возможнымъ замѣнить ее организаціей высшаго типа. Вслѣдъ за теоретикомъ гораздо болѣе крайняго направленія — австрийцемъ Отто Бауэромъ, Женеваскій конгрессъ призналъ, что этотъ методъ «вообще исключаетъ экспропріацію частныхъ предпріятій безъ вознагражденія»: «не только потому, что было бы несправедливо возлагать особыя тяготы лишь на нѣкоторыхъ лицъ, но и въ виду того, что подобная конфискація смутила бы (troublerait) капиталистическую предпримчивость въ тѣхъ вѣтвяхъ индустріи, гдѣ соціализація еще не осуществима». Но средства, необходимыя на вознагражденіе за экспропріированныя предпріятія, должны

*) Но конгрессъ настаиваетъ на необходимости привлекать къ участию въ управленіи представителей всѣхъ видовъ ручного и интеллектуальнаго труда и, съ другой стороны, предусматриваетъ надѣленіе профессиональныхъ организацій обширными полномочіями въ области «регламентации, обследованій и профессиональнаго образованія.»

**) Основываясь главнымъ образомъ на выводахъ известнаго труда С. и Б. Веббъ.

быть почерпнуты изъ обложения другихъ видовъ частной же собственности — въ формѣ налоговъ на капиталъ, на доходъ, на наследство, и ограниченія самыхъ наследственныхъ правъ. Соціализація совершается въ трехъ главныхъ формахъ: національной, муниципальной и кооперативной. Отрасли промышленности, недостаточно сконцентрированны или по другимъ причинамъ неподлежащія еще социализаціи, подчиняются общественному контролю...

Отмѣчу еще слѣдующія руководящія положенія. Парламентъ можетъ передавать профессиональнымъ организаціямъ опредѣленные права и обязанности, въ цѣляхъ предоставить имъ возможно большее участіе въ веденіи соответствующихъ отраслей социальной дѣятельности, но при этомъ, путемъ представительства, должны быть обезпечены интересы потребителей и всего общества въ цѣломъ. «Исключается диктатура лица или группы изъ индустрій, въ которой они работаютъ». «Въ правѣ стачекъ никому не можетъ быть отказано, безъ недопустимаго нарушенія свободы».

Демократія и диктатура, развитіе въ свободѣ и возведенное въ принципъ насиліе, — таковы два непримиримыя начала, два фокуса притяженія неравной мощности, около которыхъ вращаются безчисленные осколки разрушеннаго интернаціонала, дробясь все далѣе, расходясь и сталкиваясь, усиливаясь выработать какую-то равнодѣйствующую. Куда проляжетъ она: уведеть-ли опять въ туманы обветшалыхъ формулъ, впредь до слѣдующей, можетъ быть, еще болѣе страшной всемірной катастрофы, или обозначить четкій путь къ избавленію человѣчества отъ бѣдствій войны и социальной несправедливости?

Но о промежуточныхъ потокахъ социалистическаго движенія рѣчь впереди.

А. Съверовъ.

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.

ПОМИНКИ.

(Памяти загубленных друзей и коллег).

Получаю отъ времени до времени письма отъ бѣжавшихъ изъ большевистскаго рѣя, гдѣ такъ цвѣтутъ науки и искусства, учителей моихъ, коллегъ и учениковъ. И каждое письмо содержитъ прежде всего «синодикъ» — сухіе списки погибшихъ съ однообразными приписками: умеръ отъ голода, разстрѣлянъ, покончилъ самоубійствомъ. Десятки именъ — одно крупнѣе другого, десятки образцовъ самоотверженныхъ работниковъ на нивѣ науки и просвѣщенія, профессоровъ идеалистовъ въ полунищетѣ геройски несшихъ свой крестъ апостоловъ знанія. Не легка была ихъ жизнь и глубоко трагична ихъ смерть. Парями они были при старомъ режимѣ, худшими парями остались въ большевистскомъ раѣ. Такъ несовмѣстимы были ихъ идеалы свободы и исканія истины, нестѣсненной шорами теоріи проповѣди научнаго знанія съ печальной дѣйствительностью русскихъ реакцій — черной и еще въ большей степени — красной. Но нужно отдать справедливость старому режиму: онъ не былъ другомъ профессоровъ, и тяжело приходи-

лось отъ него многимъ и многимъ, но онъ не доходилъ никогда до тѣхъ геркулесовыхъ столбовъ произвола и угнетенія, до которыхъ такъ легко дошли большевистскіе комиссары. Общей голосъ всѣхъ бѣжавшихъ изъ Россіи коллегъ: Кассо, Шварцъ, Деляновъ — маленькія дѣти въ сравненіи съ любымъ комиссаромъ большевистскаго просвѣщенія. Никогда этимъ министрамъ стараго режима не приходило въ голову, что можно безъ суда разстрѣлять по доносу крупнаго ученаго, какъ это сдѣлали большевики съ извѣстнымъ славистомъ профессоромъ Киевскаго университета Флорнскимъ и съ кроткимъ, боязливымъ, мягкимъ до слабости, истиннымъ христианиномъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова историкомъ церкви профессоромъ Петроградскаго университета И. Д. Андреевымъ, недавно разстрѣляннымъ въ Ельцѣ. Никогда не ломали школу такъ нагло, невѣжественно и варварски, какъ въ эпоху «просвѣщеннаго» диктаторства Луначарскаго. Никогда не издѣвались такъ цинично надъ автономіей высшей школы и надъ свободой научнаго

изысканія и научнаго преподаванія, какъ въ эпоху новыхъ большевистскихъ Медичи.

Немудрено, что въ этой атмосферѣ дѣятели науки умирають одинъ за другимъ не столько отъ голода, сколько отъ полнаго нервного истощенія, кончаютъ жизнь самоубійствомъ, какъ московскій видный юристъ — В. Хвостовъ, московскій философъ Викторовъ и знаменитый математикъ, мой коллега по Академіи Наукъ, Ляпуновъ. Немудрено, что всѣ, кто можетъ, бѣгутъ, бѣгутъ неудержимымъ потокомъ при первой возможности, зная заранѣе, что тамъ, куда они бѣгутъ, они встрѣтятъ нищету, полупрезрѣніе или въ лучшемъ случаѣ холодное равнодушіе. Бѣгутъ глубокіе старики, знаменитые ученые, какъ Н. П. Кондаковъ, бѣгутъ зрѣлые и сильные ученые, какъ Д. Д. Гриммъ, бѣжитъ молодежь съ ея энтузіазмомъ и ея жаждой знанія, въ полномъ отчаяніи отъ того, что стало съ роднымъ просвѣщеніемъ. Никогда міръ не видѣлъ такого ужаснаго зрѣлища. Лучшие умы и лучшія силы, полные патріотизма и любви къ своему дѣлу, готовые работать при какихъ угодно условіяхъ для своей страны, не могутъ выдержать наглаго издѣвательства надъ своими идеалами и своей свободой и... бѣгутъ. А имъ вслѣдъ большевики шлютъ торжествующія радио: никогда наука не процвѣтала въ Россіи такъ, какъ теперь, никогда ученымъ не жилось лучше, со времени Медичи міръ не видѣлъ правительства, такъ усердно радѣющаго о наукѣ и искусствѣ. А тѣ, о кото-

рыхъ радѣютъ, умирають и бѣгутъ, не видятъ этого рая, и видятъ тотъ адъ, которымъ въ дѣйствительности, а не въ радио, является большевистская Россія. Почему въ этомъ раѣ просвѣщенія университеты опустѣли? Почему, по моему подсчету, въ Петроградскомъ университетѣ — моей alma mater — болѣе 30 кафедръ (на 60), т. е. 50 %, пустуютъ? Почему въ Медицинской Академіи, столь нужной большевикамъ, такъ сильно борящимся съ сыпнымъ тифомъ, сорокъ пять кафедръ вакантны, и въ будущемъ году не будетъ выпущенъ ни одинъ молодой врачъ? Почему? Вѣроятно потому, что нельзя жить въ этой райской обстановкѣ и что то, что кажется создателямъ новаго строя раемъ, тѣмъ, для кого этотъ рай строится, представляется адомъ.

Тѣ, кто успѣлъ уйти изъ совѣтской Россіи, можетъ быть когда-нибудь въ нее вернуться, можетъ быть и на чужбинѣ въ состояніи они будутъ работать для науки и просвѣщенія. Не всѣ надежды еще потеряны на то, что Западная Европа, наконецъ, пойметъ, что преступно такъ расстрчивать крупныя силы великаго народа и что культурная солидарность властно требуетъ поддержать и охранить, дать возможность работать этимъ осколкамъ русскаго просвѣщенія. Но не вернуться тѣ, кто ушелъ въ лучшій, будемъ надѣяться, міръ, ушелъ съ опустошенной душой и въ ирачномъ отчаяніи. Имъ я посвящаю эти строки и о нѣкоторыхъ изъ нихъ хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ. Одинъ за другимъ встають передо мной образы ушед-

шихъ — моихъ учителей, моихъ коллегъ, моихъ друзей.

Я. И. Смирновъ — первая жертва большевистскаго голоднаго режима, академикъ Россійской Академіи Наукъ и хранитель Эрмитажа. Немногіе его знали, но кто зналъ, тотъ свято хранить этотъ образъ. Я не видѣлъ человѣка, который былъ бы столь равнодушнымъ къ себѣ и столь преданъ своей наукѣ, своему дѣлу. Археологъ съ орлянымъ взглядомъ, сразу видѣвшій то, чего не видѣли другіе, «острый взглядъ» котораго извѣстенъ былъ всѣмъ археологамъ Европы, онъ соединялъ безконечное знаніе вещей съ огромной начитанностью и съ необычайно острымъ критическимъ умомъ, слишкомъ острымъ можетъ быть, мѣшавшимъ ему обобщать и строить. Помню его въ Эрмитажѣ, помню въ Археологическомъ Обществѣ. Помню его перегруженные матеріалами, остроумными открытіями, неожиданными комбинаціями длинные и иногда сумбурные, но всегда живые и захватывающіе доклады. Помню его въ археологическихъ поѣздкахъ и музеяхъ, гдѣ онъ забывалъ и объ ѣдѣ, и объ усталости, изучая памятники, измѣряя, зарисовывая и комбинируя. Помню въ Эрмитажѣ, куда длинной вереницей тянулись къ нему коллеги и ученики за справками, за помощью, за разрѣшеніемъ недоумѣній. Не знаю, для кого Смирновъ работалъ больше, для себя или для другихъ. А погибъ онъ потому, что ему противно было думать о себѣ, стоять въ хвостѣхъ, терять время научной работы на заботу о своемъ больномъ тѣлѣ. Онъ жилъ какъ под-

вижникъ и умеръ какъ аскетъ. Миръ праху его!

Другой образъ. А. С. Лаппо-Данилевскій. Зналъ я его давно, но мы никогда не были друзьями. Слишкомъ разны были наши темпераменты. Замкнутый, гордый, самолюбивый, вѣчно ищущій и всегда недовольный своими исканіями, онъ былъ видной фигурой и на Западѣ, языки и науку котораго онъ зналъ въ совершенствѣ, и въ Россіи. Крупный историкъ, авторъ ряда глубокихъ книгъ и статей по экономической исторіи Россіи, редакторъ многихъ изданій документовъ, поясграфъ и сигиллографъ, онъ больше всего тяготѣлъ не къ этой работѣ изслѣдователя, а къ широкимъ, обобщающимъ построениямъ въ области философіи исторіи. Его лекціи по философіи исторіи — глубокия и тяжелыя — были и наслаженіемъ и мученіемъ ряда начинающихъ историковъ, его учениковъ. Онъ умеръ гордый и замкнутый, въ глубокой тоскѣ по гибнущей родинѣ.

Третій безвременно погибшій товарищъ мой по Академіи М. А. Дьяконовъ, профессоръ Политическаго Института и библиотечарь Академіи Наукъ. И его хрупкое здоровье не выдержало нравственныхъ и физическихъ пытокъ жизни въ вымирающемъ Петроградѣ. Какая крупная фигура глубокаго ученаго и превосходнаго человѣка! Достойный преемникъ русской школы историковъ и юристовъ государствѣдвовъ въ типѣ Владимірскаго, Буданова и Сергѣевича, онъ всю свою жизнь посвятилъ изслѣдованію основъ русскаго

государственного, социального и экономического строя. Его любимой темой была история сельского населения России, его правового и экономического уклада. Не в этой краткой попытке характеризовать все, что имъ было сдѣлано и что онъ еще собирался сдѣлать. Великъ его вкладъ въ историческое познание России, и такъ больно думать, что погибъ онъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и творческой дѣятельности, еще одна жертва неизвестно кому и для чего нужная.

Встаютъ передъ моими глазами двѣ новыя, свѣжія еще, жертвы большевистскаго сознательнаго и жестокаго разрушенія России. На этотъ разъ москвичи. Оба не могли снести тяги жизни и добровольно, скажемъ такъ, ушли въ лучшій міръ. Превосходный юристъ, знатокъ римскаго права, энергичный общественный и университетскій дѣятель, популярный лекторъ В. М. Хвостовъ, всю жизнь свою отдавшій Московскому университету и его юридическому факультету съ его славной почти вѣковой традиціей, такъ грубо и такъ ненужно оборванной святотатственными руками невѣжды и фанатиковъ. И рядомъ съ нимъ крупная фигура молодого глубокаго мыслителя-философа Викторова, такъ и не успѣвшаго сказать своего слова послѣ Маха и Авенаріуса, слова, которое закидало такимъ энтузіазмомъ умы московской учащейся молодежи!

А вотъ и послѣдній, можетъ быть самый милый и близкій мнѣ образъ изъ числа членовъ Академіи, за исключеніемъ Я. И. Смирнова, — Алексѣй Александровичъ

Шахматовъ. И онъ погибъ, изнуренный голодомъ и нравственными муками; его слабое тѣло побороло его сильный духъ; оно не справилось съ тяжкою болѣзью, и преждевременно оборвалась богатая жизнь одного изъ крупнѣйшихъ русскихъ ученыхъ. Когда въ началѣ своего пребыванія въ Оксфордѣ я писалъ статью о русской наукѣ для Quarterly Review, мнѣ хотѣлось возможно болѣе полно и подробно освѣтить могучую фигуру А. А. Шахматова, какъ лингвиста, историка и историка русской литературы. Боясь, что моя оцѣнка будетъ недостаточно убѣдительно (наши специальности разныя) и недостаточно полна, я просилъ одного изъ крупнѣйшихъ специалистовъ по русскому языку Олафа Ив. Брока, профессора университета въ Христианіи, дать мнѣ краткую характеристику ученой дѣятельности нашего общаго друга. Привожу здѣсь небольшую выдержку изъ его письма, ту-же, которая напечатана въ Quarterly Review. Отмѣчу, что Брокъ не переставалъ быть въ письменныхъ сношеніяхъ съ Шахматовымъ, несмотря на строгости большевистской блокады. Итакъ, вотъ что писалъ мнѣ О. И. Брокъ въ 1918 г.

«Разрѣшеніе такихъ сложныхъ и тонкихъ вопросовъ, какъ вопросъ о славянскомъ тоническомъ удареніи въ его первоначальной формѣ и историческомъ развитіи, выясненіе такихъ важныхъ историческихъ фактовъ какъ передвиженіе населенія по огромной русской равнинѣ въ древнѣйшую

эпоху, изысканія въ области выясненія основъ и развитія первоначальныхъ формъ исторической литературы древней Россіи, изученіе и классификація лингвистической жизни современной Россіи, ея діалектовъ и фразеологіи (для сравненія онъ здѣсь пользовался и нѣкоторыми не славянскими индо-европейскими языками), работы по вопросу о происхожденіи и ростѣ различныхъ явленій въ русскомъ литературномъ языкѣ, изысканія въ области строенія русскаго и славянскихъ языковъ съ точки зрѣнія фонетической, морфологической и синтаксической, статьи по исторіи развитія русской мысли и литературы, — все это и многое другое нашло въ Шахматовѣ неутомимаго, первокласснаго изслѣдователя... Его энергія непобѣдима. Даже теперь, при самыхъ трагическихъ условіяхъ, онъ продолжаетъ свою работу, хотя и ослабленный физическимъ истощеніемъ и угнетенный печальными переживаниями своей родины, но въ гордомъ сознаніи своего долга передъ любимымъ дѣломъ и передъ вѣчными цѣнностями человѣчества какъ цѣлаго». Такъ было въ 1918 г. Но и эта, казалось-бы, непобѣдимая энергія была побѣждена режимомъ истощенія и физическаго обезсилія интеллигенціи.

Таковъ былъ Шахматовъ, какъ ученый. Какъ человѣкъ, онъ соединялъ въ себѣ всѣ положительныя качества русской души: мягкость, даже нѣкоторую изнѣженность душевныхъ переживаній, безконечную доброту и терпимость, полную свободу отъ вся-

кихъ предрассудковъ, безграничную любовь къ людямъ и безконечную способность къ жертвамъ, даже къ самопожертвованію. Это упоеніе жертвой свело его въ могилу и лишило русскую мысль одного изъ крупнѣйшихъ ея вождей. Нужна-ли была эта жертва, принесенная Шахматовымъ Россіи? Не лучше-ли было-бы ему принять неоднократныя предложенія его заграничныхъ друзей и уѣхать временно изъ Россіи? Кто знаетъ? Но фактъ остается фактомъ. Жертва залана, его больше нѣтъ, угасъ еще одинъ свѣточъ! Тяжела отвѣтственность тѣхъ, кто свель его въ могилу. Но что имъ до Шахматова, до науки, до культуры. Они упоены властью и ей готовы принести въ жертву все.

Образъ Шахматова вызываетъ въ моемъ воображеніи другой образъ, такой близкій и родственный ему. Іосифъ Алексѣевичъ Покровскій. Глубокой юристъ, могучій мыслитель, вдохновенный учитель, горячій поборникъ права и справедливости. За любовь къ Россіи онъ уже пережилъ въ жизни своей одну катастрофу. Онъ былъ одной изъ жертвъ Кассовской «чистки» университетовъ. Но Кассо лишилъ его каведры, которая къ нему вернулась и не могла не вернуться, большевики же лишили его и каведры (онъ былъ спеціалистъ по римскому праву), и вѣры въ людей и культуру, разрушивъ и разломавъ то, надъ чѣмъ онъ работалъ всю жизнь — университетскую науку — и, наконецъ, жизни, обезсидивъ его до того, что онъ умеръ отъ разрыва серд-

ца, неся непосильное для него бремя (вязанку дровъ) въ свою квартиру на пятомъ этажѣ. Еще одинъ свѣтильникъ потухъ, мракъ и туманъ медленно но вѣрно заволакиваютъ Россію.

Пришлось мнѣ недавно обѣдать въ одномъ изъ Оксфордскихъ колледжей. Послѣ обѣда завязался разговоръ о русской наукѣ и ея современномъ положеніи. Мой собесѣдникъ — молодой кристаллографъ — оказался ученикомъ московскаго профессора Федорова, того Федорова, котораго такъ мало цѣнили большевики, лишивъ его содержанія за отказъ признать совѣтскую власть (такъ онъ самъ писалъ 25 дек. 1918 г. моему собесѣднику) и допустивъ въ результатѣ этого его смерть отъ истощенія, и о которомъ съ такимъ энтузіазмомъ, какъ о величайшемъ кристаллографѣ міра, говорилъ мой случайный собесѣдникъ. «Какъ всякаго ученаго, который прокладываетъ новые пути, Федорова полностью разъяснять не ранѣе чѣмъ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ», говорилъ мнѣ мой коллега. И вотъ онъ погибъ, загубленный большевиками, и книга его, содержащая величайшія откровенія, лежитъ въ корректурахъ (наборъ вѣроятно разсыпанъ) и ждетъ того времени, когда печатные станки Россіи вновь будутъ работать не для большевистской пропаганды, а для культурнаго развитія человѣчества.

А за Федоровымъ — Лопатинъ. Я его не зналъ лично, но сколько приходилось слышать объ этой типичной фигурѣ московскаго

философа съ его оригинальнымъ мышленіемъ и чисто русскимъ подходомъ къ труднѣйшимъ проблемамъ.

Вернемся въ Петроградъ. Сколько разъ приходилось мнѣ встрѣчать въ университетѣ высокую, все же не согбенную, несмотря на тяжесть лѣтъ, фигуру А. Л. Иностранцева, всегда добраго и всегда веселаго. Помню, какъ сейчасъ, бесѣды съ нимъ, семидесятилѣтнимъ старикомъ, о новомъ изданіи его знаменитаго курса геологіи, на изученіи котораго выросло слабое поколѣніе русскихъ геологовъ, открывшихъ міру Россію въ ея физическомъ строеніи, прошломъ и настоящемъ. Помню разговоръ съ нимъ въ созданномъ им кабинетѣ, одномъ изъ лучшихъ учебно-учебныхъ учрежденій Петроградскаго университета. Былъ онъ мнѣ близокъ вдвойнѣ, какъ крупный геологъ и какъ выдающийся палеонтологъ, такъ блестяще изслѣдовавшій неолитическаго человѣка сѣверной Россіи и доисторическую фауну этой части міра. Какъ часто добродушно остряли мы, вспоминая одно изъ блестящихъ его открытій въ этой области, знаменитаго «Carpis Inostranzevi». Погибъ онъ въ нищетѣ и голодѣ, и похоронили его въ короткомъ большевистскомъ гробѣ. Жестокая иронія судьбы: не входилъ въ короткій гробъ большой человекъ, и большевики по ихъ варварскому методу все подводившіе подъ свой короткій режимъ — согнули послѣ смерти человека, котораго они не могли сломить при жизни.

Еще одна тѣнь! Сколько ихъ! А. М. Ляпуновъ, великій матема-

тихъ, одна изъ лучшихъ звѣздъ богатаго когда-то звѣздами нашего математическаго небосклона. Не мнѣ судить о его научной работѣ. Но я не встрѣчалъ въ подневольныхъ странствованіяхъ моихъ математика, которому не было бы знакомо имя Ляпунова. И онъ ушелъ добровольно изъ жизни, не выдержавъ сыпавшихся на него ударовъ. А какъ много онъ могъ бы еще сдѣлать.

Но довольно. Тяжело регистрировать всѣ эти жертвы и не хватаетъ словъ, чтобы сказать каждой послѣднее прощаніе и прости. А сколько еще погибшихъ, о которыхъ хотѣлось бы поговорить. Крупный славистъ Флоринскій, убѣжденный защитникъ своего credo, застрѣленный большевиками въ Кіевѣ; маститый педагогъ Науменко, предметъ величайшаго почтенія всѣхъ, кто любилъ мало-русскій языкъ и литературу, также

погибшій жертвой своей несломимой любви къ свободѣ, и т. д., и т. д.

Тяжко писать и тяжело перебирать одинъ за другимъ эти образы. Зачѣмъ и для чего они погибли? Кому нужны эти смерти? Кто придетъ имъ на смѣну, когда русская школа и русская наука запустѣли? Развѣ возвращеніе къ варварству есть тотъ идеалъ, котораго такъ настойчиво добиваются разрушители Россіи?

Хотѣлось бы сказать надъ этой общей могилой крупнѣе русскихъ людей: вы погибли, но Россія и ея наука не погибли, онѣ живутъ и будутъ жить. Хотѣлось бы вѣрять самому въ это и знать, что вѣруютъ въ это другіе, изгнанники, какъ я, или очередныя жертвы большевистскаго рабства и приниженія въ Россіи.

М. Ростовцевъ.

ОБЪ ИСКУССТВѢ БЛАГОСЛОВЛЯЮЩЕМЪ.

Въ области литературы трудно въ настоящее время указать хотя бы одно крупное явленіе искусства, которое можно было бы назвать подлинно-творческимъ, то есть новымъ и замѣчательнымъ. Никто изъ художниковъ слова не ударилъ по сердцамъ «съ невѣдомою силой», не изводивалъ, не потрясъ, не утѣшилъ. Замолкла не только Россія,

изнемогающая въ родовыхъ мукахъ. Творческое слово замолкло и на Западѣ.

Должно ли это оскудѣніе быть истолковано, какъ мгновеніе тишины, въ которой, по слову Фета, «дѣсна зрѣть»? Есть ли это молчаніе сосредоточенная въ замыслахъ тишина или это бесплодная, безотрадная, безнадежная пустота? Пустота есть смерть. Ска-

заять, что умерло художественное слово, значило бы признать, что въ челоѣчества изслыла всякая творческая сила вообще, что заглохли все живые источники сердца и души. Потребность отражать жизнь въ художественномъ словѣ — одна изъ самыхъ глубокихъ и неистребимыхъ потребностей челоѣческаго духа и можетъ исчезнуть только вмѣстѣ съ самою жизнью. До тѣхъ поръ пока будутъ дышать растенія, двигаться тростники, пока будутъ течь рѣчки и челоѣкъ не перестанетъ любить и ненавидѣть — до тѣхъ поръ не можетъ прекратиться зачатіе и рожденіе художественныхъ образовъ. Въра въ воскресеніе литературнаго творчества тѣсно связана съ върой въ жизнь всей современной культуры и въ непрерывную преемственность ея развитія. Теперешнее осудѣніе художественной литературы могло бы быть предвѣстникомъ ея смерти только въ томъ случаѣ, если бы мы допустили предположеніе, что міръ идетъ къ безпросвѣтному варварству. Но вѣдь въ этомъ случаѣ вмѣстѣ съ литературнымъ творчествомъ погибнетъ и всякое другое творчество: притупится рѣзецъ ваятеля, высохнетъ кисть художника, замолкнутъ оркестры и пѣвцы. Столь мрачной перспективы не рисуютъ челоѣчеству даже самые пессимистическіе его умы. Будетъ жизнь, будетъ культура. Будетъ, слѣдовательно, цѣлѣсти и художественное слово.

Итакъ, не безнадежная пустота — теперешнее молчаніе художниковъ слова. Является ли оно, однако, только естественнымъ интерваломъ между одной творческой волной и другой? Только нормальной паузой, которая законна даже для такого цѣлостнаго и недѣлимаго явленія, какъ бѣніе пульса?

Безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ. Это не интервалъ и не пауза, это — кризисъ, вытекающій изъ болѣе общаго идейнаго и духовнаго кризиса, переживаемаго Россіей и — отраженно — всей Европой. Послѣдствіе русской революціи, она многозначительна и сложна, какъ сама она.

Обращаясь специально къ русской литературѣ, мы прежде всего сталкиваемся съ такимъ фактомъ большого значенія, какъ безнадежный нарастающій бытовой литературы. Уже до войны эта литература замѣтно умирали, вслѣдствіе того, что рядъ большихъ мастеровъ въ поразительныхъ произведеніяхъ почти исчерпали все, что въ русскомъ быту было сочнаго, устойчиваго и поучительнаго. Остались подражанія и даровитыя, но мало плодотворныя попытки уловить зыбкія движенія новыхъ, еще не окристаллизовавшихся явленій быта. Революція смела русскій бытъ безъ остатка. Сбрила. Бурный хаосъ нелѣпыхъ формъ, бури крушеній и перебѣвъ, калейдоскопъ безумныхъ и кровавыхъ гротес-

новъ русской жизни — не быть. Русская жизнь теперь не вмѣщается ни въ сознание, ни въ чувство. Въ мутномъ туманѣ художникъ быта безсиленъ. И много еще пройдетъ времени прежде, чѣмъ неистощимый матеріалъ жизни революціонной Россіи, станетъ доступенъ для художественнаго воплощенія.

Невозможна въ настоящее время — въ Европѣ такъ-же, какъ и въ Россіи — та форма художественнаго творчества, которую въ отличіе отъ бытописанія слѣдовало бы назвать духо-пѣсаніемъ. То глубокое во всё вѣка живое искусство, которое заковывало въ безсмертное слово судьбоносныя движенія человѣческой души — огонь вѣры, бронзу несокрушимыхъ идеаловъ, прорывавшая вопли бунта или мудрую радость великаго созерцанія. Искусство во всё времена было проповѣдью, и ничѣмъ инымъ. Самый «безыдейный» художникъ-колористъ, который будто бы ничего не хочетъ доказать и любить только блескъ и пышность красокъ, въ сущности только и дѣлаетъ, что проповѣдуетъ восторгъ солнца, упоеніе свѣтомъ. Онъ проповѣдникъ высшего оптимизма, безумной сладости жизни. Когда нѣтъ новыхъ достижений духа, новыхъ утверждений или новыхъ отрицаний — нѣтъ новаго искусства.

Война и революція разбили человѣческій духъ въ осколки. Въ мірѣ нѣтъ радости.

«Да» и «нѣтъ» — случайны и условны. «Можетъ быть» и «кто знаетъ» — владыки времени. Въ глубокомъ броженіи всё классы общества.

Трудовые классы человѣчества — единственно устойчивый фундаментъ всякой цивилизаціи — объаты тревожнымъ недовольствомъ. Фундаментъ зыбится и ходитъ подъ шагающимъ знаніемъ. Обездоленные массы съ 1917 года взирали съ надеждой на Москву. Но русскіе опыты социальнаго переворота оказались для нихъ трагически неубѣдительными. Онѣ все еще, изъ несчастія, не порываютъ съ иллюзіей коммунистическаго царства, и внутренніе органическіе пороки русскаго опыта все еще склонны приписывать неудачнымъ условіямъ, въ которыхъ онъ производится. Явная вѣра, разъядаемая тайнымъ невѣріемъ. Смѣсь иллюзій и скептицизма. При этомъ упрямая рѣшимость жить московской иллюзіей пока только можно, и разстаться съ ленинскою вѣрой только тогда, когда она будетъ лежать у ногъ разбитой, въ обломкахъ.

Такая же смѣсь вѣры и безвѣрія господствуетъ въ слояхъ общества, владеющаго богатствами нашей цивилизаціи и ими наслаждающагося. Спокойная увѣренность обладанія исчезла. Безмятежное утвержденіе своей правды и своего права потеряло свою убѣдительность для самаго это-

го общества. Угрожающей протестъ немущихъ откликнулся въ сознании и совѣсти имущихъ тревогой сомнѣнія. Такъ, даже право собственности, еще очень недавно почтавшееся естественнымъ правомъ, какъ будто усумнилось въ самомъ себѣ. Рѣшительная борьба за право это ничего не доказываетъ. Въ періоды борьбы народовъ за свои политическія права, умные монархи, сурово отстаивая свои prerogatives и ни въ чемъ не уступая народу, все же въ сердцѣ своемъ уступали сомнѣнію: «точно ли мы — помазанники Божіи?»

Въ глубокомъ раздумьи совѣсти, раздраемые двумя одианово сильными тяготѣніями, между двумя борющимися лагерями безпомощно стоятъ люди, принадлежащіе къ обоимъ этимъ лагерямъ или — вѣрнѣе — ни къ одному изъ нихъ не принадлежащіе. Третья часть прошла по ихъ сердцу. Ихъ гнететъ красота, влечетъ культура, манятъ соблааны великихъ достижений лагеря имущихъ; къ немущимъ ихъ толкаетъ нравственное чувство, глубокая, пророческая жажда социальной справедливости, мучительная тоска по народной стихіи. Мука двойного бытія! Трагическое раздвоеніе духа! Въ этомъ состояніи пребываютъ какъ разъ наиболее чуткіе изъ тѣхъ, которые призваны творить. Но творить они не могутъ, остуженные на сквозномъ вѣтрѣ нашего безсвязнаго времени.

Въ такой періодъ всеобщаго томленія духа и смятенія мысли, когда въ сердцахъ царятъ сумерки разочарованій, а въ умахъ тускло шевелится хаосъ смущенныхъ вѣрованій — созидательная воля замираетъ въ бездѣйствіи. И только по инерціи ремесла вяло движутся перья современниковъ, и мертвые образы неживого искусства, какъ лунные призраки, возникаютъ и стираются въ пустынныхъ просторахъ «текущей» литературы.

Жизнь образуется еще не скоро. Потоки человеческой лавы не скоро еще проложатъ себѣ вѣрные пути, чтобы успокоиться въ плавномъ теченіи. Гораздо раньше окристаллизуется художественная мысль времени. И тѣ формы, въ которыя выльется творческій духъ художниковъ, окажутъ на судьбы жизни могучее вліяніе. Есть опасность, что русское литературное движеніе можетъ пойти по линіи отрицанія и пессимизма. Копмары послѣднихъ лѣтъ были бы достаточнымъ объясненіемъ этому явленію души и ума. Столько поруганныхъ надеждъ, столько оскверненныхъ идеаловъ! Океанъ злобы, мести и жестокости. Обоготворять добро? Пѣть любовь? Проповѣдывать братство? Вѣрить въ народъ? Сѣять цвѣты въ мерзости развалинъ? Неумолимое искушеніе мадѣваться, страшный соблаанъ проклянуть.

Но этотъ путь — не путь творцовъ, сѣятелей и жнецовъ. На проклинающихъ Духъ не низойдетъ. Проклинающіе не создадутъ. Злоба бесплодна. Есть творческій гнѣвъ, но не бываетъ творческой злобы. Все, что въ творческомъ процессѣ есть стихійнаго и все, что есть въ немъ сознательнаго и волевого, направить художниковъ на вѣчный путь утвержденія. Пришедшіе проклинать — благословять. Кровавая плоть русской революціи *должна* преобразиться въ горниль огненной трагедіи, которая *должна* родиться на русской землѣ! Придутъ поэты - утѣшители. Будущій Исаія Россіи запоетъ: «Утѣшайте, утѣшайте народъ мой!»... «Если грѣхи ваши, какъ ка-

рамзинный цвѣтъ, то станутъ бѣлыми, какъ снѣгъ; если окрашиваютъ, какъ червецъ, — станутъ, какъ волна»... «Я открою рѣки на голыхъ холмахъ и источники посреди долинъ. Я обращу пустыню въ собраніе водъ»... «Поведу слѣпыхъ по дорогѣ, имъ неизвѣстной, по тропамъ, которыхъ они не знаютъ; мракъ обращу предъ нимъ въ свѣтъ»...

Нынѣшнее молчаніе художниковъ слова должно уподобить прозябанію зерна въ земныхъ нѣдрахъ. Поле вспахано, зерно брошено — всходы будутъ богатые, ибо поле полнито слезами вселенской муки и удобрено кровью мучениковъ.

С. Поляковъ-Литовцевъ.

ПОСТОЯННЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУДЪ И НАЧАЛО РАВЕНСТВА ГОСУДАРСТВЪ.

Гаагскія Мирныя Конференціи 1899 и 1907 годовъ учредили такъ называемую *Постоянную* Палату Третейскаго Суда. Это громкое названіе мало соответствовало дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ, созданъ былъ только международный *слисокъ* членовъ Палаты, по четыре отъ cadaго государства. Изъ этого списка и дѣлался выборъ членовъ третейскаго суда въ тѣхъ случаяхъ, когда

спорящія государства обращались въ Палату. При этомъ каждая сторона назначала двухъ судей, а всѣ четверо сообща выбирали председателя — или суперарбитра.

На второй Гаагской Конференціи 1907 года была, однако, сдѣлана попытка образовать, наряду съ Палатой Третейскаго Суда, настоящій международный Судъ, не создаваемый сторонами для cadaго отдѣль-

наго случая, а совершенно отъ нихъ независимый.

Проектъ этотъ потерпѣлъ крушеніе, такъ какъ оказалось невозможнымъ примирить различныя точки зрѣнія членовъ конференціи на порядокъ избранія международныхъ судей. А въ основѣ этого конфликта лежало коренное противорѣчіе во взглядахъ на значеніе въ международномъ правѣ начала равенства государствъ.

Система великихъ державъ, поддерживавшихъ американскій проектъ, заключалась въ слѣдующемъ: постоянный международный судъ состоитъ изъ 17 судей, назначаемыхъ на 12-ти лѣтній срокъ, при чемъ 8 великихъ державъ (включая Соединенные Штаты и Японию) представлены въ судѣ въ теченіе всего этого срока; другія же государства имѣютъ засѣдателей только въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ (напр., Голландія въ теченіе 10 лѣтъ, Данія въ теченіе 4-хъ, Боливія въ теченіе одного года и т. д.). Другими словами, вводилась такъ называемая *ротационная система*, при которой государства распредѣлились по классамъ и степень участія ихъ въ судѣ зависѣла отъ причисленія къ той или другой категоріи.

Эта система вызвала горячіе протесты со стороны малыхъ державъ, провозгласившихъ принципъ абсолютнаго равенства между всеми государствами. Во имя этого начала было предложено, чтобы каждое государство назначило по изби-

рателю и чтобы составленная такимъ образомъ коллегія избрала всѣхъ 17 судей. Это предложеніе грѣшило противоположной крайностью. Ибо въ таномъ избирательномъ собраніи совершенно потонули бы голоса великихъ державъ. Державы эти отклонили поэтому проектъ малыхъ государствъ, съ такою же рѣшительностью, съ какою послѣдними была отвергнута ротационная система.

Любопытно отмѣтить, что эта ротационная система, отвергнутая второю Гаагскою Конференціею для Постояннаго Международнаго Суда, была принята ею въ частномъ случаѣ, а именно для образованія Международной Призовой Палаты. Согласно конвенціи, Палата эта дѣйствуетъ въ составѣ 15 судей, назначенныхъ на 6-ти лѣтній срокъ, но призваны засѣдать постоянно только судьи, назначенные восемью великими державами; судьи, назначенные остальными государствами, засѣдаютъ по-очередно, согласно таблицѣ, приложенной къ конвенціи. Такимъ образомъ, въ области военно-морского суда малыя державы нашли возможнымъ принять извѣстную таблицу о рангахъ, которую отказались признать для образованія Постояннаго Международнаго Суда. Въ Гаагѣ это объяснялось соображеніемъ, что въ отдѣльномъ вопросѣ держава можетъ иногда стать ниже другой, наприимѣръ, Бельгія,

Швейцарія и Испанія могутъ признать превосходство Англїи, какъ морской державы; классификацію же передъ лицомъ общаго суда ни одна держава допустить не можетъ.*)

Согласно 14 статьѣ Ковенанта, «Совѣту Лиги поручается изготовить просить Постоянной Палаты Международнаго суда (Cour permanente de justice internationale) и представить его Членамъ Общества». Во исполненіе этого предписанія, Совѣтъ образовалъ Комиссію изъ 10 юристовъ, которая заседала въ Гаагѣ въ теченіе лѣта текущаго 1920 года и выработала подробный проектъ Международнаго Суда.

Проектъ этотъ нашелъ весьма удачную формулу для примиренія интересовъ великихъ и малыхъ державъ; исходя изъ факта, что въ совѣтъ Лиги Наций преобладаютъ великія державы, а въ Собраніи (Assemblée) большинство принадлежитъ малымъ державамъ, онъ предлагаетъ, чтобы Члены Суда избирались обѣими этими коллегіями изъ числа кандидатовъ, предложенныхъ національными группами Гаагской Третьей Палаты, т.е. тѣми лицами, которыя значатся въ спискѣ ея членовъ. Кандидаты должны пользоваться наивысшимъ прав-

ственнымъ уваженіемъ и отвѣчать условіямъ, предъявляемымъ въ ихъ странахъ для занятія высшихъ судейскихъ должностей или же быть юрист-консультами, извѣстными своими познаніями въ области международнаго права. Избиратели должны также заботиться о томъ, чтобы въ будущемъ судѣ были представлены «великія формы цивилизации и важнѣйшія юридическія системы міра».

Судъ состоитъ изъ 15-ти судей и замѣстителей, избираемыхъ на 9-ти лѣтній срокъ; въ случаѣ нужды число это можетъ быть доведено до 21.

Избранными считаются получившіе абсолютное большинство голосовъ какъ въ Совѣтъ, такъ и въ Собраніи Лиги Наций. Если послѣ трехъ голосованій не будетъ избрано необходимое число судей, то образуется согласительная Комиссія изъ 6 членовъ Совѣта и Собранія, которая намѣчаетъ кандидатовъ, подвергающихся затѣмъ новымъ выборамъ въ обихихъ коллегіяхъ. Если и эта попытка не удастся, то недостающее число Членовъ Суда кооптируется уже избранными международными судьями.

Миланская Конференція Обществъ Лиги Наций собралась подъ впечатлѣніемъ только что обнародованнаго проекта 10-ти юристовъ. Можно было ожидать, что предложенная ими

*) Призовая Конвенція, впрочемъ, не была ратификована, но по причинѣ, не имѣющей ничего общаго съ началомъ равенства государствъ державы не ратификовали Лондонской Конвенціи 1909 года, выработавшей кодексъ морского международнаго права, которымъ должна была бы руководствоваться Призовая Палата.

примирительная формула, представляющая столько гарантій избранія достойнѣйшихъ, встрѣтить всеобщее сочувствіе. Но совершенно неожиданно въ третьей Комиссіи, которой была поручена разработка вопроса о постоянномъ судѣ, проектъ десяти встрѣтилъ большое число противниковъ, находившихъ, что онъ все-таки не въ достаточной мѣрѣ отвѣчаетъ принципу равенства государствъ. Противники оназались въ большинствѣ, и Комиссія постановила измѣнить 4-ую статью проекта десяти въ смыслѣ предоставленія избранія членовъ суда только одной Коллегии — Общему Собранію Лиги Народовъ.

Голосованіе это оказалось результатомъ довольно случайнаго состава Комиссіи, въ которые члены которой принадлежали, повидимому, къ обществу, не представляющимъ тенденцій, господствующихъ въ національныхъ союзахъ. Въ общемъ собраніи Конференціи докладъ Комиссіи, представленный швейцарскимъ профессоромъ Мерсье, вызвалъ энергичныя возраженія со стороны представителей великихъ державъ, въ томъ числѣ и Россіи. Оппонентами называлось неприемлемость для великихъ державъ системы выборовъ, совершенно не считающейся съ ихъ особымъ положеніемъ, и рекомендовалось принятіе текста десяти, счумѣвшаго сочетать признаніе этого фактическаго положенія съ принципомъ юри-

дическаго равенства всѣхъ государствъ.

При голосованіи проектъ Комиссіи былъ отвергнутъ, но не получило большинства и предложеніе возстановить въ полномъ объемѣ текстъ десяти юристовъ. Конференція приняла зато примирительное предложеніе Китайской Делегации, по которому судьи должны избираться *обими* коллегіями, но при условіи что Державы, представленныя въ Совѣтѣ, не имѣли бы права голоса въ Собраніи. Поправка эта, конечно, не внести въ систему десяти юристовъ существенныхъ измѣненій, и, поэтому, можно сказать, что Миланская Конференція одобрила эту систему, какъ примиряющую крайнія воззрѣнія и какъ имѣющую наибольшіе шансы на принятіе державами.

Совѣтъ Лиги Націй, разсматривавшій проектъ 10-ти юристовъ въ Брюсселѣ 27 Октября сего года, не счелъ возможнымъ, очевидно изъ-за оппортунистическихъ соображеній, — принять предложеніе объ *обязательности* юрисдикціи суда въ опредѣленныхъ случаяхъ и предпочелъ остаться при туманной конструкціи Кованата. (См. объ этомъ Бар. Нольде: «Лига Народовъ и Международный Судъ», въ первой книжкѣ «Современныхъ Записокъ», стр. 232—235). Но посягнувъ, такимъ образомъ, на одинъ изъ двухъ главныхъ оснований здоровой международной юстиціи, Совѣтъ не нарушилъ,

по крайней мѣрѣ, другой ея основы и высказался за идею постоянного Международного Суда. Ст. 4-я проекта Юристовъ вошла безъ измѣненій въ Брюссельскія резолюціи Совѣта, предложенныя на усмотрѣніе Женевского Собранія Лиги Народовъ.

Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, Собраніе Лиги Народовъ, повидимому, склонно стать въ данномъ вопросѣ на сторону Совѣта и принять примирительную систему 10-ти Гаагскихъ юристовъ. Съ точки зрѣнія дальѣйшаго прогресса международного права, такую тенденцію нужно, конечно, приветствовать и надѣяться, что она одержитъ успѣхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно отрицать, что требованія такъ называемыхъ великихъ державъ далеко не лишены серьезныхъ оснований. Не слѣдуетъ забывать, что державы эти никогда не посягали на принципъ равенства государствъ передъ лицомъ международного суда. Онѣ желали только обезпечить себѣ на образованіе суда влияние, соответствующее ихъ реальному мировому значенію. И въ этомъ отношеніи право было, конечно, на ихъ сторонѣ.

Во первыхъ, какъ представительницы большей части протраства и населенія земного шара, а равно и вслѣдствіе большой сложности и болѣе частыхъ столкновеній ихъ взаимныхъ интересовъ, великія державы будутъ по необходи-

мости гораздо чаще обращаться къ международному суду, чѣмъ малыя. Поэтому и представляется совершенно законнымъ требованіе великихъ державъ на постоянное представительство въ Палатѣ. Рѣшеніе международного суда, въ который не входили бы, напримѣръ, представители Россіи или Англіи, Франціи или Германіи, и который вмѣсто нихъ включалъ бы представителей Венесуэлы, Никарагуа или Либеріи, не обладалъ бы необходимымъ авторитетомъ въ глазахъ населенія исклѣченныхъ изъ состава суда великихъ странъ. Исполненіе такихъ рѣшеній могло бы даже иногда встрѣтить непреодолимыя трудности.

Во вторыхъ, международное право далеко еще не кодифицировано и различныя его доктрины въ разныхъ странахъ не во всемъ сходятся. Было бы высшей несправедливостью и несуразностью, если бы англо-американская доктрина международного права или общепринятая на европейскомъ континентѣ воззрѣнія въ судѣ вовсе не были представлены, и въ немъ, благодаря необыкновенному обилію американскихъ республикъ, стали преобладать нео-испанскія теоріи, въ родѣ ученія Драго и т. под.

Намъ кажется, поэтому, что теорія великихъ державъ основана не столько на принципѣ неравенства, сколько на началѣ пропорціональнаго равенства (*egalite proportionelle*)

государствъ, опредѣляемаго на основаніи реального соотношенія силы государствъ, какъ физическихъ, такъ и духовныхъ. Можно, конечно, спорить о международномъ удѣльномъ вѣсѣ той или иной страны. Нужно будетъ найти технические методы для его опредѣленія. Но сама по себѣ идея намъ представляется вѣрной, и, въ частности, намъ кажется, что по справедливости слѣдуетъ отвести Франціи, Англіи или Россіи больше вліянія на устройство и отправленіе международной юстиціи, чѣмъ Никарагуѣ или Сіаму.

Съ другой стороны, приходится, однако, считаться съ психологіей такъ называемыхъ малыхъ государствъ, которыя вообще склонны подоарѣвать великія державы въ стремленіи подчинить ихъ своей гегемоніи и къ безпристрастію коихъ они не всегда питаютъ необходимое довѣріе. А такъ какъ главной задачей создателей будущаго Международнаго Трибунала является, конечно, окруженіе ея атмосферой всеобщаго довѣрія, то съ этой психологіей считаться, конечно, необходимо. Поэтому именно нужно при-
вѣтствовать выходъ изъ тупи-

на, найденный Гаагскими юристами. Это образчикъ настоящей *elegantia juris*. Великія державы удовлетворены, ибо имѣютъ особую коллегію, безъ которой не пройдетъ въ судьи кандидатъ, не обладающій, въ ихъ глазахъ, всѣми качествами, необходимыми для разрѣшенія мировыхъ вопросовъ. Малыя державы удовлетворены, ибо господствуютъ въ коллегіи, чрезъ которую не пройдетъ кандидатъ, не представляющій достаточныхъ гарантій полной независимости отъ «великодержавныхъ вліяній». Въ общемъ же судья, избранный какъ Совѣтомъ, такъ и Собраніемъ Лиги Народовъ, будетъ пользоваться огромнымъ нравственнымъ авторитетомъ, исключаящимъ всякую возможность заподозрить его въ какой-либо политической предубѣжденности, способной повліять на постановляемыя имъ судебныя рѣшенія. Намъ кажется, поэтому, что Гаагская система 1920 г. обезпечиваетъ человечеству наилучшихъ международныхъ судей, и потому мы твердо уповаемъ, что Женевское Собраніе Лиги Народовъ ее утвердитъ въ полномъ объемѣ.

Андрей Манделыштамъ.

ВОПРОСЫ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ НА БРЮССЕЛЬСКОЙ ФИНАНСОВОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

Международная Финансовая Конференция, созванная 24 Сентября в Брюссель Советом Лиги Наций, носила характер консилиума врачей, призванных к постели тяжелого больного. Она не являлась совещанием облеченных полномочиями представителей государств и не была правомочна высказываться и принимать решения от имени государств. Ея роль сводилась к постановке диагноза и к выработке методов лечения.

Идея международной конференции по финансовым вопросам возникла, как известно, в частной среде: на созванном в ноябре 1919 г. Виссерингом, в Амстердаме, финансово-экономическом совещании, и среди группы американских финансистов и экономистов, обратившихся к правительству С.-А. Соединенных Штатов с призывом созвать международную конференцию для изучения экономического положения и выработки плана международного финансового сотрудничества. Идея эта не встретила сочувствия в правительствах Англии и С.-А. Соединенных Штатов, определенно высказавшихся против такого совещания, которая имела бы целью вызвать новую финансовую поддержку

со стороны Англии и С.-А. Соединенных Штатов.

Если, таким образом, задачи созванной Лигой Наций Финансовой Конференции были ограничены изучением финансово-экономического кризиса, выяснением его причин и установлением методов восстановления нормальной жизни, то заслуги Конференции все-же значительны. Она изыскала далеко не одним лишь количеством собранного ею материала — Конференция работала с 24 Сентября по 8 октября, и труды ее составляют три томных тома — который несомненно поможет разобраться в сложной мировой конъюнктуре. Главная ее заслуга в том, что при изыскании методов борьбы с финансовыми и экономическими затруднениями, в которых запуталось сейчас мировое хозяйство, она стояла на строго реальной почве и в основе всех ее предложений лежат проверенные практикой и признанные наукой принципы.

Такое определение общего характера работ и резолюций Конференции особенно верно по отношению к той их части, которая касается денежного обращения. В этой области особенно легко разыгрывается фантазия и она всегда служила

почвой крайне благоприятной для прожестерства. Отъ него, какъ отъ сорной травы, надлежитъ очистить опытное поле. Брюссельская Конференція выставила это предварительное условіе на первое мѣсто въ своихъ заключеніяхъ по вопросу о денежномъ обращеніи.

Ставя въ своихъ заключеніяхъ діагнозъ болѣзни, Брюссельская Конференція считаетъ инфляцію основной разстройствомъ денежнаго обращенія. При этомъ самое понятіе инфляціи опредѣляется Конференціей, какъ «искусственное и безудержное (*sans frein*) расширение денежнаго обращенія»; денежное же обращеніе опредѣляется ею какъ совокупность легко реализуемой (*immediat*) покупательной силы данной страны, представленной какъ имѣющими законное хожденіе денежными знаками, такъ и банковскими кредитами.

Такого рода опредѣленіе инфляціи соответствуетъ опредѣленіямъ, принятымъ въ пауизѣ. Эпитетъ «искусственное» можетъ обозначать и расширение денежнаго обращенія безъ соответствующаго расширенія производства и расширеніе покупательной силы совокупности отдѣльныхъ хозяйствъ страны безъ соответствія совокупности имѣющихся въ обращеніи товаровъ. (*W. Prion. Inflation und Geldentwertung.*)

Вышеприведенное опредѣленіе понятія денежнаго обращенія, данное въ резолюціяхъ

Конференціи, показываетъ, что источникомъ инфляціи можетъ явиться какъ искусственное увеличеніе денежныхъ знаковъ, такъ и искусственное расширеніе кредитовъ; другими словами, источникомъ инфляціи можетъ быть какъ государственная финансовая, такъ и частная банковская политика.

Съ объявленія войны размѣнъ на золото приостанавливается въ большинствѣ воюющихъ странъ, и выпуски банкнотъ и казначействами производятся безъ того, чтобы въ кассы взаменъ поступали легко реализуемыя цѣнности. Поступающіе въ оборотъ денежные знаки ни въ какой мѣрѣ не соответствуютъ расширенію производства. Въ то же время увеличеніе денежнаго обращенія не стоитъ ни въ какомъ соотношеніи съ состоящимъ товарнаго оборота: въ то время какъ денежное обращеніе повышается на 200—300%, количество обращающихся товаровъ понижается на нѣсколько десятковъ процентовъ⁴⁾.

«Въ большинствѣ странъ, говорится въ резолюціяхъ Брюссельской Конференціи, инфляція вызвана главнымъ образомъ слѣдующей причиной: правительства, не имѣя возможности покрывать свои расходы исключительно дохода-

⁴⁾ Возможна и золотая инфляція (примѣръ Швеціи въ 1916 году), т. е. выбрасываніе въ оборотъ золотой монеты въ количествахъ, превышающихъ размѣры оборота; но золотая инфляція имѣетъ свою особую природу, такъ какъ дѣйствіе ея ограничено рыночной міровой цѣной золота.

ми, вынуждены были прибѣгать къ искусственному созданию новой покупательной силы, путемъ выпуска денежныхъ знаковъ, имѣющихъ законное хожденіе или — что случалось чаще — получая кредиты въ эмиссіонныхъ банкахъ, не могущихъ или не желающихъ отказывать въ открытіи такихъ кредитовъ и принужденныхъ въ свою очередь прибѣгать для этого къ выпуску денежныхъ знаковъ».

Другимъ источникомъ инфляціи, понимаемой какъ искусственное расширение покупательной силы страны, является во время войны и въ послѣ-военный періодъ банковская политика: открытіе банковыхъ кредитовъ, разрѣшеніе выписывать чеки безъ покрытія, выдача вкладныхъ билетовъ безъ внесенія соответствующихъ вкладовъ, и, наконецъ, въ известной степени открытіе кредитовъ малосолиднымъ предпріятіямъ или под сомнительными цѣнностями, не могущія быть рассматриваемыми какъ представляющія дѣйствительное расширение производства. Несоответствующій конъюнктурѣ низкій учетно-ссудный процентъ и недостаточно строгій разборъ при открытіи кредитовъ, учетъ, выдачѣ ссудъ — содѣйствуютъ, такимъ образомъ, инфляціи.

Во время войны можетъ вестись къ инфляціи также и налоговая политика, такъ какъ государство, извлекая покупательную силу изъ оборота,

употреблять ее въ значительной части на пріобрѣтеніе или на производство уничтожаемыхъ затѣмъ предметовъ.

Какъ же отражается инфляція на народномъ хозяйствѣ?

Инфляція ведетъ къ обезцѣненію денегъ — въ какой мѣрѣ, объ этомъ мы скажемъ далѣе. Къ общему количеству имѣющейся въ странѣ и соответствующей производству и обороту покупательной силы искусственно прибавляется покупательная сила, не опирающаяся на производство и не находящаяся ни въ какомъ соотношеніи съ оборотомъ. Денежное обращеніе разжижается и денежная единица соответственно теряетъ часть своей прежней покупательной силы. Вотъ почему искусственное увеличение денежныхъ знаковъ, когда оно имѣетъ мѣсто — какъ это практикуется со второй половины 1914 г. — безъ всякаго отношенія къ производству и къ обороту, равносильно принудительному займу или обложению населенія, обложенію крайне несовершенному, падающему на капиталъ и на доходъ, не знающему ни *existenzminimum'a*, ни прогрессіи, ни вычета долговъ и поэтому самымъ неблагоприятнымъ образомъ отражающемся на народномъ хозяйствѣ.

Если изъ двухъ элементовъ, отношеніемъ между которыми опредѣляется инфляція — размѣрами эмиссій съ одной стороны и размѣрами производства и обращенія съ другой, — пер-

вый достигаетъ чрезвычайнаго развитія, а второй крайняго сокращенія, если, другими словами, денежные выпуски чрезвычайно велики, а производство и оборотъ крайне сокращены, то инфляція можетъ привести къ экономической и социальной катастрофѣ. Примеромъ этому можетъ служить положеніе въ Совѣтской Россіи, гдѣ бумажные выпуски достигли колоссальныхъ размѣровъ, измѣряемыхъ астрономическими цифрами, а производство сократилось до минимума.

«Повсюду, гдѣ увеличеніе обращенія явилось результатомъ инфляціи, (денежной или кредитной), говорится въ резолюціяхъ Брюссельской Конференціи, мы констатируемъ болѣзненное явленіе постояннаго повышенія товарныхъ цѣнъ и заработныхъ платъ, вызывающіе постоянно новую инфляцію, отъ чего въ результатѣ получается полная дезорганизація дѣлового оборота, прогрессивное увеличеніе стоимости жизни, разстройство валютныхъ курсовъ и неизбѣжное недовольство среди рабочаго класса».

Какое дѣйствіе инфляціи на товарныя цѣны? Цѣны не испытываютъ равномернаго повышенія, пропорціональнаго искусственному увеличенію денежнаго оборота. Повышеніе цѣнъ имѣетъ мѣсто этапамъ. Выброшенные въ оборотъ новые денежные знаки увеличиваютъ спросъ на вѣкоторые товары и ведутъ къ

нѣкоторому повышенію цѣнъ' поглощающему часть эмиссін' Другая часть эмиссін припрятывается населеніемъ и не поступаетъ въ оборотъ или возвращается въ казну черезъ каналъ займовъ и налоговъ. Новые выпуски усиливаютъ этотъ процессъ, и цѣны неизбѣжно растутъ, увеличиваясь все болѣе по мѣрѣ того какъ истощаются старые товарные запасы, а заработная плата, страховыя преміи, фрахты и т. д. приспосаблиются къ растущей дороговизнѣ.

Вліяніе инфляціи на цѣны нисѣмъ не отрицается, но размѣры этого вліянія оцѣниваются различно.

Такъ, напримѣръ, профессоръ Шарль Жидъ, въ представленномъ имъ Брюссельской Конференціи мемюарѣ говоритъ: «Мы не думаемъ, чтобы вліяніе инфляціи на цѣны было столь велико, какъ это обыкновенно предполагаютъ. При разсмотрѣніи движенія index numbers (отмѣтки среднихъ товарныхъ цѣнъ) въ различныхъ странахъ ясно, что повышеніе цѣнъ не соответствуетъ размѣрамъ инфляціи. Другимъ подтвержденіемъ того же явленія служить то обстоятельство, что повышеніе цѣнъ дало себя чувствовать во Франціи гораздо больше послѣ войны, чѣмъ во время войны, тогда какъ выпуски банкнотъ производились въ послѣ-военный періодъ сравнительно небольшихъ размѣрахъ». Отрицаніе преимущественнаго вліянія инфляціи на цѣны мы счи-

таемъ, однако, неправильнымъ. Пр. Ш. Жидъ понимаетъ инфляцію какъ увеличеніе бумажныхъ денегъ, тогда какъ это увеличеніе является лишь однимъ изъ элементовъ инфляціи. Какъ правильно замѣтилъ проф. Кассель, въ поданномъ имъ Брюссельской Конференціи мемуарѣ, всѣ другія явленія, обыкновенно разсматриваемыя какъ причины повышенія цѣнъ (напр. высота фрахтовъ, пониженіе производительности труда и т. д.) уже входятъ составной частью въ понятие инфляціи, такъ какъ ведутъ къ сокращенію производства. Что же касается до отмѣченнаго Ш. Жидомъ сравнительно небольшого повышенія цѣнъ во время войны, то, какъ мы уже знавали, это объясняется тѣмъ, что инфляція дѣйствуетъ на цѣны постепенно, этанамп, съ постоянно прогрессирующей интенсивностью.

Инфляція оказываетъ разлагающее вліяніе на народное хозяйство и въ другомъ направленіи: она ведетъ къ полному разстройству валютныхъ курсовъ. Прекращеніе размѣна на золото и неравномѣрное самостоятельное развитіе бумажно-денежнаго обращенія въ отдельныхъ странахъ уничтожили ту, колебавшуюся лишь въ предѣлахъ *золотыхъ пунктовъ*,*) скалу паритетовъ валюты, которая существовала до войны.

*) Т. е. въ предѣлахъ расхода на перевозку и страховку золота.

Вопросъ о вліяніи инфляціи на валютные курсы и о способахъ борьбы съ этимъ вліяніемъ — есть обширная, особая, хотя и тѣсно соприкасающаяся съ вопросами денежнаго обращенія, область, касаться которой въ этой статьѣ мы — за недостаткомъ мѣста — лишены возможности.

Диагнозъ поставленъ. Каково же должно быть лѣченіе болѣзни?

Необходимо прежде всего приостановить дальнѣйшее теченіе болѣзни, дѣйствуя при этомъ не искусственнымъ способомъ механическаго приостановленія эмиссій, а стремясь устранить самыя причины, вызывающія инфляцію, воздействуя при этомъ какъ на государственное хозяйство, такъ и на частный кредитъ.

«Приостановка увеличенія денежнаго обращенія не должна быть осуществлена исключительно путемъ сокращенія эмиссій» — заявляетъ резолюція Брюссельской Конференціи.

«Подобнаго рода методъ, если онъ не сопровождается другими мѣропріятіями, могъ бы только ухудшить положеніе, вызвавъ моментный кризисъ. Необходимо принять рѣшительныя мѣры для борьбы съ тѣми причинами, которыя неминуемо ведутъ къ увеличенію обращенія».

Резолюція Брюссельской Конференціи рекомендуетъ цѣлый рядъ такихъ мѣръ. Мы ограничимся ихъ перечисленіемъ, такъ какъ значеніе ихъ ясно

уже изъ всего предшествующаго изложения.

1. «Государственные расходы должны быть производимы въ полномъ соотвѣтствіи съ государственными доходами».

2. «Эмиссіонные банки должны быть ограждены отъ всякихъ политическихъ вліяній и должны строить свою политику исключительно на основахъ финансовой осторожности».

3. «Правительства и муниципалитеты должны воздерживаться отъ увеличенія неотвержденныхъ долговъ и стремиться къ ихъ консолидаціи». Понятно, что неотвержденный долгъ, если онъ не возобновляется, вызываетъ для его оплаты необходимость въ выпускѣ новыхъ денежныхъ знаковъ».

4. «Пока нормальный учетный процентъ не станетъ снова единственнымъ регуляторомъ кредитовъ, открытіе таковыхъ должно имѣть мѣсто исключительно для экономическихъ надобностей».

Мы видѣли, что инфляція зависитъ не только отъ расширенія денежнаго и кредитнаго оборота, но, прежде всего, отъ отношенія этого оборота къ производству ли къ товарному обороту. Поэтому резолюціи Брюссельской Конференціи и добавляютъ, что «необходимо одновременно расширять производство и сокращать потребление».

При современномъ финансовомъ хозяйствѣ въ большинствѣ странъ было бы тщетно ожидать немедленнаго исчезновенія

всѣхъ тѣхъ условій, которыя вызываютъ увеличеніе денежнаго обращенія. Однако, сокращеніе выпусковъ несомнѣнно осуществимо и — что въ особенности важно — параллельно съ эмиссіями должно идти развитіе производства и оборота, являющагося какъ бы противоядіемъ искусственнаго расширенія денежнаго обращенія. При такихъ условіяхъ возможно приостановить инфляцію и болѣе или менѣе зафиксировать цѣнность денежнаго знака».

* * *

Слѣдуетъ ли идти дальше этого? Слѣдуетъ ли стремиться къ такъ называемой «дефляціи», къ возвращенію денежной единицы — путемъ извлеченія налоговъ и займами денежныхъ знаковъ изъ обращенія и путемъ форсированнаго развитія производства — ея прежней цѣности?

«Дефляція, отвѣчаетъ на эти вопросы Брюссельская Конференція, если бы рѣшено было ее производить, должна быть проведена постепенно и съ величайшей осторожностью; иначе она вызвала бы такія пертурбации въ торговлѣ и въ оборотѣ, которыя могли бы имѣть самыя губительныя послѣдствія».

Быстрая дефляція и не осуществима. Государственные финансы вездѣ настолько разстроены, что, не смотря на все напряженіе налогового аппарата, сведеніе бюджетнаго равновѣ-

сія достигается путемъ кредитныхъ операций. Государства не могутъ кромѣ того повышать налоги и производить займы специально для дефляціи. Что же касается до повышения производства, то оно не можетъ идти столь громадными скачками. За послѣднее пятидесятилѣтіе до войны мировой экономической прогрессъ подсчитывается, въ упомянутомъ уже мемуарѣ проф. Касселя, въ среднемъ въ 3% въ годъ. Между тѣмъ денежное обращеніе увеличилось, по сравненію съ до-военнымъ въ 2 1/2 — 3 раза.

Дефляція нисколько не возстановила бы имущественныхъ отношеній до войны. Отъ нея больше всего выиграли бы выше богачи и пострадали бы государственные финансы (платежи по займамъ) и рабочее население, такъ какъ быстрое и значительное пониженіе цѣнъ вызвало бы и пониженіе заработной платы и промышленный кризисъ.

* * *

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніи Брюссельской Конференціи къ вопросу о золотѣ и золотомъ основаніи денежнаго обращенія.

Подобно тому какъ сдѣлалъ это въ декабрѣ 1919 г. Англійскій Комитетъ по вопросамъ денежнаго обращенія въ мемуарѣ, представленномъ имъ Палатѣ Общигь, Брюссельская Конференція рѣшительно высказалась за возстановленіе золо-

того основанія денежнаго обращенія.

«Мы считаемъ крайне важнымъ — говорится въ резолюціяхъ Брюссельской Конференціи — чтобы міръ обладалъ общимъ денежнымъ измѣрителемъ. Таковымъ является золото. Поэтому крайне желательно, чтобы страны, уклонившіяся отъ золотой системы, къ ней вернулись». При этомъ резолюція Брюссельской Конференціи добавляетъ: «Невозможно предсказать какъ и когда старая страна смогутъ возстановить монетную систему, дѣйствовавшую до войны и сколько времени понадобится новымъ странамъ для установленія золотой системы».

Несомнѣнно, однако, что большинство странъ должно будетъ еще пройти черезъ долгій предварительный періодъ, въ теченіе коего имъ придется направить все свои усилія къ приостановкѣ дальнѣйшаго развитія инфляціи (дабы сдѣлать товарныя цѣны независимыми отъ колебаній размѣровъ денежнаго обращенія) и къ выработкѣ правильной девизной политики, опирающейся на соответственный золотой запасъ.

Устойчивость цѣны золота была однимъ изъ главныхъ качествъ, дѣлавшимъ его наиболее желательнымъ матеріаломъ для монеты. Со времени войны, подъ влияніемъ главнымъ образомъ полного выхода его изъ обращенія и различныхъ запретительныхъ мѣръ,

къ нему примѣнявшихся, золото утратило это свое цѣнное свойство.

Исправленіе денежнаго обращенія въ разныхъ странахъ, съ подведеніемъ подъ него золотого основанія необходимо вызоветъ колебаніе цѣны золота, а значительность паростанія спроса на золото для монетныхъ цѣлей можетъ превзойти паростаніе его производства. При такихъ условіяхъ возникаетъ вопросъ, не надлежитъ ли теперь же попытаться зафиксировать цѣну золота, что возможно было бы осуществить только путемъ международной регламентаціи передвиженій золота. Брюссельская Конференція обсуждала этотъ вопросъ, выразила въ своихъ резолюціяхъ сомнѣніе относительно возможности такой фиксаціи, но рѣшила — не высказывалась окончательно — передать этотъ вопросъ въ постоянную комиссію, объ образованіи которой Конференціи возбудила вопросъ передъ Лигой Націй.

* * *

Брюссельская Финансовая Конференція насчитывала 86 членовъ, представлявшихъ 36 государствъ. Кроме государствъ, входящихъ въ настоящее время въ Лигу Націй, на Конференціи представлены были С.-А. Соединенные Штаты, Германия, Австрія, Болгарія, Люксембургъ, Финляндія. Даже Эстонія, Латвія, Литва, Армения имѣли возможность, черезъ посредство своихъ представителей слѣдить за работами Брюссель-

скаго Совѣщанія. Населеніе представленныхъ на Брюссельской Конференціи странъ равно 75% населенія земного шара. Составъ Брюссельской Конференціи не можетъ, однако, почитаться полнымъ, такъ какъ Россія на ней представлена не была, безъ Россіи же, поставленной въ такія политическія, социальныя и экономическія условія, которыя вернули бы ей ея производительную и покупательную силу, не могутъ закрыться раны, отъ которыхъ страдаетъ міровая экономическая жизнь. Не учитывая русскаго элемента, невозможно со всей необходимой полнотой обсуждать вопроса экономической и финансовой реконструкціи.

Работы Брюссельской Конференціи могутъ, однако, послужить цѣнной службой при будущей реконструкціи Россіи, а — специально по интересующему насъ отдѣлу денежнаго обращенія — ея резолюціи могутъ считаться и для насъ руководящими. Въ основу ихъ положена та истина, что исправленіе денежнаго обращенія должно опираться на оздоровленіе государственныхъ финансовъ и всей хозяйственной жизни страны. Путемъ этого оздоровленія и Россія можетъ — конечно черезъ продолжительное время — вернуться — какъ это рекомендуетъ Конференція — къ основамъ денежной системы, дѣйствовавшей до войны. Пока же придется довольствоваться борьбой съ инфляціей —

способами, указанными Конференцией — и созданием золотого фонда, на который (точно так же как и на форсированный в первое время экспорт) должна будет опираться девизная политика. Что же касается специально судьбы русских бумажных денег, то, не смотря на все советские декреты, мы несомненно — в

день воскресения России — найдем там богатейшую бумажно-денежную флору... Сь ней, применив методы унификации и счетной девальвации, придется несомненно считаться при закладке нового здания русского денежного обращения.

П. Н. Апостоль.

ЭКОНОМИЧЕСКИЯ ПРОБЛЕМЫ МИРА.

Когда теперь вновь перечитываешь написанную почти полтора года тому назад нашу любимую книгу Кейнса «Экономическія послѣдствія мира» («The Economic consequences of the peace» by J. M. Keynes. London. 1920.), трудно отделиться от чувства удовлетворения по поводу торжества взглядов экономиста.

Мирный договор съ Германией подготовлялся и обсуждался въ многочисленныхъ комиссияхъ и пленарныхъ собранияхъ въ отдѣльныхъ государствахъ и на мирной конференціи. О немъ судили и ридили до его заключенія политики, государственные дѣятели, дипломаты, генералы, публицисты, журналисты. Но въ составленія его меньше всего участвовали экономисты. Война, вызвавшая и, въ свою очередь, явившаяся ничѣмъ инымъ, какъ огромнымъ мировымъ со-

циально-экономическимъ кризисомъ, оставившая послѣ себя глубокія и сложныя мировыя экономическія проблемы, подлежащая разрѣшенію во что бы то ни стало, ликвидировалась всеми, только не экономистами, которымъ по праву долженъ былъ бы принадлежать первый голосъ. «Клемансо — говоритъ Кейнсъ (состоявшій совѣтникомъ британскаго департамента казначейства на мирной конференціи) — думалъ только объ уничтоженіи экономическаго могущества врага; Ллойд-Джорджъ — только о томъ, чтобы выиграть время и привезти въ Англію что-нибудь такое, что создало бы ему популярность на одну недѣлю; президентъ Вильсонъ — только о томъ, чтобы не сдѣлать ничего такого, что не соответствуетъ справедливости и праву. Поражительно, что основная экономическая проблема — стоящей

передъ ихъ глазами расчлененной и истощенной Европы—была единственной, которая совершенно не способна была вызвать какой-либо интересъ у Совѣта Четырехъ» (стр. 211). «Вопросъ о возмѣщеніи военныхъ убытковъ былъ единственнымъ для нихъ экономическимъ вопросомъ, и они рассматривали его съ точки зрѣнія теологической, политической, съ точки зрѣнія лабиринтной кампаніи, со всякихъ точекъ зрѣнія, но только не съ точки зрѣнія экономического будущаго государства, судьбы которыхъ они обсуждали» (стр. 212).

Что могъ дать выработанный при этихъ условіяхъ мирный договоръ? «Онъ не заключаетъ въ себѣ — говоритъ Кейнсъ — никакихъ условій для экономического возстановленія Европы, для того, чтобы сдѣлать центральныя имперіи добрыми сосѣдями, для того, чтобы создать устойчивое равновѣсіе для вновь образованныхъ въ Европѣ государствъ, для того, чтобы вернуть Россію; онъ ничѣмъ не помогаетъ созданію экономической солидарности среди самихъ союзниковъ; онъ не предусматриваетъ никакихъ соглашеній для возстановленія разрушенныхъ финансовъ Франціи и Италіи или для сближенія Стараго Свѣта съ Новымъ» (стр. 211). Таково заключеніе Кейнса.

Авторъ книги объ экономическихъ послѣдствіяхъ мира подвергся многочисленнымъ на-

падкамъ за мнимую защиту имъ Германіи. Кейнсъ, дѣйствительно, значительное мѣсто въ своей книгѣ удѣляетъ вопросу о томъ, способна ли Германія выполнить возложенныя на нее договоромъ обязательства. Онъ блестяще, съ большимъ знаніемъ своего предмета, оперируя обильнымъ и первокласснымъ по своей доброкачественности фактическимъ матеріаломъ, старается доказать, что условія мирнаго договора для Германіи невыполнимы даже при ея полной доброй волѣ. Сколько бы, однако, ни старались опровергнуть доказательства Кейнса его оппоненты, и въ частности самый серьезный изъ нихъ, Рафаэль Леви (R. G. Levy. La juste Paix. Paris. 1920), справедливо заявляющій: «приписывать условіямъ Версальскаго мира всю разруху, которой страдаетъ Европа въ настоящій моментъ и которая легко объясняется безпримѣрнымъ потрясеніемъ и невозможностью въ одинъ день устранить ее — равносильно обвиненію врача въ томъ, что онъ привилъ больному его болѣзнь, отъ которой онъ старается его излечить» — правда остается на сторонѣ Кейнса.

Ибо сила его аргументовъ и центръ тяжести его разсужденій отноудь не въ защитѣ Германіи, а въ защитѣ Европы, болѣе того — въ защитѣ прогрессивнаго развитія всего мірового хозяйства.

Версальскій миръ, несмотря на то, что мирный трактатъ въѣхне тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ договоромъ о Лигѣ Народовъ, основавъ не только на сохраненіи, но и на обостреніи прежней идеи политическаго равновѣсія, въ свою очередь покоящейся на системѣ коалицій государствъ. Соответственно этому и въ экономической области на мѣсто *организации* мирового хозяйства, онъ вводитъ его дальнѣйшее расчлененіе, раздробленіе, разрушаетъ заложенную въ самой природѣ международныхъ экономическихъ отношеній международную экономическую солидарность, вводитъ принципъ перманентной экономической войны и тѣмъ самымъ уничтожаетъ условія для экономическаго возстановленія Европы. Въ указаніи на это и заключается центръ тяжести изслѣдованія Кейнса.

«Полный упадокъ на продолжительное время внутренняго производства въ Европѣ; разрушеніе транспорта и всѣхъ средствъ обмѣна, предназначенныхъ для того, чтобы доставлять продукты туда, гдѣ они наиболѣе нужны; неспособность Европы покупать въ обычныхъ размѣрахъ необходимые продукты въ заморскихъ странахъ» — таковы въ краткой формулировкѣ Кейнса послѣдствія войны.

Задолго до него другой наблюдатель европейскихъ условій послѣ войны, извѣстный американскій финансовый дѣятель

Франкъ Вандерлипъ въ прекрасныхъ очеркахъ, озаглавленныхъ: «Что случилось въ Европѣ?» (Frank Vanderlip. What happened to Europe? New-York. 1919) далъ ту же картину разрушенія мирового хозяйства. Вандерлипъ 2 февраля 1919 года высадился въ Англию. Онъ объѣзжалъ всѣ важнѣйшія европейскія страны, встрѣчался съ самыми разнообразными дѣятелями въ Европѣ, много бесѣдовалъ, много наблюдалъ и подмѣчалъ.

Съ разрушеніемъ хозяйствомъ, дезорганизованнымъ транспортомъ, голодающая, среди безконечныхъ эпидемій, народныхъ волненій, гражданскихъ и внѣшнихъ войнъ, обнищавшая, неспособная ничего покупать и вынужденная вымаливать подаянія у неевропейскихъ государствъ, утратившая свое культурно-экономическое единство, вернувшаяся къ условіямъ средневѣковья — такой увидалъ Европу Вандерлипъ. «Теперь надо спасать Европу — говоритъ Вандерлипъ — отъ финансоваго и промышленнаго кризиса» (стр. XI).

«Кто наказанъ въ мировой войнѣ?» — спрашиваетъ Норманъ Энджелъ въ своей книгѣ: «Мирный договоръ и экономическій хаосъ въ Европѣ». (Normann Angell. The peace treaty and the economic chaos of Europe. London 1920.) И даетъ тотъ же отвѣтъ, что и Кейнсъ: «Разсматривая нѣкоторыя черты мирнаго договора и тѣ соображенія, кото-

рыи приводились въ его защиту — а именно, что условія договора являются карой и что они необходимы для интересовъ англійскаго народа, — безспорнымъ становится, что сохраненіе этихъ условій будетъ стоить союзнымъ народамъ не меньшихъ жертвъ, чѣмъ непріятельскимъ странамъ» (стр.13).

Всеобщій голодъ, безграничное повышеніе товарныхъ цѣнъ, а затѣмъ катастрофическое ихъ паденіе, которое неизбежно должно будетъ вызвать новое обостреніе хозяйственнаго кризиса, невозможность сбыта, невозможность восстановленія кредита, невозможность ликвидаціи бумажно-денежной инфляціи, разрывъ налаженныхъ вѣками международныхъ экономическихъ связей — таковы, по мнѣнію Кейнса, Вандерлина, Энджелла, неизбежныя послѣдствія разрушеній, произведенныхъ войной и совершенно не ликвидируемыхъ мирнымъ договоромъ.

* * *

Великобританія, народное хозяйство которой зависитъ отъ состоянія земледѣлія въ другихъ странахъ, снабжающихъ ее продовольственными продуктами, отъ состоянія промышленности, торговли и кредита европейскихъ странъ, являющихся крупнейшими покупателями продуктовъ британской промышленности, особенно заинтересована, по мнѣнію Кейнса и Энджелла, въ восста-

новленіи хозяйственной жизни въ Европѣ.

Вандерлиппъ съ этой же точки зрѣнія доказываетъ заинтересованность Соед. Штатовъ въ восстановленіи Европы.

Указанные нами авторы не говорятъ въ данномъ случаѣ ничего новаго. Они развиваютъ примѣнительно къ мирному договору и на примѣрѣ его лишній разъ иллюстрируютъ ставшія въ послѣдніе годы передъ войной тривиальными, въ силу своей общепризнанности въ экономической наукѣ, мысли о томъ, что экономическая война всегда нанесетъ ударъ обѣимъ сторонамъ.

Политики не хотѣли считаться съ этимъ во время войны: они упорно игнорируютъ эти истины по окончаніи войны. Но экономика оказывается сильнѣе политики. Она разрушаетъ всѣ хитроумныя дипломатическія и политическія комбинаціи, нарушаетъ всѣ расчеты, которые дѣлаются, не считаясь съ ней, и заставляетъ рано или поздно слѣдовать тому пути, котораго требуютъ непреложные законы экономического развитія человѣчества.

«Хотите знать чѣмъ вызванъ нынѣшній тяжелый экономическій кризисъ во всемъ мірѣ?» — говорилъ недавно Ллойдъ-Джорджъ на собраніи британскихъ промышленниковъ въ Лондонѣ. «Когда вы часто видите человѣка въ рубищахъ, безъ бапмаковъ, который стоитъ передъ витринами богатаго магазина, гдѣ лежатъ груды

платья, обуви и всѣхъ нужныхъ вещей, вы спрашиваете себя, почему этотъ человекъ, нуждающийся во всемъ необходимомъ, не зайдетъ въ магазинъ и не купитъ все, что ему нужно? Очень просто — потому что ему не на что купить, нечѣмъ платить. Въ такомъ состояніи находится и вся Европа? Нищая и разоренная, нуждающаяся во всемъ самомъ необходимомъ, она смотритъ на витрины нашего богатаго магазина, гдѣ разложены лучшіе въ мірѣ товары, но не покупаетъ ихъ, потому что карманы ея набиты бумажками и у нея нечѣмъ платить за эти товары». «Наши лучшіе покупатели обѣднѣли» — говоритъ Ллойдъ-Джорджъ, совершенно правильно опредѣляя этимъ причины мирового кризиса.

Но дальше этого признанія мысль Ллойдъ-Джорджика пока не идетъ. Если бы и научная экономическая мысль ограивалась только изображеніемъ безотрадной картины мирового экономического хаоса, ея престижъ былъ бы безславно подорванъ, и мировое хозяйство было бы обречено на долгое пребываніе въ состояніи тяжелаго оскуднѣнія. Къ счастью, дѣло обстоитъ не столь безнадежно.

* * *

Большинство авторовъ, трактующихъ мировыя экономическія проблемы, указываютъ и пути для ихъ разрѣшенія.

Кейнсъ намѣчаетъ четыре мѣры, необходимыя въ первую очередь:

1. пересмотръ мирнаго договора;
2. взаимное аннулированіе всѣхъ военныхъ долговъ между союзниками;
3. международный заемъ;
4. экономическое возстановленіе Россіи.

Пересмотръ договора долженъ быть бы коснуться, по мнѣнію Кейнса, возмѣщенія убытковъ, сумма которыхъ подлежитъ уменьшенію и фиксированію.

Комиссія по возмѣщенію убытковъ должна быть ликвидирована, на ея мѣсто должна быть создана новая комиссія при Лигѣ Націй.

Наконецъ, союзныя страны должны отказаться отъ конфискаціи имущества германскихъ гражданъ и германскаго правительства и тѣмъ самымъ дать возможность Германіи вновь помѣщать свой капиталъ за границей и вновь вести нормальную виѣпную торговлю.

Таковы наиболѣе существенныя требованія въ отношеніи пересмотра мирнаго договора.

Если прослѣдить теперь эволюцію союзнической политики въ отношеніи Германіи за послѣдніе мѣсяцы, то не трудно видѣть, что почти всѣ пункты, выставленные Кейнсомъ, получили осуществленіе.

Фиксированіе суммы возмѣщенія убытковъ признано возможнымъ.

Сумма эта значительно уменьшена по сравнению съ первоначальными расчетами.

Комиссія по возмѣщенію убытковъ перестала существовать и, наконецъ, Англія отказалась отъ предусмотрѣнныхъ договоромъ репрессій въ отношеніи германскихъ имуществъ и капиталовъ.

Англія и Італія стали на путь пересмотра договора, и въ этомъ вопросѣ мнѣніе Кейнса, несомнѣнно, одержало верхъ.

Иначе обстоитъ дѣло съ другими принципами, выставленными экономической литературой.

Аннулированіе взаимныхъ военныхъ долговъ союзниковъ другъ другу все еще не можетъ получить осуществленія, несмотря на то, что въ этомъ вопросѣ сходятся не только Кейнсъ и Энджелль, но и Леви и даже американецъ Вандерлипъ.

Представитель нейтральной страны, голландскій банкиръ Виссерингъ въ своей прекрасной книгѣ «Международныя экономическія и финансовыя проблемы» (Dr. G. Vissering. International Economic and Financial Problems. London. 1926) также выставилъ требованіе «пересмотра военной внѣшней задолженности». «Въ этомъ вопросѣ—говоритъ Виссерингъ—нѣтъ мѣста сантиментальнымъ аргументамъ. Нѣтъ надобности взывать и къ чувству симпатіи къ той или иной странѣ... Но каждой странѣ приходится руководство-

ваться прямыми соображеніями о своихъ собственныхъ интересахъ, точнымъ представленіемъ объ истинномъ положеніи вещей и о платежеспособности своихъ должниковъ» (стр.37).

Кейнсъ указываетъ на то, что если предлагаемая имъ мѣра не будетъ выполнена, «война будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ сохраненіе огромной дани, которую каждый изъ союзниковъ долженъ будетъ уплатить другому» (стр. 259). «Было бы преувеличеніемъ сказать, что для государствъ Антанты не по силамъ выплатить капитальную сумму и проценты ихъ долговъ, но оставить эти платежи значить, несомнѣнно, возложить на эти страны огромное бремя. Въ виду этого надо ожидать въ будущемъ востоящихся попытокъ къ уклоненію отъ платежей и эти попытки будутъ служить постояннымъ источникомъ международныхъ треній и недобрыхъ отношеній на многие годы. Государство-должникъ не любитъ своихъ кредиторовъ, и было бы безплодно поэтому ждать добрыхъ чувствъ со стороны Франціи, Італіи и Россіи въ отношеніи Англіи или Америки, если будущее развитіе этихъ странъ на многие годы будетъ стѣснено ежегодной уплатой дани намъ» (стр. 261).

Ликвидация военной задолженности зависитъ, конечно, прежде всего отъ согласія Соед. Штатовъ, которые одни изъ всѣхъ союзныхъ странъ явля-

ются только кредиторомъ. Не только Кейнсъ, Энджелль, Леви и Виссерингъ, но и Вандерлипъ направляютъ поэтому всѣ свои аргументы на доказательство того, что аннулирование военныхъ долговъ со стороны союзниковъ въ интересахъ самой Северо-Американской республики. «Америка должна понять — говорить Вандерлипъ — насколько ея собственное благосостояніе, ея будущее, связано съ судьбами европейской цивилизаціи, и насколько эта цивилизація подвергается опасности. Безъ помощи Америки катастрофа неизбежна, но подъ американской помощью я подразумеваю не благотворительную помощь. Если мы поймемъ все значеніе того, что война принесла Европѣ, мы поймемъ также и то, какую огромную ответственность и какия обязанности война и возложила на насъ. Я считаю, что мы должны отдать себя на службу Европѣ цѣликомъ, какъ нація, совершенно такъ же, какъ мы направили всю нашу національную энергію на спасеніе Европы и всего міра отъ военной гегемоніи» (стр. XI).

*
* *

Идси, которыя развиваютъ Кейнсъ, Вандерлипъ и Энджелль, связаны съ сознаниемъ международной солидарности въ мировомъ хозяйствѣ. Если бы такое сознание глубоко проникло въ умы государственныхъ

дѣятелей — уже сейчасъ — осуществленіе требованій экономической науки было бы дѣломъ нетруднымъ. Кейнсъ и Энджелль, какъ воспитанники британскаго либерализма, настаиваютъ на созданіи изъ государствъ такъ наз. Центральной Европы объединенія на почвѣ свободнаго вышшняго обмѣна.

Но осуществленію этой идеи все еще мѣшаютъ политическія условія. Требования же объ отмѣнѣ ограниченій, установленныхъ во время войны для международнаго обмѣна, требованія, выставленныя въ свое время Хуверомъ и поддержанныя Кейнсомъ, въ значительной степени осуществлены.

И тѣмъ не менѣе дезорганизация международныхъ экономическихъ отношеній не устроена.

Экономическая литература настаиваетъ поэтому на томъ, что мѣръ отрицательнаго характера недостаточно.

Сначала Вандерлипъ, а затѣмъ и Кейнсъ выдвинули идею выпуска международнаго займа. Виссерингъ предлагаетъ организацию международнаго обмѣна на новыхъ началахъ, совмѣщающихъ элементы кредита и натурального компенсаціоннаго товарообмѣна (Barter-Institution). Энджелль настаиваетъ на введеніи въ статуты Лиги Наций особаго экономического кодекса, состоящаго въ международномъ солидарномъ урегулированіи международ-

ныхъ экономическихъ отношеній.

Но завоснанія этихъ требованій экономической науки совершаются все еще весьма медленно. Съ трудомъ сдвигаются обостренныя войной международныя антагонизмы, медленно изживается психологія войны. Брюссельская финансовая конференція была первой весьма робкой попыткой подвинуть организацію мірового хозяйства на новыхъ началахъ. Но и на ней снова столкнулись политика и экономика. Первая пока заслонила вторую.

Тѣмъ не менѣе жизнь сама работаетъ въ пользу экономики. Новый фазисъ, въ который вступилъ міровой хозяйственный кризисъ, снова въ острой формѣ ставитъ вопросъ о восстановленіи культурно-экономическаго единства мірового хозяйства. Онъ снова обнаруживаетъ ошибочность распространеннаго мнѣнія, будто міровое хозяйство вступило послѣ войны и подъ ея влияніемъ въ періодъ образованія трестовъ государствъ, новыхъ борющихся между собой коалицій.

Періодомъ коалицій и борьбы трестовъ государствъ явилась міровая война, въ которой эта борьба достигла своего апогея. Несостоятельный конецъ войны и несостоятельность мирнаго договора объясняются не неспособностью и не некомпетентностью «Совѣта Четырехъ». Мирный договоръ оказался безсилемъ разрѣшить по-

ставленныя войной міровыя экономическія проблемы потому, что онъ составлялся въ примѣненіи къ изжитымъ уже условіямъ мірового хозяйства и не привлекъ во вниманіе тотъ процессъ, который привелъ культурное человѣчество къ необходимости новой, рациональной организаціи мірового хозяйства.

Эта новая организація немалыми при отсутствіи Россіи. И Кейнсъ совершенно основательно послѣднюю главу своего изслѣдованія посвятилъ «русской проблемѣ». Поскольку Кейнсъ говоритъ о необходимости для союзниковъ въ ихъ собственныхъ интересахъ возстановить народное хозяйство Россіи и вернуть ему его роль въ міровомъ хозяйствѣ — онъ вѣрно оцениваетъ значеніе русскаго вопроса. Но когда онъ предлагаетъ отдать Россію въ эксплуатацію Германіи и тѣмъ самымъ способствовать возстановленію и Германіи и Россіи — въ немъ говоритъ только сынъ Британской Имперіи, умѣющей съ такимъ искусствомъ чужими руками колонизовать для своихъ будущихъ интересовъ отдаленныя, менѣе культурныя страны.

Планъ Кейнса въ русскомъ вопросѣ означаетъ компенсированіе Германіи за Версальскій миръ за счетъ Россіи. Экономическая связь между Германіей и Россіей, въ томъ видѣ, какъ она рисуется Кейнсу, не была бы разрѣшеніемъ ни «русскаго вопроса», ни міровыхъ экономи-

ческих проблемъ. Она возвращала бы систему международных экономических отношеній къ до-военнымъ началамъ.

Британское правительство пошло по пути, указанному Кейнсомъ, только въ одномъ направленіи. Оно отказалось отъ вооруженнаго вмѣшательства въ русскія дѣла и отъ блокады. Въ этомъ вопросѣ снова соображенія Кейнса оказались пророческими. Необходимость Россіи для мірового хозяйства теперь не подвергается въ Европѣ болѣе никакимъ сомнѣніямъ. Но британское правительство предпочитаетъ использовать русское народное хозяйство только для одной Англій, рѣ-

шивъ сдѣлать Россію ареной своихъ монополистическихъ экономическихъ стремленій. Тѣмъ самымъ оно оказалось въ значительной мѣрѣ бессильнымъ въ разрѣшеніи «русской проблемы».

Начавшійся подъ влияніемъ экономистовъ пересмотръ экономическихъ проблемъ мира ждетъ такимъ образомъ своего завершения на дѣлѣ. Возстановленіе и организація мірового хозяйства и «русская проблема» оказываются тѣсно связанными другъ съ другомъ. Среди возникшихъ проблемъ мира грознымъ «Мemento!» продолжаетъ стоять «русскій вопросъ».

С. Загорскій.

На Родинѣ

I. Паденіе Крыма. — На первомъ этапѣ. — «Образцовая эвакуація». — Продолженіе исхода. — Ни сомнѣній, ни лукавства. — II. Матеріаль для будущаго. — Кто виновать? — То, что было. — Два генерала — два антипода. — Стратегія и политика. — Кто кого обошелъ? — Личная диктатура, какъ методъ преодоленія существующей безличной диктатуры. — Смыслъ крымской трагедіи. — III. Что будетъ? — Расчеты побѣдителей. — Надежды побѣжденныхъ. — С.-Д., К.-Д., С.-Р. — Политическія одиночки. — Сложеніе силъ и органъ общественнаго мнѣнія.

I

Паль Крымъ. Паль молніеносно и неожиданно. Неожиданно не только для тѣхъ, кто вѣрилъ въ Крымъ и связывалъ съ нимъ свои чаянія и упованія, но и для тѣхъ, кто въ Крымъ не вѣрилъ или даже предвидѣлъ неминуемость его паденія. Быстрота, съ которой развернулись крымскія событія, опрокинула всѣ надежды и расчеты, застигла всѣхъ врасплохъ. И прежде всего — мирное населеніе полуострова. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ фронта и правительственныхъ видовъ оно не замѣтило, что бѣда — не гдѣ-то и когда-то въ лишь возможно и отвлеченномъ будущемъ, а что она уже пришла, навинувшись вплотную, неуловимо и безвозвратно... И чѣмъ безмятежнѣе было настроеніе, чѣмъ тверже вѣра въ чудодѣйственные таланты вождей, тѣмъ рѣзче и острѣе былъ переломъ, тѣмъ быстрѣе охватила паника, и тѣмъ больше хаоса привнесено было туда, гдѣ лишенія и муки и безъ того были неминуемы.

Громъ грянулъ внезапно и ошеломляюще. Еще 11 ноября, до полудня, Крымъ былъ спокоенъ. А черезъ три дня послѣдніе пароходы, баркасы, шхуны, парусники, баржи, ялики

отчаливали отъ крымскихъ пристаней, увозя съ собой все, что только могло бѣжать, т. е. обладало достаточной властью, средствами или — что было еще существеннѣе — физической силой и оружіемъ. Со второй половины дня 11 ноября въ направленіи къ югу, къ морю, къ портовымъ городамъ и пристанямъ бѣженнымъ потокомъ помчались люди, кони, поѣзда, тележки, автомобили, больные, женщины, воины, дѣти...

Еще нѣтъ и не могло быть эпически спокойнаго и полного описанія того, что происходило въ Крыму въ теченіе послѣдующихъ трехъ дней. Имѣются лишь отрывочныя, телеграфныя зарисовки отдѣльныхъ сценъ и эпизодовъ, разыгравшихся въ теченіе этихъ кошмарныхъ дней.

Армія начала расплываться въ Джанкоѣ. Брали съ бою поѣзда и устремлялись къ портамъ. Штыками выталкивали изъ вагоновъ штатскихъ. Подножки вагоновъ, крыши, платформы, всѣ буфера — были заполнены сѣрой массой. Съ револьверами въ рукахъ требовали отъ машинистовъ «полнаго хода», дабы первыми очутиться въ порту, первыми взойти на пароходъ.

Въ Симферополь скопилось до 10 тысячъ раненыхъ въ бояхъ противъ большевиковъ. Ихъ во что бы то ни стало надо было вывезти. Поѣздовъ не хватало. По желѣзнымъ дорогамъ слѣдовали отступающія воинскія части.

Нужно было нѣсколько тысячъ подводъ, которыхъ нельзя было достать, такъ какъ началась тревога, и всѣ спѣшили выбраться въ Севастополь. За подводу платили по полтора и два милліона рублей, за автомобиль тридцать милліоновъ.

Раненые умоляли вывезти ихъ поскорѣе. Калѣнки-офицеры, безъ ногъ, тащились на костыляхъ къ вокзалу. Тифозные, раненые разошлись изъ госпиталей и устремились въ Севастополь. Въ госпиталяхъ стоялъ стонъ и плачь оставленныхъ, тѣхъ, кто не могъ подняться съ постели.

Нѣкоторыя воинскія части еще сопротивлялись подъ Джанкоемъ, когда до Севастополя докатились первыя волны бѣженцевъ, дезертировъ и всякаго люда.

Съ утра 12-го всѣ улицы и набережная были запружены густыми толпами народа, собирающагося уѣхать и пришедшаго на пристани съ багажемъ пѣшкомъ, такъ какъ извозчики и посыльщики исчезли. Толпы бѣженцевъ со всѣмъ своимъ скарбомъ стояли вдоль бухты густой стѣной. Стѣна стояла терпѣливо весь день, всю ночь на 12-ое,

всю субботу, вторую ночь и утро воскресенья. Толпы бѣженцевъ провели на набережной 60 часовъ, не смыкая глазъ, голодные, не рѣшавшя отлучиться отъ своихъ вещей или уйти въ городъ, чтобы не потерять очереди.

Въ севастопольскихъ лазаретахъ — морской, 60-й, 6 запасный — легко раненымъ предложено было идти на пароходы для погрузки. За тяжело ранеными обѣщали прислать автомобили.

Прошелъ часъ, два, четыре. Автомобилей нѣтъ. Раненые узнаютъ, что предназначенные для нихъ автомобили уже погружены на пароходъ. Кто и не могъ ходить, пошелъ или поползъ. Плелись по 6-8 часовъ до пристани. Погрузка была чрезвычайно поспѣшная. Двухъ раненыхъ уронили въ море вмѣстѣ съ носилками. Ихъ никто не сталъ спасать. Изъ прикованныхъ къ постели нѣкоторые не захотѣли ждать смерти отъ большевиковъ и сами покончили съ собой.

Пароходы забирали свыше всякихъ нормъ. Трюмы, проходы, машинное отдѣленіе, капитанскій мостикъ—все было заполнено сѣрой человѣческой массой.

На набережной шелъ уже бой между вооруженными и невооруженными за право попасть на «Саратовъ». Въ ходъ пускались револьверы и ножи. «Саратовъ» отходить на рейдъ. Больше нѣтъ пароходовъ. На набережной еще густая толпа.

Не успѣвше сѣсть въ Севастополь на пароходы офицеры бросались въ море вплавь, чтобы добраться до парохода. Старикъ полковникъ, потерявъ надежду попасть на пароходъ, застрѣлил свою дочь и застрѣлился самъ на Графской пристани. Это было еще днемъ въ воскресенье. Когда же наступила тьма, самоубійства приняли массовый характеръ... Стрѣлялись и бросались въ море.

Таковы показанія корреспондента «Послѣднихъ Новостей». То же подтверждаетъ корреспондентъ берлинскаго «Руля».

«Населеніе крима грузилось на суда, пробивая себѣ дорогу въ порту револьверами и штыками.

... Число покончившихъ самоубійствомъ, сброшенныхъ и бросившихся въ море не поддается учету».

Все, что только могло какъ-нибудь двигаться или хотя бы держаться на водѣ, все было использовано. И скорбная флотилія изъ ста двадцати шести судовъ поплыла, частью самостоятельно, а частью на буксирѣ увозя въ безвѣстную даль

сто сорокъ шесть тысячъ съ лишкомъ человѣческихъ существъ.

И съ отходомъ отъ родныхъ береговъ лишенія стнюдь не кончились, — они только видоизмѣнились.

«Шесть дней и шесть ночей, — описываетъ французскій корреспондентъ, — люди стояли на ногахъ, своими тѣлами подпирая другъ друга, не давая ни сѣсть, ни упасть. По милости неба стояла тихая погода. И только благодаря этому не погибли тѣ 30 тыс. жертвъ, которыя скупились на многочисленныхъ судахъ, не способныхъ вынести ни малѣйшаго волненія. Люди наполнили собой все парходное пространство насплошь. Чтобы попасть въ уборную, надо было стоять въ очереди въ теченіе 24 часовъ. Не всякій выдерживалъ пытку... Въ такой обстановкѣ рожали и умирали. Одному раненому пришлось ампутировать ногу на днѣ угольной ямы. Быть можетъ, уже многіе пожалѣли, что не рискнули остаться съ большевиками. Но въ эти страшные часы, когда минута кажется столѣтіемъ, потому что ежеминутно кто-нибудь агонизировалъ отъ голода или холода, — было не до жалобъ и сожалѣній».

Съ приходомъ въ Константинополь — на этотъ, ставшій уже традиціоннымъ, первый этапъ бѣженцевъ съ юга Россіи, — картина не многимъ стала утѣшительнѣе.

Въ теченіе двухъ дней не хватало воды для питья. И тысячи мужчинъ, не двигаясь съ мѣста, съ жадностью глядѣли на женщинъ, получившихъ по стакану прѣсной влаги. Не хватало и хлѣба. Его не хватаетъ и по сей день... Когда на рейдѣ стояло 40 тыс. голодныхъ, усталыхъ, продрогшихъ, французскія власти могли имъ предоставить всего 8 тыс. хлѣбовъ. Въ дальнѣйшемъ положеніе еще болѣе осложнилось.

«Мы подъѣзжаемъ близко къ «Владимиру», грузно и глубоко сидящему въ водѣ, — описываетъ константинопольскій корреспондентъ. — На палубѣ сгрудились тысячи людей въ сѣрыхъ шинеляхъ. Среди нихъ женщины, дѣти... — Хлѣба намъ... Мы третью сутки во рту ничего не имѣли...»

Мы приближаемся къ транспорту «Донъ». Здѣсь та же картина... За «Дономъ» тянется длинная вереница кораблей, перегруженныхъ людьми.

— На нашемъ пароходѣ два смертныхъ случая отъ истощенія...

— Вчера ночью у насъ скончались уже трое отъ потери тепла.

— Зачѣмъ вы прѣехали смотрѣть на насъ, какъ на звѣрей? Это подло, грязно, гадко!..»

Какъ въ Крыму мучило одно желаніе — попасть во что бы то ни стало на пароходъ, такъ въ Константинополь томила одна страсть — куда-нибудь, какой угодно цѣной, но лишь скорѣе съ парохода.

Разгружаютъ раненыхъ. Послѣ нихъ снимаютъ больныхъ и заболѣвшихъ въ пути. Изъ 360 заболѣвшихъ четверо лишилось разсудка отъ голода. Число заболѣвшихъ съ каждымъ днемъ увеличивается.

«Уже два дня идетъ проливной дождь, — отмѣчаетъ корреспондентъ 24 ноября. Подулъ нордъ-остъ, море свѣжѣетъ, и палубные пассажиры, а ихъ на каждомъ пароходѣ 600/0, въ ужасномъ состояніи. Прибавьте къ этому полное отсутствіе горячей пищи въ теченіе 10 дней, ничтожное количество вообще пищи, и слова объѣзжавшаго пароходы морского врача вамъ не покажутся преувеличеніемъ:

— Продержите пароходы еще недѣлю, и не понадобится хлопотъ о размѣщеніи бѣженцевъ. Всѣ они размѣстятся на Скутарійскомъ кладбищѣ».

Стонъ и ужасъ стоятъ на Босфорѣ. Тѣ лаконическія вѣсти, которыя идутъ оттуда, только въ слабой степени даютъ представленіе о творящемся тамъ кошмарѣ. Писатель Григ. Гребенщиковъ, наблюдавшій его на мѣстѣ, нечеловѣческимъ голосомъ воззвалъ къ «людямъ, пишущимъ на разныхъ языкахъ»:

«Напишите на всѣхъ языкахъ міра то, что я скажу вамъ сію минуту: сказать всю правду не могу, ибо меня растерзаютъ, не давши досказать ей. Но я скажу вамъ ее послѣ, если останусь живъ».

Вчера 19 ноября 1920 г. я былъ среди шестидесяти шести кораблей, стоящихъ въ Мраморномъ морѣ въ устьѣ Босфора. Я разыскивалъ на нихъ остатки замученныхъ русскихъ писателей, но конечно не нашелъ ихъ, а нашелъ 130 тысячъ распятыхъ русскихъ людей!

Они поставлены на глазахъ всего міра, на самомъ видномъ мѣстѣ, между Европой и Азіей, но ихъ видать далеко не всѣ обитатели Европы.

Запомните число: 130 тысячъ! Это, слава Богу, не вся еще Россія, но это одна тысячная часть распятой Россіи, и этого достаточно для того, чтобы ослѣпить отъ потрясающаго зрѣлища!

Они лежатъ, потому что уже не могутъ сидѣть. Они сидятъ, потому что не въ состояніи протянуть руку и произносить слова. Но есть еще стоящіе, просляіе, про-

тягивающіе руки и даже — о, ужасъ, не понятый еще міромъ — и даже улыбающіеся!.. О, эта улыбка распятого! Вспомните ее всѣ, кто имѣетъ еще память!»

. Когда читаешь эти пламенные строки, жалость и скорбь готовы осложниться ощущеніемъ личной виновности и общей отвѣтственности... Но этому ощущенію не дано задержаться и окрѣпнуть. Только успѣть задушевный вопль писателя захватить человѣка, какъ казенная, стереотипная начальственная реляція о томъ, что все обстояло и обстоитъ благополучно, — вызываютъ уже другія, болѣе острыя чувства...

«Эвакуація Крыма прошла въ полномъ порядкѣ», — послѣдшилъ завѣрить главный эвакуаторъ Крыма А. В. Кривошеинъ. По случайному совпадению, это заявленіе оказалось напечатано рядомъ съ другимъ заявленіемъ—ген. Врангеля о томъ, что въ Крыму «пришлось оставить 15 (пятнадцать) тысячъ раненыхъ»,—при общемъ числѣ вывезенныхъ въ пять тысячъ... За Кривошеинымъ и ген. Врангелемъ подтвердилъ, что «погрузка войскъ происходила идеально хорошо» и что вообще вся «эвакуація была произведена въ полномъ порядкѣ, за исключеніемъ Симферополя».

За ними «штабъ главнокомандующаго русской арміей», «въ виду появленія въ иностранной прессѣ сообщеній, совершенно не соответствующихъ дѣйствительности», съ своей стороны, официально разъяснилъ, что

«отходъ войскъ къ намѣченнымъ портамъ, посадка ихъ на суда, отбытіе и слѣдованіе судовъ прошли въ полномъ порядкѣ. На пристаняхъ во время погрузки всюду былъ полный порядокъ».

Наконецъ, и «Комитетъ политическаго объединенія въ Константинополь» — въ своемъ большинствѣ весьма близкій къ официальному Крыму — нѣсколько менѣе категорически, но тоже удостовѣрилъ, что

«въ общемъ эвакуація Крыма прошла въ порядкѣ. ... Въ Феодосіи, Ялтѣ и Керчи происходили грабежи магазиновъ, въ Феодосіи и Керчи были столкновенія воинскихъ чиновъ съ частію публикой, при посадкѣ на пароходы, благодаря чему многіе изъ желавшихъ уѣхать изъ Феодосіи принуждены были тамъ остаться. Но картина эвакуаціи Феодосіи и участь Керчи представляли собой несчастное исключеніе».

Для иллюстраціи господствовавшаго при эвакуаціи настроенія, крымскіе дѣятели, прибывшіе въ Константинополь,

приводятъ «небольшую сценку, которой многіе были свидѣтелями»:

«когда послѣдніе два транспорта, набитые биткомъ людьми, покидающими родину и будущими невѣдомо куда, проходили мимо прейсера «Генераль Корниловъ», на которомъ находился Главнокомандующій, раздавалось громкое, долго несмолтавшее «ура»...

Это «ура» подхватили не только официальные журналисты, разославшіе повсемѣстно телеграммы о томъ, что «эвакуація Крыма произведена была въ образцовомъ порядкѣ». «Ура» продолжаютъ кричать и по сей день многіе политическіе дѣятели заграничей...

Уже не въ первый разъ «эвакуируется» антибольшевистская Россія и сушей, и моремъ. У многихъ имѣются въ личномъ опытѣ картины эвакуаціи Одессы, того же Крыма (въ апрѣлѣ 19 года), Архангельска. Всего нѣсколько мѣсяцевъ отдѣляютъ крымскія испытанія отъ аналогичныхъ испытаній въ Новороссійскѣ. Прочтите недавно вышедшую изъ печати хронику гражданской войны на югѣ Россіи, составленную очевидцемъ и свидѣтелемъ, военнымъ корреспондентомъ «изъ стана бѣлыхъ» Г. Н. Раковскимъ. Вы встрѣтите тамъ тѣхъ же героевъ и ту же толпу, тѣхъ же генераловъ — Врангеля, Кутепова, Барбовича — и тѣ же воинскія части, то же гражданское населеніе, тѣ же войсковые круги и даже тотъ же французскій броненосецъ «Вальдекъ Руссо», — вы увидите ту же «эвакуацію».

«Кого тутъ не было... Кубанцы въ своихъ бараньихъ шапкахъ, въ овчинныхъ тулупахъ, марковцы, корниловцы въ черныхъ и малиновыхъ погонахъ, донцы съ красными лампасами, истощенныя бѣженцы, еле двигавшіеся, тифозныя съ землистыми, исхудалыми лицами... У всѣхъ одна цѣль: скорѣе уѣхать на югъ, куда угодно, но только подальше отъ надвигающейся лавы большевиковъ».

Воинскія части, которыя должны были прикрывать отходъ, никакого сопротивленія не оказывали и, пробиваясь черезъ обозы, шли напроломъ черезъ мостъ. Здѣсь уже дѣйствовалъ только одинъ инстинктъ самосохраненія, и были случаи, когда на мосту раздавалась, правда, не приведенная въ исполненіе команда:

— Шапки вонъ; за мной, руби эту сволочь...

Были случаи, когда панически настроенные люди бросались съ моста въ Кубань, гдѣ, конечно, гибли. Были случаи, когда, бросивъ обозы и гурты скота, калмыки и калмычки, считал, что все погибло, и большевики ихъ сейчасъ захватятъ, рѣзали своихъ дѣтей и бросали въ воду...

...Можно было наблюдать душераздирающую картину, когда группа верховыхъ калмыковъ, имѣя впереди калмычку съ двумя ребятами на рукахъ, верхомъ на неосёдланной лошади, съ болтающимися постромками, — подъѣхали къ морю. Здѣсь стоялъ англійскій гигантъ «Ганноверъ». Калмыки остановились, потомъ послѣзвали съ лошадей и стали молча, съ мольбой глядѣть на пароходы. Оборванные, въ грязныхъ пестрыхъ лохмотьяхъ, калмыки всёми своимъ видомъ свидѣтельствовали о пройденномъ ими тяжеломъ, тысячеверстномъ, крестномъ пути. Эти наивныя добродушныя дѣти донскихъ и астраханскихъ степей слышали, что въ Новороссійскѣ есть пароходы, на которыхъ можно уйти отъ безпощаднаго, какъ они думали, для нихъ врага, а потому прямо подъѣхали къ морю. Ихъ, конечно, быстро удалили.

...Мои хъ офицеровъ, осклаившихъ погрузки, — доносили въ послѣдствіи въ своемъ рапортѣ начальнику Донской партизанской дивизіи полковникъ Генеральнаго штаба Ясевичъ, — взяли, въ концѣ концовъ, на бортъ подъ градъ оскорбленій и то не всёхъ. Потоки площадной брани, расправы плетьюми, прикладами, сбрасыванье съ борта всёхъ, кто не корниловець, — вотъ атмосфера, въ которой происходила погрузка Корниловской Дивизіи. Недопустимѣй всёхъ вель себя командиръ перваго полка полковникъ Гордіенко, сбросившій въ море трехъ офицеровъ и одного лично ударившій прикладомъ по головѣ... (Г. Н. Раковского: «Въ станіи бѣлыхъ», стр. 133, 180, 220, 244 и др.)

Такъ было при эвакуаціи Новороссійска. Вѣроятно, не только одного Новороссійска... Когда-нибудь другой лѣтописецъ, котораго «свидѣтелемъ... Господь поставилъ и книжному искусству научилъ», «правдивыя сказанья» напишетъ и о Крымѣ. Врядъ ли, однако, картина, которую онъ нарисуетъ, во многомъ и существенномъ будетъ разниться отъ уже имѣющихся въ нашемъ опытѣ. Ибо и Крымъ, и Новороссійскъ — это одни и тѣ же плоды одного и того же древа.

Пока еще отрывочныя и далеко неполныя свѣдѣнія объ отходѣ съ перекопскихъ позицій и, далѣе, посадкѣ на суда дають картину не столько подготовленной заранее эвакуаціи, или выполненія заранее намѣченнаго и предположеннаго, сколько изображаютъ наличность ряда благоприятныхъ (снабжение судовъ углемъ) и неблагоприятныхъ (отсутствіе воды и пищи) случайностей, съ которыми пришлось имѣть дѣло людямъ, захваченнымъ паникой неудержимой,

стихійной, сокрушительной. Быть можетъ, рѣшающее значеніе здѣсь имѣла та неожиданность и спѣшность эвакуаціи, съ которой столкнулись «эвакуируемые» и въ которой «эвакуирующие» видѣли залогъ ея успѣха и собственную заслугу. Какъ писалъ ген. Врангель къ П. Б. Струве 24 ноября:

«Въ основѣ успѣха планомернаго отхода лежала неожиданности и въ этомъ отношеніи поставленная задача была выполнена въ полной скрытности. И кромѣ генерала Шатилова и двухъ командующихъ арміями, никто не былъ посвященъ въ секретъ».

Если воинскія части и физически болѣе выносливая часть населенія докатились до моря, погрузились на суда и, все-таки, хотя бы и частично, ушли отъ большевиковъ, это случилось не благодаря «образцовой эвакуаціи», а, въ значительной мѣрѣ, *несмотря* на ея отрицательныя стороны; не столько потому, что невооруженному глазу не всегда видна была направляющая и организующая рука, сколько потому, что эта рука, быть можетъ, чрезмѣрно долго оставалась «въ полной скрытности».

Такъ неудержима, однако, была тяга изъ совѣтскаго рая, что она преодолѣвала всѣ препятствія. Люди двигались вслѣпую, подгоняемые однимъ только заражающимъ другъ друга инстинктомъ жизни, самоочевиднымъ до боли ощущеніемъ, что не уйти во-время равносильно неминуемой гибели — отъ насильственной ли смерти или отъ медленнаго умиранія. И люди отступали въ море, предпочитая родинѣ безбрежную пучину и неизвѣстность грядущаго. Ибо ужасъ — и въ то же время обреченность — совѣтскаго существованія въ томъ и заключается, что даже «двѣ стени» — калмыкъ — этимъ режимомъ превращается въ государственнаго преступника.

Великій исходъ съ юга Россіи начался еще до оставленія Деникинымъ Екатеринодара и Ростова. Послѣ Новороссійска оны только на время задержался: перемѣстившіяся въ Крымъ воинскія части и бѣженцы по истеченіи 8 мѣсяцевъ снова поднялись, чтобы снова побѣжать, на этотъ разъ уже за предѣлы родины...

Крымская эпопея, по мнѣнію однихъ, — великій подвигъ, образецъ римской несокрушимости духа и любви къ отечеству. По мнѣнію другихъ, — Крымъ великая авантюра, осложненная преступленіемъ: требуя безплодныхъ жертвъ, она осуществляла цѣли, обратныя тѣмъ, которыя себѣ ставила. Истина, вѣроятно, — ни тамъ, ни здѣсь: Крымъ не только подвигъ; и Крымъ не только преступленіе. Каковы бы ни были,

однако, политическія оцѣнки прошлаго и будущаго, въ настоящемъ не подлежатъ оспариванью объективный фактъ: тѣ страданія и муки, которыми завершилась крымская эпопея, это — громадная, жуткая *общероссійская трагедія*. На Босфорѣ сейчасъ гибнуть русскіе люди, тамъ слышатся русскіе стоны. И когда въ Стамбулѣ разноцвѣтные чины различныхъ державъ бьютъ по темени или лицу русскаго бѣженца, то, — будь онъ контръ-революціонеръ или спекулянтъ, — бьютъ каждаго изъ насъ, потому что бьютъ Россію.

Помощь уцѣлѣвшимъ отъ крымской катастрофы — это не помощь кому-то третьему изъ чувства жалости или потребности благотворительствованія. Это — элементарная взаимопомощь, помощь общимъ жертвамъ общихъ враговъ, увеличившимся нынѣ въ числѣ. Предъ лицомъ общихъ страданій нѣтъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Не должно быть мѣста и ничьему лукавству.

Спекулировать на «живой силѣ» смертниковъ, уцѣлѣвшихъ отъ крымскаго кораблекрушенія, строить на ней какіе бы то ни было политическіе расчеты, было бы не только верхомъ легкомыслія — это было бы на границѣ вообще допустимаго... Между тѣмъ такіе планы не оставлены, такіе расчеты продолжаютъ строиться, не взирая на уже обнаружившуюся тягу къ выходу изъ состава того, что еще называется южно-русской арміей. Нѣкоторые изъ основныхъ кадровъ этой арміи — донцы — въ организованномъ порядкѣ, во главѣ съ атаманомъ и войсковымъ кругомъ перечисляются формально въ бѣженцевъ, въ «земледѣльцевъ и животноводовъ», какъ гласитъ ихъ обращеніе къ правительству Соединенныхъ Штатовъ. Многіе попросту бѣгутъ изъ лагерей, куда глаза глядятъ и, прежде всего, — въ Константинополь. Тамъ ихъ ловятъ и арестовываютъ. Другіе тянутся обратно, на родину, въ надеждѣ на великодушіе побѣдителей. А что будетъ дальше?.. Устоятъ ли, можетъ ли устоятъ отъ разложенія армія, содержаемая впрокъ, за колючей проволокой «острова смерти» или Галлиполи? Не надо никакого искусства большевистскихъ агитаторовъ, чтобы сила вещей привела эту армію къ ея естественному концу.

Несчастные соотечественники, блуждающіе сейчасъ въ ближневосточныхъ водахъ, своими безвинными страданіями какъ будто пріобрѣли для себя право на то, чтобы на международной политической биржѣ не котировалась хотя бы ихъ жизнь. Неужели кто-нибудь когда-нибудь повѣритъ, что подлинные интересы Россіи, — Россіи, а не чьи-либо иные, — вмѣстѣ съ распродажей остатковъ черноморскаго флота, являющагося вѣдь не только простой имущественной цѣнностью, но и необходимымъ условіемъ грядущаго восстановленія Россіи, —

непрѣнно требовали превращенія и остатковъ русскихъ воинскихъ частей въ наемниковъ — ландскнехтовъ, готовыхъ по первому приказу броситься и противъ Кемаля, и противъ Фессала, и въ Анатолю, и въ Киликію, и въ Далмацію, и на Кавказъ?

II.

Прошлое не только *урокъ* будущему. Оно и *матеріалъ* для построенія будущаго. И въ этомъ — оправданіе вѣчному возвращенію къ минувшему, къ прежнимъ спорамъ и раздорамъ. Кому охота ворошить старое? Этимъ приходится заниматься поневолю.

Когда существовалъ антибольшевистскій фронтъ въ Крыму, понятны были мотивы, диктовавшіе сдержанность даже тѣмъ, кто не вѣрилъ въ военныхъ диктаторовъ и былъ имъ рѣшительно враждебенъ всѣмъ своимъ социальнымъ и политическимъ бытіемъ и мышленіемъ. Не изъ какого-либо піетета, а за неимѣніемъ предъявить ничего взамѣнъ, передъ таинствомъ каждодневной смерти, слова укоризны задерживались на устахъ. Но съ исчезновеніемъ антибольшевистскаго фронта—положеніе выравнилось: отпала морально-психологическая сдержка, сковывавшая уста раньше. И не въ цѣляхъ изобличенія поверженнаго политическаго противника и не съ чувствомъ злорадства, конечно, потому что меньше всего поводовъ къ радости — побѣдила вѣдь не російская демократія, а «третій радующійся» — большевизмъ, — а для возможности борьбы въ будущемъ, для успѣха грядущей борьбы необходимо вдуматься въ ошибки прошлаго, тѣмъ болѣе, что герои крымской трагедіи нисколько не обезкуражены происшедшимъ... Потерявъ стратегическія позиціи, они ничуть не склонны сдавать позиціи политическія. «Борьба продолжается», «засѣданіе продолжается», «армія и правительство только перемѣнили свою базу», «всѣ установленія продолжаютъ функционировать»,—въ одинъ голосъ свидѣлствуютъ Кривошеинъ, Врангель, Струве. А ихъ единомышленники за границей продолжаютъ высчитывать силу сопротивления, оказываемую и по сіе время большевикамъ крымской арміей:

«благодаря эвакуаціи арміи и флота и расположенію ихъ въ непосредственной близости отъ Крыма и Кавказа, большевики вынуждены удерживать въ этихъ районахъ четыре арміи. Слѣдовательно, вооруженныя силы Врагъ-

геля, расположенныя въ Галлиполи и на Лемносѣ, продолжаютъ и сейчасъ играть нѣкоторую роль, связывая красную армію».

Свою неудачу дѣятели Крыма объясняютъ дѣйствіемъ многихъ обстоятельствъ, нисколько не свидѣтельствующихъ, по ихъ мнѣнію, противъ правильности самихъ крымскихъ методовъ.

Виноваты союзники, не снаряжавшіе и не снабжавшіе во-время и въ достаточныхъ размѣрахъ.

Виноваты поляки, заключившіе перемиріе съ большевиками.

Виноваты нѣмцы, инструктировавшіе красную армію и, по словамъ Бернацкаго, разработавшіе планъ перекопской операціи.

Виноваты общественные Пилаты, умывшіе руки и отошедшіе въ сторону.

Виноваты предателя-Иуды и дезертиры.

Виноваты два полка кубанцевъ, перешедшіе на сторону враговъ.

Виноваты военнопленные красноармейцы, напавшіе на бѣлыхъ въ тылу.

Виноватъ тотъ самый недисциплинированный генералъ, про котораго севастопольскіе рабочіе сложили частушку:

«Отъ разстрѣловъ идетъ дымъ,
То Слащевъ спасаетъ Крымъ».

Виновата природа: 9—11 ноября стояли шестнадцатиградусные морозы, Сивашъ замерзъ, и красные очутились на полуостровѣ.

Виноваты, наконецъ, большевики, побѣдившіе отнюдь не стратегическимъ превосходствомъ, а только численностью: противъ 5 крымскихъ дивизій было 28 красныхъ, и соотношеніе противниковъ было 2:11.

Словомъ, виноваты все, кромѣ главныхъ руководителей крымскихъ операцій. И даже когда, спохватившись, они начинаютъ искать свою вину, то находятъ вмѣсто того «одну крупную ошибку», и то касающуюся не постановки дѣла въ Крыму, а лишь того, что они упустили случай раздѣлить лежавшую на нихъ отвѣтственность съ другими...

«Вы пришли меня судить,—обратился къ интервьюеру «Общлаго Дѣла» бывший глава гражданскаго управленія въ Крыму А. В. Кривошеинъ. Я — не противъ суда... Скажу вамъ сразу: Крымское правительство совершило

одну крупную ошибку. Въ ней я каюся. Надо было во что бы то ни стало создать коалиціонное правительство... Это надо было сдѣлать. Но не думайте, что тогда ходъ дѣль въ Крыму измѣнился бы... Но за то отвѣтственность была бы раздѣлена между всѣми антибольшевистскими партіями».

Не вѣря сами въ свое дѣло, крымскіе правители требовали вѣры и жертвъ отъ другихъ. Когда же крымская эпопея закончилась трагедіей, трагедію пытаются выдать за случайный эпизодъ, а ея конецъ — за антрактъ. И бывшіе властями въ Крыму пробують и изъ Стамбула говорить привычнымъ голосомъ: приказывать, избличать, почти грозить и своимъ, и чужимъ.

Приказомъ 21 ноября, даннымъ на крейсерѣ «Генераль Корниловъ», ген. Врангель назначилъ начальниковъ отдѣльными вѣдомствами: Струве, Бернацкаго, Пильца, Савича и т. д. и предписалъ:

«всѣмъ русскимъ представителямъ за границей оставаться на своихъ постахъ, сносясь по подсѣкающимъ вопросамъ съ начальникомъ штаба и съ завѣдующимъ иностранными сношеніями».

Еще черезъ нѣсколько дней, на томъ же крейсерѣ дано было нижеслѣдующее обоснованіе неприкосновенности источника и предѣловъ законной крымской власти:

«Съ оставленіемъ Крыма и фактически пересталъ быть правителемъ юга Россіи я, естественно, что этотъ терминъ самъ собой отпалъ. Но изъ этого не слѣдуетъ дѣлать ложныхъ выводовъ: это не значить, что носитель законной власти пересталъ быть таковымъ. За ненадобностью названіе упразднено, но идея осталась полностью. Я нѣсколько недоумѣваю, какъ могутъ возникать сомнѣнія, ибо принципъ, на которомъ построена власть и армія, не уничтоженъ фактомъ оставленія Крыма. Какъ и раньше я остаюсь главою власти».

Наконецъ, въ началѣ декабря, въ бесѣдѣ съ представителемъ «Тетр» и делегацией русскихъ общественныхъ организацій въ Константинополь, ген. Врангель снова завѣрилъ:

«Южно-русское правительство дѣйствуетъ сейчасъ въ сокращенномъ размѣрѣ по условіямъ момента, но идея власти отъ этого нисколько не поколеблена».

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прибавилъ — и это уже звучитъ почти зловѣще:

«Мы ждемъ полного выясненія позиціи Франціи. Если она не признаетъ моей арміи, какъ ядра новой борьбы съ большевизмомъ, — я найду путь для продолженія этой борьбы».

Что это значить?.. Какого пути ищетъ ген. Врангель, который не былъ ему данъ въ Крыму?.. Темно и загадочно, кромѣ очевиднаго факта, что онъ еще не осозналъ случившагося. Трудно разстаться съ прошлымъ, такимъ близкимъ и неужели уже призрачнымъ?!

Неужели это все только *было*?

* * *

Годъ тому назадъ — по записи въ хроникѣ Г. Н. Раковского — 9 декабря 1919 г. на станціи Ясиноватой (къ сѣверозападу отъ Ростова) встрѣтились поѣзда двухъ командующихъ арміями: добровольческой — ген. Врангеля и донской — ген. Сидорина. Первыми словами Врангеля, вошедшаго въ поѣздъ къ Сидорину, вмѣстѣ съ начальникомъ своего штаба ген. Шатиловымъ, были:

— Ну, Владимиръ Ильичъ, — нужно честно и открыто сознаться въ томъ, что наше дѣло проиграно. Нужно подумать о нашемъ будущемъ.

И ген. Врангель предложилъ отправиться въ Англію, гдѣ у него большія связи, и тамъ настоять передъ союзниками, чтобы они безъ промедленія послали достаточное количество транспортныхъ средствъ для вывоза за границу офицеровъ и ихъ семей.

Вскорѣ послѣ этого ген. Врангель дѣйствительно уѣхалъ, но не по собственному почину, а по требованію Деникина, предложившаго ему «оставить предѣлы Россіи» въ виду того, что вокругъ него «объединяются всѣ, кто недоволенъ ставкою». Вернулся Врангель въ Россію лишь въ концѣ марта. для участія въ военномъ совѣщаніи, созванномъ «для избранія преемника главнокомандующаго вооруженными силами юга Россіи» въ виду того, что самъ Деникинъ потерялъ къ тому времени вѣру въ себя и въ свою армію. На это совѣщаніе Врангель пріѣхалъ въ Севастополь съ сенсационнымъ ультиматумомъ великобританскаго правительства, предлагавшаго Деникину прекратить гражданскую войну подъ угрозой, въ противномъ случаѣ, лишиться всякой помощи Англии.

«Въ моментъ полученія ультиматума, — рассказывалъ впоследствии Врангель военному корреспонденту, — я жилъ какъ частный человекъ въ Константинополѣ.

... Въ день моего прїѣзда я получилъ отъ начальника англійской военной миссіи ген. Хольмена телеграмму съ просьбой ген. Деникина прибыть на военное совѣщаніе. Учитывая всю обстановку, я видѣлъ, что передо мною стала задача: взять въ свои руки дѣло, которое казалось безнадежно проиграннымъ и, борясь все время противъ большевиковъ, принять на себя позоръ соглашательства, потому что положеніе казалось безвыходнымъ. Мои друзья отговаривали меня, указывая на то, что Деникинъ привелъ армию къ поражению и что я долженъ испить чашу, налитую чужими руками. Но я заявилъ имъ, что съ арміей я дѣлалъ славу вобѣдъ, а потому не могу отказаться испить съ нею горькую чашу тяжелыхъ испытаній, и выѣхалъ въ Севастополь».

На совѣщаніи выяснилось, что для *ликвидациі остатковъ вооруженныхъ силъ юга Россіи* наиболѣе подходящимъ лицомъ оказывается Врангель, и приказомъ Деникина генераль-лейтенантъ баронъ Врангель была назначенъ его преемникомъ по должности главнокомандующаго.

Такова краткая исторія прихода къ власти ген. Врангеля. Исторія довольно прозаическая, какъ и сами функціи, для осуществленія коихъ призванъ былъ новый главнокомандующій. Услужливые крымскіе сенаторы окружили эту исторію легендой о предначертаніяхъ Божьяго промысла, «милосердіи Господнемъ» къ «болярику Петру» и т. д., и т. д. А выдвинувшая Врангеля оппозиція къ Деникину сосредоточила свое вниманіе на другомъ: на противопоставленіи живого — а потому и жизнеспособнаго — Врангеля политически мертвому Деникину, на доказательствѣ положенія — Врангель антиподъ Деникина, начинающій собой новый, качественно совершенно иной политическій рядъ.

Переходъ командованія отъ Деникина къ Врангелю политически означалъ переходъ власти отъ группъ, возглавлявшихся т. н. Национальнымъ Центромъ, съ Астровымъ, Федоровымъ и Степановымъ, къ группамъ, возглавлявшимся т. н. Союзомъ Государственнаго Объединенія, съ душой и мозгомъ русской реакціи—Кривошеинымъ. Соціально это означало переходъ власти изъ рукъ представителей торгово-промышленной буржуазіи, субъективно напуганныхъ революціей и ей враждебныхъ, въ руки представителей крупнопомѣстнаго землевладѣнія, объективно обреченныхъ революціей на небытіе. Какъ знаменіе времени характерно, что для всѣхъ очевидное перемѣщеніе власти вправо сопровождалось крикливыми завѣреніями, что фактически крымская политика устремляет-

ся влѣво, въ сторону реального удовлетворенія подлинныхъ нуждъ народа и что крымскіе консерваторы, по примѣру англійскихъ, лучше и быстрее другихъ могутъ осуществить именно либеральныя реформы.

Вернувшійся изъ Крыма, почти наканунѣ катастрофы, В. А. Маклаковъ на поставленный ему прямымъ вопросомъ: «какая разница между Врангелемъ и Деникинымъ?.. Почему, въ силу какихъ особенностей, Врангель можетъ, какъ утверждаютъ, преуспѣть тамъ, гдѣ Деникинъ провалился?» — съ опредѣленностью отвѣтилъ:

«У насъ всё умныя вещи приходятъ слишкомъ поздно. Я надѣюсь (это было 6 ноября. — М. В.), что умная политика Врангеля составитъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Во всякомъ случаѣ для меня несомнѣнно, что политика Врангеля рѣзко отличается отъ того, что было на югѣ годъ тому назадъ.

...Какъ велосипедистъ, который ѣдетъ впередъ потому, что стоять на мѣстѣ невозможно... онъ (Деникинъ) шелъ впередъ. Изъ этого вытекали роковыя послѣдствія... Онъ не заимался введеніемъ какихъ-либо новыхъ формъ правленія: онъ отмахивался отъ нихъ простой ссылкой на будущее учредительное собраніе. А до учредительнаго собранія, такъ какъ нельзя было оставить пустыя мѣста, проводилась механическая реставрація прежняго третьяго тома.

Затѣмъ былъ ужасный вопросъ о національностяхъ. Въ этой области Деникинъ былъ прямолинеенъ и неумелъ».

Въ засѣданіи Особаго Совѣщанія Деникинъ какъ-то прервалъ Маклакова, употребившаго слово федерація:

«В. А., у насъ на югѣ запрещено употреблять слово федерація».

Теперь: что такое Врангель? Это — живая противоположность Деникину... безъ предвзятыхъ идей и предразсудковъ. Всѣмъ своимъ прошлымъ онъ принадлежитъ къ такому классу, который безповоротно провалился. Поэтому онъ въ извѣстной степени осведомленъ о беспочвенности его притязаній. Но онъ не связанъ ничѣмъ и съ лѣвыми партіями... Врангель жадно прислушивается ко всѣмъ совѣтамъ и беретъ подходящихъ людей, независимо отъ ихъ политическаго прошлаго... Какъ истинный революціонный вождь, онъ старается использовать всё возможности». («Послѣднія Новости» № 166).

Такъ противопоставлялъ обоимъ генераловъ русскій посоль, представлявшій въ Парижѣ одно время Всероссійское Временное Правительство, а затѣмъ послѣдовательно—того и другого генерала.

Въ этой характеристикѣ много вѣрнаго. Но это вѣрное касается характеристики личныхъ чертъ генераловъ, ихъ психологій, а не политики. Черты различія между ними проходили не по линіи «реставраціонныхъ стремленій» и «истинной революціонности» — оба генерала могли конкурировать другъ съ другомъ, кто изъ нихъ больше ненавидитъ революцію, — а въ направленіи «прямолинейной неумолимости» и безоглядой вседозволенности. Какъ психологическій типъ, можно предпочитать тотъ или другой, но политически — «оба хуже». Во всякомъ случаѣ нигилизмъ въ политикѣ трудно признать за политику лучшую по сравненію съ чѣмъ бы то ни было, ибо нигилистическая политика есть, въ сущности, отрицаніе всякой политики. И для того, чтобы въ этомъ убѣдиться, нѣтъ нужды обозрѣвать всю крымскую политику, съ момента ея апогея, когда она доходила до официального признанія общности своихъ путей съ путями «повстанческихъ частей Махно» и «украинскихъ войскъ» Петлюры, и до момента ея неудачъ, когда она съ надеждой стала взирать даже на «перелетъ» «генерала» Буденнаго. Достаточно напомнить, какъ понимала свое политическое заданіе сама крымская власть, съ перваго же дня своего прихода на смѣну ген. Деникину.

Передъ своимъ вынужденнымъ отъѣздомъ изъ Россіи Врангель отправилъ Деникину письмо, въ которомъ, помимо оскорбительныхъ выпадовъ по адресу виновника его изгнанія, была и жестокая правда жизни:

«Армія, воспитываемая на произволь, въ грабежахъ и пьянствѣ, ведомая начальниками, прихѣтромъ своимъ развращающими войска, — такая армія не могла создать Россію.

Отходя по мѣстности, гдѣ населеніе научилось ненавидѣть, добрая армія стала безудержно катиться назадъ. По мѣрѣ того, какъ развивался успѣхъ противника и обнаруживалась несостоятельность нашей стратегіи и нашей политики, русское общество стало прозрѣвать. Все громче и громче стали раздаваться голоса, требующіе смѣны нѣкоторыхъ лицъ команднаго состава, предосудительное поведеніе коихъ стало достояніемъ общества, и назывались имена начальниковъ, которые среди всеобщаго паденія нравовъ оставались незапятнанными. Отраченный ядомъ честолюбія, вку-

сивши власти, окруженный безчестными льстецами, Вы уже не думали о спасеніи отечества, а лишь о сохраненіи власти.

Цѣляясь за ускользающую изъ рукъ Вашихъ власть, Вы успѣли уже стать на пагубный путь компромиссовъ и уступокъ самостійникамъ».

Въ этомъ письмѣ существенно не обвиненіе въ «пагубномъ пути компромиссовъ» — отнюдь не въ «прямолинейной неумолимости», какъ это на нѣкоторомъ разстояніи и заднимъ числомъ показалось Маклакову, — существенна связь, установленная Врангелемъ между политикой и стратегіей. И когда онъ вернулся изъ изгнанія для того, чтобы смѣнить у власти бывшего адресата своего посланія, онъ еще рѣзче подчеркнул эту связь: причины неудачъ Деникина онъ свелъ къ тому, что *стратегія была подчинена политикѣ*. И залогъ своего успѣха Врангель и окружавшія его сферы видѣли не столько въ томъ, чтобы дѣлать хорошую политику, сколько въ томъ, чтобы всякую *политику подчинить стратегіи*. Всѣ средства были признаны хорошими, поскольку они не идутъ вразрѣзъ съ стратегическими задачами. Въ политическомъ нигилизмѣ было усмотрѣно высшее достиженіе государственнаго разума, и *фальшивая политика* — такъ называемая «лѣвая политика правыми руками» — сдѣлалась нормой управленія.

Хитро задуманный планъ обхода политики стратегіей не удался. За время войны и не штудировавшіе Клаузевица усвоили стратегическое правило: «всякій обходящій рискуетъ быть самъ обойденнымъ». Революція показала, что это правило примѣнимо и въ политикѣ. И въ политикѣ обходившія своихъ противниковъ партіи неоднократно оказывались сами обойденными. Крымскіе же стратеги, старавшіеся обойти политику, оказались обойденными вдвойнѣ: и политически, и стратегически. Ибо въ гражданской войнѣ роль фронтовыхъ начальниковъ меркнетъ передъ значеніемъ гражданскихъ правителей. И колоритныя фигуры Кривошеина съ Климовичемъ были для Крыма куда болѣе роковыми, чѣмъ фигура самого Врангеля.

Если въ итогъ борьбы Ленинъ побѣдилъ Кривошеина, а Дзержинскій Климовича, то, конечно, не потому, что режимъ или политика первыхъ была лучше режима или политики вторыхъ. Конечно, нѣтъ. Совѣтская Россія ни въ какое сравненіе не могла идти съ Россіей крымской. Онѣ не только были не соизмѣримы по географическимъ своимъ размѣрамъ, онѣ были не соизмѣримы и по политическимъ. Сближать и сравнивать ихъ можно было только динамически, оцѣнивая зало-

женныя въ каждой изъ нихъ возможности. «Ина слава солнцу. Ина слава звѣздамъ».

Крымъ имѣлъ то преимущество, что, по сравненію съ Москвой, предѣлы разложенія были меньше, и темпъ разложенія медленнѣе. Но у Москвы была *идея*. Пусть эта идея — спасти міръ своимъ злодѣйствомъ и, цѣною гибели Россіи, вызвать прекращеніе мировой войны и ускорить социальную революцію — освободительницу человѣчества — исторически нелѣпая, а по отношенію къ національнымъ судьбамъ Россіи преступная! Но какую идею несъ съ собой Крымъ? Въ чемъ идеологически было отличіе Крыма отъ потерпѣвшаго пораженія Екатеринодара и Новороссійска? Тамъ была идея возстановленія Россіи единой и недѣлимой. Можно ли было здѣсь разсчитывать на большой идеологическій успѣхъ опущеніемъ признака недѣлимости? Тактическимъ «федерирова-ніемъ» съ украинскими войсками Петлюры и повстанческими частями Махно? Или формальнымъ умолчаніемъ о царѣ, о которомъ уже мечтали, но котораго предпочитали имѣть «лучше на 5 лѣтъ позднеѣе, чѣмъ на 5 минуту раньше»? Кто могъ догадаться, что, защищая Крымъ, защищаютъ «последній клочокъ Русской земли, гдѣ существуетъ право и правда», какъ гласилъ послѣдній приказъ генерала Врангеля, изданный передъ эвакуаціей? Вѣдь кто говорилъ Кривошеинъ, думалъ: «столыпинщина». Кто видѣлъ Гурко — вспоминалъ: «Лидваль». Крыжановскій напоминалъ о переворотѣ 3-ьяго іюня, какъ Климовичъ — департаментъ самодержавной полиціи.

Однѣми идеями штыки, конечно, далеко не всегда побѣждаются. Но слѣдуетъ-ли отсюда, что идеи вообще имѣютъ второстепенное значеніе для войны, въ особенности, гражданской, да еще для стороны, терпящей острую нужду не только въ штыкахъ, но и въ людяхъ, въ территории, въ запасахъ? Правильно-ли утвержденіе П. Б. Струве: «О какой-либо связи неудачи Врангеля съ внутренней политикой можно говорить, только закрывая глаза на факты?»

Изъ тѣхъ двухъ диктатуръ, которыя боролись на крымскомъ фронтѣ, обѣ являлись выраженіемъ чаяній весьма тонкихъ слоевъ російской общественности, а тѣмъ болѣе — народа. Но одна, хотя бы по формѣ, въ идеѣ была диктатурой *безличной*, классовой. Другая же, наоборотъ, — подчеркивала *персональный* характеръ диктатуры, въ ея наиболѣе отталкивающей формѣ вѣннаго диктатора. Меньшинство, господствующее въ совѣтской Россіи, имѣло за собой не только огромную территорию и громадные запасы человѣческаго матеріала; оно имѣло хотя и разбитый, но все же нѣкогда

дѣйствовавшій государственный аппаратъ; и, главное, *силу инерціи*, которую успѣваетъ приобрѣсти всякій, даже всего три года существующій строй. Что могло ему противопоставить меньшинство, боровшееся въ Крыму за свой личный страхъ и совѣсть, не связанное никѣмъ и ничѣмъ — ни программой, ни представительнымъ учрежденіемъ — и создавшее свою власть и управленіе не путемъ общественнаго провозглашенія или признанія, а въ порядкѣ самопроизвольнаго единоличнаго назначенія по командѣ?

Въ такихъ условіяхъ можно было удивляться не тому, что Крымъ палъ, а что онъ такъ долго держался. Но слѣдовало ли отвлеченіе красной арміи на польскій фронтъ и разложеніе этой арміи истолковывать какъ признакъ собственной силы и превосходство крымской стратегіи надъ московской политикой? Можно ли было надѣяться преодолѣть большевизмъ тайнымъ возжеланіемъ того, что *явно* не рисковали произнести вслухъ даже самые горячіе сторонники крымскаго дѣла? В. І. Гурко, пріѣхавъ изъ Крыма, могъ, конечно, сказать, что «Врангель — это послѣдняя ставка не насъ, а Россіи», ибо для идеологовъ Совѣта Государственнаго Объединенія и Съѣздовъ Сельскихъ Хозяевъ «мы» это всегда звучало какъ «Россія», а «Россія» всегда сводилась къ «мы».

И изъ искры можетъ, иногда, возгорѣться пламя. Но дымъ и чадъ никогда не были способны зажечь никого и ничего. Если въ Крыму и были искры, — онѣ потухли уже задолго до эвакуаціи Крыма. Значитъ ли это, что именно съ этими искрами погибла и Россія?...

Съ осени 18 года на востокъ и на югъ Россіи гегемонія на антибольшевистскомъ фронтѣ была насильственно захвачена и монополизирована сторонниками единоличной военной диктатуры. Въ процессѣ борьбы военная диктатура становилась все болѣе неумѣренной, все болѣе просторными становились кадры зачисляемыхъ въ «полубольшевики» и тайныхъ или бессознательныхъ «пособниковъ большевиковъ», все уже становился базисъ пригодныхъ борцовъ за восстановленіе Россіи. Нынѣ кругъ какъ будто бы уже свершенъ.

Свыше двухъ лѣтъ понадобилось для того, чтобы жестокимъ опытомъ была опровергнута спасительная роль военныхъ диктаторовъ. Если необходимо было дублировать новороссійскую катастрофу для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что дореволюціонная Россія съ ея помѣстнымъ землевладѣніемъ и столыпинщиной — это вчерашній день русской исторіи, черезъ который она переступила безвозвратно, — то, какъ ни безмѣрны жертвы крымской катастрофы, въ нихъ есть свой историко-политическій смыслъ и оправданіе.

Смысль — жестокий; оправданіе — тягостнѣе всякаго осужденія. Но развѣ не всѣ трагедіи чужды жалости и примиренія? Развѣ существуютъ трагедіи, свободныя отъ этого закона? Развѣ вся исторія не состоитъ изъ трагедій, оправданныхъ человѣческимъ разумомъ? И развѣ можно извлечь какой-либо другой смыслъ изъ исторіи крымской трагедіи?

III.

И по своимъ размѣрамъ, и по своему политическому значенію и послѣдствіямъ крымская катастрофа вышла далеко за предѣлы Таврическаго полуострова.

Въ цѣломъ рядъ странъ, такъ называемые, реальные политики стали уже съ большимъ оптимизмомъ расцѣпывать возможность возобновленія нормальныхъ отношеній съ ненормальной совѣтской Россіей. Какъ въ свое время послѣ польскихъ неудачъ, Англія и нынѣ торопится заключить торговый договоръ съ Совѣтами. Польша спѣшитъ перевести прелиминаріи въ настоящій миръ. Финляндія — ратифицировать миръ, уже заключенный. И даже Франція, явно отставая отъ Англіи и даже отъ Германіи, стремящейся получить свой кусокъ отъ російскаго пирога, — уже успѣла отречься отъ Крыма. Изъ заявленія Лейга въ парламентской комиссіи по иностраннымъ дѣламъ выяснилось, что

«бывшій предсѣдатель совѣта министровъ Мильеранъ призналъ правительство Врангеля для того, чтобы спасти Польшу».

Такимъ образомъ оказалось, что даже во Франціи ея внѣшняя политика въ отношеніи къ Россіи диктовалась не русскими интересами, а имъ враждебными, искусственно отождествляемыми съ интересами Франціи...

И вполнѣ естественно, что, учитывая свою побѣду надъ Крымомъ, большевистская власть сдѣлала свои выводы изъ той исключительной готовности, съ которой тянутся къ Москвѣ различнаго рода имперіалисты.

«Мы получили не только передышку, — говорилъ Ленинъ на послѣдней конференціи коммунистической партіи въ Москвѣ, — а нѣчто новое: возможность существовать среди буржуазныхъ странъ. Это значитъ, что внутри этихъ странъ революція созрѣла... Враги наши, провинитые желаніемъ раздавить насъ военной силой, вынуждены заключать съ нами договоры и содѣйствовать нашему укрѣпленію» («Красн. Газета» отъ 23 XI. 1920.)

«Не мы уступаемъ — лишеть «Красная Газета» и «Деревенская Коммуна», — не мы сдаемъ позиціи. Сдаеть и уступаетъ намъ буржуазный міръ, который уже бесислеть передъ фактомъ нашего существованія и заключаетъ съ нами договоры. Но мы еще слабы, чтобы сломить этотъ міръ».

«Чтобы сломить этотъ міръ», большевики методически собираются продолжать то дѣло, которымъ они исторически оправдывали всѣ свои преступления:

«Мы долго, долго не сможемъ перековать нашихъ мечей на плуги», — предупреждалъ Раденъ еще наканунѣ пораженія Врангеля («Правда» 7. XI.)

А послѣ большевистскихъ успѣховъ невоздержанный на языкъ Бухаринъ въ той же московской «Правдѣ» подчеркнул, что разгромъ Врангеля, Петлюры и Балаховича не слѣдуетъ рассматривать какъ возвращеніе къ мирному времени: еще не настала часъ сложить оружіе.

«Большевики должны сокрушить польскую стѣну, протянуть руку германскимъ товарищамъ и вмѣстѣ съ ними появиться на берегахъ Рейна и Средиземнаго моря, чтобы продиктовать капиталистической и буржуазной Европѣ волю мірового пролетаріата».

Бухарину вторить Ленинъ, глядящій не на западъ, а на юго-востокъ.

«На Кавказѣ складываются условія, которыя могутъ навязать намъ войну», —

говорить на партійной конференціи въ Москвѣ Ленинъ въ то время, когда Троцкій изъ морского собранія въ Севастополѣ мѣтитъ еще дальше:

«Наша задача далеко еще не закончена. Часть общаго умиротворенія еще не наступила. Зловѣщія тучи собираются на Кавказѣ. Подчища Врангеля существуютъ. Люди недовольные совѣтскимъ режимомъ, а также агенты иностранныхъ имперіалистовъ вызываютъ волненія внутри страны. Поэтому мы должны сдѣлать новое усиліе, чтобы искоренить разъ на всегда контръ-революцію. Съ этой цѣлью мы должны не только энергично дѣйствовать внутри страны, но такъ же возстановить порядокъ на Кавказѣ и образумить Англію, ибо только если намъ удастся расшатать ея могущество, мы побѣдимъ міровой имперіализмъ».

И одновременно съ этими рѣчами большевистскія войска занимають Армению и появляются на индiйской границѣ, на Памирь...

Какъ наивны были тѣ мечтатели, которые вѣрили, что миръ и трудъ заставятъ большевиковъ эволюционировать. Сколь легкомысленными были ихъ увѣренiя, будто исчезновенiе антибольшевистскихъ фронтовъ ослабитъ большевиковъ, заставитъ ихъ отказаться отъ той системы крови и желѣза, которой онѣ держатся сейчасъ и для которой тогда не будетъ уже рѣшительно никакихъ оправданiй. О, большевики тоже знаютъ свою силу и свою слабость! И если бы антибольшевистскихъ фронтовъ вообще никогда бы не существовало, они сами ихъ создали бы. Ибо большевизмъ это аппаратъ для гражданской войны, послѣдовательно перемѣщаемый изъ русскаго города въ деревню, а оттуда— на мировой просторъ.

И если «Правда» отмѣчаетъ, что

«послѣ недавнихъ боевъ всюду обнаруживается желанiе отдыха и ослабленiе дисциплины, а это представляетъ большую опасность для совѣтовъ и всей революционной Россii»,—

то Стекловъ уже спѣшитъ воодушевить уставшихъ, призывая не угашать боевого пыла.

«Бѣлогвардейскiе офицеры, право-эсэровскiе заговорщики, кулаки и реакціонеры всѣхъ мастей до сихъ поръ всемѣрно срывали политику совѣтской власти, особенно въ продовольственной области. Они пользовались всякимъ случаемъ для устройства возстанiй. Пока мы не разгромимъ ихъ гизадъ, они будутъ помогать всякому посягательству на Сов. Россiю. Переходъ къ мирному строительству невозможенъ безъ уничтоженiя этихъ нарывовъ. Имъ надо объявить безпощадную войну, взять эти элементы въ желѣзо и очистить отъ нихъ страну.

До тѣхъ поръ, пока мы съ корнемъ не вырвемъ внутреннюю измѣну, враждебныя намъ группы импоземныхъ империалистовъ не перестанутъ срывать тѣ соглашения, которыя намъ удастся заключить. Паша очередная задача: ликвидація контръ-революци въ странѣ».

Жищники и палачи свое слово сказали. Что скажутъ жертвы?

На родинѣ жертвы совѣтской власти приведены къ молчанію: онѣ загнаны въ подполье глубже, чѣмъ при самодержавіи. Ихъ держать по тюрьмамъ, подвергаютъ *пыткѣ голодомъ*. Лишь изрѣдка доносятся оттуда замогильные голоса, которые звучатъ почти полной безнадежностью:

«Мы — нищутъ заключенные въ московской бутырской тюрьмѣ социалисты, максималисты и анархисты — обращаемся къ вамъ, синдикалисты, анархисты и члены социалистическихъ партій всѣхъ странъ и народовъ, — потому что общественность рабочихъ и крестьянъ Россіи давно уже замерла, заглушена тѣми неслыханными мѣрами репрессій, къ которымъ прибѣгаетъ «рабоче-крестьянское правительство» противъ всѣхъ тѣхъ, кто въ чемъ-либо несогласенъ съ его внутренней и международной политикой... Мы до сихъ поръ не смѣемъ высказывать нашей истины. Всѣ наши газеты безъ исключенія давно закрыты, всѣ наши партіи разгромлены».

Приходится поэтому прислушиваться не только къ голосамъ, которые изрѣдка и въ заглушенномъ видѣ доходятъ изъ каменныхъ мѣшковъ, въ которые обращена совѣтская Россія. Приходится прислушиваться и къ російскимъ голосамъ, правда, оторваннымъ отъ родной земли, но зато внѣшне и внутренне свободнымъ.

Паденіе Крыма вызвало сомоопредѣленіе въ рядахъ многихъ группъ и партій. Поспѣшнѣе другихъ реагировали на крымскія событія представители росс. соц.-дем. раб. партіи. Прибывшіе недавно за границу Мартовъ и Абрамовичъ въ пораженіи Брангеля увидѣли побѣду не только большевиковъ, но и росс. соц.-демократіи и «всего русскаго народа». Въ опубликованномъ ими заявленіи своей «ближайшей задачей» и, какъ полагается, задачей «всемирнаго пролетаріата и всѣхъ искреннихъ демократовъ» они видятъ въ «требованіи признанія совѣтскаго правительства»,—«de reconnaître officiellement le gouvernement soviétique»,—какъ гласитъ воззваніе «къ социалистическимъ партіямъ и профессиональнымъ союзамъ всѣхъ странъ».

Еще до паденія Крыма можно было предвидѣть, къ чему долженъ былъ привести меньшевиковъ ихъ принципиальный отказъ отъ сверженія большевистской власти силою оружія и ихъ надежды на мирную эволюцію большевизма. Такое предвидѣніе было сдѣлано, въ частности, В. Черновымъ, въ статьѣ, напечатанной въ приложеніи къ № 1 нелегальной, возобновленной недавно «Революціонной Россіи». Опровергая меньшевистскій тезисъ о томъ, что большевизмъ это — революція»,

«пусть плоховатая, пусть не очень разумная, но все же революція» и что большевизмъ еще нуженъ странѣ и мужику, для того, чтобы заслониться отъ помѣщичьей реставраціи, Колчака, Деникина, Юденича и Врангеля, — В. М. Черновъ заключаетъ:

«Мы застряли въ большевистскомъ тупикѣ. Намъ кричать: легче на поворотахъ. Намъ стараются внушить надежду, что и тупики не наглухо замыкаются, что и въ нихъ можно искать «щелочекъ». Не то ли было и при самодержавіи? И не собираются ли играть меньшевики при правящемъ большевизмѣ ту же незавидную роль, которую при царизмѣ играли кадеты и октябристы, — роль «Оппозиціи его Величества большевизма»?»

Последнимъ своимъ заявленіемъ меньшевики на этотъ вопросъ отвѣтили утвердительно.

Гораздо медленнѣе и болѣзненнѣе протекаетъ процессъ самоопредѣленія въ той партіи, которая была, если не главнымъ организаторомъ, то во всякомъ случаѣ главнымъ идеологомъ всѣхъ военныхъ диктатуръ.

Почти три года культивировали к.-д. идею спасенія Россіи чрезъ посредство удачливаго диктатора. Они успѣли привить эту идею довольно широкимъ слоемъ буржуазіи и интеллигенціи. Вѣра въ диктатора заставила сибирскихъ к.-д. накануне омскихъ событій подстрекнуть колеблющихся совершить переворотъ въ пользу адм. Колчака, побудила ихъ открыто заявить себя «партіей государственнаго переворота». Та же идея единоличнаго военнаго диктатора, вѣдущаго и всѣ судьбы гражданскаго управленія, кружила и туманила головы дѣятелей к.-д. партіи и на югѣ Россіи; въ частности, тѣмъ изъ нихъ, которые въ началѣ 19 года въ Одессѣ принимали участіе въ переговорахъ г. н. «четырехъ бюро».

Трудно, конечно, сознать и признать свои ошибки. Трудно сразу вернуться къ тому, что было такъ основательно забыто въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ. Чѣмъ значительнѣе партія, тѣмъ сильнѣе давятъ на нее психологическіе пережитки и традиціи прошлаго. И тѣмъ существеннѣй тѣ заявленія, пока еще, правда, индивидуальныя, которыя сдѣлали представители к.-д. партіи подъ непосредственнымъ вліяніемъ послѣднихъ событій.

«Я не скрываю отъ себя — заявилъ П. Н. Миллюновъ, что кадетизмъ за истекшій періодъ въ извѣстной степени

испортилъ свое лицо. Но элементы будущаго у насъ есть, и безъ нихъ обойтись будетъ невозможно.

Я полагаю, что періодъ военной диктатуры конченъ. Тѣ, кто еще не убѣдился въ этомъ, поймутъ это очень скоро, черезъ небольшое количество недѣль. Военная диктатура вездѣ обрисовывалась съ такимъ социальнымъ сопровожденіемъ, которое дѣлало ее невозможною.

Явленія русской революціи могли только подтвердить наглядно громадное значеніе моральнаго элемента въ падеши однихъ режимовъ и въ побѣдѣ другихъ. Опыты послѣднихъ лѣтъ убѣдили насъ въ томъ, что и теперь примѣненіе одной физической силы недостаточно».

Какъ ни самоочевидны выраженные здѣсь положенія, нельзя не отмѣтить, что, послѣ прошлаго, лидеру к.-д. требовалось, дѣйствительно, не мало гражданскаго мужества, чтобы ихъ высказать... Конечно, заявленіе признаннаго лидера и даже цѣлаго Комитета въ Парижѣ не покрываетъ мнѣнія всей партіи. И рядомъ съ деклараціей парижскихъ к.-д. имѣются противоположнаго свойства заявленія к.-д. константинопольскихъ, берлинскихъ и другихъ, не возвышающихся надъ уровнемъ государственно-правовыхъ воззрѣній ген. Врангеля и вмѣстѣ съ нимъ свято чтущихъ творимую легенду о «преемственности» и «незыблемости» «законной» крымской власти, единственнаго оставшагося въ Россіи «бодраго творила», по выраженію писателя Куприна.

Врядъ ли слѣдуетъ, однако, въ настоящихъ условіяхъ умалять значеніе формально можетъ быть и недостаточно полномочныхъ, но политически обязывающихъ выступленій. Какъ война внѣшняя вынудила приостановить теченіе сроковъ въ частно-правовомъ оборотѣ, такъ и гражданская война нуждается въ признаніи своеобразнаго *мораторіума* для политическихъ отношеній, возникающихъ внутри и внѣ Россіи, въ частности въ отношеніи къ провѣркѣ всевозможныхъ полномочій.

Русскіе демократы и социалисты свои политическія судьбы всегда связывали съ судьбами, такъ называемой, третьей силы, Третьей Россіи. Теперь эта третья сила сдѣлалась всеобщимъ фаворитомъ. Кто не ставитъ на нее? На слѣдующій же день послѣ эвакуаціи Крыма П. Б. Струве заявилъ:

«борьба не только не прекращается, наоборотъ, — не связанная ни съ какой системой, она станетъ болѣе напряженной и глубокой, сдѣлается болѣе подвижной и всеобщей»
(«La Victoire». — 17. XI.)

А «Рулъ», почти словами изъ «Pour la Russie», высказалъ предположеніе:

«быть можетъ, послѣдній успѣхъ большевиковъ — первый моментъ ихъ окончательнаго разложенія».

Когда Д. С. Мережковскій оспариваетъ у эс-эровъ первенство въ заявкѣ Третьей Россіи, и даже «Temps» и «Times» начинаютъ взирать съ нѣкоторымъ упованіемъ на третью силу, — можно сказать, что увлеченіе этой идеей или вѣра въ эту силу стало общей почти для всѣхъ антибольшевистскихъ теченій. Конечно, кто подлинно вѣрить и кто увѣривалъ лишь на время, отъ безвѣрія, за отсутствіемъ всякаго иного объекта вѣры — вѣрую, хотя и считаю абсурдомъ, — это видно будетъ лишь позднѣе, когда появятся другіе, конкурирующие соблазы и фавориты. Но самый тотъ фактъ, что идея «третьей силы», по крайней мѣрѣ, внѣшне уже покорила всѣ умы и предрасудки, обязываетъ не ограничиваться однимъ лишь утвержденіемъ и исповѣданіемъ своей вѣры тѣхъ, кто связанъ съ этой третьей силой не переходящими условіями времени и мѣста, а всѣмъ своимъ политическимъ бытіемъ, въ жизни и въ гибели. Именно отъ нихъ требуется умѣніе различать мечты отъ дѣйствительности, сухое отъ, увы, пока лишь чаемаго и уповаемаго.

Всякая активность предполагаетъ, конечно, извѣстный оптимизмъ и вѣру въ свои силы. Но оптимизмъ необоснованный, какъ и преувеличенная увѣренность въ себя, таитъ угрозу искаженія перспективы: грозитъ переоцѣнкой своего призванія и недооцѣнкой сопротивляемости враждебной среды. Поэтому, когда русскіе демократы и социалисты говорятъ о томъ, что новый духовный, психологическій процессъ въ душѣ народной законченъ; что новое сознаніе родило волю къ дѣйствию; что среди ужаса, мрака и хаоса настоящаго ясно виднѣется вдали брезжущая заря новаго дня; что народъ въ Россіи уже возсталъ и ведетъ борьбу съ своими поработителями; словомъ, что какъ будто уже грядетъ третья сила и утверждаетъ Третью Россію, — мы настойчиво призываемъ прислушаться съ особеннымъ вниманіемъ къ тѣмъ подлиннымъ голосамъ жизни, которыя изрѣдка все-таки доходятъ изъ Россіи. Въ этомъ отношеніи исключительнаго вниманія заслуживаетъ, въ частности, та «резолуція по текущему моменту», которая принята была 8 сентября с. г. на конференціи п. с.-р., собравшейся нелегально въ Совѣтской Россіи. Эта резолуція, «учитывая распыленность массъ», считаетъ «очередной задачей партіи» въ цѣляхъ сверженія большевистской власти «работу по

организации активных народных силъ». Въ развитие этой резолюціи Центральный Комитетъ еще опредѣленнѣе разъясняетъ партійнымъ организациямъ:

«Распыленность массъ, не только организационное, но и идейное отсутствіе въ широкихъ слояхъ трудящихся политически оформленныхъ лозунговъ, объединяющихъ ихъ идеологически и направляющихъ въ русло творческой работы, ихъ отрицательное отношеніе къ существующему правопорядку, исключаетъ возможность какихъ-либо активныхъ выступленій въ настоящее время, ибо П. С.-Р. въ своей борьбѣ за политическія и социальныя достиженія не можетъ базироваться на эдбкой почвѣ политически аморфнаго булгарства, открывающаго путь для всякаго рода демагогіи и спекуляціи на народномъ оаолобленіи. Поэтому большая политическая и организационная работа должна предшествовать моменту выступления активныхъ силъ».

Словъ нѣтъ,—третья сила восторжествуетъ. Третья Россія будетъ. Но никто не вѣдаетъ ни времянь ни сроковъ.

Чтобы приблизить эти времена и сроки, не жаль никакихъ и ничьихъ усилій. И прежде всего, — пока не наступилъ моментъ, чтобы «камни метати», — надо спѣшить «камни собирать» не только за своей или сосѣдней околицей, но и повсюду, гдѣ только имѣются годные для метанія «камни». Кто сознаетъ, что однѣми социалистическими силами Россія не возобновима, — а это усвоили уже и большевики: они только продолжаютъ предпочитать американскаго Ванперлипа, хотя бы и фальшиваго, русскому, — тотъ въ предвидѣніи будущаго долженъ ориентировать и свое настоящее; въ частности, — и тогда, когда и за предѣлами родины онъ усиленно стремится защитить ея честь и достоинство.

Коалиція была душой мартовской революціи. «Кто говоритъ противъ коалиціи, говоритъ противъ русской революціи», — замѣтилъ въ свое время одинъ изъ ея главныхъ руководителей и идеологовъ. Это не значить, что коалиція всегда была возможна или что всегда она была удачна. Тѣмъ менѣе это значить, что коалиція — это принципъ чьей-либо программы. Но неудача коалиціонныхъ попытокъ, надломъ или приостановка въ *сложеніи* политическихъ силъ всегда свидѣтельствовали о надломѣ или приостановкѣ въ ходѣ самой революціи. И если сейчасъ и не приспѣло время для подлинной коалиціи—нѣтъ необходимыхъ для того и объективныхъ, и субъективныхъ предпосылокъ: ни антибольшевистской территоріи, ни консолидированныхъ политическихъ силъ, ни забвенія проши-

лаго, — если сейчас не стоять и не может стоять вопрос о коалиціонномъ созданіи власти, — это не может служить достаточнымъ основаніемъ для отрицанія правильности идеи коалиціоннаго метода въ работѣ по возсозданію Россіи.

Чтобы вступить на этотъ долгій и тяжелый путь, надо прежде всего привнести хоть нѣкоторую организованность и планомѣрность въ тотъ хаосъ и анархію, которые царятъ среди т. н. выразителей російскаго общественнаго мнѣнія заграницей. Когда одинъ публично исповѣдуетъ, что «пять тысячъ махнать съѣдятъ Ленина»; другой, — что «раньше пяти лѣтъ вернуться въ Россію будетъ нельзя», а потому «надо пролетаризироваться»; третій, не только публицистъ, но и видный политическій дѣятель въ прошломъ, беззаботно радуется пораженію Врангеля «совершенно такъ же, какъ радовался бы, если-бы Врангель вступилъ въ Москву»; четвертый — что политическихъ лидеровъ надо замѣнить «цвѣтомъ нашей литературы»; пятый — отъ имени коллектива заявляетъ — что «интернированная въ Польшѣ армія Пермыкина (вмѣстѣ съ арміей Врангеля) — символъ національно-патріотическаго естества Россіи, его рычагъ и двигатель» (см. передовую «Общаго Дѣла» № 145), — можно ли пройти мимо этого хаоса и разброда?..

Чѣмъ распыленнѣе російская общественность, чѣмъ самоубійственнѣе звучатъ отдѣльные призывы, чѣмъ безответственнѣе выступленія всевозможныхъ бывшихъ правителей и политическихъ одиночекъ, — тѣмъ острѣе потребность въ организованномъ проявленіи общественнаго мнѣнія антибольшевистской Россіи.

Уже послѣ паденія Крыма, очевидно, въ промежуткѣ между партизанскими набѣгами двухъ генераловъ — ген. Пермыкина и ген. Омеляновича-Павленко — Россія оказалась дважды расчлененной, а двѣ изъ входящихъ въ ея составъ народностей — «самоопредѣленными». «Общее Дѣло» отъ 1 декабря оповѣстило, что «русскій политическій комитетъ въ Польшѣ, возглавляемый Б. В. Савинковымъ», заключилъ международное соглашеніе, въ первомъ пунктѣ коего

«признаетъ государственную независимость украинской народной республики и нынѣ дѣйствующее правительство украинской народной республики во главѣ съ главнымъ атаманомъ Симономъ Петлюрой».

А черезъ день оказалось, что еще 16 ноября въ г. Мозырь тотъ же комитетъ, въ лицѣ своего предсѣдателя Савинкова, и купилъ съ «русской народной добровольческой арміей, въ

лицѣ командующаго ею ген. Булакѣ-Балаховича», — признали, во-первыхъ, фактъ независимости Бѣлорусскаго государства и, во-вторыхъ, что

«окончательная форма взаимоотношеній между Россіей и Бѣлоруссіей будетъ опредѣлена соглашеніемъ между учредительными собраніями Русскимъ и Бѣлорусскимъ или правительствами, этими собраніями установленными».

Кто станетъ платить по этимъ обязательствамъ?.. Въ ихъ значимости, вѣроятно, одинаково не обманываются ни тѣ, которые «самоопредѣляютъ», ни тѣ, которыхъ «самоопредѣляютъ». Тѣмъ болѣе, что, самоопредѣливъ Украину и Бѣлоруссію, «русскій политическій комитетъ» уже закрылся или, точнѣе, перемѣнилъ фирму: вмѣсто прежняго политическаго комитета Савинковъ успѣлъ уже открыть въ Варшавѣ свой Союзъ Освобожденія Россіи. Да и самъ Петлюра со всѣми своими представителями и правителями, по послѣднимъ извѣстіямъ, объявленъ Польшей гражданскимъ плѣннымъ, подлежащимъ интернированію въ Кѣльцахъ...

Исторія новѣйшаго самоопредѣленія Украины и Бѣлоруссіи можетъ служить яркимъ примѣромъ того, до чего можетъ довести нигилистическая политика, не считающаяся ни съ кѣмъ, кромѣ внутренняго голоса своей патріотической совѣсти, и ни съ чѣмъ, кромѣ собственнаго антибольшевистскаго сознанія, что одинъ (всякій) практическій шагъ стоитъ дюжины (любыхъ) программъ.

Эта исторія только лишній доводъ для признанія, только лишній поводъ къ созданію органа общественнаго мнѣнія, стоящаго на-стражѣ чести и достоянія грядущей Россіи и морально отвѣтственнаго передъ ней.

И пусть не подрываютъ авторитета этого органа указаніемъ на то, что въ немъ будутъ фигурировать лишь «тѣни тѣней» — бывшіе представители бывшихъ политическихъ партій и учреждений. Какъ ни трудно ориентироваться по тѣнямъ, нельзя, однако, отрицать того, что и тѣни имѣютъ свой обликъ и очертанія. И въ извѣстныхъ условіяхъ и по тѣни можно судить, высоко ли солнце и долго ли до зари?

Маркъ Вишнякъ.

СЛОЖЕНІЕ СИЛЬ.

Открытое политическое дѣйствіе и слово тамъ, на родинѣ, давно уже свелись къ своему прѣдѣльному выраженію: къ диктатурѣ партійной группы и писаніямъ обслуживающихъ ее идейныхъ и бутербродныхъ публицистовъ. Все остальное молчить, задавленное различными Чека.

Естественно, что зарубежная русская политическая мысль пріобрѣтаетъ въ такой моментъ особое значеніе. Это уже не только домыслы досужихъ эмигрантовъ, изъ прекраснаго далека созерцающихъ органическую жизнь далекой родины и подающихъ ей ненужные, быть можетъ, совѣты. Это средоточіе вообще всего русскаго независимаго общественнаго мнѣнія; единственная открытая лабораторія, гдѣ оформляется оно.

Разумѣется, нельзя преувеличивать значенія этого общественнаго мнѣнія. Только пытаюсь тѣмъ матеріаломъ, который даетъ Россія, чутко прислушиваясь къ тому, что происходитъ тамъ, за китайской стѣной, воздвигнутой нынѣшними правителями государства Россійскаго, можетъ оно служить положительную службу. Не независимое руководство—его задача, а учетъ и осмысливаніе происходящихъ въ странѣ процессовъ и выводы изъ нихъ. Но и эта, ограниченная, задача велика и почтенна, и нельзя не интересоваться тѣмъ, что волнуетъ и занимаетъ въ данный моментъ русскіе общественные круги за-границей.

Въ настоящее время въ центрѣ вниманія стоитъ вопросъ о нѣкоторомъ общественно-политическомъ объединеніи. По-

слѣдняя попытка не общественными силами, внѣ ихъ и вопреки имъ побѣдить большевизмъ — пала. Крымская трагедія въ третій или четвертый разъ показала негодность генеральско-диктаторскаго метода справиться съ московскими правителями. Четырежды надо было повторить убійственный опытъ, чтобы раскрыть глаза многимъ, кто до послѣдняго момента не хотѣлъ прозрѣть. вмѣстѣ съ этимъ крушеніемъ и вызваннымъ имъ кризисомъ мысли въ части тѣхъ круговъ, кои или ожидали избавленія отъ Крыма, или, во всякомъ случаѣ, допускали его, встала проблема иного превозможенія большевизма, а съ нею вмѣстѣ ожили и стремленія къ общественному объединенію.

Надо признать, однако, что стремленія эти не находятъ до сихъ поръ ни достаточно ясной и точной формулировки, ни единства въ попыткахъ осуществленія. Различныя группировки по-разному пытаются рѣшить проблему. Говорятъ о коалиціи, о національномъ центрѣ, національномъ комитетѣ, парламентскомъ комитетѣ и т. д. Но при этомъ часто не учитываются ни реальныя возможности, ни силы, ни историческая и политическая обстановка. Не лишне, поэтому, будетъ попытаться и съ нашей стороны отвѣтить на вопросъ, что желательно, возможно и необходимо въ данный моментъ и почему.

Дважды въ политической исторіи Россіи осуществлялись коалиціи: одинъ разъ въ періодъ Временнаго Правительства — мартъ-октябръ 1917 года, — и другой — въ Сибири во время Директоріи. И оба раза попытки кончились неудачей. И за всѣмъ этимъ, думается, идея коалиціи, какъ здоровая для Россіи политическая идея, не мертва. И чрезъ коалицію путь къ возстановленію Россіи. Но коалиція — музыка будущаго, а не настоящаго, регулятивная идея, а не осуществимое въ данный моментъ политическое заданіе.

Идея коалиціи не мертва. Въ 1917 году коалиція была вызвана къ жизни двумя весьма элементарными соображеніями. Происшедшая революція — при условіи здороваго роста и развитія своего — несетъ съ собой осуществленіе политическаго раскрѣпощенія — полной демократизаціи Россіи, — и широ-

кой социальной реформы. Но это не есть социалистическая революция. Такъ утверждали мы. Стало быть, и въ дальнѣйшемъ наряду съ широкими трудовыми слоями народа творческую, прогрессивную роль призваны играть и не трудовые слои, такъ называемая «буржуазная демократія». Въ ея интересахъ какъ политическая трансформация, такъ и социальные преобразования, которыя несетъ революція. Это, во-первыхъ. А во-вторыхъ, наряду съ этимъ, задачи построения новаго здания Россійской государственности — огромны. Отсюда слѣдуетъ, что лишь объединяя всѣ демократически настроенныя «живыя силы» страны — и социалистическія, и несоциалистическія—можно создать наиболѣе благоприятныя условія для быстрого и успѣшнаго разрѣшенія этихъ задачъ. Къ этимъ двумъ положеніямъ, вытекавшимъ изъ самаго характера русской революціи, присоединилось еще одно, хотя исторически случайное, но чрезвычайно важное: война, которая требовала объединеннаго напряженія всѣхъ национальныхъ усилій.

При повтореніи коалиціи въ 1918 году причины и соображенія по существу были тѣ же. Разница была, можетъ быть, въ еще большей ихъ значимости. Ибо положеніе послѣ почти года господства большевиковъ, послѣ развала фронта и разворенія страны стало еще болѣе угрожающимъ.

Долженъ ли измѣниться теперь нашъ историческій прогнозъ ближайшихъ судебъ Россіи послѣ большевизма? Какъ будто, нѣтъ. Силы, призванныя созидать новую Россію, будутъ не только социалистическими, ибо не социалистическій строй придетъ послѣ сверженія большевизма. А между тѣмъ, если задачи, стоявшія послѣ мартовской революціи 1917 года, можно было назвать гигантскими, то едва-ли найдется на человѣческомъ языкѣ достаточно сильное слово, чтобы охарактеризовать ту громадность созидательной работы, которая предстоитъ въ будущемъ объединенной демократической Россіи. И сопряженіе усилій всѣхъ добрыхъ работниковъ будетъ повелительно диктоваться во имя самыхъ жизненныхъ интересовъ народа и страны.

Но для третьей коалиціи, если она въ будущемъ осущест-

вится, необходимо учесть опыт двухъ прошлыхъ, кончившихся неудачей. Только устранивъ причины этихъ неудачъ, можно пойти на коалицію и въ третій разъ.

Главная и основная причина, разрушившая первую коалицію — большевистскій переворотъ — была создана не коалиціей и не зависѣла отъ того, что правительство носило коалиціонный характеръ. Въ основѣ восстанія лежало утомленіе войной и желаніе солдатскихъ массъ во что бы то ни стало окончить ее. Это желаніе было использовано большевиками противъ правительства. И оно было бы использовано противъ любого правительства — даже однородно социалистическаго — такъ какъ и это правительство отстаивало бы необходимость продолженія оборонительной войны. Русская революція, вспыхнувшая послѣ трехъ лѣтъ войны, на исходѣ сопротивляемости Россіи, несла въ себѣ слишкомъ много силъ разложенія, распада, которыя фатально повели къ катастрофѣ.

Но силы коалиціи оказались слабѣе, чѣмъ могли бы быть, отчасти все же и по нѣкоторому внутреннему недостатку самой коалиціи.

Въ то время часто приходилось слышать слова: «коалиція есть въ правительствѣ; ея нѣтъ въ странѣ». И это было правдой. Быть можетъ, не всегда была она даже и въ правительствѣ. Наряду съ другими объясненіями этого, которыя можно привести, надо указать одно. У разныхъ группъ существовало разное пониманіе *динамики* революціи и разное отношеніе къ ней. Не скажу, чтобы одни полагали, что революція кончена въ первыхъ числахъ марта, а другіе дѣлали ее перманентной. Нѣтъ: и первые думали, что должно быть осуществленіе, матеріализація, такъ сказать, тѣхъ завоеваній, которыя въ принципѣ сдѣланы были народомъ въ мартѣ, и вторые не продолжали революціи *ad infinitum*. Но первые не могли проникнуться въ достаточной мѣрѣ мыслью, что революція требуетъ непосредственныхъ реализацій, что постоянное созиданіе — ея стихія. Они думали разграничить революцію на какіе-то правовымъ образомъ формально обозначенные этапы: такія-то приобрѣтенія уже сдѣланы народомъ, а затѣмъ его дѣло

ждать дальнѣйшаго отъ Учредительнаго Собранія. Вторые понимали динамику революціи именно, какъ *постоянно* во всѣхъ областяхъ творимое новое право и новыя достиженія. И въ этомъ были правы. За то, можетъ быть, неправильно опредѣляли темпъ. Благодаря этому, часто безъ нужды создавались взаимное непониманіе и раздраженіе. Это ослабляло коалицію. Она теряла власть надъ жизнью массъ, и жизнь эта шла, руководимая лишь революціоннымъ инстинктомъ, не провѣряемымъ государственнымъ разумомъ, и естественно шла или склонна была итти дальше, чѣмъ нужно. И это использовали въ своихъ цѣляхъ большевики.

Но внѣшнее крушеніе первой коалиціи 25 октября не разрушило ее внутренне, не вырыло пропасти между силами, ее составлявшими, не создало трагедіи. Поэтому, общественныя силы — и социалистическія, и несоциалистическія — продолжали попытки совмѣстнаго дѣйствія. Первой изъ нихъ было созданіе такъ называемаго Комитета Спасенія Родины и Революціи, а послѣдней — Государственное Совѣщаніе въ Уфѣ, создавшее Директорію — второй опытъ коалиціи въ государственномъ масштабѣ.

И лишь разрушеніе этой второй попытки дѣйствительно положило начало трагическому расколу русской общественности.

Фактическая обстановка этой трагедіи извѣстна. Ея значеніе можно выразить немногими словами: тѣ, кто были или думали, что были, по одну сторону баррикады, оказались на противоположныхъ ея сторонахъ. И та часть — въ данномъ случаѣ несоциалистическая — которая была сильнѣе, стала бороться противъ своего вчерашняго союзника и дискредитировать его.

Главныхъ причинъ такого крушенія единаго фронта — двѣ. Во-первыхъ, великое озлобленіе противъ того, что раньше вызывало энтузіазмъ — противъ революціи и ея социалистическихъ носителей. Послѣ 25 октября постепенно, по мѣрѣ накопленія страданій и горечи, для большинства несоциалистическихъ элементовъ вся революція окрасилась въ большевистскій цвѣтъ. И социалистическіе ея представители были

вынесены вмѣстѣ съ большевиками за однѣ скобки. Вторыхъ, — социальная слабость въ тотъ моментъ несоціалистическихъ группировокъ, заставившая ихъ искать контрфорсъ въ чуждыхъ имъ по существу элементахъ — военной реакціи. Не пріявшіе революціи, или, вѣрнѣе, отринувшіе ее психологически послѣ большевизма, не имѣющіе широкой базы въ народѣ, пошли искать ее въ арміи. Пытались сдѣлать армію не орудіемъ государства, а орудіемъ партій и группировокъ. Создалась идеологія военной диктатуры. Предполагалась возможность съ ея помощью выявить и осуществить свою идеологію. Но мертвый схватилъ живого, и военная диктатура наложила свою печать и печать своихъ истинныхъ спутниковъ и вдохновителей — реакціонныхъ, отжившихъ социальныхъ группировокъ — и на пошедшія за нею политическія образованія, входившія раньше въ коалицію. Два года длилось это положеніе. Два года лѣвая демократическая общественность преслѣдовалась при безмолвіи или поощреніи большинства вчерашнихъ ея союзниковъ, вынужденныхъ послѣ «а» говорить и «б». Два года рылась пропасть, и многое, что могло уцѣлѣть, скомпрометтировано.

Теперь совершается переломъ. Мы меньше всего хотимъ умалять его значеніе. Наоборотъ, мы рады искренне привѣтствовать его. Ибо, чѣмъ полнѣе и глубже будетъ онъ, тѣмъ болѣе обезпечено въ будущемъ то максимальное соединеніе силъ, которое такъ необходимо Россіи. Но непремѣннымъ условіемъ этого соединенія является изживаніе—до конца, до предѣла— всего того, что раздѣляло раньше. Необходима твердая платформа и увѣренность въ ея незыблкости. Необходимо осознаніе и другой стороной — лѣвой демократіей — искренности перелома и безповоротности его. Необходимо психологическое превозможеніе бывшей трагедіи, которую должны заслонить новые положительные политическіе факты и оказательства. Конечно, не мѣсто здѣсь развивать платформу въ ея подробностяхъ. Но изъ опыта прошлаго въ общихъ чертахъ ее можно намѣтить. Полное пріятіе мартовской революціи съ ея идеологіей и ея завоеваніями и въ области политической, и въ области социальной. Сознаніе, что кѣтъ иныхъ путей къ освобо-

жденію народа русскаго отъ тиранніи большевиковъ, какъ его *самоосвобожденіе*. Демократичными должны быть, такимъ образомъ, не только *цѣли*, не только *формы*, въ которыя будетъ выливаться борьба за эти цѣли, но и *силы*, борьбу ведущія. Нѣтъ мѣста ни въ какой мѣрѣ и ни въ какой моментъ не только реставраціи политической,—не можетъ быть реставраціи и социальныхъ отношеній. То, что должно придти и въ этой области, есть не реставрація, а *реконструкція*.

Если дѣйствительно разныя силы хотятъ и могутъ стать на этотъ путь—благо Россіи. И чѣмъ шире будетъ захватъ, чѣмъ скорѣе будутъ изжиты старыя формулы, прежніе способы дѣйствія и вызванная ими глубокая психологія недоувѣрія, тѣмъ лучше.

Но помимо этой идейной—такъ сказать — стороны дѣла есть другая — фактическая. Коалиція есть соединеніе силъ, координація дѣйствій общественныхъ слоевъ, партій. Она не есть сочетаніе лицъ. Поэтому, ея непремѣнной предпосылкой является организованное существованіе самихъ этихъ партійныхъ силъ, *единство* внутри ихъ. Пока, ни того, ни другого въ наличіи нѣтъ, или, если и есть, то во всякомъ случаѣ въ весьма несовершенномъ видѣ. Необходима связь, болѣе тѣсное общеніе со страной, необходимъ болѣе точный учетъ настроеній, существующихъ внутри нея. Нужна работа самоорганизации. Въ различныхъ группахъ различно идетъ процессъ этой самоорганизации. Но ни въ одной онъ далеко не законченъ. Необходимо прежде всего обратиться къ этому и здѣсь, въ этой области, приложить максимумъ усилій. Въ этомъ только залогъ успѣшнаго творчества въ будущемъ. И, если здѣсь работа будетъ вестись въ общемъ всей демократіи направленіи; если разные слои населенія черезъ разные каналы будутъ воспринимать изложеніе одного и того же пути къ освобожденію и возрожденію и воспитываться на этомъ, именно тогда и въ такомъ случаѣ сложится настоящій твердый фундаментъ будущей коалиціи и будущаго совмѣстнаго дѣйствія.

Но, если коалиція для своего осуществленія требуетъ ряда благоприятныхъ условий, которыя еще нужно *создать*, или,

вѣрнѣе, *создавать*, требуетъ *процесса* схожденія тактически-политическихъ линій, а пока преждевременна и неосуществима, то необходимо оставить, какъ пока неосуществимую, и идею національнаго центра. Въ самомъ дѣлѣ, національный центръ можетъ покониться только на коалиціи, вытечь изъ нея. Безъ этого онъ будетъ по составу случайнымъ, произвольнымъ. Онъ не будетъ имѣть никакой, даже относительной, базы, представляя лишь самъ себя. И рискуетъ при такихъ условіяхъ не завоевать вліянія и значенія ни въ антибольшевистской Россіи, ни за-границей. Такія образованія здѣсь уже создавались. И ихъ безсиліе быстро обнаруживалось. Примѣромъ этому можетъ служить хотя бы такъ называемое политическое совѣщаніе, существовавшее въ прошломъ году.

И какія дѣли будетъ преслѣдовать такой національный центръ или національный комитетъ? Самое имя его предполагаетъ нѣчто вродѣ представительства *націи*, нѣкоторое средоточіе *всѣхъ* національныхъ тенденцій, полный охватъ национальныхъ задачъ. Едва ли подъ силу это какому-либо объединенію русскихъ гражданъ за-границей въ данный моментъ, если бы это объединеніе создавалось даже и при болѣе благоприятныхъ условіяхъ. А самымъ худшимъ было бы, если бы за звучнымъ именемъ не стояло реальной силы и реальныхъ возможностей. Нельзя безъ связи съ Россіей устроить какую-то полуправительствующую организацію.

Иной разъ въ этомъ случаѣ указываютъ на примѣръ Чехіи или Польши. Чехи тоже образовали свой національный комитетъ, и онъ тоже существовалъ и дѣйствовалъ первое время за-границей. Это правда. Но нельзя забывать той разницы, которая существовала и въ международномъ, и, главное, въ національномъ отношеніи между чешскими и русскими условіями. Чешскій заграничный національный комитетъ былъ тѣсно спаянъ со своими организаціями внутри страны. Это, во-первыхъ. А во вторыхъ, задача, стоявшая передъ нимъ, была яснѣе, проще, чѣмъ наша. Задача была общенациональна; она исчерпывалась борьбой за національную независимость — борьбой, лежавшей по существу сполна въ области *международныхъ* отношеній. Гражданской борьбой борьбу чеховъ можно было

назвать лишь условно: постольку, поскольку они входили въ единую Австро-Венгерскую монархію и до своего освобожденія изъ подъ ферулы Австріи вели борьбу съ нею въ границахъ одного государственнаго образованія. Но въ основѣ это была внѣшняя война за національную самостоятельность.

Но если не коалиція и не національный центръ, то что же? Ибо созданіе, если не *представительства Россіи*, то во всякомъ случаѣ *предстательства за Россію*, является не выдуманной политиками идеей, а реальной повелительной необходимостью. Не тѣ или инья политическія группировки случайно выдвинули это требованіе — его выдвинула жизнь. Россія все больше становится объектомъ международныхъ воздѣйствій и комбинацій, и нѣтъ никакого достаточно авторитетнаго русскаго голоса, который бы въ мѣру силъ и возможностей всталъ на ея защиту. Положеніе таково, что почти каждый россійскій гражданинъ обязуется, находясь здѣсь, хотя бы крикнуть громко своей протестъ и свою обиду. О, мы слишкомъ долго жили за-границей, чтобы не понимать и не чувствовать, что безъ реальной силы тамъ, на родинѣ, мы при всемъ желаніи не наложимъ своей воли на рѣшеніе судебъ Россіи, «какъ на мягкой воскъ». Мы слишкомъ хорошо усвоили, что, несмотря на все, и у насъ дома, и здѣсь сила все еще выше права. Россіи еще придется, вѣроятно, испытать оскорбительное состояніе объекта: дома — «коммунистическихъ» экспериментовъ, а на международной сценѣ — экспериментовъ имперіалистическихъ.

И за всѣмъ тѣмъ, эта Россія, сбросивъ иго большевизма, когда-нибудь будетъ имѣть право потребовать русскую общественность, оказавшуюся въ этотъ тяжкій часъ за-границей, къ отвѣту: почему она молчала при видѣ всего этого, почему не встала на защиту жизненныхъ интересовъ страны такъ, какъ могла и должна была. И отвѣтъ этотъ надо будетъ дать.

Итакъ, нѣкоторое средоточіе силъ, нѣкоторый органъ нужны. Но, во первыхъ, пусть не изъ широковѣщательныхъ обѣщаній и невыполнимыхъ теперь задачъ исходить онъ. Ибо въ такомъ случаѣ онъ рискуетъ, не исполнивъ всего, лишиться какого-либо авторитета. Пусть начнетъ съ болѣе скромнаго и по су-

цеству соответствующаго положенію — не съ представительства націи, а съ защиты ея, заступничества за нее. И пусть, если суждено ему развиться и окрѣпнуть, добьется онъ признанія и расширить свои задачи силой своего моральнаго авторитета, вѣскостью выступленій, связью съ антибольшевистской Россіей, большимъ сочетаніемъ съ ея настроеніями своихъ требованій и дѣйствій. И во-вторыхъ, пусть самый принципъ соединенія будетъ инымъ. Если нельзя сейчасъ сочетать тѣхъ или иныхъ политическихъ силъ, какъ таковыхъ, ибо нельзя еще и учесть всѣхъ ихъ взаимоотношеній, то надо дать формальный признакъ организаци. И въ самомъ этомъ признакѣ должны заключаться какіе-то элементы, не столько дающіе въ данныхъ условіяхъ *право*, сколько возлагающіе наибольшей *долгъ* выступить на защиту новой Россіи.

Поэтому, съ точки зрѣнія намѣченія именно *формальнаго* признака надо признать остроумнымъ планъ бывшихъ членовъ Г. Думы и Совѣта, создавшихъ свое объединеніе. Но имъ не достаетъ другого элемента — и самаго существеннаго. Кажется, П. Н. Милюковъ, цитируя чьи-то слова, сказалъ примѣрно такъ: руководить борьбой съ большевиками можетъ человекъ или люди, «безнадежно скомпрометтировавшіе себя связью съ мартовской революціей». *Mutatis mutandis*, можно сказать, что предстательствовать за *новую* Россію, выступать именно въ ея, этой *новой* Россіи, интересахъ съ наибольшимъ и единственнымъ авторитетомъ могутъ не представители институтовъ, упраздненныхъ революціей, а иные — тѣ кто являются членами учрежденія, рожденнаго революціей, бывшаго высшимъ упованіемъ демократіи — члены Учредительнаго Собранія.

Конечно, совѣщаніе группы членовъ Учредительнаго Собранія, къ тому же созданное на чужой землѣ, не можетъ и не должно претендовать на положеніе публично-правового института. Но оно будетъ состоять изъ лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ политическимъ группировкамъ, и лица эти всѣ намѣчены были всеобщимъ народнымъ голосованіемъ, почтены довѣріемъ революціоннаго народа. Они входили въ составъ учрежденія, не упраздненнаго народомъ, а разогнаннаго гру-

бой силой тѣхъ, противъ кого борется демократическая Россія.

Если такое совѣщаніе выполнить — на первыхъ порахъ, быть можетъ, и скромныя—возложенныя на него задачи, оно послужитъ первымъ камнемъ въ создаемомъ зданіи. Пополняясь новыми членами, повторяясь періодически, совѣщаніе будетъ въ состояніи въ дальнѣйшемъ углубить свою работу. Оно можетъ создать постоянный органъ — свое бюро, дѣйствующее отъ совѣщанія до совѣщанія. Какovy будутъ функціи этого бюро, опредѣлятся, конечно, объемомъ тѣхъ задачъ, которыя поставитъ и разрѣшитъ совѣщаніе. Несомнѣнно, однако, что если не мертворожденной окажется самая идея совѣщанія, если ему суждено расти и развиваться, то будутъ расти и развиваться и функціи самого бюро. Постепенно, это совѣщаніе будетъ собирать вокругъ себя все болѣе широкія общественныя силы, способствующія ему въ его работѣ, пріемлющія и усиливающія своимъ сотрудничествомъ его авторитетъ.

Быть можетъ, такой планъ не удовлетворитъ нетерпѣливыхъ. Но исторія часто идетъ медленнѣе, чѣмъ хочется, и не властны мы ломать ея ходъ. Мы должны лишь направлять его сознательными усиліями. Кризисъ произошелъ, поворотъ намѣчается, говорили мы. Пусть будетъ онъ окончательнымъ. Русская общественность — мы надѣемся — идетъ къ выздоровленію. Но врачъ, который, обрадовавшись благоприятному кризису, на другой день заставилъ бы своего пациента вести себя, какъ здороваго, погубилъ бы выздоравливающаго и скомпрометтировалъ бы себя.

Пусть созывъ совѣщанія членовъ Учредительнаго Собранія лишь первый шагъ. Но вѣдь труденъ именно онъ. Не будемъ же Брандами, провозглашающими—«все или ничего», и направимъ нашу волю на то, чтобы этотъ шагъ былъ удачнымъ.

Николай Авксентьевъ.

==== ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА =====
на ежедневную, безпартійную, независимую газету

„Либавское Русское Слово“

Редакторъ-издатель В. И. Тасманъ

(бывшій редакторъ-издатель газеты „Минскій Голосъ“)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 25 германскихъ марокъ въ мѣсяцъ.

Адресъ редакціи: г. ЛИБАВА (Латвія).

Русское Издательство и Книжный Магазинъ
J. ROVOLOZKY & Cie, ÉDITEURS
13, Rue Bonaparte, PARIS (VIe) — Tel.: Gobellus 53-62

Собственныя изданія на русскомъ
и французскомъ языкахъ.

Русскія и французскія книги по бед-
лестристикѣ и въсьмъ отраслямъ знанія.

Журналы и газеты.

Художественныя изданія.

Учебники, словари и самоучители
иностранныхъ языковъ.

Выдаются справки и принимаются заказы на русскія и иностранныя книги и на периоди-
ческія изданія. Принимаются порученія по печатанію книгъ

Книжнымъ магазинамъ, общественнымъ учрежденіямъ и бывш. военнопленнымъ дѣлается скидка.

КАТАЛОГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПО ТРЕБОВАНІЮ БЕЗПЛАТНО.

ВЫШЛА ПЕРВАЯ КНИЖКА

ДѢТИ—ДѢТЯМЪ

Сборники рассказовъ,

написанныхъ и иллюстрированныхъ дѣтьми въ возрастѣ 10-13 лѣтъ.

подъ редакціей И. и Л. Коварскихъ.

Цѣна выпуска: 2 фр. 50 с.

Редакція преслѣдуетъ цѣль сохранить русскій языкъ
у дѣтей, находящихся сейчасъ на чужбинѣ, и поддер-
жать въ нихъ любовь къ Родинѣ, содѣйствуя мысленію
и творчеству на родномъ языкѣ.

Адресъ Редакціи и Конторы:

J. ROVOLOZKY & Cie, 13, rue Bonaparte — PARIS (6^e)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1921 ГОДЪ
на ежедневную газету

„ВОЛЯ РОССИИ“

выходящую въ ПРАГѢ при ближайшемъ участіи:

В. М. Зезинова, В. И. Лебедева и О. С. Минора.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.
Въ Прагѣ и Чехо-Словакии . . .	20 ч. кр.	60 ч. кр.	119 ч. кр.
Во Франціи и Бельгіи	9 фр.	27 фр.	50 фр.
Въ Италиі	12 лиръ	30 лиръ	60 лиръ
Въ Швейцаріи	5 фр.	15 фр.	28 фр.
Въ Германіи	20 мар.	60 мар.	120 мар.
Въ Австріи	125 ав. кр.	375 ав. кр.	725 ав. кр.
Въ Болгаріи	40 лева	120 лева	220 лева
Въ Юго-Славиі	15 дин.	45 дин.	80 дин.
Въ другихъ странахъ	40 ц. кр.	120 ц. кр.	220 ц. кр.

Военнопленнымъ, легионерамъ и обществ. организациямъ скидка 50%.

Подписка принимается только по 1-ое и 15-ое каждого мѣсяца.

За перемѣну адреса уплачивается 1 крона.

Редакція и контора газеты:

Tcheco-Slovaquie, P R A H A I., Uhelny trh. 1. tel. 9802.

Въ УЖГОРОДѢ (Карпатская Русь, Чехословакии)
издается, по четвергамъ,

НАРОДНАЯ ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

„РУССКАЯ ЗЕМЛЯ“

Чековое konto почтовой сберегательной кассы въ Прагѣ
№ 400.863.

Konto въ кредитномъ союзѣ
„Защита Земли“, Львовъ,
№ 2700.

Адресъ:
„RUSSKAJA
ZEMLJA“
UZHOROD.

Masarykova, pl. 4,
Karpatska Rus. C.S.R.

Текущій счетъ въ:
„Zivnostenska Banka“,
Praha.
„Ceska Banka Union“,
Praha.
„Agrarni Banka“,
Uzhorod.
„Самопомощь“,
Ужгородъ.

Подписная цѣна:

Въ Чехословакии, на годъ . . . 30 кс. | Въ Америкѣ, на годъ 3 дол.
на 1/2 года 15 кс. | Въ Германіи — 60 мар.
Въ другихъ государствахъ на годъ 60 кс.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Цѣлая страница 1.200 кс. | 1/2 страницы 600 кс. и т. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1921 ГОДЪ

Годъ издаваніи 3-й.

на ежедневную газету

Годъ издаваніи 3-й.

ОБЩЕЕ ДѢЛО

Редакторъ-Издатель В. Л. БУРЦЕВЪ.

Выходитъ ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣ-
 праздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	на 1 м.	на 3 м.	на 6 м.	на 1 г.
Во Франціи и Бельгii	6 фр.	16 фр.	30 фр.	55 фр.
Въ другихъ странахъ	9 »	25 »	45 »	80 »

Пріемъ подписки и объявленій производится въ Главной Конторѣ
„Общаго Дѣла“, „La Cause Commune“, 142, rue Montmartre, Paris,
и во всѣхъ отдѣленіяхъ и агентствахъ газеты.

1-ый (Рождественскій)

номеръ ежемѣсячнаго библиографическаго журнала

„Русская Книга“

Вѣстникъ русскаго книжнаго рынка подъ редакціей проф. А. С. Яценко

поступила въ продажу 20-го декабря

въ Русскомъ книжномъ магазинѣ «МОСКВА» въ Берлинѣ
и у всѣхъ его представителей.

Цѣна отд. номера — М. 3; во Франціи и т. д. — М. 6;
подписка на 3 мѣс. — М. 9 и М. 18.

Журналъ «РУССКАЯ КНИГА» будетъ давать полные библиографи-
 ческіе обзоры всѣхъ новыхъ русскихъ книгъ и журналовъ, какъ по-
 являющихся за-границей, такъ и въ Совѣтской Россіи; онъ будетъ
 помѣщать статьи по общимъ издательско-библиографическимъ вопро-
 самъ, критическія статьи и краткія рецензіи, удѣлять вниманіе
 событіямъ въ литературной средѣ и давать обзоры русской прессы.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ПОСТУПИТЬ ВЪ ПРОДАЖУ

Календарь-Справочникъ на 1921 годъ

содержащій, помимо обычныхъ календарныхъ свѣдѣній, обширный справочный отдѣлъ: русскія правительственныя и общественныя учрежденія и организаціи въ Европѣ и Америкѣ; учрежденія въ окраинныхъ государствахъ; торгово-промышленный указатель окраинныхъ государствъ; бѣженскіе комитеты, землячества и другія организаціи, объединяющія выходцевъ изъ Россіи; русская пресса и т. п.

Всѣ учрежденія приглашаются прислать подробныя о себѣ свѣдѣнія для бесплатнаго помѣщенія въ Календарь-Справочникъ.

Частныя лица могутъ за плату въ 10 датскихъ кронъ помѣстить свой адресъ въ адресномъ указателѣ „Календаря-Справочника“ и за плату въ 15 кронъ—небольшое объявленіе о розыскѣ родныхъ и знакомыхъ.

Коммерческія объявленія принимаются по слѣдующей цѣнѣ:

Цѣль страница . . .	100	датск. кронъ.
Поль-страницы . . .	65	„ „
Четверть „ . . .	40	„ „

АДРЕСЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

«Л. Г. Пьянковъ и Ко» Гл. Мэнтъ 4, Копенгагенъ, Данія.
L. G. PJANKOFF & Co, Copenhagen, Gl. Mont 4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1921 ГОДЪ

на ежедневную газету

„ ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ “

выходящую въ Парижѣ на русскомъ яз. въ форматѣ большихъ французск. газетъ подъ редакціей прис. повѣр.

М. Л. Гольдштейна.

Собственныя корреспонденты во всѣхъ столичныхъ городахъ
и во всѣхъ центрахъ русской эмиграціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Во Франціи . . .	10 фр.	27 фр.	50 фр.	95 фр.
За-границей . . .	12 фр.	33 фр.	60 фр.	110 фр.

ТРЕБУЙТЕ ВЪ КИОСКАХЪ И У ГАЗЕТЧИКОВЪ

новый журналъ

„РУССКІЙ ЭМИГРАНТЪ“

Въ первыкъ двухъ номерахъ напечатаны, между прочимъ:

А. М. Федоровъ „Двѣ матери“, А. Черный „Въ пути“, Максимилянъ Волошинъ „Китежъ“, Лери „Жизнь эмигрантская“, Игорь Сиверянинъ „На смерть Собинова“, Александръ Дроздова „Мужъ“, Г. Брейтманъ „Коварство и любовь“, Проф. А. Яценко „Юридическое положеніе русскихъ за-границей“. — „Русская печать въ изгнаніи“, *Андрей Соболевъ „На вокзалъ“, Романъ Гуль „Свое и чужое“, И. Новикъ „Личныя воспоминанія о Леонидѣ Андреевѣ“, И. Грязновъ „Русская кооперация за-границей и сѣверный морской путь“, и др.*

Въ каждомъ номерѣ отдѣлы:

Русскіе за-границей. — Голось эмигранта. — Переписка съ Россіей. — Вѣсти изъ Россіи. — Литература и искусство. — Адресный столъ русскаго эмигранта. — Широкий справочный отдѣлъ, и проч.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА:

Въ Германіи: 1 марка 50 пф. | За-границей: 2 марки.

Изданіе кооператива „РУССКАЯ КОЛОНИА“ ВЪ БЕРЛИНѢ
Charlottenburg, Kantstrasse, 122, 2 Tr.

Редакторъ: В. С. ОРѢЧКИНЪ.

Кооперативъ „РУССКАЯ КОЛОНИА“ (БЕРЛИНЪ)

Вышелъ 1-й выпускъ
НОВОЙ

Русской Библіотеки

СОДЕРЖАНІЕ: *Вл. Короленко „Двѣица Настя“.*
— *Валентинъ Горянскій „Уроды“.* — *К. Треневъ „Будочница“.* — *Семень Юшкевичъ „Въ лавочкѣ“.* — *Л. М. Василевскій „Обида“.* — *Андрей Соболевъ „Сказка о платформѣ“.* — *А. Панкратовъ „Б. Царь въ Сибири“.*

Цѣна каждого выпуска 3 марки.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА:

BERLIN-CHARLOTTEBURG 4, Kantstrasse 122, 2 Tr.

Телефонъ: STEINPLATZ 7817.

„РОССІЯ“ большая русская газета въ Софіи выходитъ временно три раза въ недѣлю по: **СРЕДАМЪ, ПЯТНИЦАМЪ и ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.**

въ ГАЗЕТЪ ПРИНИМАЮТЪ БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ :

Проф. П. М. Богаевскій, В. М. Виленскій, проф. Э. Д. Гриммъ, проф. В. В. Завыловъ, В. А. Иловайскій, А. Г. Левейсонъ, писатель П. А. Пилусъ, проф. М. Г. Попруженко, проф. К. Н. Соколовъ, писатель А. М. Федоровъ, Ф. Н. Штиглицъ, проф. А. В. Маылецовъ, проф. Л. Я. Тауберъ и много другихъ.

СПЕЦІАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ во всѣхъ **СТОЛИЦАХЪ ЕВРОПЫ.**

Подписная плата въ мѣсяцъ: для Болгаріи 25 лева, за-границу 32 лева.

Редакція помѣщается : СОФІЯ отель Континенталь № № 276 и 277.

Редакторъ: Редакціонная Коллегія.

Издатель : В. Иловайскій.

„Новая Россія“

еженедѣльный общественно-политическій журналъ по-англійски.

Изданіе Русскаго Комитета Освобожденія въ Лондонѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	6 мѣс.	1 годъ
въ Англій.	15 шил.	30 шил.
за границей	1 ф. ст.	2 ф. ст.

КОНТОРА РЕДАКЦИИ: "The New Russia" 173, Fleet st. London, E.C. 4.

Въ Берлинѣ выходитъ по понедѣльникамъ **ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА**

„ВРЕМЯ“

подъ редакціей Г. Н. Брейтмана.

Особое вниманіе обращено на русскую хронику.

Въ программу газеты входятъ статьи по политическимъ и экономическимъ вопросамъ, злободневныя, литературныя и научныя фельетоны, те. критическія рецензіи и театральная хроника, спортъ, биржа, коммерческій отдѣлъ и т. д. — Одной изъ важныхъ областей въ газетѣ является занимательная беллетристика.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Германіи	4 марки въ мѣсяцъ
Заграницей	6 мар „ „

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

1 марка за миллиметръ, для заказовъ изъ заграницы 2 марки, при повтореніи скидка.

Объявленія принимаются въ конторѣ редакціи, Berlin W 50, Augsburgerstr, 38, и въ Werbezentrale Lloyd G. m. b. H., Bremen.

Съ ноября 1920 г. въ Парижъ выходить
ежемесячный большой общественно-политический
и литературный журналъ

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

при ближайшемъ участіи:

**Н. Д. Ависентьена, И. И. Вуланова, М. В. Вишняка,
А. И. Гужовскаго и В. В. Руднева.**

Журналъ служитъ дѣлу сплоченія демократическихъ силъ Россіи
вокругъ лозунговъ: возрожденіе русской культуры; преодоленіе
большевизма; воссозданіе свободной Россіи на началахъ, провоз-
глашенныхъ мартовскою революціей 1917 года.

Адресъ Редакціи: 9bis, rue Vineuse, PARIS (XVIe)

Téléphone: PASSY 89-81

Подписка, продажа и приемъ объявленій въ книжномъ магазинѣ:

J. Povolozky, 13, rue Bonaparte, PARIS (VIe)

Téléphone: GOBELINS 53-62

Подписная цѣна на каждыя 3 мѣсяца:

во Франціи 30 фр.

въ другихъ странахъ заграничней . . . 33 фр.

Отдѣльныя книжки въ продажѣ во всѣхъ большихъ книжныхъ
магазинахъ Европы и Америки.

Цѣна отдѣльной книжки журнала 10 фр.

Съ пересылкой заказной бандеролью . . 11 фр.

Цѣна объявленій: страница — 400 фр.; полъ-страницы — 225 фр.

АВТОРОВЪ присылаемыхъ рукописей Редакція проситъ обозначать точный адресъ
и фамилію, съ указаніемъ и вностранной ея транскрипціи для почтовыхъ сношеній.

Рукописи безъ обозначенія фамили и адреса автора къ напечатанію не принимаются.
Статьи подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленіямъ и сокращеніямъ по усмо-
трѣнію Редакціи.

Непринятые рукописи возвращаются авторамъ по востребованію.